This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

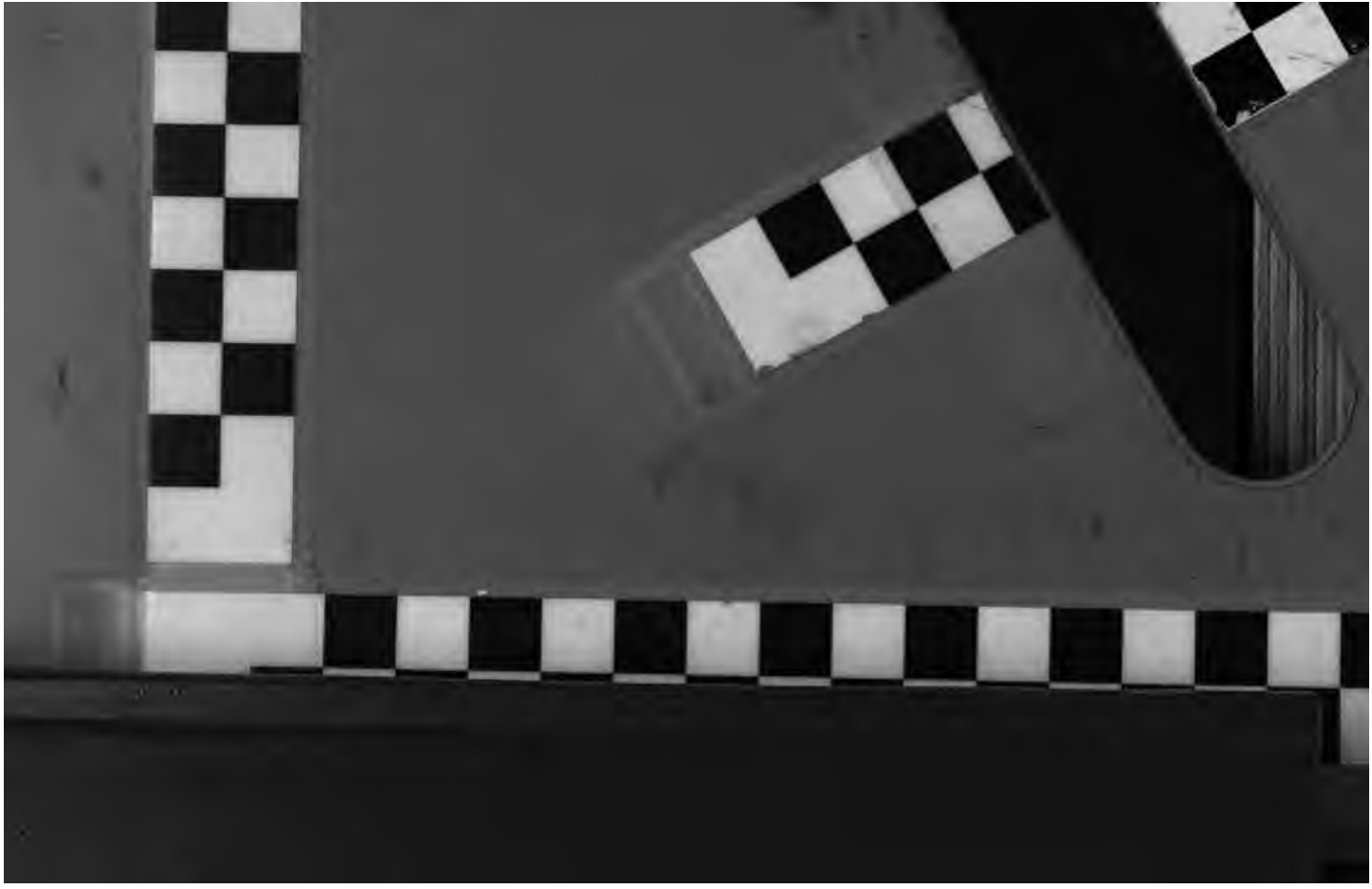
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

1141ч/71 2 экз. МРВ

ХОРОШІЕ ЛЮДИ.

— Извините, любезный, что я щеголяю въ томъ, въ чемъ спалъ.
— Помилуйте, я считаю за счастіе, что видѣлъ...

Gorskiĭ, P.

САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

ПЕТРА ГОРСКАГО.

Дд
Г-70

I.

Изъ книгъ
А.В. Кокорева

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе В. Е. Генкеля.

1864.

2 + Мк

PG3337
G64 S3
1864
v.1-2

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 14 августа 1863 г.

Въ типографіи В. Спиридонова и К°.

ДЕНЬ НА БИРЖѢ, НОЧЬ НА КВАРТИРѢ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОЛОДНАГО ЧЕЛОВѢКА.

—

Я просто-на-просто разскажу одинъ изъ эпизодовъ моей скитальческой жизни въ отставкѣ. На тернистомъ моемъ поприщѣ встрѣтились мнѣ два пріятеля, которые отличнѣйшимъ образомъ подгадили мою и безъ того незавидную карьеру. Можетъ быть, читатель пожелаетъ узнать какая карьера иногда ожидаетъ отставнаго чиновника, безъ пенсіи, безъ всякихъ средствъ жизни, безъ особенныхъ знаній, кромѣ краткой россійской ариѳметики или грамматики, и, наконецъ, безъ гроша въ карманѣ? А вотъ какая: опредѣлиться въ Сенатъ на девять рублей девяносто-три копѣйки мѣсячнаго жалованья, поступить въ полкъ, на какихъ случится правахъ, если откроется война, или занять какую-нибудь частную должность *управляющаго всѣмъ дворомъ* дома, или, скопивши рубликовъ десятокъ, надѣлать къ Рождеству елокъ, выручить за нихъ рублей двадцать и пуститься въ другой промыселъ, то-есть продавать размалеванныхъ херувимовъ, бумажныхъ плясуновъ по пятачку штука въ какой-нибудь апраксинъ или щукинъ, да и то когда они отстроятся. Но, чтобъ достигнуть этой

блистательной карьеры, надо пока перебиться какъ-нибудь, особенно въ нашу милую петербургскую осень или зиму, въ которыя слабые здоровьемъ бѣдняки мрутъ какъ мухи. Если енотовыя, лисьи и иныя другія-прочія шубы не могутъ согрѣть тѣла въ лихіе двадцати-градусные морозы; если никакія непромокаемыя калоши, пальто не могутъ предохранить человѣка отъ осеннихъ изморозей, дождей, слякоти и всякой пакости, то чего же ожидать отъ какого-нибудь пальто, подбитаго уксусомъ? А поэзія сырыхъ и холодныхъ квартиръ, съ угаромъ, плѣсенью по стѣнамъ, снѣгомъ по угламъ, со всѣми прелестями? Слѣдовательно, чтобъ добиться порядочной карьеры игрушечныхъ дѣлъ мастера, или сенатскаго чиновника, необходимо какъ-нибудь перебиться въ холодныя времена года.

Счастливецъ тотъ, кто еще страдаетъ какой-нибудь ломотой, или непритворнымъ ревматизмомъ, колотьями: его примутъ хоть въ больницу. Наше попечительное начальство даетъ пріютъ, пищу, леченіе—будь только боленъ.

А если и этого нѣтъ, если ты, какъ Собакевичъ, сѣтуешь на судьбу, что ни разу не былъ болѣнъ, что тогда? Тогда горе! Петербургская осень, или зима, послѣ долгихъ лѣтъ цвѣтущаго твоего здоровья, когда-нибудь тебя такъ подкоситъ, что тебя сразу положатъ, сначала въ чахоточную палату въ больницѣ, потомъ—въ ванную, для болѣе удобнаго окончанія твоей карьеры, а оттуда пропрутъ въ трупярню. Лѣтомъ другое дѣло: у бѣдняка готовыя квартиры въ александровскомъ и петровскомъ паркахъ. Всѣ удобства: тѣнь отъ елокъ, вода изъ крѣпостнаго рва, изъ прудовъ, покрытыхъ плесенью; трава—вмѣсто постели. Можно вдвоемъ сговориться такъ: пока одинъ спитъ, другой карауллитъ твою шапку, сапоги, чтобы ихъ какъ-нибудь не сдуло

вѣтромъ... Другой заснулъ—ты его караулишь, и т. д. Имѣешь десять копѣекъ, тебя прекрасно покормятъ щами и кашей въ благодѣтельномъ демидовскомъ заведеніи. Остальной пятачокъ ты можешь истратить на *предметы роскоши:* купить десятокъ папиросъ... Я знаю лавочку близъ парка, гдѣ десятокъ можно купить за три копѣйки. Вотъ ужъ у тебя въ теченіе дня скопилось остаточныхъ суммъ двѣ копѣйки, за которыя въ обжорномъ ряду, на сытномъ рынкѣ, тебѣ дадутъ полфунта чернаго хлѣба, нарѣжутъ четыре кусочка рубцовъ и польютъ все это безплатно разведеннымъ хрѣномъ!.. Я когда-нибудь напишу, какимъ образомъ можно прожить *въ нищѣ и роскоши,* за пятнадцать копѣекъ въ сутки: пить, ѣсть, курить, имѣть квартиру, двѣ бани въ мѣсяцъ,—а теперь продолжаю.

Чтобы мой правдивый разсказъ не показался инымъ очень благонамѣреннымъ людямъ щекотливымъ, я долженъ сдѣлать малюсенькую оговорку: всѣ мы, какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники—съ лѣнцой, или правильнѣе, кромѣ пройденной нами службы, не умѣемъ ни за что приняться. Воспитаны-то мы всѣ въ скорохватку: ни одной отрасли знаній основательно не изучили, отчасти по своей лѣности, отчасти по предразсудкамъ нашихъ милыхъ папенекъ и маменекъ, которые въ коронной службѣ только и видѣли свѣтъ Божій... Вмѣсто того, чтобъ чему-нибудь научить насъ основательно, они совали насъ въ разрядныя *образцовыя школы,* лишь бы спихнуть съ рукъ на казенные хлѣбы, да научить насъ всему понемножку для полученія чина, или диплома, дающаго право на занятіе извѣстной должности.

Получивши кой-какой внѣшній лоскъ, нахватавшись верхушекъ, мы поступили прямо на службу, то-есть опять на готовые хлѣбы...

свое прошлое, взвѣсили, чѣмъ мы можемъ снискивать хлѣбъ, къ чему способны? Въ результатѣ оказалось, что мы ровно ни къ чему неспособны, кромѣ какъ снимать копіи съ бумагъ, или маршировать подъ барабанъ. Вотъ этакая толпа людей, безполезныхъ для себя и для государства, бросилась искать должности, *какого - нибудь мѣста.*

Но число должностей, вслѣдствіе разумныхъ причинъ, вдвое уменьшилось, число претендентовъ на мѣста утроилось, а матушка-протекція осталась въ прежней силѣ: она не можетъ быть искоренена никакими мѣрами правительства, она далеко пустила корни въ нашей почвѣ. Она родня мѣстничеству, какъ мѣстничество выродокъ споровъ за старшинство родовъ. Вотъ всѣ и стали жаловаться на бѣдность, пенять на какія-то несправедливости, искать причины бѣдствій не въ своихъ ошибкахъ, не въ родимой лѣни и привычныхъ предразсудкахъ, а въ причинахъ внѣшнихъ... Вотъ наполнились столицы праздношатающимися, благодѣтельныя учрежденія—просьбами о пособіи.

Ни одно государство, кромѣ развѣ Англіи, не имѣетъ такого множества благотворительныхъ учрежденій для пособія бѣднымъ, больницъ, богадѣленъ, пріютовъ; но при всемъ этомъ они не могутъ удовлетворить просьбамъ даже четвертой доли всѣхъ истинно-нуждающихся. Притомъ, какія вы придумаете мѣры для отличія истинной бѣдности отъ притворной, буквальной нищеты отъ условнаго недостатка; малыхъ, обыкновенныхъ для большинства лишеній отъ большихъ?

У насъ какъ-то въ крови слишкомъ цѣнить свои заслуги. Всякій, прослужившій пять-шесть лѣтъ, требуетъ непремѣнно пособій, словно онъ и Богъ знаетъ какую заслугу оказалъ отечеству, что проскрипѣлъ пять-шесть лѣтъ

перомъ, или промаршировалъ на плацу. Прошу яснѣе понять мою мысль и не смѣшивать правила съ исключеніями!...

Все это я велъ къ тому, чтобъ показать читателю, особенно благонамѣренному, что мой разсказъ вовсе не какое-нибудь преднамѣренное изображеніе несуществующихъ у насъ бѣдствій, а правдивый, истинный разсказъ.

—

Человѣкъ я очень маленькій: чинъ такой, что можно иной разъ и на биржѣ поработать за тридцать копѣекъ въ день, и грязь въ мѣшкахъ потаскать изъ петербургскихъ рѣчекъ и каналовъ за шестьдесятъ копѣекъ. Чтобъ повернуть колесо фортуны въ свою сторону, я непрочь былъ и колесо вертѣть для вычерпыванія бадьями ила изъ какой-нибудь Мойки...

Но все-таки мой ничтожный чинишка, не принося мнѣ ни малѣйшей пользы, препятствовалъ опредѣлиться, напримѣръ, въ дворники, въ приказчики къ лавочнику, въ десятники, хоть-бы въ толико-полезное городу водопроводное общество и т. п. Манеры, облагороженныя службой, или, правильнѣе, воспитаніемъ, какая-то глупая застѣнчивость, привычка судить какъ-то по книжному, свысока, а не попросту, помужицки—все это во мнѣ обличало чиновника, все это препятствовало заработывать мнѣ кусокъ хлѣба черной работой. Какъ я ни поддѣлывался подъ мужицкій складъ рѣчи, подъ простонародный образъ сужденій—отъ меня такъ и несло желчной ироніей Гоголя, воззрѣніями Тургенева, риѳмованными слезами Некрасова и т. п. Опишу прежде всего мою попытку работать на голандской биржѣ.

Двое сутокъ я не ѣлъ куска хлѣба: у квартирной хозяйки попросить было совѣстно, въ лавкѣ не вѣрили ни

на полушку, протянуть руку за милостыней было для меня тяжелѣе смерти, и я рѣшился на другое утро, во что бы то ни стало, отправиться на голандскую биржу.

Помню какъ теперь, дѣло было въ маѣ. Завалившись съ десяти часовъ на полъ занимаемаго мною угла (у меня постели не было), я легъ на засаленную свою шинель и укрылся оною... Хозяйка, сварливая, озлобленная старуха, посмотрѣла на меня какъ-то презрительно, и, полагая что я заснулъ, начала бесѣдовать съ другой старухой:

— Вотъ нищаго держимъ! его пора въ-зашей!...

— Да что съ нимъ проклажаться, Семеновна! иди въ кварталъ, завтра же и вытурятъ... Прошелъ, чай, срокъ-то?

— Ужъ онъ мнѣ задолжалъ рупь!...

— Ну, и турни его! еще, пожалуй, обокрадетъ...

Такъ озлобленные нуждой люди терзаютъ другъ друга тогда какъ капля участія сколько бы нибудь облегчила взаимное горе.

Слезы навернулись у меня на глазахъ, но они заѣли, какъ дымъ, не пролились, засохли, поэтому не могли облегчить души... Мнѣ было тѣмъ нестерпимѣе это слышать, чѣмъ менѣе я заслуживалъ такого ругательства. Тутъ было все: оскорбленіе чина, хоть и малаго, неуваженіе къ званію, купленному кровію моихъ предковъ...

Тѣмъ болѣе это было обидно, что старухи знали кто я; знали изъ разсказовъ жизнь мою, службу, исторію предковъ. Онѣ знали, что я не сплю, говорили съ умысломъ, чтобъ уколоть меня, чтобъ скорѣе выгнать изъ квартиры. Тѣмъ было горьче для меня, что онѣ знали мою честность, оставляли незапертыми сундуки съ вещами и деньгами, знали, что я не возьму ихъ.

Ко всему этому присоединялось предчувствіе, что я,

вынужденный муками голода, могу дѣйствительно украсть что-нибудь, могу дѣйствительно оправдать мерзкое о себѣ мнѣніе. Кромѣ того, я такъ палъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, до того потерялъ увѣренность въ своихъ силахъ, въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, что мнѣ даже нельзя было утѣшиться гордостію невиннаго страдальца, нельзя было идеализировать моего положенія.

Грубость, невѣжество, нравственное очерствѣніе этихъ двухъ глупыхъ, наглыхъ старухъ окончательно убивали во мнѣ вѣру въ достоинство человѣка...

Но главное—онѣ такъ явно, такъ ясно, безъ всякихъ декорацій, разоблачили настоящее мое положеніе, что я пришелъ въ ужасъ, словно очнулся въ забитомъ на-глухо гробу... Никакой надежды впереди: два дня не ѣлъ; ноги, почти былъ увѣренъ, не дотащатъ меня такъ рано, въ четыре часа утра съ Выборгской на биржу... Сапожишки со стоптанными каблуками растерли ноги въ кровь... Волдыри на подошвахъ и на пальцахъ... Ни родныхъ, ни знакомыхъ въ городѣ; однимъ словомъ—въ громадномъ Петербургѣ, биткомъ набитомъ богачами, благотворителями, тысячью благотворительныхъ учрежденій, я боялся умереть отъ голоду, словно въ какой-нибудь барабинской степи. Ужасно!... Не дай Богъ врагу быть въ такомъ положеніи! Даже въ больницу нигдѣ не принимали, потому что ничего не болѣло. Притворяться было совѣстно, да и не умѣлъ, когда даже попробовалъ—принимающій докторъ сейчасъ это замѣтилъ и, не справясь даже о моемъ чинѣ и званіи, сказалъ грубо:

— Убирайся, братецъ! что, ты думаешь обманешь кого-нибудь? Ступай, ступай, пока не прогналъ...

Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ: подъ ложечкой сверлило, словно какой камень туда былъ вложенъ; хотѣ-

лось бы, какъ высокаго блаженства, облегчающихъ слезъ, но и слезы не текли... Кости тѣла, нажимая на голый почти полъ, какъ-то болѣли.. Кромѣ того, ожигали то тутъ, то тамъ мелкія, увертливыя блохи... Чесалось то тамъ, то тутъ отъ извѣстныхъ причинъ, а бѣлья было смѣнить не чѣмъ... Господи!.. это адъ, а не жизнь!.. Нѣтъ ужаснѣе наказанія въ мірѣ—чувствовать себя такъ нравственно униженнымъ, пресмыкаться въ сору, въ грязи!...

Стало смеркаться. Старухи, привыкшія ложиться спать вмѣстѣ съ курами, начали клевать носомъ. Долго онѣ пересуживали, бормотали о своихъ грошахъ, кого-то судачили, наконецъ разговоръ началъ дѣлаться вялымъ, отрывочнымъ.

— Не пора ли, мать моя, поужинать; мнѣ завтра рано-ранешенько нужно идти на фабрику.

— Почемъ за сутки?

— Шестьдесятъ копѣекъ,—волосъ щиплемъ.

Загремѣла заслонка; Семеновна достала изъ печки горшокъ подогрѣтыхъ щей. Лукинишна застилала треногій столъ сѣрой, какъ солдатскій набрюшникъ, салфеткой. Запахъ разогрѣтой говядины, бултыхнувшей въ миску, паръ отъ горячихъ щей такъ пріятно защекоталъ мои ноздри, такъ страшно раззадорилъ мой и безъ того волчій апетитъ, что мнѣ стоило многихъ надъ собою усилій, чтобъ удержаться отъ просьбы. Господи! съ какимъ бы райскимъ наслажденіемъ я поѣлъ теперь чего–нибудь горячаго. Мнѣ казалось въ эту минуту, что я одинъ бы выхлебалъ цѣлый горшокъ, потомъ съѣлъ бы фунта два мягкой, сочной говядины съ хрѣнкомъ, съ теплымъ хлѣбцемъ... Воображеніе голоднаго рисуетъ удивительно соблазнительныя картины, не хуже чѣмъ жаждущаго путника, заблудившагося въ какой-нибудь Сахарѣ. Только, вмѣсто миражей,

изображающихъ стоящіе на горизонтѣ города и рощи съ синими холодными водами, рисуются столы, уставленные вкусными похлебками, противни съ жареными гусями, поросятами, сальцисоны, окорока, пироги, кулебяки съ превосходной начинкой и тому подобныя прелести... Я ужъ было приподнялся съ полу, чтобъ попросить хоть кусочикъ хлѣбца, хоть двѣ ложечки щей, но чего-то недоставало для полной рѣшимости.—Чтожъ такое, думалъ я:— тутъ ничего нѣтъ дурнаго... И я былъ когда-то человѣкъ, и я дѣлился кускомъ хлѣба, даже деньгами, съ прибѣгавшими ко мнѣ за помощью. Но слышанныя за минуту оскорбленія, сознаніе своего благородства, такъ старательно отъ колыбели вколоченное въ насъ чинолюбивыми родителями, словно канатомъ удерживали меня отъ *унизительной* просьбы... Да, въ этихъ случаяхъ, человѣкъ, благородный во всѣхъ отношеніяхъ, развитый на столько, что не можетъ не понимать своего превосходства надъ всякимъ человѣческимъ отребьемъ, испытываетъ тройную, десятерную пытку. Въ эти горькія минуты кажется, что милые наши наставники, мамаши, папаши нарочно цѣлый десятокъ лѣтъ пичкали наши головы разною дрянью, чтобъ отравить наши грядущіе годы всевозможными мученіями.

Страшно перейти отъ паркетныхъ половъ, роскошныхъ обѣдовъ, отъ комфорта къ земляному полу, къ курной избѣ съ тараканами, къ демидовской похлебкѣ съ лучинами и мочалками вмѣсто рыбы и говядины!.. Борьба голода со стыдомъ такъ были во мнѣ сильны, что я нѣсколько разъ во время ужина приподнимался съ полу и падалъ въ изнеможеніи. Вотъ уже и надежда похлебать щей исчезла, вотъ уже старухи зачавкали, пережевывая деснами говядину, а я все еще боролся самъ съ собой, все еще не рѣшался попросить хоть корки хлѣба. Когда

кончился ужинъ, и старушки, легонько рыгая и икая, осѣняли уста крестнымъ знаменемъ, чувство досады на самого себя, на свою оплошность начало снова терзать меня!

Боже мой! то стыдно попросить поѣсть, то жаль упустить такой удобный случай подкрѣпиться пищей, то надежда, что старухи сжалятся, догадаются, то чувство незаслуженнаго отъ нихъ оскорбленія! Сколько пытокъ для бѣднаго, морально развитаго человѣка! Сцена эта такъ живо врѣзалась въ моей памяти, что я не могу объ ней не распространиться. Напримѣръ, старушонки, ужиная, вели самый благочестивый разговоръ, который потому и врѣзался въ памяти, что его истины, слишкомъ явно, почти нахально противорѣчили поступкамъ. И сколько есть людей въ самыхъ благонамѣренныхъ, въ самыхъ галантерейныхъ слояхъ общества, которые, только-что успѣвши посѣтовать на современное развращеніе нравовъ, въ слѣдующую минуту, словно нарочно, непремѣнно сдѣлаютъ какую-нибудь, хоть легонькую, подлость...

— Господи, какія мы грѣшницы! ужъ третій день къ заутрени не ходили. Надо бъ было маслица къ лампадкѣ купить; все забываю, окаянная; анамеднись заработала цѣлой рупь на волосяной, да Савельичъ проклятый подвернулся! Дай рупь, да дай! Охъ, надо бы намъ старый грѣхъ прикрыть, да все старый бѣсъ не женится.

— Что, онъ таперича не испиваетъ? а то прежде кабаки награждалъ.

— О-охъ! прости наши великія прегрѣшенія! вмѣсто того, чтобы Богу угодить на старость лѣтъ, ведемъ блудную жисть. Въ писаніи написано: алчущаго напитай, жаждущаго напои, а сполняемъ ли мы все ефто въ точности?

— Не дать ли ему штецъ; вѣдь онъ, просто околѣваетъ; неравно чтобъ случай не приключился....

— Ну его къ чорту, прости Господи! какой-нибудь пьянчуга-мазурикъ, не во осужденіе будь сказано... Что, мы подрядились что ли кормить всякаго приблудящаго? Пусть околѣваетъ!..

Хоть это было говорено въ-полголоса, но я все ясно слышалъ.

Когда у голоднаго, убитаго человѣка разстроены нервы, слухъ его дѣлается удивительно чуткъ, и онъ по малѣйшему звуку угадываетъ цѣлую фразу, смыслъ цѣлаго разговора. Это вторичное безвинное оскорбленіе уже не вскипятило моей желчи, не заставило даже въ мысляхъ накинуться на ближнихъ; напротивъ, видя до чего могутъ быть гадки, низки люди, я углубился въ самого себя и съ какимъ-то сожалѣніемъ, близкой роднѣ презрѣнію, сталъ думать о старухахъ. Ты, думалъ я, теперь такъ гадка и тѣломъ и душою, такъ жадна ты, старая блудница, такъ грызешь, терзаешь и безъ того истерзаннаго человѣка, Богъ вѣсть за что; а не знаешь того, что черезъ какія-нибудь двѣ-три минуты тебя скоробитъ, сведетъ, какъ кору на полѣнѣ, брошенномъ въ огонь. Ты зашипишь, затрещишь, какъ эта шкурка на дровахъ, будешь молить, чтобъ черти не вытащили изъ тебя твою дрянную душонку, но никакія призыванія, никакіе обѣты не могутъ отвратить закона природы: ты, какъ дрянная гнилушка, должна скоро свалиться въ могилу!

Не смотря на нѣсколько высокопарный слогъ, пророчество сбылось: старушонка черезъ полгода умерла. И какъ ни карючилась, а отъ смерти отвертѣться не могла.

Встрѣчая такіе безобразные наросты на человѣчествѣ, горько, обидно становится не за себя—что̀ я, дрянь! — а за все человѣчество...

Какъ эти мрачныя мысли ни были утѣшительны въ

моемъ безутѣшномъ положеніи, однако, когда убирали со стола ужинъ—физика взяла верхъ и мною овладѣло глубокое отчаяніе.

Если вы, читатель, были когда-нибудь влюблены, и съ глубокой тоской, съ сдержанными рыданіями провожали любимую дѣвушку на кладбище, вы мнѣ повѣрите, что я точно также, конечно мысленно, провожалъ горшокъ съ остатками щей, выносимый Семеновной. Я со слезами на глазахъ уже видѣлъ, сквозь отворяемую дверь, какъ дожидалась подачки, помахивая пушистымъ хвостомъ, такая же голодная, какъ я—жучка. Надо замѣтить, что одинаковость жребія сблизила меня съ ней, и, за неимѣніемъ знакомыхъ въ Петербургѣ, я свелъ съ ней довольно короткое знакомство...

Напримѣръ, я приносилъ собственно для нея, чтобъ сдѣлать ей сюрпризъ, нѣсколько обглоданныхъ корокъ изъ демидовскаго заведенія и вообще дѣлился съ нею чѣмъ могъ. Она мнѣ тоже платила взаимностью и, ставши на заднія лапы, клала переднія на мои плечи. Когда я окончательно распрощался съ надеждою поужинать, меня началъ мучить съ новою силою созрѣвшій въ головѣ планъ. Я сквозь прорѣху въ пальтишкѣ подглядѣлъ, что въ ящикъ стола были спрятаны три обглоданныя корки хлѣба. Тутъ воображеніе начало рисовать передо мной все блаженство, съ какимъ бы поѣлъ я этихъ корокъ... Никакія въ мірѣ сочныя жаркія, таящіе во рту пирожки и пирожныя, благоухающія изъ дорогихъ фруктовъ желе, не могли бы въ эту минуту показаться мнѣ такими вкусными, какъ эти корки... Чтожъ, думалъ я, все равно—ихъ выбросятъ, такъ отчего же не воспользоваться? Но въ эту минуту меня огорошилъ раздавшійся изъ глубины души вопросъ: а это не будетъ воровство? Тутъ разсудокъ, желанія, подстрекаемыя голо-

домъ, словно искусные адвокаты, начали доказывать разуму, задавшему вопросъ, что это вовсе не воровство. Въ душѣ моей поднялся какой-то споръ, словно въ англійскомъ парламентѣ, во мнѣ, одномъ бушевало нѣсколько хозяевъ съ равными правами, направляя волю то за то противъ проекта. Я то подкрадывался къ столу, то снова ложился потихоньку. Чуть поскребется во снѣ старуха, я сейчасъ притаиваю дыханіе... Ай, поймаютъ? Ай, не поймаютъ! Конечно поймаютъ: жадные старые люди спятъ чутко, боясь, что ихъ обокрадутъ... Да нѣтъ! онѣ спятъ, какъ кирпичи!

Однако, по мѣрѣ возобновленія и усиленія старушечьяго храпа, въ душѣ снова начали роиться надежды поживиться обглоданными корками... я снова подымался, снова какая-нибудь изъ спящихъ переворачивалась на бокъ и я опять ложился на полъ.

Потерявши всякую надежду заснуть и поѣсть, я сѣлъ и началъ потихоньку напяливать сапоги... Въ кровь растертыя ноги многократными путешествіями до того разболѣлись, что надѣть сапогъ не было никакой возможности. Оставалось одно изъ двухъ: или умереть голодною смертью, или идти на биржу. Эта дилема заставила меня преодолѣть всѣ нестерпимыя страданія: я напялилъ сапоги, надѣлъ замасляное, какъ блинъ, пальто, фуражку безъ внутренностей и тихонько пробрался къ двери.

Но какъ уйти середи ночи и оставить двери незапертыми?

Кто нибудь обереть, на меня же падетъ вся вина, да еслибы и ничего не было украдено, старухи заѣдятъ меня за то, какъ я смѣлъ уйти, оставивши двери незапертыми; могутъ даже сочинить, что совершилась пропажа, чтобъ избавиться отъ подозрительнаго, неплатящаго за постой жильца. Тутъ я пустился къ спящей на постелѣ женщинѣ.

— Матушка, Агафья Семеновна! сказал [illegible] голоса, тихонько трогая шестидесятилѣтнюю старуху [illegible] и за прочее.

— Что тебѣ нужно, грѣховодникъ? заворчала она, наконецъ, проснувшись: — что ты затѣваешь, прелюбодѣй этакой! видишь, я старый человѣкъ.

—Я не то, матушка...Запритезамной двери, я хочу уйти.

— Куда тебя чортъ понесетъ спозаранку? Видишь, еще не свѣтало. Еще черти на кулачки не дерутся.

— Мнѣ нужно...

И проклиная меня, что я шляюсь по ночамъ, тревожу ее попусту, старуха заперла за мной двери.

Была ясная майская ночь. Какъ громадный шатеръ раскинулось надъ головой небо, мигая милліонами звѣздъ... Свѣжій холодъ пробиралъ до костей... Какъ неподвижное стекло лежала въ берегахъ дремлющая рѣка. Вдали грохоталъ гулящій и кутящій до разсвѣта городъ. Подъ Сампсоньевскій мостъ то и дѣло шныряли пароходы, наполненные, какъ боченки сельдями, курящими и стоящими господами, звонко хохочущими среди ночной тишины барынями и барышнями... Все это стремилось въ Матюшкинъ трактиръ, или домой, спать, послѣ усердныхъ возліяній и изліяній. И эта кутящая толпа—ядро петербургскаго населенія, сѣющая депозитки, какъ макъ, на Лизокъ, Машекъ и Матрешекъ, не воображала, что въ эту минуту тысячи мнѣ подобныхъ легли измученными и голодными съ тѣмъ, чтобы опять мучиться, голодать завтра, послѣзавтра, можетъ-быть нескончаемые годы. И эта толпа не воображала, что тысячной доли брошенныхъ ею на сегодняшніе кутежи денегъ съ избыткомъ хватило бы на прокормленіе тысячи голодныхъ сегодня бѣдняковъ. Та же исторія и завтра, и послѣ завтра, и до скончанія вѣка...

Съ полчаса я бродилъ по пустынной набережной; ночные сторожа забивались въ будки, крыльца, впадины калитокъ, какъ мухи въ щели, дремали въ своихъ тулупахъ, изрѣдка постукивая палкой въ каменныя плиты тротуаровъ... На противоположномъ берегу, на Выборгской, темнѣли кирпичныя фабрики, моргая какъ глазами, тысячью зажженныхъ въ окнахъ огней. Что терять время понапрасну? Побреду-ка я лучше къ биржѣ. Миновавши рядъ паршивенькихъ домишекъ Вульфовыхъ улицъ, я смѣло углублялся въ темныя дебри пустынныхъ переулковъ, зная, что съ меня нечего стащить. Сапоги—хоть брось среди улицы, никто не подыметъ; пальтишко—да въ немъ больше дыръ, чѣмъ въ рѣшетѣ, штопать не стоитъ: иголка прорываетъ сукно; о бѣльѣ и говорить нечего—паутина и та прочнѣе... Стало свѣтать. Луна, походящая отчасти на обсосанный лимонъ, ретировалась на западъ, постепенно блѣднѣя, постепенно уступая свѣту, разливающемуся на востокѣ... Вотъ заря начала краснѣть, краснѣть, съ востока потянулъ вѣтерокъ; дремавшія на вѣтвяхъ садовъ птицы начали посвистывать, а городъ еще и не думалъ просыпаться... Два-три часа утра—это пора самаго сладкаго сна... Даже самые отъявленные петербургскіе гуляки или спѣшили домой, или спали, даже позабывши купленныя утѣхи. Въ большихъ домахъ давно погасли огни, за то засвѣтились въ булочныхъ, пекарняхъ, хлѣбняхъ... Ковыляя отъ боли, отъ стоптанныхъ сапогъ, я брелъ по петербургскому Большому проспекту. Съ пятаго часа уже начинается ремесленная жизнь; плотники, столяры, маляры, усердно расплескивающіе краску по тротуарамъ, уже поднялись, уже выползли гурьбой изъ темныхъ подваловъ, харчевень и т. п.

Подкрѣпившись фунтиками тремя хлѣбца, помолясь

на главы открывавшихся вдали церквей, скромные труженики брели по всѣмъ направленіямъ къ Мытному, Тучкову. Каждый несъ свой струментъ: кто топоръ, долото за поясомъ, кто пилу, лопату черезъ плечо, кто что.

Вотъ кто настоящіе-то полезные члены общества, вотъ тѣ, безъ которыхъ не обходится ни одно государство, ни одно общество... Тутъ я задумался на эту тему и до того ужъ замечтался, что самому стало совѣстно.

— Фу! какія высокопарныя, залетистыя мечты въ головѣ ободраннаго, отрепаннаго, голоднаго чиновничишки, бредущаго въ рубищѣ на биржу работать, чтобъ не умереть съ голода!..

При послѣдней мысли я упалъ, словно съ облаковъ въ грязь; вся горькая существенность, вся безотрадная будущность, отсутствіе какихъ-либо надеждъ на лучшее— вмигъ предстали предо мной во всей наготѣ, наголо, безъ подкраски...

— Сторонись, сторонись, ворона! и съ этими чьими-то словами я отлетѣлъ на поларшина въ сторону отъ сильнаго толчка какого-то саженнаго дѣтины, поспѣшавшаго куда-то съ ведромъ краски.

Проходя мимо демидовскаго пеньковаго буяна, я вздумалъ было наняться за шестьдесятъ копѣекъ таскать кули съ пенькой!

— Нельзя ли здѣсь наняться на заработки? спросилъ я какого-то мужика.

— Нѣтъ, здѣсь работаютъ артелью. Сюда можно только попасть по знакомству съ прикащикомъ, по протехцеѣ.

Боже мой, Боже мой! и тутъ-то нужна протекція, подумалъ я. Подойдя къ Мытному перевозу, я, вмѣстѣ съ пятерыми мужиками, сталъ-было садиться въ лодку, чтобъ переправиться на биржу.

*

— А копѣйка-то есть? подавай копѣйку-то! сказалъ перевозчикъ.

Словно кто ножомъ въ сердце ударилъ меня, когда я вспомнилъ, что у меня нѣтъ даже и копѣйки.

— Пошолъ, пошолъ! ишь ты, мазурикъ какой! хотѣлъ на шармака прокатиться!

И, сопровождаемый общимъ хохотомъ перевозчиковъ, я побрелъ съ окровавленными ногами отъ Мытнаго. Надо было отсюда колесить черезъ Тучковъ мостъ, чтобъ попасть на голландскую биржу.

Боль отъ растертыхъ въ кровь волдырей, боязнь опоздать, потому что больше извѣстнаго числа поденьщиковъ не примутъ; досада, что не пошелъ прямо на Тучковъ мостъ— все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ сдѣлать еще горьчѣе мою и безъ того горькую участь...

Придя на мѣсто въ половинѣ шестаго, я еще не опоздалъ, потому что работа начинается съ семи утра.

Какъ рой пчелъ жужжала громадная толпа близъ рѣшотки, ведущей на пристань, въ ожиданіи, пока дойдетъ очередь записаться въ поденьщики на сегодняшній день.

Какихъ тутъ не было фигуръ! Господа литераторы, очень любящіе описывать жизнь въ раззолоченныхъ салонахъ, роскошныхъ будуарахъ, лучше потрудились бы встать часа въ четыре, въ пять, въ лѣтнее утро, да отправиться на голландскую биржу, чтобъ описать тамошнихъ поденьщиковъ. Какихъ тутъ не было фигуръ! Вотъ одинъ господинъ съ двумя синяками подъ глазами, съ припухшей щекой. На немъ не сюртучишка, не штанишки въ родѣ моихъ, а какія-то безобразныя лохмотья, сквозь которыя, начиная отъ затылка до пятокъ, просвѣчивало тѣло. На немъ не было панталонъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ всѣ понимаютъ, а больше ничего, какъ засаленная сукон-

ная тесьма, обвивающая ноги. Значительно повыше колѣнокъ, сквозь огромную прорѣху, сверкало тѣло... Какое-то страшное, нѣмое отчаяніе выражалось на лицѣ его, покоробленномъ безсонными ночами, пьянствомъ безъ просыпу и безпрерывными страданіями. Съ невыразимою тоской глядѣлъ онъ на бабъ, продающихъ сѣрые, какъ солдатскій набрюшникъ, двухкопѣечные пироги: видно было, что онъ, сердечный, готовъ былъ проглотить не только всѣ пироги, даже самую бабу съ корзинкой, со всѣмъ. Мужички въ синихъ засаленныхъ отъ поту рубашкахъ, какъ болѣе привыкшіе къ трудовой жизни, болѣе предусмотрительные, покупали пироги, булки, попивали сбитенекъ, усѣвшись въ рядъ по краямъ тротуаровъ. Въ этой толпѣ тоже бродилъ какой-то ощипанный сюртучекъ, съ распухшей, лоснящейся физіономіей, напоминающей печеное яблоко.

Я, вѣроятно, тоже служилъ предметомъ наблюденій для такого же понюхавшаго цивилизаціи и знакомаго съ удобствами барской жизни бѣдняка, какимъ былъ самъ. Дѣйствительно, въ толпѣ этого сѣраго, грязнаго народа мелькали какіе-то блѣдные, изможденные страдальцы, съ облагороженнымъ выраженіемъ лица.

При смѣшанномъ говорѣ тысячи голосовъ раздавались голоса торговцевъ: «Сбитеньку, сбитеньку! Кавалеры подходи!», «Солдатъ, солдатъ! на грошъ горла отрѣжу!», «Сердца горячаго, сердца!» гнусила баба, у которой изъподъ сѣрой тряпки, прикрывавшей горшокъ, валилъ столбомъ паръ, страшно раззадоривающій аппетитъ. «У меня горячѣе!» пищала молоденькая бабенка и толпа небритыхъ отставныхъ солдатъ, запустивъ пальцы въ горшокъ, испытывала достоинство бульона. Но всего непріятнѣе, разумѣется для гг. чистоплотныхъ, выглядывали рубцы... На

дурно промытой шкурѣ лежала слоемъ грязь, а въ самомъ отрѣзѣ зеленѣли разныя разности, не выскребенныя изъ кишокъ... Въ числѣ прочихъ, я вошелъ въ какую-то высокую со сводами комнату, чтобъ записаться поденщикомъ.

Писарь, въ засаленномъ сюртукѣ, со всѣми признаками невоздержанія, въ видѣ пятенъ и подтековъ, вписывалъ фамиліи, вымышленныя и настоящія, смотря по тому, стыдился ли поденьщикъ работать на биржѣ, или нѣтъ. Между облагороженными физіономіями мелькали передо мной даже такія, которыя я гдѣ-то видѣлъ, когда-то зналъ, только когда и въ какомъ мѣстѣ—неизвѣстно...

— Не сидѣлъ ли этотъ господинъ въ числѣ прочихъ господъ за столомъ, заваленномъ бумагами, въ нѣкоей свѣтлозеленой комнатѣ, обстановленной форменными желтыми шкапами?.. Не видѣлъ ли я этого господина, брянчавшаго шпорами на балѣ у моихъ знакомыхъ?... Физіономія—двѣ капливоды...

Такія мысли приходили мнѣ въ голову, при встрѣчѣ съ лицами очень знакомыми... Нѣкоторыя изъ нихъ и на меня посматривали пристально, словно хотѣли спросить: не вы ли такой-то? Но я тотчасъ отворачивался въ сторону или уходилъ въ толпу. Писарь, вписавши фамилію въ книгу, выдавалъ жестяную марку, съ которою насъ пропускалъ таможенный солдатъ за рѣшотку на пристань. На меня до-сихъ-поръ производятъ самое непріятное впечатлѣніе желтыя, грязныя съ арками зданія у биржи, для храненія оптовыхъ товаровъ, эти испачканныя углемъ, обтертыя спинами стѣны; надписи дѣловаго и неблагопристойнаго содержанія, зубчатые съ выбоинами каменные полы, вѣчно обсыпанные синькой, сухой краской, разбросанные всюду клочки ваты, тюки, бочки, зашитыя

въ рогожи, на которыхъ ярко рябятъ въ глаза надписи.

Стражъ съ ендовой на головѣ, въ травяномъ сюртукѣ, такомъ узкомъ, что пуговицы лѣзли на носъ, началъ насъ поодиначкѣ пускать на пристань. Тутъ открылась для меня довольно новая картина: корабли, обступившіе со всѣхъ сторонъ голландскую пристань, стояли такъ плотно одинъ къ другому, что по ихъ палубамъ можно было безъ труда добраться до противоположнаго берега. Какъ густая паутина закрывали весь небосклонъ корабельныя снасти. На палубахъ, загроможденныхъ множествомъ товаровъ, тюковъ, бочекъ, земледѣльческихъ машинъ, ящиковъ съ фруктами, толпились флегматическіе голландцы въ своихъ неуклюжихъ кожаныхъ панталонахъ, съ вѣчными рыже-бѣлокурыми волосами и бараньимъ выраженіемъ глазъ... Пусть бы поклонники всего европейскаго, приходящіе въ ужасъ отъ неотесанности русскаго мужика, поглядѣли на голландца, болѣе похожаго на барана, чѣмъ на человѣка.

На самой пристани всевозможные товары стояли цѣлыми горами; между ними суетились, какъ муравьи, работники, носильщики, такъ-называемые дрягили. Тамъ и сямъ были разбросаны телѣжки на маленькихъ деревянныхъ колесахъ такой грубой, тяжелой конструкціи, словно онѣ были сдѣланы во времена Іоанна Грознаго.

И на этой-то неуклюжей телѣжкѣ, которую одну-то насилу стащить, поденьщики, за 25 коп. въ сутки, таскаютъ, возятъ двѣнадцать часовъ сряду громадныя тяжести. И никому изъ негоціантовъ, загребающихъ милліоны чужими руками, не придетъ на умъ проложить хоть рельсы отъ воротъ пристани до всѣхъ пакгаузовъ, а эти допотопныя телѣжки замѣнить другими, которыя ходили бы по рельсамъ.. Разинувши ротъ и не зная, за какую работу при-

няться, я безсмысленно смотрѣлъ на этотъ суетящійся вокругъ меня людской муравейникъ.

— Ты что голубей-то считаешь? сказалъ мнѣ какой-то черный какъ голенище солдатъ, толкнувши меня въ спину. Иди телѣжки мазать!

— Кто ко мнѣ, кто ко мнѣ? кавалеры, подходи на работу.

— Ну, пойдемъ на третій штабель! я вижу, что ты— ворона...

И съ этими словами дрягиль третьяго штабеля повелъ меня къ телѣжкамъ.

— Чтобы всѣ восемь телѣжекъ были сейчасъ вымазаны, а не то прогоню въ шею за ворота! Живо!

И съ этими словами, онъ меня такъ толкнулъ, что я чуть не клюнулся носомъ въ баклагу съ дегтемъ.

Скрѣпя сердце, я принялся мазать колеса дегтемъ. Во всю свою жизнь мнѣ не приходилось заниматься такой работой. Я попробовалъ было просить у дрягиля другой работы, но стоящіе вблизи поденьщики только захохотали.

— Экая нѣженка! экая бѣлоручка! говорили они:— вѣрно сложа ручки лучше сидѣть, да другихъ посылать на работу! Не прикажете ли васъ посадить въ большущія хоромы, да сахарцемъ кормить? Что прикажете, ваша высокосвѣтлость? говорили нѣкоторые, насмѣшливо мнѣ кланяясь. Насмѣшники видимо догадывались, что я не ихъ поля ягода; я боялся, что узнаютъ кто я, а это для меня было хуже смерти.

Красный какъ ракъ отъ стыда, я безсознательно тыкалъ мазилкой въ баклагу. Съ каждымъ моимъ неловкимъ движеніемъ, обступившая меня толпа принималась хохотать.

— Ну полно, полно, ротозѣи! рады, что дурака нашли! Пора за работу!

Толпа нехотя разбрелась: кто отправился на палубу ближайшихъ судовъ, чтобъ скатывать по мостамъ бочки, тюки и прочее; кто принялся накладыкать товары на телѣжки. У каждаго черезъ плечо была надѣта мочальная лямка, которая своей петлей зацѣплялась за крюки въ телѣжкѣ.

Шесть человѣкъ, по-трое съ каждой стороны, натуживши груди, какъ ломовыя лошади, подавались впередъ, шагъ за шагомъ, катя товару пудовъ на пятьдесятъ. Вся эта процессія, вытянувшись въ линію, направлялась къ пакгаузамъ. Картины подобнаго рода хорошо извѣстны петербургскимъ жителямъ, проходящимъ и приходящимъ на биржу, чтобъ поглазѣть на собакъ, птицъ, привозимыхъ на корабляхъ весною. Но вѣдь на эту египетскую работу хорошо посмотрѣть издали, а каково въ двадцати-градусную іюльскую жару, обливаясь пóтомъ, пропекаясь стоящимъ надъ головой солнцемъ, возить непрерывно двѣнадцать часовъ сряду тяжести пудовъ по восьми, по десяти на каждаго? Перепачкавши какъ нельзя быть лучше сапоги, штанишки, сдѣлавшись, какъ говорится, чортъ-чортомъ, я тоже впрягся во второй рядъ. Но только-что я успѣлъ напрячь силы, какъ лямка лопнула и я чуть не клюнулся носомъ въ мостовую.

— Ха-ха-ха! раздалось снова вкругъ меня, и снова пошли насмѣшки.

— За ворота его, за ворота! Какой онъ намъ помощникъ! кричали поденьщики, преимущественно изъ отставныхъ солдатъ.

Мимоходомъ не мѣшаетъ замѣтить, что отставные солдаты, особенно стараго закала, какъ-то удивительно чорствы душой, безжалостны... Страданія безвиннаго, новичка, не привыкшаго еще къ тяжолой работѣ, въ нихъ воз-

буждаютъ только насмѣшки, а не состраданіе. Какое горькое, безотрадное положеніе бѣднаго человѣка! Его терзаютъ не богачи, которые не имѣютъ понятія объ истинной бѣдности, а такіе же бѣдняки, какъ онъ самъ. Когда я наканунѣ валялся въ сору, грязи, на полу, меня терзали злыя, гадкія старушонки; когда я съ самой похвальной настойчивостью рѣшился трудомъ заработать хлѣба,— на меня накинулись опять-таки бѣдняки, которые умерли бы съ голоду, еслибы не было въ Петербургѣ биржи. Нѣтъ, поденьщики изъ мужичковъ были какъ-то скромнѣе: они не зубоскальничали, а кротко, какъ волы, тянули свою лямку. Сколько богобоязненности, смиренія, въ грязномъ, повидимому, степномъ мужикѣ! Какое-то глубокое поэтическое чувство незлобія, всепрощенія, кроткой покорности жребію составляетъ отличительную черту неизбалованнаго городской жизнью селянина. Такъ и здѣсь: поденьщики изъ мужичковъ не обращали ни малѣйшаго вниманія на меня, а молча, не горячась, дѣлали свое дѣло.

— Прогнать его въ-зашей за ворота! кричали поденьщики, а я метался изъ стороны въ сторону, пріискивая новой лямки, чтобъ припрячься снова къ телѣжкѣ.

Уже жестокосердый дрягиль повелъ меня за рукавъ къ воротамъ, но, истерзанный ли видъ мой, страданія ли, проглядывающія въ каждой чертѣ лица, или хлынувшія изъ глазъ слезы—разжалобили его.

— Ну-ну, завяжи узломъ гдѣ разорвалось, да припрягайся, не то вышвырну за ворота, да еще оплеухами накормлю...

Что-то въ-родѣ радости блеснуло въ душѣ моей, когда мнѣ дали послѣднюю надежду не околѣть съ голоду. Мнѣ кажется, образованный, сострадательный человѣкъ,

ДЕНЬ НА БИРЖѢ, НОЧЬ НА КВАРТИРѢ.

Когда я тянулъ телѣгу не такъ усердно, какъ прочіе, сзади идущій подгонщикъ давалъ мнѣ тумманку въ спину.

взглянувши на меня въ эту минуту, непремѣнно бы заплакалъ...

Когда я тянулъ телѣгу не такъ усердно, какъ прочіе, сзади идущій поденщикъ давалъ мнѣ тукманку въ спину. Я ослаблялъ постромку конечно не изъ лѣности, не изъ желанія выѣхать на другихъ, а отъ страшнаго безсилія.

Третьи сутки я не видалъ крохи хлѣба во рту; всю предшествовавшую ночь не смыкалъ глазъ. Кромѣ того, оторвавшаяся отъ переда подошва заставляла меня ступать на острые каменья почти голой ногой. Я что-то разъ десять прогулялся въ упряжкѣ, какъ на биржевыхъ часахъ пробило двѣнадцать, и залился, забарабанилъ колокольчикъ, призывающій къ отдыху.

Всѣ, гдѣ попало, побросали свои телѣжки и густою толпой повалили на площадку между сквером и задними воротами университета. Тутъ уже жужжали какъ пчелы поденщики; бабы, разносчики приглашали на-распѣвъ покупателей.

Кромѣ бабьяго горячаго сердца, рѣзанаго грошоваго мужицкаго горла, рубцовъ съ зелеными комочками *кишочныхъ нечистотъ*, продавалась горячая лапша, вареный картофель, похлебка съ рубцами и т. п. За полторы копѣйки наливалась половина деревянной чашки, за копейку давалось полфунта хлѣба. Но у меня не было даже *двухъ съ половиною копѣекъ*, чтобъ сколько-нибудь подкрѣпиться. Томимый страшнымъ голодомъ, еще болѣе возбужденнымъ запахомъ съѣстного, видя какъ вся площадь уписывала разныя похлебки, я хотѣлъ-было попросить у торговки въ долгъ хлѣба и чего нибудь горячаго. Но, какія страшныя клятвы я не произносилъ, что расплачусь при вечерней получкѣ,—ни одинъ и ни одна изъ торгующихъ не сжа-

лились надо мной. Другіе, порасторопнѣе, работавшіе издавна на биржѣ, успѣли заслужить кредитъ, и, оставивъ въ кабакѣ, какъ водится, всѣ заработки, преспокойно набирали у торговокъ съѣстнаго въ долгъ. Въ эти-то минуты я понялъ все свое уничиженіе. Какъ! человѣку, довольно образованному, не запятнавшему себя рѣшительно ничѣмъ, съ самымъ искреннимъ желаніемъ трудиться, не повѣрить двухъ съ половиною копѣекъ!

— О, торговки! еслибы вы знали, что мнѣ, въ былое время, поручали по нѣсколько тысячъ, безъ росписки, что я, имѣя случай рублей сто положить въ карманъ ежемѣсячно, не воспользовался ни копѣйкой; о, еслибы вы знали все это, вы повѣрили бы мнѣ... Рабочіе, усѣвшись въ тѣни домовъ, преспокойно дохлебывали обѣдъ, заваливались тутъ же спать; а я, позабывши о необходимомъ отдыхѣ, истерзанный, измученный, голодный, стоялъ какъ истуканъ середи площадки. Мимо меня сновали разные франты, въ лаковыхъ полусапожкахъ, щегольскихъ бекешахъ, барыни въ модныхъ шляпкахъ и бурнусахъ, а я все стоялъ, размышляя о своемъ горькомъ положеніи.....

Вдругъ, о ужасъ! мимо меня прошла цѣлая толпа знакомыхъ чиновниковъ, съ которыми я стоялъ когда-то въ нумерахъ.

Они такъ пристально посмотрѣли на меня, такъ ясно выразили удивленіе, смѣшанное съ презрѣніемъ, что не оставалась никакого сомнѣнія, что я узнанъ. . .

— До чего дошелъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, отойдя отъ меня шага на три:—Горьчайшій пьянюшка! пойдемъ скорѣй, а то еще попроситъ милостыни...

Снова раздался звонъ, снова погнали на работу, снова завизжали колеса нагруженныхъ телѣгъ; я жъ окончательно потерялъ силы и не зналъ что дѣлать. Ужь не

помню, какъ при помощи пинковъ, толчковъ, ругательствъ, я проработалъ до восьми. Я до того растеръ ноги, разслабъ, что не могъ ступить шагу. Однако, кое-какъ собравши послѣднія силы, доползъ до вышеописанной площадки. Тутъ уже стояли поденьщики, выстроенные въ нѣсколько шеренгъ, правымъ флангомъ къ конторѣ дрягилей (подлѣ портерной, мелочной и кабака). Началась раздача, пріятно зазвенѣли въ мѣшкахъ вынесенныя деньги; я, въ числѣ прочихъ, получилъ тридцать копѣекъ, шестью пятаками.

Въ эту минуту, не смотря на боль въ ногахъ, я былъ счастливѣе Ротшильда... Солнце уже склонялось къ горизонту, когда я побрелъ снова на Петербургскую, на знакомую читателю квартиру. Каждый шагъ больными ногами словно ножомъ ударялъ въ сердце, а мнѣ приходилось идти версты три, черезъ всю Петербургскую, за петропавловскую больницу къ Сампсоньевскому мосту. Я не утерпѣлъ, чтобъ не истратить пятачка на фунтъ чернаго хлѣба съ масломъ. Проходя отъ Петербургской части, я взялъ по Пушкарской, разулся и шолъ босикомъ почти до самой квартиры. Встрѣченный ругательствами старухъ, я повалился, не раздѣваясь, въ свой уголъ и заснулъ, какъ убитый.

БѢДНЫЕ ЖИЛЬЦЫ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

—

На Петербургской сторонѣ, недалеко отъ Сытнаго рынка, есть домъ, принадлежащій г-жѣ Крохоборовой. Онъ построенъ въ видѣ сундука, безъ малѣйшихъ притязаній на какую нибудь архитектуру. Все вниманіе Крохоборихи было устремлено на внутреннее устройсто дома: она раздѣлила его разными летучими перегородками, дрожащими при малѣйшемъ стукѣ ѣдущаго мимо экипажа, на «безчисленное» множество комнатъ, похожихъ на пчелинныя ячейки. За каждую такую ячейку она брала съ бѣдняковъ-жильцовъ по два, по три, по пяти и по семи рублей ежемѣсячно. И сколько жильцовъ лѣпилось въ этомъ ульѣ! Тутъ жила и ткачиха, и коровница, и отставная титулярная совѣтница. Кромѣ того здѣсь проживали: одинъ литераторъ, два шарманщика, чиновникъ, выгнанный изъ управы благочинія, отставной фейерверкеръ, выгнанный изъ прихода дьячокъ и регистраторъ изъ сената. Сверхъ того, во флигелѣ жилъ состоявшій тридцать-пять лѣтъ подъ судомъ надворный совѣтникъ, разнощикъ газеты «Племянникъ» вмѣстѣ съ матерью, отставной дворникъ съ дочкой Сашей и почтальонъ съ семью человѣками семейства.

Я хочу взять на выдержку нѣкоторыхъ изъ жильцовъ и описать безхитростно, безъ прикрасъ ихъ житье-бытье. Начну сверху. Подъ самой трубой, жилъ зиму и лѣто регистраторъ изъ сената. Онъ занималъ на чердакѣ комнату или вѣрнѣе конуру, имѣющую видъ усѣченной призмы. Одинъ фасъ ея составлялъ боровъ печной трубы, отъ котораго шолъ потолокъ совершенно наклонно, вплоть до самаго пола. Лѣтомъ было нестерпимо жарко, потому что желѣзные листы крыши (она же и потолокъ) страшно накаливались подъ лучами лѣтняго солнца. Окно, величиною въ кулачекъ, никогда не давало свѣта: лѣтомъ оно было постоянно загажено живущими безплатно подъ крышей голубями, покрыто вѣковѣчнымъ слоемъ пыли и паутины а зимой на стеклахъ намерзало вершка на два льду, сосульки котораго торчали грозно, какъ хоботъ слона.... Регистраторъ Лебедкинъ не «входилъ» въ комнату, какъ это дѣлаютъ остальные смертные, а «влѣзалъ» въ нее, начиная съ головы, потому что она была похожа на какую-то узкую трубу, состоящую изъ трехъ граней: крыши, борова и пола. Впрочемъ, регистраторъ Лебедкинъ нисколько не унывалъ, и не встрѣчая ни въ одной сенатской бумагѣ имени Діогена, наивно удивлялся, почему сослуживцы прозвали его этимъ именемъ. Лѣтомъ служилъ ему кровомъ сводъ небесный, да своды правительствующаго сената, а зимою, въ свободное отъ службы время, онъ или дежурилъ за другихъ въ сенатѣ же, или согрѣвался въ ближайшемъ кабачкѣ, носящемъ многознаменательное прозвище «Теряева». Жизнь этого бѣдняка состояла изъ двухъ періодовъ: при полученіи «сихъ» (т. е. 9 руб. 92½ копѣекъ) онъ оживалъ дня на три, а остальные 27, 28 дней погружался въ какое-то летаргическое состояніе, въ ожиданіи слѣдующихъ «сихъ». Онъ, бѣдняга, всю жизнь не обѣдалъ ни

разу, а только «перехватывалъ.» Я знаю многихъ такихъ, даже изъ гг. офицеровъ, которые почти не обѣдаютъ, а только перехватываютъ да закусываютъ. Но тамъ на это другія причины....

Такимъ образомъ Лебедкинъ, платя ежемѣсячно жадной Крохоборихѣ по полтора рубля за собачью конуру, только ночевалъ въ ней, да и то ночей шесть–семь не болѣе, потому что въ остальныя покоился на мягкихъ сенатскихъ диванахъ, «будто-бы» безъ всякихъ безпокойныхъ обитателей....

Но коварные сенатскіе чиновники чуть не лишили его послѣдняго удовольствія—дежурить въ сенатѣ, въ просвѣщенномъ обществѣ сенатскихъ сторожей и получать за каждое дежурство по двадцати копѣекъ. Онъ сначала прослылъ за «вѣчнаго дежурнаго» между сослуживцами, поэтому послѣдніе нанимали его за себя дежурить, платя за каждый разъ по двугривенному; такимъ образомъ у него скоплялось около шести рублей ежемѣсячно самаго безгрѣшнаго дохода. Лебедкинъ долго таилъ отъ товарищей свое мѣстожительство; наконецъ они-таки это пронюхали, выписали изъ книги адресъ, и послѣ полученія «сихъ», всѣмъ синклитомъ нагрянули къ Лебедкину. Каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли, что ихъ товарищъ «живетъ въ призмѣ».

— Господа, открытіе, открытіе! закричалъ одинъ изъ пришедшихъ: — знаете ли, почему Діогенъ нанимается всегда за насъ дежурить?

— Почему? Что это такое *Діогенъ?* посыпались вопросы.

— Діогенъ, господа, какъ я слышалъ отъ архиваріуса, былъ великій греческій или римскій философъ, не помню хорошенько, «имѣвшій мѣсто жительства» въ боч-

кѣ, а сей мужъ потому нанимается охотно за насъ дежурить, что ему было бы нестерпимо каждую ночь ночевать на такой тѣсной квартирѣ. Поэтому мы великіе ослы, господа, съ ушами, подобными мидасовымъ, что даемъ ему по двугривенному за дежурство. Съ этихъ поръ баста ему платить! онъ самъ будетъ насъ просить, чтобъ мы ему позволили за себя дежурить, лишь бы не ночевать дома. Дѣйствительно, перестали его нанимать, ожидая, что онъ самъ *безвозмездно* предложитъ свои услуги. Надо было выдержать характеръ, *заставить* чиновниковъ просить себя, а чего это ему стоило? Онъ семь ночей дрожалъ подъ дырявой шинелишкой, какъ листъ осиновый, когда на дворѣ трещалъ двадцати-градусный морозъ, не смѣя приподняться, разогнуться, чтобы не удариться макушкой о стропила,—вотъ жизнь-то!

Читатель можетъ быть полюбопытствуетъ узнать, каковъ былъ гардеробъ у Лебедкина? Шинель, служащая во всѣ времена года защитой отъ непогодъ, постелью, одѣяломъ и халатомъ. Ворсъ на сукнѣ до того вытерся, что оно походило больше на тюль, чѣмъ на сукно. Воротникъ — изъ самой неблагопристойной шерсти какого-то звѣря, неизвѣстнаго еще зоологіи. Сюртукъ съ форменными пуговицами, до того вытертый и лоснящійся, что походилъ на резинковый. Сапоги, калоши, все это какъ слѣдуетъ подъ кадриль остальному. Казалось бы, на 15 рублей можно было бы жить гораздо приличнѣе описаннаго, но Лебедкинъ имѣлъ два обычая: одинъ очень похвальный—посылать ежемѣсячно семь рублей матери и другой—очень скверный—пропивать остальное. Какъ настанетъ первое число, то-есть по сенатскому стилю двадцать третье, городъ Санктпетербургъ, особенно Петербургская — видимо оживаютъ: питейныя, закусочныя, портерныя, трактирчи-

ки, называемые паршивенькими, наполняются преимущественно чиновниками сенатскаго вѣдомства, надворнаго, уголовнаго суда и «управы благочинія», отъ 15 до 12 класса включительно. Лебедкинъ приходилъ въ этотъ радостный для петербургской бюрократіи день, часовъ въ семь, въ восемь, съ лицомъ, разцвѣтшимъ подъ плѣнительнымъ дыханіемъ Теряева портерной. Тотчасъ бралась со стѣны скрипка и «призма» оглашалась сладостными мотивами: «милый другъ», «Настасья, отворяй-ко ворота!»

Онъ что-то года четыре сбирался разучить «сарафанчикъ-разстегайчикъ», да какъ-то все не собрался. Разумѣется, будучи настроенъ музыкой и «очищенной» ко всему возвышенному, онъ искалъ общества «прекраснаго пола» и съ этою цѣлію отправлялся въ портерную. Часовъ около десяти вечера раздавался, во мракѣ погашенныхъ вездѣ огней, стукъ калошъ и какой-то «плѣнительный шорохъ», заставляющій сильнѣе биться сердце молодаго человѣка, ворочающагося отъ блохъ въ сосѣдней свѣтелкѣ на диванѣ, исполненномъ разными насѣкомыми. Утромъ, до разсвѣта, слышался тотъ же плѣнительный шорохъ, и у проснувшагося поздно Лебедкина не оказывалось или полотенца на гвоздѣ, или бумажника съ послѣдней осиротѣвшей рублевой депозиткой. Впрочемъ, Лебедкинъ за это и не сердился: онъ окончательно примирился съ этими явленіями, повторявшимися ежемѣсячно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—все равно, какъ мы привыкаемъ къ восхожденію и захожденію солнца.

Когда, послѣ трехъ дней, лихо проведенныхъ, начинался періодъ летаргическаго усыпленія, Лебедкинъ, вмѣсто кусающихся по цѣнѣ трактирныхъ поросятъ, бифштексовъ, телячьихъ ножекъ, начиналъ питаться студе-

немъ; но какъ и студень составляетъ огромный дефицитъ въ мѣсячномъ бюджетѣ сенатскаго писца, то онъ переходилъ къ похлебкѣ изъ рубцовъ, къ печенкѣ и тому подобнымъ предметамъ, продаваемымъ на Сытномъ. Взявши въ лавочкѣ фунтъ хлѣба на *семитку*, онъ отправлялся на Сытный и приказывалъ себѣ подать порцію рубцовъ. Кромѣ этого, у многихъ бабъ есть «горячее сердце», которымъ они вѣчно торгуютъ близъ Мытнаго, снабжая имъ мужиковъ, мастеровыхъ и т. п. За три копѣйки вы можете пользоваться вволю «горячимъ сердцемъ» у любой бабы. Она вамъ отрѣжетъ, если хотите, на грошъ «горла», поподчуетъ за копѣйку сухимъ рубцомъ, изъ котораго непривлекательно выглядываетъ, словно зеленый сыръ, какая-то нечистота. И ѣдятъ, да еще съ какимъ апетитомъ!

Въ свѣтелкѣ, рядомъ съ Лебедкинымъ, былъ жилецъ— отставной надворный совѣтникъ Доримедонтъ Флегонтовичъ Пыряевъ. Онъ получалъ пенсіи что-то семь рублей съ копѣйками, ходилъ на канатную фабрику, близъ Николы Мокраго, вить веревки и получалъ за это въ сутки по семидесяти-пяти копѣекъ. Лѣтомъ же отправлялся онъ крутить колесо на машинѣ для очищенія каналовъ отъ грязи. Надо было видѣть его руки: на ладоняхъ и пальцахъ были натерты мозоли, чуть ли не въ дюймъ толщиной, такъ что кисть руки никакъ не могла согнуться въ кулакъ. Надо было видѣть эти руки, когда онъ на открытомъ воздухѣ, въ двадцати-градусный морозъ, поработаетъ ими часовъ двѣнадцать въ сутки.

Кожа до того растрескается, что изъ пальцевъ струится ручьями кровь: они побагровѣютъ и посинѣютъ. Я разъ увидалъ его и спросилъ, что̀ за фантазія пришла ему щеголять въ алыхъ перчаткахъ?.. Тутъ-то я разглядѣлъ что̀ это были за перчатки, когда онъ обѣ кисти поднесъ къ

самому моему носу. Можетъ быть онъ и не былъ бы вынужденъ необходимостью такъ работать, еслибъ не семейство. На сороковомъ году ему пришла фантазія жениться. Глупый человѣкъ! словно забылъ, что женитьба—«законный союзъ»—для бѣдняка такой же недоступный предметъ роскоши, какъ милютинскіе арбузы, вишни середи зимы по четвертаку ягодка.

Врѣзался въ какую-то хорошенькую дѣвчонку, которая еще до замужства пѣвала «сарафанчикъ-разстегайчикъ», такъ чего же было и ждать?.. Ну, конечно, послѣ медоваго мѣсяца съ мужемъ, измученнымъ нуждою, она и обратила его въ батрака. Плачетъ, реветъ благимъ матомъ: кофе не на что пить четыре раза въ день, лисьяго салопа къ зимѣ нѣтъ, доставай гдѣ хочешь! Гдѣ жъ достанешь?

Глядь—жены сутки нѣтъ, другія,—вдругъ является вся раскраснѣвшаяся, словно спѣлая ягода... Съ нимъ чуть не сдѣлались корчи, такъ онъ ее любилъ. У него не хватило духа дать ей поученіе по всѣмъ правиламъ «Домостроя». Онъ смолчалъ, стерпѣлъ, а чего ему стоило вынести двухъ-суточную пытку. Вотъ тебѣ и женитьба бѣднаго человѣка! На другое утро она опять пристала къ мужу. Уѣду, говоритъ, къ *нему*, если не будетъ лисьяго салопа!

Онъ схватился за волосы да и отправился къ старому пріятелю, чтобъ выманить у него на колѣняхъ двадцать-пять рублей. Пріятель-то видно былъ хорошій человѣкъ, да и онъ-то не хуже: четыре мѣсяца отдавалъ свою скудную пенсію цѣликомъ, а самъ ходилъ на канатную фабрику работать. Жены-то этимъ не исправилъ, да самъ-то по-крайней-мѣрѣ запасся должной твердостью въ борьбѣ съ жизнію. Онъ махнулъ рукой на жену и при-

нялся за священное писаніе въ свободное отъ работы время.

— Тамъ я обрѣлъ истинное утѣшеніе,—говаривалъ онъ мнѣ, понюхивая табачокъ, которымъ самъ и торговалъ. Что это былъ за труженикъ, такъ надо было удивляться. Жена, пользуясь, что онъ ее до безумія любитъ, сѣла ему окончательно на шею. Она бѣсила его по тридцати разъ въ день, смѣялась нахально надъ его ревностью, привозила при немъ «своего душку», какого-то барина въ перстняхъ, страшнаго остолопа, вѣкъ живущаго чужимъ трудомъ, круглаго невѣжду, потому-что ученые дипломы такимъ людямъ достаются за деньги. Мужъ не смѣлъ этому тунеядцу, заѣдающему его покой, сказать слово. Я удивлялся, что за безчувственное бревно была эта женщина! Она не цѣнила нисколько его самопожертвованія, его готовности разрѣзать свою грудь и отдать ей сердце, душу... Добро бы онъ былъ уродъ, или старикъ, ничуть не бывало! мужчина, какъ мужчина, въ самой порѣ.

— Какъ ты, тварь этакая, не умѣешь цѣнить такого золотого человѣка! Да будь у меня такой мужъ, я бы ему просто молилась!..

— Сама знаю, что хорошъ! отвѣчалъ вѣтряная красавица:—да вотъ что хочешь, чувствую къ нему отвращеніе!

— Да что же въ немъ худаго, скажи? я такая жъ женщина...

— Ей-Богу ничего! во всѣхъ отношеніяхъ мужъ, а вотъ чувствую-таки отвращеніе!

— Наладила отвращеніе, да отвращеніе! да вѣдь оно должно же быть на чемъ нибудь основано!.. Вѣдь ты не полѣно, а человѣкъ: должна же умѣть сколько нибудь различать людей!.. Вѣдь хорошіе-то люди не валяются на улицѣ, какъ булыжникъ.

— Ну, ты все съ своими разсужденіями! отвѣчала невѣрная жена и затягивала во все горло: «какъ на улицѣ мятелица мететъ».

Сосѣдка была діаметральная ей противоположность: любила мужа до безумія, за то тотъ былъ безпутный, пьяница, пропивалъ ея платье, даже платье дѣтей и таскался со всякою дрянью.

Да вотъ вамъ недалеко ходить: у окошка торчитъ постоянно миленькая семнадцатилѣтняя брюнетка Лиза—дочь отставнаго дворника. Послушайте, какъ она своимъ соловьинымъ горлышкомъ выпѣваетъ:

Но за сладкія мгновенья,
Я тебя безъ сожалѣнья
Оставляю навсегда,
Оставля-а-ю на-а-а-всегда!

и опять:

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила, и про[illegible]

Отъ этой подвальной красотки перенимаетъ пѣсню одиннадцатилѣтняя дѣвочка и тоже старательно выводитъ [illegible]сладкія мгновенья».

[illegible]икъ-отецъ живетъ въ подвалѣ, и, привыкши съ дѣ[illegible] къ трудолюбію, вѣчно ковыряетъ что-нибудь: или тачаетъ сапоги, или чинитъ ихъ, накладывая на нихъ кожаныя лепешки толщиною въ полвершка, или вбиваетъ въ каблуки чуть ли не корабельные гвозди... Тамъ примется молоть табакъ, который, продавая разнымъ кавалерамъ, выручаетъ каждый мѣсяцъ бѣдно-бѣдно два рубля. То наколетъ дровецъ, лучины нащеплетъ, чтобъ кофеишкомъ дочку напоить, которую послѣ смерти жены бережетъ пуще праваго глаза, а какъ и убережешь, когда она сейчасъ затянула: «я бы рада отворила, да...» старикъ

простъ душой: онъ не понимаетъ всей тонкости значенія вошедшихъ нынѣ въ моду пѣсень. Иногда только, услышавши что-нибудь черезчуръ рельефное, скажетъ: ну, дура, дура, завралась!—А какъ онъ лѣтомъ трудолюбивъ! копается весь день въ огородѣ: то грядки расчищаетъ, то яблонку окапываетъ.

Его тѣшитъ, что посаженная имъ маленькая яблонка будетъ современемъ давать вкусные плоды и пріятную тѣнь, акуратъ какъ примѣры изъ азбуки,—да дѣло не въ томъ...

Ни одна мелочь въ хозяйствѣ не укроется отъ его глаза. Ходитъ да приговариваетъ: «цыновку-то на двери нужно переколотить,—оно все въ день-то зимній полѣномъ, двумя меньше. А дровцы-то нынче *жгутся:* плохія — три рублика; вотъ оно и расчетъ!» Гвоздикъ на улицѣ подыметъ, петельку у торговца по знакомству выпроситъ, крючочекъ—все въ сундукъ да въ сундукъ. Глядишь, понадобилось, анъ тутъ и есть; не бѣжать въ лавочку, на Сытный, не платить денежки. Вотъ такъ, полегонечку да помаленьку, даже безъ скряжничества, старые люди скопляли тысячи. Старикъ-то даромъ что [redacted] въ порыжѣлой шинелишкѣ, заплатка на заплат[redacted] регъ въ тряпочкахъ три сотенныхъ, собственно [redacted] приданое. Ему хотѣлось ее выдать за гвардейскаго фельдфебеля, или за департаментскаго писаря, у котораго отъ честной службы было бы коко съ сокомъ. Къ нему въ лѣтніе праздничные дни и похаживали писаря изъ инспекторскаго департамента, корчащіе изъ себя чистѣйшихъ аристократовъ. Они безмилосердно копируютъ своихъ адъютантовъ—графскихъ, да княжескихъ сынковъ. Даже сапоги, фуражки заказываютъ у тѣхъ шапочниковъ и сапожниковъ, у которыхъ заказываетъ его высокоблагородіе

БѢДНЫЕ ЖИЛЬЦЫ.

— Дайте, Сидоръ Евсѣичъ, канхветки!
— А какое за ефта будетъ отъ васъ удовлетворенство?
— Какой вы чудной, Сидоръ Евсѣичъ!

или сіятельство. Сдѣлай мнѣ акуратъ такое *кепе*, какое сдѣлалъ его высокоблагородію! Откуда это все берется у писарей при восьми рубляхъ мѣсячнаго жалованья,—мнѣ это совершенно неизвѣстно!..

Раздушивши на-пропалую платки, галстухи *ес-буке-томъ*, облекшись въ тонкіе атласистые сюртуки съ яркими галунами, въ сапоги съ «аристократическимъ» скрипомъ, два-три молодыхъ писаря являются въ гости къ старику, чтобъ повертѣться на каблучкахъ, да наговорить *бекле-ментовъ* семнадцатилѣтней красавицѣ Лизѣ. Она уже расфрантилась въ платье изъ самой дорогой матеріи, какая только есть на Сытномъ. Всѣ движенія ея связаны: она хочетъ непремѣнно быть «архистратической» барышней, имѣетъ *претензею* говорить по-французски; бонжуръ мусью, овуаръ мусью (au revoir), парле ву франтцѣ, и т. п. Чего-чего въ нашемъ народѣ, а поползновеній къ *архистратизму* во всѣхъ сословіяхъ необерешься. Писаря, испивши стакановъ по шести *кохею съ упрыженіемъ совѣсти*, отправляются лѣтомъ, всѣмъ компанствомъ, въ александровскій паркъ. Александровскій паркъ — любимое, какъ извѣстно, гулянье аристократическихъ горничныхъ, фабричныхъ, писарей и великосвѣтскихъ лавочниковъ. Да вотъ лавочникъ теряевскаго переулка примѣръ: онъ постоянно выражалъ свои *чувствія* Лизѣ. Отпуская уксусу на копѣйку, приговаривалъ: собственно для васъ сдѣлалъ на полторы копѣечки почтенія-съ...

— Дайте, Сидоръ Евсѣичъ, канхветки! говорила Лиза.

— А какое за ефта будетъ отъ васъ удовлетворенство?

— Какой вы чудной, Сидоръ Евсѣичъ!

— Не хотите-ли, барышня, возымѣть со мной купное намѣреніе прогуляться хоть касательственно александровскаго парка?

— Нѣтъ, этого не будетъ-съ. Я пристрастна къ тятенькѣ.

— Да еслибъ ко мнѣ тятенька не имѣлъ пристрастія, я бы вамъ поллавки, сударыня, отдалъ. А то все у насъ на счету, да на чеку-съ. И сластолюбивый купецкій сынокъ самъ запихивалъ въ кармашекъ Лизы канхветы — первѣющій можно сказать сортъ.

Лиза, какъ хорошенькая, балованная дѣвчонка, разумѣется, проводила время въ праздности. Правда, что она вязала чуть ли не полтора года одни чулки, а большую часть времени попѣвала пѣсенки, да посматривала на молодыхъ сенатскихъ регистраторовъ, этихъ львовъ петербургской стороны. Но она преимущественно перемигивалась съ какимъ-то юнкеромъ, высокимъ, стройнымъ молодымъ человѣкомъ, выпущеннымъ изъ кадетскаго корпуса за грубость ротному командиру. Онъ иногда втихомолку вечеркомъ бесѣдовалъ съ Лизой у калитки, убѣждалъ ее Христомъ-Богомъ съѣздить съ нимъ на Крестовскій, съ тѣмъ, чтобъ «насладиться природой», какъ онъ выражался. Онъ передавалъ ей какія-то сѣренькія книжки, въ которыхъ прозою и стихами говорилось про безумную любовь, торчащіе надъ грудью пистолеты и клокочущую «вотъ тутъ» лаву... Дворницкая дочка, не знавшая даже порядочно «отче нашъ» и «десять заповѣдей», съ наслажденіемъ перечитывала эти книжонки, сѣрыя, какъ солдатскій набрюшникъ. Кончилось все дѣло тѣмъ, что Лиза сутокъ трое пропадала, потомъ была вельми бита отцомъ, который даже захворалъ отъ-того, что дѣвка сбилась съ панталыку... Потомъ уже за нею никто не смотрѣлъ, и она по вечерамъ отправлялась любоваться газовымъ освѣщеніемъ Невскаго проспекта... Вы ее можете видѣть даже сегодняшній вечеръ, если не на Большомъ проспектѣ

Петербургской, то навѣрное на бульварчикѣ въ седьмой линіи. Я знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что теперешней любимой ея пѣсней: «Онъ меня разлюбилъ, отъ меня погубилъ» и проч. Грустно!

Теперь у меня на очереди кривоногій газетчикъ «Племянника,» по имени Селифанъ и матушка его, извѣстная чуть-ли не половинѣ Петербургской-стороны, Агафья Алексѣевна. Вы ихъ квартиру сейчасъ бы отличили по множеству прилѣпленныхъ къ стѣнѣ чернымъ хлѣбомъ гравюръ, изображающихъ купающуюся Сусанну съ двумя любующимися на ея тѣлеса преступными старцами, Юдифь, сбирающуюся въ гости къ нечестивому Олоферну, и пр., и пр. Расторопный газетчикъ Селифанъ выкралъ всѣ эти рѣдкости изъ праздничныхъ нумеровъ «Племянника», а самые нумера продалъ трактирщикамъ по гривеннику. Онъ, Селифанъ, долго спекулировалъ нумерами этого прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ журнала, недодавая оные тѣмъ изъ подписчиковъ, которые были посмирнѣе и побѣднѣе. Вообще, этотъ промыселъ—разноска газетъ и журналовъ, стоитъ описанія. За какіе нибудь десять рублей, которыхъ едва хватитъ на сапоги, разносчикъ отходитъ пятую, или восьмую часть города, примѣрно всю Петербургскую, Выборгскую, съ островами. Вотъ онъ ежедневно долженъ выписывать концы отъ московскихъ казармъ, за Сампсоніемъ, до Тучкова моста и отъ втораго сухопутнаго до дачи княгини Бѣлозерской; присоедините къ этому, лѣтомъ, всѣ острова и вы убѣдитесь, что несчастному газетчику приходится ежедневно разносить двѣсти, триста, даже пятьсотъ нумеровъ по пространству величиною чуть-ли не съ нѣмецкое герцогство. На всемъ Елагиномъ одинъ подписчикъ, ну и колеси туда, во всякую погоду, не разбирая ни стужи, ни грязи. Часто достается разносить ну-

мера въ темныя октябрскія ночи съ мокрымъ снѣгомъ, пронзительнымъ вѣтромъ, со всѣми прелестями... да не по какой нибудь Литейной, освѣщенной газомъ, а по такимъ трущобамъ, каковы: Теряева, Плуталова улицы на Петербургской. Тутъ пока доберешься по адресу до подписчика, можно девяносто-девять разъ сломить шею, выкупаться въ канавѣ, еле-еле прикрытой проваливающимися досками кладокъ.

Поэтому-то меня всегда и удивляютъ наивныя претензіи гг. подписчиковъ, почему-де имъ журналъ или газета не доставляются къ сроку? Разумѣется, газетчики, вызубривши всѣ адресы па память, вслѣдствіе долгой практики, управляются съ дѣломъ легче, но каково новичку, которому его предмѣстникъ хотя и показалъ два три раза всѣ адресы, упомнить четыреста, пятьсотъ домовъ, воротъ, лѣстницъ, тѣмъ болѣе, что въ глухихъ улицахъ не достучишься въ ворота, не доспросишься адреса. Еще пожалуй заѣдятъ собаки. Зато-жъ газетчики ловко подмѣчаютъ тѣхъ подписчиковъ, гдѣ на акуратность доставки нумеровъ не обращаютъ большаго вниманія, или гдѣ подписчикъ въ отлучкѣ, нездоровъ, крайне бѣденъ, робокъ, неохотникъ заводить какія нибудь кляузы, жалобы и т. п. Они такому подписчику принесутъ нумерка два-три въ недѣльку, да и будетъ. Остальные нумера продаютъ въ трактирахъ, пивныхъ, харчевняхъ, демидовскихъ заведеніяхъ—за гривенникъ, за пятачокъ, за право похлебать щей копѣйки на три, получить порцію щей и каши въ «снабженіи пищей». Разумѣется, подписчикамъ свирѣпымъ, «кляузникамъ», какъ говорятъ газетчики, послѣдніе, по чувству самосохраненія, доставляютъ нумеръ въ нумеръ акуратно; той же акуратностью доставки пользуются подписчики, любящіе давать разносчикамъ пятиалтынники, гривенники, а въ большіе

праздники и полтинники. И тутъ, какъ и вездѣ, есть безгрѣшные доходишки. Случись нумеръ съ замѣчательными стихами, повѣстью, или просто съ опечаткою въ-родѣ извѣстной о наймѣ гувернантки, газетчикамъ лафа. Забубенная молодежь, харахорящіеся старички, юркія пансіонерки, только-что выпрыгнувшія замужъ, до-смерти любятъ подобныя опечатки и тайно или явно расхватываютъ эти нумера по гривеннику, двугривенному, хранятъ ихъ, какъ драгоцѣнность, перечитываютъ въ интимныхъ компаніяхъ. Тоже самое, если проскочитъ въ нумерѣ статейка по части либералистики, напримѣръ, если писателю удалось показать изъ кармана кулакъ сильному лицу, или облаять это лицо изъ-подворотни—сейчасъ же молва разнесется про этотъ №. И редактору лафа, и разносчикамъ экземпляровъ лафа, и сочинителю, и всѣмъ—лафа!... Бываютъ для газетчиковъ, какъ и для всѣхъ добывающихъ хлѣбъ въ потѣ лица, и горькія минуты. Напримѣръ Селифанъ однажды довольно неудачно спустилъ десять нумеровъ, не додавши ихъ подписчикамъ. Подписчики обратились съ жалобой къ самому верховному распорядителю всѣхъ дѣлъ, относящихся къ печатанію «Племянника.» Надо было зрѣть гнѣвъ почтеннаго редактора, привыкшаго слышать, что журналъ его именно тѣмъ только хорошъ, что акуратно выходитъ и доставляется. Онъ приказалъ привесть «блуднаго» Селифана предъ свѣтлыя свои очи, и объявилъ, что отвергаетъ недостойнаго, а за каждый изъ десяти нумеровъ вычитаетъ изъ жалованья Селифана по четвертаку.

Можете, читатель, судить, какой ревъ подняла мать его, Агафья Алексѣевна, для которой десять рублей сыновняго жалованья были единственнымъ средствомъ пропитанія!

Дѣло было поправить очень трудно: сама Миньона,

приклеенная хлѣбомъ къ стѣнѣ, глядѣла съ слезами на рыдающую старушку. Даже Иголкинъ, только-что собравшійся поразить Шведовъ, остановился и глядѣлъ на нее... Маменька отправилась къ почтенному редактору, залилась, какъ слѣдуетъ, слезами, и къ чести послѣдняго вымолила для сына прощеніе. Впрочемъ и подписчики простили неаккуратность одного изъ 52 племянниковъ, издаваемыхъ въ числѣ 52 въ годъ... Но не мѣшаетъ сказать и про Агафью Алексѣевну. Это была, даже есть и теперь—добрѣйшая старушка, какихъ я только знавалъ. Въ ней даже обнаруживались романическія наклонности, какая-то карамзинская сантиментальность, особенно когда выпьетъ въ теряевомъ кабачкѣ на десять копѣекъ. Впрочемъ, она позволяла себѣ эту роскошь только въ праздники, или послѣ хорошаго сбора на паперти, во время богатыхъ купеческихъ похоронъ, свадьбъ, молебствій за успѣшное окончаніе дѣлъ и тому подобное. Остальныя деньги она берегла на маслице для лампадки, которое, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ благочестивыхъ людей и къ крайнему удовольствію мошенниковъ лавочниковъ, становится дороже день-ото-дня.—Она любила, чтобъ лампадка постоянно теплилась передъ споручницей всѣхъ страждущихъ и передъ Антипіемъ зубнымъ цѣлителемъ, потому что старушка постоянно хворала зубами. Чѣмъ она ихъ не лечила: и зашептываніями, и просила класть ей, безъ ея вѣдома, подъ подушку записочку съ симпатическими словами: приди вчера и прочее—ничего не помогало. «Да ты положи, мать моя, на больной зубочекъ священной ватки изъ лампадки цѣлительницы: все какъ рукой сниметъ.» Старушка послушалась; кромѣ того отслужила со слезами молебенъ угоднику Антипію, заплатила отцу Павлу цѣлый четвертачокъ, да свѣчку поставила въ пять копѣекъ. Съ тѣхъ

поръ, какъ она увѣряетъ, ей сдѣлалось гораздо легче. Чуть начнется бывало обѣдня, у Введенія, или у Матвѣя, Агафья Алексѣевна спѣшитъ на церковную паперть, или станетъ на дорогѣ, ведущей отъ Большаго проспекта на Пушкарскую. Согнувшись въ три погибели, опираясь на костыль, а иногда и зажмуривши глаза, если мимо-идущій человѣкъ незнакомый, она, подъ видомъ слѣпенькой, хворой старушки, наберетъ въ праздникъ бѣдно-бѣдно четвертачокъ. А если еще большой праздникъ, каковы: пасха, рождество и прочее, такъ и цѣлый трехрублевикъ. Въ будни тоже бываетъ не безъ поживы: каждая ветхая старушка, идущая къ обѣдни, считаетъ долгомъ передъ этимъ дать хоть грошикъ какому-нибудь бѣдненькому. Передъ слушаніемъ слова Божія, передъ входомъ во храмъ, необходимо, по мнѣнію многихъ старушекъ, сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло.

Агафья Алексѣевна, если и побиралась, то нельзя сказать, чтобъ совершенно изъ нужды, а такъ, «изъ любви къ искусству», отчасти изъ желанія напиться лишній разъ кофейку, косушечку-другую водочки употребить. Кто не желаетъ доставить себѣ лишнія удобства? Нельзя безусловно осуждать «побирашекъ». Развѣ почтенныя дамы въ лисьихъ шолковыхъ салопахъ, отдающія тайкомъ деньги на проценты, не побираются, не обиваютъ пороги разныхъ благодѣтельныхъ особъ? Вся разница, что Агафья Алексѣевна протянетъ руку на паперти, въ присутствіи всего прихода, а какая-нибудь Вильгельмина Карловна сдѣлаетъ тоже самое въ кабинетѣ, глазъ на глазъ съ Христіаномъ Готлибычемъ. Вся разница, что одна бьется изъ-за лишней косушечки, а другая изъ лишней парочки орловскихъ рысаковъ...

Агафья Алексѣевна тѣмъ и выигрывала въ жизни, что

могла плакать, когда ей вздумается, когда потребуютъ того обстоятельства; у нея послѣ шкалика всегда била слеза изъ лѣваго глаза, послѣ косушечки—изъ обоихъ, а когда выпьетъ двѣ, то просто заливается, какъ рѣка.

Она плакала часто безъ всякой уважительной причины, особенно когда выпьетъ... Это ей приносило своего рода удовольствіе, наслажденіе...

— Экая я бѣдная, несчастная сиротка, одна-одинешенька: ни папеньки, ни маменьки!—и зарыдаетъ.

— Какихъ же вамъ еще папеньки и маменьки хочется, когда вамъ самимъ шестьдесятъ-три года? Поменьше бы водки пили, маменька, такъ поменьше бы и слезъ было, говорилъ Селифанъ.

— Охъ, Селифаша, ты не знаешь моего горя!

И снова заплачетъ.

— Большое горе! простояли на паперти два часа, собрали полтинникъ, да пришли домой кофею напились.

— Такъ ужъ и полтинникъ! Какой ты прыткой! Дай Богъ и четвертакъ-то набрать...

— А все жъ даромъ и четвертакъ хорошо получить; вѣдь вы ничего не дѣлаете!.. Нѣтъ, вы попробуйте по моему околесить, каждый день, верстъ тридцать-сорокъ, тогда и узнаете какъ трудовая копѣечка-та достается!

Разумѣется, въ первыя числа послѣ получки жалованья, Селифанъ возвращался какъ стелька пьянъ. Подталкиваемый словно какой-то невѣдомой силой отъ одного тротуара къ другому, онъ таковыми зигзагами возвращался домой и въ чемъ былъ ложился на матернину постель. Они всегда спали на одной постели. Впрочемъ, возвращеніе домой пьянаго жильца было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ; никто не обращалъ на это вниманія,

развѣ кто-нибудь скажетъ мимоходомъ: экъ его насвистался!

Еще напротивъ, жоны, сестры, матери живущихъ здѣсь, какъ-будто хвастались другъ передъ другомъ, спорили, *чей* лучше вчера напился?.. Поутру, какъ соберутся зимой въ общей кухнѣ у очага, а лѣтомъ на крылечкѣ, да и ну тараторить про мужей и родныхъ.

— Мой-то вчера, видѣла, мать моя, каковъ пришелъ? Вчера жалованье раздавали; я шарила-шарила въ карманахъ,—хоть бы копѣечку оставилъ на семейство, все пропилъ!.. Хорошо еще, что одѣяло выстегала Филипьевнѣ, такъ авось получу два рубля за работу. На это только вся и надежда, а то просто варить нечего; ребятишки ревутъ: маменька, хлѣбца! а тутъ и трехъ копѣекъ нѣтъ, чтобъ рабенку молочка въ рожокъ купить!

— А развѣ Сидоръ Евсѣичъ не вѣритъ больше на книжечку?

— Не вѣритъ, мать моя, ни на полушку! Пока говоритъ *руп* не отдадите — луковицы одной не отпущу въ долгъ.

— Этакой разбойникъ! Разжирѣлъ! пузо-то вотъ какое, оттого и зазнался. Прежній-то Сафронъ Трифонычъ не въ примѣръ лучше былъ! тотъ всегда на два рубли вѣрилъ.

— Охти, хти, хти? какъ замужъ идти?.. возражала другая сосѣдка:—твой-то хорошъ пришелъ, а мой-то еще чище!.. Городовой на извощикѣ привезъ. Спасибо, что городовой-то знакомый человѣкъ, а то сраму-то сколько было бы, пожалуй до начальства бы дошло! Я хотѣла заплатить за извощика, да Потапъ Потапычъ говоритъ: не нужно!.. Надо было ему косушечку купить...

Читателю можетъ быть приходилось видѣть прелюбопытную и вмѣстѣ прекомическую сцену, когда двое городо-

выхъ ведутъ подъ-руки пьянаго... Чуть завидятъ это извощики—маршъ-маршъ во всѣ стороны и какъ есть ни одного!.. Никому изъ нихъ не хочется прокатиться съ безплатнымъ сѣдокомъ до ближайшей части.

За то надо видѣть оплошавшаго извощика, который спалъ въ это время, развалившись на дрожкахъ, самымъ сладчайшимъ сномъ.

— Извощикъ! кричитъ городовой басомъ.

— Куда прикажете? отвѣчаетъ тотъ весело съ просонья, надѣясь заработать четвертакъ.

— Но, увы и ахъ! на дрожки взваливаютъ пьянаго; городовой садится съ нимъ рядомъ, обнявши его за спину, какъ любящій мужъ свою супругу, опасаясь, чтобы она не свалилась съ трескаго экипажа.

— Вези въ третью адмиралтейскую, или нарвскую! кричитъ городовой.

И несчастный извощикъ, не успѣвши покормить заморенную ѣздою лошадку, дергаетъ возжами. Кляча словно чувствуетъ, что прогуляется версты три безъ всякаго вознагражденія и плетется шагомъ, понуривши голову. Въ былыя времена господа городовые рѣдко отправлялись куда нужно по образу пѣшаго хожденія. Да это была бы съ ихъ стороны непростительная глупость, когда есть возможность доѣхать безплатно. Взявши засаленную шнуровую книгу, или какой-нибудь пакетъ, требующій пересылки безъ отлагательства, городовой садится на перваго попавшагося извощика.

— Пошелъ, не разсуждай! Видишь, казенная бумага!

Разумѣется все это было. Теперь и въ полиціи другіе порядки.—

За перегородкой, въ комнатѣ почище, жилъ другой отставной надворный совѣтникъ, на какихъ-то двѣнадцати

рубляхъ ежемѣсячной пенсіи. У него было два бѣлокуренькихъ хорошенькихъ мальчика, одинъ двѣнадцати лѣтъ, а другой десяти. Оба они ходили въ какую-то гимназію, оба остались на пятомъ и седьмомъ году сиротами послѣ матери.

Почтенный надворный совѣтникъ въ нихъ души не чаялъ, тѣмъ болѣе, что это были мальчики умные, тихіе и очень хорошенькіе. Не даромъ говорила одна моя знакомая, очень умная дама: «хорошенкая дѣвушка—милое созданіе, спору нѣтъ: но за то ужъ если мальчикъ захочетъ быть хорошенькимъ, такъ за поясъ заткнетъ любую дѣвушку!» Добрый отецъ отдѣлялъ послѣднія крохи для воспитанія любимыхъ сыновей и былъ образцомъ воздержности и акуратности во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ въ Петербургѣ, при теперешней дороговизнѣ, ухитрялся проживать въ мѣсяцъ всего шесть цѣлковыхъ, откладывая десятый годъ по восьми рублей съ чѣмъ-то въ мѣсяцъ. И замѣтьте, что онъ не голодалъ, не отказывалъ себѣ въ необходимѣйшемъ; пилъ чай, въ праздники кофе, курилъ, обѣдалъ, носилъ чистое бѣлье, ходилъ еженедѣльно въ баню. Читатель спроситъ: какъ же при всемъ этомъ онъ проживалъ всего шесть рублей въ мѣсяцъ? Очень просто—вотъ его расходы:

Обѣдалъ онъ въ демидовскомъ заведеніи, платя по пятачку въ день, полтора рубля въ мѣсяцъ. Бывало возьметъ самъ два горшечка, обернетъ въ чистую тряпочку и отправляется за пищей въ заведеніе. Тамъ за общимъ столомъ, вмѣстѣ съ нищими, онъ не обѣдалъ, а носилъ пищу домой, чтобъ не компрометировать чинъ надворнаго совѣтника, данный царемъ; чтобъ оставить что-нибудь къ ужину, онъ не наѣдался плотно за обѣдомъ, какъ и совѣтуетъ Гуфеландъ. Оба горшка самъ поставитъ въ печку и

всегда сдѣлаетъ это такъ, чтобъ никто изъ жильцовъ не замѣтилъ, что вотъ дескать надворный совѣтникъ самъ ставитъ горшки въ печку. Въ самое демидовское онъ всегда старался придти раньше всѣхъ, чтобъ никого не застать, чтобъ сплетницы старухи-нищенки не пронесли по Петербугской сторонѣ, что вотъ дескать надворный совѣтникъ питается вмѣстѣ съ нищими демидовской кашицей!.. Подходя къ заведенію всегда закутавшись въ кашне или прикрывшись до самыхъ глазъ воротникомъ, онъ старательно озиралъ улицу, нейдетъ ли кто-нибудь изъ его знакомыхъ или его знающихъ. Убѣдившись, что на улицѣ пусто, онъ «нырялъ» въ низенькія дверцы «снабженія» и кидалъ взоръ на черную доску, на которой пишутся жертвованія. Если нѣтъ на ней: «за упокой Феклы 40 порцій» или чего-нибудь подобнаго, онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ отдавалъ раздатчику пищи пятачекъ и просилъ наливать горшки пополнѣе, масла тоже давать сколько слѣдуетъ по положенію. Зато сердечко его радостно екало, когда на доскѣ было выведено каракулями: «30 порцій, 40, 60 и т. п. Возвращаться домой съ горшками тихонько чтобъ ихъ не расплескать, было труднѣе чѣмъ приходить. Какія страшныя пытки цѣлыхъ полверсты должно выносить его надворно-совѣтницкое самолюбіе!...

За квартиру онъ платилъ два рубля, самъ обклеилъ ее обоями, которые подарилъ ему купецъ за сочиненіе какой-то просьбы. Каждый день три раза онъ самъ старательно выметалъ комнату вѣникомъ, прыская полъ, чтобы пыль не портила платье. Ужъ когда сходитъ въ трехкопѣечную баню, то непремѣнно возьметъ домой съ собой вѣникъ. Мочалка, суконка у него были заведены разъ навсегда и служили ему вѣрой и правдой чуть ли не со дня его рожденія. Онъ и такъ кряхтѣлъ, что съ мыломъ у не-

го выходитъ ежемѣсячно пятнадцать копѣекъ на баню. Чтобы не тратиться на парильщиковъ, онъ ходилъ въ нее кушно съ другимъ отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ, и надо было видѣть какъ они старательно вытирали суконкой другъ другу спины и прочее... Я нарочно вдаюсь въ эти нѣсколько смѣшныя повидимому подробности, собственно для бѣдняковъ, неумѣющихъ жить. Оба надворные совѣтники были друзья и пріятели, оба щеголяли въ теплой шапкѣ съ ушами, съ суковатой палкой въ рукахъ изъ такъ-называемаго «стояростоваго» дерева. Оба были друзья и пріятели, совершенно согласные во мнѣніяхъ, во вкусахъ. Какъ тотъ кончилъ курсъ въ школѣ во времена Хераскова, такъ и другой. Оба ужасно любили почитывать «Маякъ» и были убѣждены, что никогда не было и не будетъ такого прекраснаго въ Россіи журнала. Какъ тотъ, такъ и другой выкуривали ежедневно по четыре папиросы, набитыя третьимъ сортомъ Миллера, десять копѣекъ четверка. Но тогда бы выходило въ мѣсяцъ сто-двадцать папиросъ, такъ чтобъ ихъ вышло ровно сто, на пятнадцать копѣекъ, оба пріятеля по средамъ и пятницамъ выкуривали по полторы папиросы. И то оба кряхтѣли, что расходы на табакъ съ гильзами ежемѣсячно пятнадцать копѣекъ. Чаю выходила въ мѣсяцъ четверка, на полтинникъ, потому что расчетливые старички насыпали новый чай на старый *четыре раза*, и только тогда, когда въ немъ видѣнъ былъ Кронштадтъ какъ на ладони, высыпали спитый чай въ особую бумажку и на каждую новую четверку чаю подбавляли *восьмую часть* смѣси. Сахару полагалось по обыкновенному куску на разъ, шестьдесятъ кусковъ въ одинъ мѣсяцъ или фунтъ въ двадцать-три копѣйки.

Пріятели, приходя другъ къ другу, никогда не были

ничѣмъ угощаемы. Даже нюхательный табакъ былъ у каждаго свой.

Надо было удивляться искусству, съ какимъ эти оба почтенные мужа вымывали себѣ въ банѣ бѣлье, чтобъ не тратиться на прачекъ. Чтобъ щеголять въ бѣльѣ чистомъ, разглаженномъ, приличномъ чину надворнаго совѣтника, одинъ изъ друзей завелъ утюгъ, а другой гладильную доску. Когда они приходили другъ къ другу вечеркомъ, чтобы побесѣдовать о какихъ-нибудь душеспасительныхъ предметахъ, то сидѣли въ потьмахъ, въ видахъ сокращенія расходовъ на свѣчи. Впрочемъ, у совѣтниковъ постоянно теплился ночникъ, а въ случаѣ прихода незнакомаго человѣка для написанія просьбы зажигалась свѣча. Такихъ свѣчей, всегда пальмовыхъ, какъ болѣе приличныхъ, чѣмъ сальныя, званію дворянина, выходило въ мѣсяцъ полфунта, на одиннадцать копѣекъ. Платье оба старичка берегли, какъ зѣницу ока. Идя вмѣстѣ по улицѣ, старательно наблюдали другъ за другомъ, чтобъ не наступить сапогомъ на острый, продирающій подошву камушекъ; при переходѣ черезъ грязь рѣшали общимъ совѣтомъ, какъ пройти посуше.

— Остерегайтесь! говорилъ одинъ другому:—сегодня тепло, съ сосулекъ капе́ль, того и гляди на сукно капнетъ а оно отъ этого гніетъ...

— Нейдите шибко! остерегалъ другой:—вспотѣемъ, а отъ поту подъ рукавами сюртукъ прогараетъ и бѣлье скорѣе пачкается!

Чтобъ не тратиться на свѣчи или на масло для ночника, они поочередно приходили другъ къ другу по вечерамъ и когда не читали «Маяка» или «Домашней бесѣды», то сидѣли въ потьмахъ. «Вѣдь мы знаемъ другъ друга, слышать одинъ другаго можно и безъ свѣчи, такъ

кчему же зажигать ее!» Къ нимъ обоимъ приходили иногда старухи, мѣщане съ просьбою написать прошеніе. Такъ какъ они оба Державина и Мерзлякова считали величайшими изъ всѣхъ геніевъ, какіе были и будутъ; такъ какъ кончили курсъ въ одномъ училищѣ, обмѣнивались постоянно идеями, то и слогъ просьбъ, писаныхъ ими, былъ совершенно одинаковый. Какъ одна начиналась: «повергая нижайшую просьбу мою къ стопамъ вашего высокоблагородія»; такъ и у другаго тоже: «повергая» и прочее. Если одинъ заключалъ просьбу: «а за таковое благодѣяніе буду молить непрестанно предъ престоломъ Всевышняго о продленіи драгоцѣнныхъ для Россіи дней вашихъ и дѣточекъ вашихъ», такъ и другой оканчивалъ просьбу. Онѣ были дотого у обоихъ сходны почеркомъ и слогомъ, что старухи не знали, къ которому изъ нихъ идти.

Оба надворные совѣтника были такъ похожи другъ на друга, что когда они шли зимой по улицѣ, въ шапкахъ съ ушами, съ совершенно одинаковыми стоярстовыми палками, то—приведи хоть всю Петербургскую-сторону—никто бы не могъ различить, который изъ нихъ Иванъ Михѣичъ, и который Михѣй Михѣичъ. Вся и разница между ними въ томъ, что одинъ живетъ у Крохоборовой, а другой у Скопидомовой; что одинъ идетъ съ правой стороны, а другой—съ лѣвой...

За то надо было видѣть, какъ крохоборовскій Иванъ Михѣичъ принималъ своихъ хорошенькихъ сыновей, когда ихъ въ субботу отпускали изъ гимназіи. (Они были казенно-коштные). Маленькая комнатка его преобразовывалась, получала другой видъ. Изъ завѣтнаго сундучка доставалось зеркало въ нейзильберной рамкѣ; на столѣ разстилалась красная салфетка, изображающая какой-то нѣ-

мецкій городъ съ ѣдущими вагонами, пассажирами съ птичьими носами, выглядывающими изъ оконъ и тому подобное. На окошечко, величиною съ школьную аспидную доску, навѣшивалось драпри; на стѣну—двѣ картины въ позолоченыхъ рамкахъ, изображающія, одна—въѣздъ Дибича Забалканскаго въ городъ Адріанополь, а другая—Петра великаго, спасающаго матросовъ на Лахтѣ. Послѣдняя была куплена на Садовой подлѣ Банка и изображала Петра такимъ румянымъ, въ такомъ щегольскомъ синемъ кафтанѣ, словно царь-матросъ сбирался на асамблею, а не былъ въ тревогѣ, спасая матросовъ. Да и въѣздъ въ Адріанополь Дибича былъ не лучше: тутъ только и были видны головы, да ноги. Кромѣ того, снималась кисея съ портрета какой-то важной особы, изображенной съ такимъ деревяннымъ, идіотическимъ лицомъ, что даже было нѣсколько совѣстно за такую неправду, живописную клевету... .

Часы съ огромнымъ циферблатомъ, вравшіе на-пропалую, бившіе иногда двадцать-девять часовъ, вмѣсто двѣнадцати, пробили на этотъ разъ девять, и влетѣли въ комнату два молодчика, въ чистенькихъ гимназическихъ вицъ-мундирчикахъ. Ихъ бѣлые какъ сахаръ зубы, плѣнительная улыбка, что-то дѣвическое въ ясныхъ голубыхъ глазахъ, напоминающее мать до замужества, восхищало старика отца, и онъ, заграбаставъ обоихъ мальчиковъ въ свои объятія, долго и крѣпко цѣловалъ ихъ. — Папаша, какая у васъ жосткая борода, замѣтилъ смѣясь старшій Володя и бросился цѣловать отца; младшій Саша былъ какъ-то задумчивѣе, какъ говорится, идеальнѣе. Отецъ былъ внѣ себя отъ радости: дѣти бросились къ сосѣдямъ и старшій весело поздоровался, перецѣловался въ губы съ самыми гнилыми, грибообразными старушонками. Ста-

рушки окончательно расплылись отъ радости: онѣ были ужасныя охотницы цѣловаться съ хорошенькими мальчиками...—Эки ангелы небесные! шамшили старушки:—видно, далъ Богъ Ивану Михѣичу такихъ дѣтей за его добродѣтели!.. Въ этотъ радостный суботній день и Иванъ Михѣичъ сходилъ, такъ сказать, съ своего пьедестала и, забывши всякую разницу въ чинахъ и званіяхъ, охотно балагурилъ со старушками, подчивалъ ихъ кофеемъ, до котораго онѣ были страшныя охотницы. Откуда то, словно изъ-подъ земли, являлся графинчикъ съ травничкомъ и Иванъ Михѣичъ обносилъ каждой жилицѣ по рюмочкѣ. Сколько было ужимокъ, жеманства, отнѣкиваній, увѣреній что не пьетъ, однако каждая выпивала всю рюмочку и непрочь была бы отъ другой, еслибъ попристальнѣе поподчивали... Во всемъ нижнемъ этажѣ флигеля, гдѣ жилъ Иванъ Михѣичъ, пахнуло чѣмъ-то праздничнымъ. У каждой жилицы, самой бѣдной, были вымыты полы, все прибрано, перечищено, передъ образами горѣла лампадка, по случаю воскресенія Христова. Пока старушки тараторили о добродѣтеляхъ Ивана Михѣича, пока смазливенькія дѣвицы бесѣдовали съ мальчиками, сладко на нихъ поглядывая, Иванъ Михѣичъ успѣвалъ уже сбѣгать въ лавочку, взять полтора десятка яичекъ, маслица, всего, что нужно къ яичницѣ.

Кромѣ того, доставались изъ завѣтнаго сундука разныя баночки съ груздочками, рыжечками, волнушками, отварными грибками и даже появлялась на столѣ пастила.

Все это раскладывалось на маленькія тарелочки, которыя тоже появлялись Богъ вѣсть откуда. Бывало жильцы удивляются, что̀ это Иванъ Михѣичъ всю суботу возится за перегородкой, гремитъ какой-то посудой, а кажется человѣкъ бѣдный? Въ буднишніе дни все такъ мизерно:

Иванъ Михѣичь, даже при Михѣѣ Михѣичѣ, сидитъ безъ свѣчки; вмѣсто чаю дуетъ бурую водицу, а теперь и самоваръ кипитъ на очагѣ въ кухнѣ, и закуски разныя явились, и все что хочешь. А все это заводилось изъ скопленныхъ Иваномъ Михѣичемъ денегъ, изъ вещей, оставшихся послѣ покойной. Всѣ эти расходы на грибки, пастилки, яйца, обѣды, заказываемые почтальонше въ праздничные дни, вносились въ особенную книжку экстренныхъ расходовъ. Однимъ словомъ, отецъ положилъ всю душу въ сыновей: самъ голодалъ шесть дней, терпѣлъ всевозможныя лишенія, лишь бы составить возможное удовольствіе любимымъ болѣе всего въ мірѣ хорошенькимъ сыночкамъ мальчикамъ. Кромѣ того, Иванъ Михѣичь, накупивши въ колбасной ливерной колбасы, самъ мастерски поджаривалъ ее на сковородкѣ, выпускалъ яичницу,—однимъ словомъ, какъ настоящій поваръ. Володя, любившій до страсти отца, суетился около него, помогалъ ему, иногда даже мѣшалъ своею излишнею прыткостью, что̀ очень тѣшило добраго родителя.—«Ты акуратъ, какъ покойная Маша, такая же прыгунья, говорилъ отецъ, ущипнувши мимоходомъ Володю за щеку. Вотъ мой умница—Саша: посмотри, онъ сидитъ себѣ скромненько, какъ невѣста...» Саша, съ раскраснѣвшимися щеками отъ печнаго жару, былъ дѣйствительно похожъ на невѣсту. Напившись чаю, или кофейку со сливочками, отецъ съ сыновьями принимался черезъ часъ ужинать. Послѣ ужина вынимались два тюфячка, стлались чистенькія простынки, и въ десять часовъ всѣ засыпали сладкимъ сномъ. Поутру всѣ отправлялись къ поздней обѣднѣ къ Введенью. Воскресенье было проведено весело, въ разговорахъ, наконецъ вечеромъ гимназисты уходили домой, Простившись съ ними со слезами, давши дѣтямъ должныя наставленія, отецъ

крестилъ ихъ, приговаривая каждому: «Господь съ тобою, ангелъ-хранитель и всѣ силы небесныя!» По уходѣ дѣтей все опять пряталось, принимало прежній унылый видъ. Опять на пять дней съ половиной запиралась комната, опять старикъ втихомолку хлебалъ демидовскія щи со щепками вмѣсто рыбы и говядины...

Въ другомъ отдѣленіи лѣпились въ трехъ аршинной комнатѣ: ткачиха, коровница и отставная титулярная совѣтница. Онѣ другъ отъ друга отдѣлялись такими жидкими перегородками, которыя можно было проковырять и пальцемъ. У ткачихи былъ грудной ребенокъ, никогда не умолкавшій. Кромѣ того, у коровницы было трое дѣтей: пятилѣтній мальчикъ и двѣ дѣвочки, девяти и одиннадцати лѣтъ.

О жизни семействъ съ малыми ребятами стоило бы поговорить побольше, но это растянуло бы и безъ того длинную статью на лишнихъ пять–шесть страницъ.

Короче, дѣти безпрестанно толкались другъ о друга, какъ горшки въ печи: то Вася дастъ тукманку Лизѣ — визгъ, ревъ на весь флигель; то Лиза вцѣпится ногтями въ пухлое, какъ подушка, Васино рыльцо, и опять писк на весь флигель.

Всѣхъ этихъ писковъ ребятишекъ, ссоръ матерей изъза дѣтокъ на одномъ днѣ бываетъ сорокъ тысячъ.

Титулярная совѣтница была удивительно проникнута своимъ высокоблагороднымъ чиномъ, и при ругнѣ съ ткачихой, или коровницей, только и твердила: я не какая-нибудь потаскуха! я титулярная совѣтница, я кровнаго архистратическаго происхожденія! я не позволю наступить себѣ на ногу! и проч., и проч., и проч.

Этотъ міръ будочницъ, фонарщицъ, женъ гарнизонныхъ солдатъ я изображу въ отдѣльной повѣсти. А теперь пока довольно.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

ЛЕТУЧІЙ ОЧЕРКЪ.

—

Пріятно зрѣть нашихъ гражданъ, въ прекрасный лѣтній день, когда они, густою разноцвѣтною толпою, при колокольномъ звонѣ, по окончаніи обѣдни, высыпаютъ изъ церкви на паперть, среди живой аллеи нищихъ, протягивающихъ руки. Уже изъ самаго обилія шляпокъ, чещовъ, волосяныхъ кринолиновъ, невообразимо прозрачныхъ газовыхъ платьевъ, послѣдняго петербургскаго фасона, ясно видно, что городъ нашъ достигъ желаемаго просвѣщенія, что онъ—перлъ Россіи, которая, какъ извѣстно изъ географіи и санктпетербургскихъ вѣдомостей, идетъ исполинскими шагами по пути народнаго просвѣщенія, особенно со временъ Петра Перваго. Именно, стоитъ взглянуть на нашихъ гражданъ, когда они выходятъ отъ обѣдни изъ церкви Спаса на лугахъ. Церковь Спаса на лугахъ отличается необычайно басистымъ дьякономъ, аристократичностію прихожанъ, такъ что наши «высшія». дамы справедливо называютъ эту церковь «аристократическою». Но всѣхъ замѣчательнѣе здѣсь—отецъ Кирила; отецъ Кирила говоритъ отличныя проповѣди. Недавно, на дняхъ, онъ привелъ въ восторгъ весь нашъ бомондъ, проповѣдуя объ

изнуреніи плоти. Сойдя съ паперти, всѣ благоприличные семейные граждане, взявшись подъ руку съ женами, возвращаются чинно домой, въ сладкомъ убѣжденіи, что живутъ по евангелію; что сдѣлали истинно-христіанское дѣло, выслушавъ проповѣдь отца Кирилы, тщательно разглядѣвъ, что было на головѣ у губернаторши, на шеѣ у попечительницы богоугодныхъ заведеній и тому подобное.

Между тѣмъ, когда паперть опустѣла, громадная толпа нищихъ, молясь и ругаясь, разсыпалась по всѣмъ направленіямъ, чтобы собранные съ полгорода грошики возвратить обратно виннымъ откупщикамъ, содержателямъ полпивныхъ, харчевень, и т. п. Такимъ образомъ, вѣчно крутится это колесо: откупщики, содержатели яствъ и питій, раздавъ мѣди рубля на три, получаютъ обратно десятки тысячъ, извѣстнымъ способомъ претворенія воды въ вино.. Но, при выходѣ гражданъ, стекшихся помолиться, всего больше поражаешься обиліемъ нищихъ.

Кажется, будто цѣлыхъ полгорода нищихъ, будто ихъ съ цѣлой имперіи согнали въ нашъ городъ... Предсѣдатель уголовной палаты, винный откупщикъ и многіе другіе члены избраннаго круга убѣждены, что нищенство—порожденіе тунеядства.—Какъ-же, замѣчаютъ эти господа:—я прибылъ на службу съ тремя копѣйками, а умѣлъ-таки нажить въ 20 лѣтъ сто тысячъ, и все честностію и порядкомъ. Конечно, коли мы умѣли такъ нажиться, такъ и всякій можетъ это сдѣлать — трудись.

— Не четыре же руки намъ Богъ далъ, добавляетъ подрядчикъ на казенные строительные матеріалы. Я, вонъ три фабрики имѣю, два завода, лѣсу нѣсколько тысячъ десятинъ, оставшихся послѣ батюшки, да и то покоя

не знаю. Туда надо ѣхать—оброкъ собирать, туда тянутъ—получить деньги съ арендатора; вездѣ надо поспѣть.

—Охъ, многотрудны наши обязанности! замѣчало одно почтенное лицо:—вчера просили на торжество, по случаю закладки богадѣльни, завтра опять приглашаютъ на праздникъ, въ село Кобельки,—храмовый праздникъ. Нельзя не быть, такое лицо... Обѣдъ ли затѣется, ужинъ ли, балъ-ли, вездѣ нужно дать распорядокъ...

— Я ужъ и не знаю, что мнѣ дѣлать, просто силъ не хватаетъ, говорилъ одинъ богатый землевладѣлецъ:—нужно ѣхать въ деревню въ Суковку; хочется домикъ тысченокъ въ 40 выстроить, въ Жилотяжковѣ — паркъ съ садомъ разбить. Все заботы, все хлопоты... Еще послѣ этого говорятъ, что мы даромъ коптимъ небо!..

Благодаря такому правильному, ясному взгляду на вещи, избранный кругъ нашего общества, благонамѣренные граждане, не вертоплясы какіе нибудь, а люди почетные, съ капитальцемъ, нажитымъ единственно честностію—составилъ издавна, испоконъ вѣка, извѣстныя заключенія о жизни, о людяхъ.

Эти заключенія и есть, и были, и будутъ во всей силѣ. Напримѣръ: всякій порядочный человѣкъ непремѣнно долженъ себѣ составить на службѣ состояніе. Слѣдовательно, тотъ,—или глупый, или безпутный человѣкъ, кто этого не сдѣлалъ.

Второе: дурно одѣтый человѣкъ—непремѣнно пьяница, безпутный. Третье: человѣкъ безъ протекціи не можетъ занимать никакой должности, ни казенной, ни частной; потому что,—чортъ его знаетъ,—можетъ быть и обокрадетъ, и накуралеситъ.

А слѣдовательно, тѣ ищущіе мѣста чиновники, лакеи и тому подобныя лица, которыхъ рекомендовала намъ

горничная и писарь, который чинитъ искусно перья, или водитъ «новыхъ горничныхъ», чтобъ узнать, какая изъ нихъ болѣе способна къ своему дѣлу,—тѣ чиновники, повторяю, никогда не могутъ насъ ни обокрасть, ни подвести подъ обухъ, ни накуралесить.

Вотъ три правила, три сваи, изъ того безчисленнаго множества свай, на которыхъ до настоящей реформы зиждилось благоденствіе нашего города, а съ нимъ вмѣстѣ и многихъ другихъ городовъ Россіи, которая, какъ извѣстно, идетъ, со временъ Петра Перваго, исполинскими шагами по пути народнаго просвѣщенія. .

Но, прочь всѣ воззрѣнія! меня увлекаетъ плѣнительный образъ Варвары Яковлевы Бомондовой. Варвара Яковлевна Бомондова — дама чистѣйшей аристократической крови. Подъ совѣсть, подъ поведеніе Варвары Яковлевны, подъ ея отношенія къ обществу, вы не подпустите и пальца. (Варвара Яковлевна такъ безукоризненна, что не найдется мѣста, чтобъ подпустить самый малый палецъ, мизинецъ подъ ея совѣсть). Главное, въ чемъ ея высокое достоинство,— что у ней все, какъ въ Петербургѣ...: Рысаки на конюшнѣ... какъ въ Петербургѣ, молодые люди въ ея гостинной какъ въ Петербургѣ. Варвара Яковлевна шага не ступитъ, чтобъ не спросить у самой себя, или у мужа: а такъ–ли это въ Петербургѣ? такъ-ли это въ нашемъ миломъ высшемъ обществѣ? Варвара Яковлевна, надо замѣтить, полъ-дѣвической своей жизни прожила въ седьмой ротѣ Измайловскаго полка, а остальную половину въ Плуталовой улицѣ, близъ Теряевой, на Петербургской-сторонѣ;—вотъ главныя причины, почему она такъ полюбила «милый» Петербургъ. Кромѣ того, поселившись среди нашихъ благонамѣренныхъ гражданъ, она страдала постоянно болѣзнію, нѣсколько похожею на тоску по родинѣ, это—тоска

по высшему обществу. Хотя она, кромѣ петергофскаго придворнаго бала, да и то чрезъ окошко, не видала порядочныхъ баловъ высшаго общества (но за то о послѣднемъ пріобрѣла обширныя свѣденія изъ сочиненій свѣтскихъ писателей, которые, какъ извѣстно, удивительно хорошо знаютъ высшее общество)... Эта уважаемая дама служила образцомъ всѣмъ другимъ дамамъ нашего милаго губернскаго высшаго общества; въ знаніи приличій свѣта, искуствѣ одѣваться по послѣдней петербургской модѣ, она служила, такъ сказать, маякомъ всѣхъ заблуждающихся и заблуждавшихся дамъ, неодаренныхъ инстинктомъ одѣваться просто, но мило... Бомондова же умѣла одѣться просто, но мило. Какая нибудь бѣлая роза въ волосахъ, какой нибудь браслетъ рублей въ 500 и больше ничего.

Иная купчиха, или дочь откупщика, навѣситъ на себя, какъ на вѣшалку, цѣлый магазинъ «модныхъ платій», бриліантовыхъ и золотыхъ вещей, а все это будетъ не такъ просто и мило, какъ на Варварѣ Яковлевнѣ. Ея башмаки, воруемыя горничными, для образца губернскимъ дамамъ, цѣнились въ нашемъ городѣ, чуть ли не выше знаменитыхъ ботфортъ Петра Перваго, красующихся въ московской оружейной палатѣ. За ея выкройки съ какого-то лифчика, чуть-ли не подрались двѣ очень аристократическія дамы. А все отчего? Оттого, что Бомондова поставила задачею своей жизни—жить комъ-иль-фо. При своей элегантной натурѣ, она умѣла и окружать себя «элегантными» натурами. Все, что только было изящнаго, презентабельнаго, сюбтильнаго, грандіознаго, граціознаго, на сто верстъ кругомъ,—все это толпилось, расшаркивалось и рисовалось въ салонѣ Варвары Яковлевны. Она хотѣла даже преобразовать канцелярію своего мужа, подобно тому, какъ

Махмудъ преобразовалъ оттоманскую имперію... Всѣхъ этихъ служакъ, съ черезъ-чуръ неблагопристойными физіономіями, но съ черезъ-чуръ долголѣтнимъ усердіемъ по службѣ, она хотѣла пустить на подножный кормъ. Она даже достигла этой цѣли; но новые чиновники, съ элегантными манерами, до того были несвѣдущи въ дѣлахъ, что одинъ за другимъ удалены изъ службы «вышнимъ» начальствомъ. Напримѣръ, ея правитель дѣлъ, то-есть правитель дѣлъ ея мужа, имѣлъ прелестнѣйшія въ цѣлой вселенной бакенбарды; секретарь такъ хорошо танцовалъ польку трамблянъ, что приводилъ въ восхищеніе не только здѣшнее, но и столичное общество. Господинъ Бомондовъ—добрякъ страшный, когда-то франтъ, а теперь обрюзгшій и расплывшійся тѣлесами, во всемъ слушался своей супруги. Онъ держалъ ручки постоянно на брюшкѣ, а головку нѣсколько на бокъ. Занимая очень и очень значительный постъ въ городѣ, онъ полжизни провелъ бай-бай, вполнѣ полагаясь на административныя способности своей супруги...

Замѣчу мимоходомъ,—почему женщинамъ не даютъ «совершенно равныхъ правъ» съ мужчинами, тогда какъ мы знаемъ, изъ безчисленныхъ примѣровъ, что женщины отлично управляютъ цѣлыми канцеляріями, можетъ быть, цѣлыми департаментами,—тогда какъ ихъ мужья только числятся въ спискахъ полученія столовыхъ, квартирныхъ и наградъ за долголѣтнюю неусыпную дѣятельность. Но главная черта уважаемой въ городѣ дамы, состояла въ томъ, что она была въ высшей степени галантерейна, и такъ пропитана аристократическимъ благовоніемъ седьмой роты Измайловскаго полка и Теряевой улицы, въ очаровательномъ Петербургѣ, что не могла видѣть ничего мизернаго, ничего такого, что обличало бы крайнюю бѣд-

ность... Она была въ сущности добрая, сострадательная женщина, что доказывается ея трехъ-дневнымъ плачемъ о съѣденной котомъ канарейкѣ, но на практикѣ, въ обыденныхъ случайностяхъ, она была «безжалостна», сама того не подозрѣвая. Увидѣвъ, однажды, бѣднягу чиновника, въ засаленномъ старомъ мундиришкѣ, съ нѣкоторымъ запасомъ съ дыркой на сапогѣ, сквозь которую просвѣчивалъ чулокъ, она, то-есть не дыра, а галантерейная дама, чуть не упала въ обморокъ, чѣмъ и привела мужа къ тому заключенію, что этотъ чиновникъ любитъ выпить. На бѣду подвернулся къ нему секретарь, имѣвшій бакенбарды, прелестнѣйшія въ цѣлой вселенной, онъ, секретарь, увѣрилъ «телятино-образнаго» супруга, что неряха - чиновникъ— горчайшій пьяница,—и участь этого бѣдняка была рѣшена. Между тѣмъ, этотъ несчастный, имѣя на рукахъ жену, троихъ дѣтей и тётку, никакъ ужъ не имѣлъ возможности шить себѣ новыхъ фраковъ и пить такое вино, отъ котораго не благоухало бы изъ устъ... Если ей случалось встрѣчать на улицѣ бѣдняка въ потертой одежонкѣ, то она отворачивалась въ сторону съ чувствомъ неодолимаго отвращенія: ей казалось, что бѣдняга, понтирующій въ кабачокъ или въ полпивную, едва-ли не величайшій преступникъ, изъ всѣхъ преступниковъ, какіе только есть у насъ въ городѣ. Она не подозрѣвала, что между такими отрепанцами, забулдыгами, пьянчужками, есть очень много людей честныхъ, добрыхъ, толковитыхъ и даровитыхъ, которыхъ вся и слабость-то состоитъ въ томъ, что они любятъ подчасъ не въ мѣру выпить... Приласкай ихъ кто нибудь, приголубь, отучи отъ «пагубнаго порока», что очень не трудно сдѣлать со многими изъ нихъ—и они будутъ изъ благодарности полезнѣйшіе, преданнѣйшіе люди. Но кому до этого дѣло? Всякій клеймитъ ихъ презрѣніемъ, а никто паль-

*

цемъ пошевелить не хочетъ для пользы ближняго. Вообще, Варвара Яковлевна ненавидѣла пьяницъ, которыхъ встрѣчала на улицахъ. Съ нею чуть не дѣлался обморокъ, когда она проходила мимо засаленныхъ, темненькихъ дверей, съ выбитыми стеклами, съ извѣстною вывѣскою, черною, какъ заслонка. Запахъ этого акцизнаго зелья производило у нея головокруженіе и она спасалась только тѣмъ, что затыкала носъ платкомъ.—Пфуй какая гадость! восклицала она:—чего же полиція-то смотритъ, что позволяетъ народу пьянствовать въ кабакахъ? Да отъ одного этого запаху умереть можно! Вообще, она, какъ всѣ, принадлежащія къ ея кружку, любила ссылаться на полицію. Услышитъ-ли, напримѣръ, что въ городѣ учинилась кража со взломомъ; что какой-то воришка, съ голодухи, залѣзъ въ ларь торговки, Бомондова и весь кружокъ восклицали: да чегожъ полиція-то смотритъ? да вѣдь это дѣло полиціи! Какъ, намъ, порядочнымъ людямъ, покою нѣтъ!..

— Полноте, сударыня, возражалъ ей полиціймейстеръ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ днемъ и съ фонаремъ не сыщешь, то-есть честный и образованный:—мы будемъ сидѣть, склавши ручки, равнодушно смотрѣть, какъ вокругъ насъ умножается нищенство, доводящее до воровства—да всѣ бѣды сваливать на полицію!.. Чѣмъ транжирить деньгами на тряпки, да на концерты, да на поѣздки за границу,—лучше бы составили побольше обществъ въ пользу бѣдныхъ, да пожертвовали, хоть по синюхѣ съ физіономіи:—дѣло-то было бы складнѣе.

А то, корчимъ изъ себя благонамѣренныхъ гражданъ, считаемъ себя истинными христіанами, потому что забыли, какъ скопили состоянія, да сѣтуемъ на начальство, на полицію!.. Дармоѣды! Нажили капитальцы въ «глухія времена», да и хвастаемся своими добродѣтелями. Велика

добродѣтель сходить разъ въ недѣлю въ церковь, да пощеголять тысячными нарядами, да почистить пуговицы! Нѣтъ, тутъ нужны не грошики, не полушки, раздаваемыя бѣднымъ на паперти; тутъ нужны тысячи, десятую часть съ каждаго имущества, какъ установилъ Моисей у израильтянъ.

— Однако, это поощрило бывъ нашей имперіи дармоѣдство, тунеядство, возражалъ глубокомысленно начальникъ строительной и дорожной коммисіи, страдающій одышкой отъ непомѣрной толщины:—трудиться надо, трудиться, а не жить на чужой счетъ, жертвованіями да приношеніями.

— Именно трудиться, подтверждалъ супругъ Варвары Яковлевны, начинавшій уже дремать, лежа на диванѣ, подъ шумокъ разговора.

— Отъ этого-то все зло, развратъ и пьянство, добавлялъ предсѣдатель палаты, допивая пятый стаканъ съ ромомъ.

— Вотъ въ томъ-то и горе, что мы спицу видимъ въ глазу ближняго. Небось, это не считаемъ за стыдъ—насвистаться на пикникахъ такъ, что насъ, какъ дрова, разносятъ по каретамъ и по колясками. Дверцы захлопнули, насъ никто и не видитъ, какъ мы красивы... А бѣдняга, охмѣлѣвшій отъ косушки, съ непривычки, оттого что рѣдко есть деньги выпить—намъ кажется горчайшимъ пьянчугой.

У него, я думаю, сверлитъ. сверлитъ подъ ложечкой съ горя, съ заботъ; такъ поневолѣ надо забыть горе—выпить. А мы-то зачѣмъ пьемъ? съ какого горя? Отъ жиру бѣсимся!.. Привыкли только мотыжничать, да кутить. Тутъ полиціймейстеръ, какого днемъ съ огнемъ не сыщешь, вошелъ рѣшительно въ азартъ. Мало-по-малу, противни-

ки начали поддаваться его краснорѣчію, переходить на его сторону (у каждаго сверлило на душѣ много незаслуженнаго горя), и окончилось дѣло тѣмъ, что все общество единогласно рѣшилось составить изъ себя «благотворительное общество». Бомондова, такъ презирающая пьянчугъ и бѣдняковъ, перемѣнила паруса и скоро сдѣлалась его душою.

Господинъ полиціймейстеръ оказался рѣшительно Робертомъ-Пилемъ въ дѣлѣ заступничества за угнетенныхъ. Потоку его краснорѣчія не было конца. Предсѣдатель уголовной палаты, доказавшій какъ дважды два, что нищенство порожденіе тунеядства, перемахнулъ на сторону противника первый. Постоянно лавируя между Сциллой и Харибдой, между доводами обвинителей и обвиненныхъ, онъ пріобрѣлъ удивительную гибкость въ сужденіяхъ, во взглядахъ, въ поступкахъ, гибкость, которой позавидовалъ бы пресловутый Андрей Александрычъ Краевскій, ежегодно твердящій, что его «Отечественныя Записки» «четверть столѣтія» не измѣняютъ своего «разъ навсегда принятаго направленія...» За предсѣдателемъ послѣдовалъ тотчасъ винный откупщикъ, движимый не столько филантропіей и демосѳеновскимъ краснорѣчіемъ полиціймейстера, сколько кой-какими дѣловыми къ нему отношеніями, по части закрытія или незакрытія питейныхъ зданій во время утренняго священнодѣйствія въ праздничные дни. Бросить на бѣдныхъ 40—50 рублей для главнаго покровителя жрецовъ Бахуса—ничего не значило, стоило только на «одну милліонную» градуса ниже отпустить водку, въ теченіе дня, чтобъ съ лихвой воротить эти дрянныя деньги... Варвара Яковлевна, корчившая изъ себя постоянно «передовую» даму, не прочь была поэффектничать, пожертвовавъ на полгорода бѣдныхъ красную ассигнацію... Съ ея admini-

стративными способностями, въ ущербъ мужниныхъ, стоило только понѣжнѣе побесѣдовать наединѣ съ секретаремъ, имѣющимъ прелестнѣйшія въ цѣлой вселенной бакенбарды, чтобъ пополнить дефицитъ... Однимъ словомъ, каждый изъ присутствующихъ, каждый изъ бомонда не прочь былъ поэффектничать, выкинуть какую нибудь филантропическую штучку, тѣмъ болѣе, что, какъ глухіе громы синѣющей на горизонтѣ тучки, носились слухи о пріѣздѣ новаго военнаго генерал-губернатора... Новый военный генерал-губернаторъ былъ—олицетворенное правосудіе, сама Ѳемида въ эполетахъ, съ синей лентою черезъ плечо...

Послѣ долгихъ краснорѣчивѣйшихъ монологовъ, въ пользу угнетеннаго человѣчества, нужно было избрать главу общества, хранителя собранныхъ суммъ. Многіе указали на подателя самой благой идеи—на господина полиціймейстера, но противъ него поднялись голоса «крайней лѣвой стороны».

— И такъ, уже Терентій Парфентьичъ облеченъ обширною властію, возразилъ предсѣдатель гражданской палаты:—и такъ ужъ на «его плечахъ» всѣ бразды правленія, такъ было бы какъ-то несправедливо, неблаговидно навьючивать на него эту новую, хотя пріятную, но трудную обязанность... Многіе согласились съ мнѣніемъ предсѣдателя, тѣмъ болѣе, что «Ревизоръ» Гоголя, недавно здѣсь представленный, убилъ наповалъ, прямо или косвенно, всѣхъ городничихъ, или ихъ синонимовъ—полиціймейстеровъ, на вѣки-вѣчные... Многіе указали на филантропическую Варвару Яковлевну, хотѣли ее избрать президентомъ новаго общества, но она была «такого пола», который еще не получилъ полной гражданственности въ нашемъ просвѣщенномъ обществѣ. Этотъ полъ у насъ считается чѣмъ-то воздушнымъ, неосязаемымъ, созданнымъ для

того, чтобы ему говорить до замужства комплименты на балахъ, а послѣ онаго—няньчить дѣтей, стряпать щи и кашу, укладывать спать пьянаго мужа, или выигрывать на фортепіано разныя польки,—смотря по сословіямъ и средствамъ. Поэтому, галантерейная Варвара Яковлевна сдѣлалась и «духовною главою» импровизированнаго общества. Супругъ ея, услышавъ въ просонкахъ о затѣваемомъ добромъ дѣлѣ, также присталъ къ этому кружку и, изъявивъ мычаніемъ свое согласіе, опять заснулъ.

Долго перебирали разныхъ почетныхъ чиновниковъ, сановниковъ города, но противъ каждаго возставало большинство. Напримѣръ, инспекторъ врачебной управы становился чуть не на дыбы, когда выбирали архитектора.— Постой же, голубчикъ, я-жъ тебя поддѣдюлю! думалъ про себя архитекторъ, и когда выбирали инспектора врачебной управы, топалъ ногами, возставалъ противъ всѣхъ.

— Неловко, господа, неловко! кричалъ архитекторъ:— еще у всѣхъ въ свѣжей памяти случай съ убитой отставной солдаткой, которую показали умершею естественною смертію...

— Ужъ лучше бы молчали! возражалъ инспекторъ:— развѣ не помните, когда карнизъ обвалился и пришибъ пьяную бабу, потому что по немъ кошка прогулялась...

— Славный мостъ вы воздвигли прошлаго года! Постилка то вѣрно изъ воску сдѣлана, что ногой можно продавить, замѣчалъ главный врачъ городской больницы начальнику строительной коммисіи...

— Ну, ужъ и вы: дресвой кормите больныхъ, вмѣсто киселя! отвѣчалъ тотъ. Короче, спорамъ не было конца.

Аристократическая Варвара Яковлевна, видя, что ромъ, подаренный виноторговцемъ Раубзухтигомъ, превзошелъ всѣ ея ожиданія, постаралась помирить поссорившихся

друзей и предложила, чтобъ никому не было обидно, выбрать: младшаго изъ присутствующихъ, — секретаря, съ прелестнѣйшими въ цѣлой подсолнечной бакенбардами.

— Евтѣя Дорофѣича! Евтѣя Дорофѣича! подхватилъ проснувшійся Бомондовъ, открывая одинъ глазъ. Надо замѣтить, между прочимъ, что этотъ добрѣйшій старичекъ имѣлъ свойство спать съ однимъ открытымъ глазомъ—такъ что граждане, слышавши о его неутомимой дѣятельности, распустили слухи, что это происходитъ отъ его необычайнаго усердія по службѣ. «Вы думаете онъ спитъ? таратори-ли разныя кумушки:—нѣтъ, онъ и во снѣ-то бодрствуетъ!.. И вѣчно-то онъ батюшка трудится, и вѣчно не знаетъ покоя!.. Да и какъ тутъ быть покойнымъ? Эти тютѣхтюры, да дилѣхтюры—первѣющіе мошенники въ мірѣ!.. Чуть прозѣваешь по управленію-то—живо обчистятъ... Онъ и спитъ-то, отецъ нашъ только однимъ глазкомъ. Пока одинъ глазокъ спитъ, онъ—другимъ-то весь свѣтъ обозрѣваетъ... Недаромъ въ его *фермуарѣ* столько наградъ, да чиновъ значится... Мнѣ все разсказывала ихняя кухарка.» Секретарь—коллежскій ассесоръ Евстафій Евпраксіевичъ Полированный, почтенный такимъ лестнымъ... Можетъ быть читатель усомнится, есть ли въ дѣйствительности «полированный» чиновникъ? Что же тутъ мудренаго? Вѣдь на Гороховой, близъ Малой Морской, есть же зубной врачъ Праведный! Я знаю даже одну управу благочинія, гдѣ были цѣлыхъ два «Бѣлыхъ» чиновника. А развѣ нѣтъ въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ чиновниковъ «Чистыхъ», «Утѣшительныхъ» и т. д. А если есть у насъ въ управѣ чиновники «Чистые», врачъ въ Гороховой «Праведный», то можно допустить, что въ нашемъ благонамѣренномъ городскомъ обществѣ найдется секретарь «Полированный». Но это въ сторону.

По избраніи секретаря, стали разсуждать о томъ: какимъ способомъ собрать съ города деньги; какой выдумать предлогъ, чтобы наибольшее количество гражданъ подписались. Одна какая-то «совѣтница» замѣтила, что всего лучше устроить благотворительный концертъ и даже предлагала для услугъ четырнадцати-лѣтнюю дочку, которая уже вытвердила гамму и начинаетъ играть по нотамъ... Гарнизонный командиръ, у котораго сынъ также отлично игралъ на скрипкѣ «Боже царя храни»—былъ совершенно одного мнѣнія съ совѣтницей...

— Нѣтъ, благотворительные концерты—вздоръ! замѣтилъ рѣзко архитекторъ, выписывавшій «Искру».—Въ «Искрѣ» и такъ были нарисованы двѣ сидящія другъ противъ друга кошки, которыя мяукали что есть мочи, а внизу подпись: благотворительный концертъ въ пользу бѣдныхъ.

Полковникъ и совѣтница надули губы, видя въ замѣчаніи о двухъ мяукающихъ кошкахъ, тонкій намекъ на ихъ сына и дочку...

Гарнизонный командиръ, такъ оскорбленный при всемъ «высшемъ» обществѣ, замолчалъ, чтобъ собраться съ духомъ и пустить какую нибудь остроту поязвительнѣе, на счетъ архитектора.

Совѣтница также была занята этимъ. Но, какъ на грѣхъ, ничего такого остроумнаго, язвительнаго не приходило въ эти двѣ головы.

Всегда такъ: когда чего хочется — никогда неисполняется въ ту пору, а послѣ, когда уже миновалась надобность остроты, каламбуры, язвительныя шуточки такъ и сыплются каскадомъ съ языка, ни къ селу, ни къ городу.

Иной бѣдняга-литераторъ, или, правильнѣе, «писака», взявшійся за 30 рублей въ мѣсяцъ, то есть за камердинерское жалованье, потѣшать почтеннѣйшую публику въ

ежедневныхъ фельетонахъ, никакъ не можетъ достигнуть цѣли. И самъ знаетъ, что человѣкъ остроумный, даже кой-чего нахватавшійся въ университетѣ, а какъ начнетъ писать—выходитъ белиберда. Гдѣ нибудь въ портерной, или на балу у г. Ефремова, который приказано воспѣть въ завтрашнемъ фельетонѣ—во что бы то ни стало, остроты такъ и сыплются, словно изъ рога изобилія.

Только-что проспался, проснулся на другое утро—голова какъ рѣпа: ничего въ нее не приходитъ, не лѣзетъ, кромѣ непреодолимаго желанія опохмѣлиться. Вотъ почему большинство нашей публики и наслаждается чтеніемъ такихъ прекрасныхъ фельетоновъ, какіе мастеръ писать хоть г. фельетонистъ N. N. О чемъ, положимъ, писать хоть теперь? Какія городскія новости можно сообщить, когда боишься носъ высунуть изъ теплой комнаты, чтобъ его не откусилъ морозъ? Но г. фельетонистъ не унываетъ: самый этотъ, откусывающій носы морозъ, внушаетъ ему вдохновенія на цѣлый полпечатный листъ самой убористой печати.

Вотъ, господа, скажетъ намъ г. фельетонистъ, или кто нибудь одной съ нимъ шерсти: ноября сего года, петербургскіе жители (или обитатели сѣверной пальмиры), вставши, были нѣсколько изумлены сильнымъ, доходящимъ до 20 градусовъ, морозомъ.

Дома и деревья покрыты инеемъ, а крыши тонкимъ слоемъ снѣга. Когда выйдешь изъ теплой комнаты, проникаетъ въ тѣло дрожь и, на оборотъ, при входѣ съ мороза въ теплый покой, ощущаешь какую-то невыразимо пріятную теплоту и т. п., и т. п.

Кто жъ этого не знаетъ, что *зимой бываетъ холодно*, а *лѣтомъ тепло;* что въ первомъ случаѣ крыши покрыты снѣгомъ, а во второмъ пылью, дождемъ и даже послѣ—если хотите знать—изъ желобовъ струится красная краска,

окрашиваетъ, словно кровью, тротуары, мостовыя, что придаетъ городу С.Петербургу, въ періодъ крашенія крышъ, видъ чего-то кровожаднаго. Вотъ и тема г-ну Рашапорту для лѣтняго фельетона...

Когда были отвергнуты благотворительные концерты, кто-то изъ присутствующихъ предложилъ устроить благотворительную лотерею, билетовъ въ 1000, рубли по три билетъ не болѣе. Эту мысль одобрили многія дамы, и изъявили желаніе разыграть разныя драгоцѣнныя вещи, каковы напримѣръ: поддонники изъ шерсти, пара перломутровыхъ запанокъ къ нарукавникамъ, ковырялки для зубовъ, вышитыя бисеромъ корпоушки и т. п.

Архитекторъ, вступивъ въ переговоры съ подрядчикомъ на строительные матеріалы, членами строительной и дорожной коммисіи, рѣшительно требовалъ, чтобъ былъ выстроенъ домъ для призрѣнія бѣдныхъ, постройку котораго можно возложить на него.

Инспекторъ врачебной управы—Швейнгебурстъ и главный врачъ Фершидененъ, предлагали собранныя деньги пожертвовать на больницы, для улучшенія пищи недугующихъ.

Однимъ словомъ, каждый тянулъ на свою руку, и бесѣда присутствующихъ въ гостиной походила на концертъ, подъ названіемъ: кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Остановились на томъ, что всего лучше собрать сумму съ города по подпискѣ и вручить оную тремъ избраннымъ обществомъ лицамъ. Сборомъ завѣдывать долженъ чиновникъ Полированный, а суммы, по общему согласію, присудили вручить на храненіе: Бомондовой, филантропу-полиціймейстеру и предсѣдателю уголовной палаты — Флюгерову.

Пока бомондъ разсуждалъ, какъ расширить кругъ под-

писки, гарнизонный командиръ подалъ счастливую мысль: «приказать» каждому изъ своихъ подчиненныхъ «добровольно» пожертвовать три рубля серебромъ; казначей и вычтетъ.

— Какое жъ это «добровольное пожертвованіе», когда вы «прикажете»? спросилъ полиціймейстеръ.

— Какъ же-съ; три рубля начальство *велитъ* жертвовать, можешь дать и 10, и 100, никто тебѣ не запрещаетъ; значитъ, жертвованіе *добровольное*...

— Браво! и я тоже прикажу чиновникамъ жертвовать, смотря по чинамъ, сказалъ Флюгеровъ.

— А я только намекну, такъ у меня вся винная контора, до послѣдняго цѣловальника, подпишется; а вы тоже сдѣлайте съ полиціей.

— И то дѣло: два пристава — по 50, квартальные — по 10, помощники надзирателей — по 5, городовые старшіе и младшіе — отъ рубля до полтинника.

Покуда разговаривали, Полированный ужь разжился хорошенькой тетрадкой, разграфленной синими и розовыми чернилами. На заглавномъ листѣ была разрисована старшимъ писаремъ щеголеватая надпись и голая богиня милосердія. Надпись гласила: Списокъ жертвованій, собранныхъ въ городѣ N. въ пользу неимущихъ гражданъ. Всѣ устремили глаза на откупщика, когда Полированный любезно поднесъ ему тетрадку первому. Откупщикъ нацарапалъ шрифтомъ, похожимъ на турецкій — 100 рублевъ и вынулъ радужную.

— А если онъ 100, такъ мнѣ и Богъ велѣлъ — 50, подумала Бомондова, и подписала 50; подрядчикъ на строительные матеріалы подмахнулъ 75, остальные члены — кто по 25, кто по 15! и никто изъ присутствующихъ менѣе 10 не жертвовалъ.

Только помѣщикъ Трутневъ пожертвовалъ 5 рублей, основываясь на томъ, что времена тяжелыя; да повѣренный по питейному откупу—8 съ полтинной, потому что откупъ уничтожаютъ... Съ перваго же разу было собрано рублей до 1000. Надѣялись собрать по-крайней-мѣрѣ пять. Первая половина добраго дѣла сдѣлана, что-то будетъ дальше?

На другое утро, городъ узналъ, что весь бомондъ рѣшился основать благотворительное общество въ пользу неимущихъ гражданъ. Послѣдніе, зная хорошо по опыту, чѣмъ оканчиваются всѣ не только здѣшнія, но и столичныя филантропическія затѣи такого рода, приняли это извѣстіе какъ-то холодно, сухо и только отпускали довольно острыя шуточки на счетъ благотворителей. Чиновники и вообще подчиненные разнымъ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ, подняли страшный ропотъ, что съ нихъ насильно вычитаютъ для какихъ-то благотворительныхъ дѣлъ, которыхъ они, по точному смыслу присяги, вовсе не обязывались дѣлать.

— Что это значитъ? завопилъ какой-то горемыка чиновникъ, обремененный кучею ребятъ:—что никогда полной трети не получишь!—То вычитаютъ на какое-то «бѣдное семейство», то на лотереи, гдѣ въ розыгрышѣ только зубочистка да глиняный поддонникъ подъ цвѣты въ копѣйку серебромъ.

Разумѣется, ропотъ бѣдныхъ чиновниковъ былъ отнесенъ къ явному либерализму. Однимъ словомъ, съ кого по рублю, съ кого по три, по пяти,—собрали еще двѣ тысячи, итого, всего—три.

Теперь возникъ вопросъ: кто *истинно* бѣденъ?

По мнѣнію Варвары Яковлевны Бомондовой, бѣденъ тотъ, у кого нѣтъ орловскихъ рысаковъ на конюшнѣ,

грумовъ на запяткахъ, тринадцати блюдъ за обѣдомъ и тому подобное, въ томъ же родѣ.

— Ну, это еще не настоящіе бѣдняки, возразилъ предсѣдатель гражданской палаты:—въ городѣ найдется тысячъ двадцать побѣднѣе. Кто же истинно бѣденъ?

— Кто не можетъ содержать себя прилично, комъ-иль-фо, возразила какая-то галантерейная дама.

— А что значитъ комъ-иль-хво? наивно спросилъ командиръ внутренней стражи.

— Комъ-иль-фо значитъ: «прости, не знаю какъ перевести», возразилъ горный инженеръ, большой бонмотистъ, острякъ, вѣроятно оттого, что третій годъ подписывался на Искру.

— Бѣденъ тотъ, кому ѣсть нечего! рѣзко замѣтилъ полиціймейстеръ.

— А кому ѣсть нечего? спросило нѣсколько голосовъ.

— Объ этомъ всего скорѣе должна знать «полиція», язвительно, съ особеннымъ удареніемъ на «полиціи», замѣтилъ инспекторъ врачебной управы, поглядывая на полиціймейстра.

— Я предпишу квартальнымъ составить полные списки истинно бѣдныхъ. Это будетъ «вѣрнѣйшій способъ», чтобъ жертвованныя деньги попали по назначенію.

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ архитекторъ:—чѣмъ вы докажете, что въ этомъ не будетъ пристрастія?

— Да, да, да! отозвалось нѣсколько голосовъ:—въ этакихъ дѣлахъ на полицію нельзя полагаться; при всѣхъ въ ней усовершенствованіяхъ...

— Всего лучше составить общество посѣщенія бѣдныхъ, замѣтила прокурорша:—я первая беру на себя этотъ трудъ.

— Я давно объ этомъ думала,—возразила Бомондова, не желая ни въ чемъ отставать отъ прокурорши.

— Будемте ѣздить, посѣщать бѣдныхъ, это очень мило, замѣтила какая-то свѣженькая институтка:—высоко назначеніе: отирать слезы сирымъ и убогимъ, страждущимъ и вдовицамъ.

— Цѣликомъ откалываетъ изъ краткой хрестоматіи—шепнулъ сосѣду горный инженеръ, большой острякъ и насмѣшникъ.

— Такія выраженія только и встрѣтишь у Галахова да у Чичикова, замѣтилъ еще болѣе остроумный инженеръ путей сообщенія.

Долго спорили, наконецъ порѣшили—оповѣстить по городу о сборѣ на бѣдныхъ, а Бомондова со всѣмъ аристократическимъ синклитомъ поѣхала удостовѣряться: дѣйствительные ли бѣдные тѣ, которые внесены въ списки и подали прошеніе.

Взявъ чуть ли не по полведру одеколону и духовъ дамы отправились въ коляскѣ по городу.

— Здѣсь живетъ солдатка Хныкина? спросилъ лакей Бомондовой, когда ея коляска остановилась у какого-то подобія курятника. Запахъ прокислыхъ щей, поту и еще кой-чего поразилъ изнѣженное обоняніе аристократки, когда она спустилась въ темный, какъ катакомба, подвалъ. Завываніе малыхъ ребятишекъ, ругательства какихъ-то бабъ, стиравшихъ въ корытѣ бѣлье, вонь отъ мыла, грязь на каменномъ полу, чуть не на вершокъ—всего этого было достаточно, чтобъ привесть Варвару Яковлевну въ обморокъ. Ее почти безъ чувствъ посадили въ коляску и отвезли домой.

Съ другими дамами случилось почти то же. Посѣщеніе бѣдныхъ оказалось вещью совершенно неудобоисполчимою; поэтому, члены общества рѣшили предоставить это

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Завываніе малыхъ ребятишекъ, ругательства какихъ-то бабъ, стиравшихъ въ корытѣ бѣлье, вонь отъ мыла, грязь на каменномъ полу, чуть не на вершокъ—всего этого было достаточно, чтобъ привесть Варвару

дѣло полиціи, имѣющей, какъ извѣстно, обоняніе, хотя очень тонкое, но не столь нѣжное... Полиція отправилась по домамъ: тутъ опять пошли обмороки, только не съ посѣтителями, а съ посѣщаемыми... Расторопныя кумушки, разные проныры, попрошайки, чующія, какъ гончая зайца, гдѣ даютъ пособіе, тотчасъ заготовили прошенія, снюхались съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобъ получить свидѣтельства о бѣдности.

Въ числѣ просителей былъ знаменитый пролазъ—отставной титулярный совѣтникъ Брыкаловкинъ. Получая 17 рублей ежемѣсячной пенсіи, онъ выручалъ еще 17 тѣмъ, что строчилъ прошенія разнымъ старухамъ. Для всѣхъ просьбъ, отъ кого бы онѣ ни подавались, былъ составленъ одинъ образчикъ; всѣ они одинаково оканчивались: а за таковую не изреченную милость буду непрестанно по гробъ молить передъ престоломъ Бога о вашемъ здравіи и продленіи безцѣнныхъ дней вашихъ. Всѣ просьбы повергались къ стопамъ, съ подраздѣленіемъ на милостивыя, всемилостивѣйшія и даже священныя... Вездѣ говорилось о беззащитныхъ малюткахъ, о престарѣлыхъ родительницахъ, а гдѣ предвидѣлась повѣрка словъ просителя, говорилось о какой-нибудь сестрицѣ, которой проситель высылаетъ деньги на прокормленіе. У него была положена такса: съ бѣдныхъ старухъ, стариковъ безъ пенсіи — полтинникъ, съ получающихъ пенсіи — рубль. Всѣ лѣзли къ нему съ просьбами, будучи убѣждены, что у него легкая рука, что по прошенію, имъ на писанному, никогда не будетъ отказа. Онъ самъ распустилъ о себѣ этотъ слухъ и написалъ себѣ прошеніе, гдѣ говорилось и о голодныхъ малюткахъ и о престарѣлыхъ теткахъ, и о хворой женѣ, какъ водится. Двѣ тысячи прошеній поступило въ импровизированный комитетъ, когда были сдѣланы всѣ должные сборы по подпискѣ. Со-

бранныя пять тысячъ показались такой обильной суммой для удовлетворенія всѣхъ страждущихъ и неимущихъ, что многимъ пришло въ голову отдѣлить часть суммъ на нѣкоторыя постороннія издержки. Архитекторъ предлагалъ соорудить зданіе въ греческомъ стилѣ, съ коринфскими колоннами, флорентинскимъ куполомъ— собственно для конторы благотворительнаго общества. Онъ даже вошелъ въ нѣкоторыя подробности: предлагалъ сдѣлать надъ дверями голубую вывѣску, а на ней надпись золотыми буквами: «храмъ милосердія». По его смѣтѣ, все это стоило не болѣе, какъ полторы тысячи рублей серебромъ.

По его проекту, у дверей должно быть вдѣлано въ стѣну, съ наружной стороны, двѣ кружки, одна— для жертвованія на бѣдныхъ всѣхъ сословій, другая—для бѣдныхъ собственно духовнаго званія.

Зданіе предполагалось деревянное, оконъ въ пятокъ наружу и имѣло быть построено экономическимъ образомъ, то есть, изъ того лѣсу, изъ котораго архитекторъ Обломковъ строилъ бани для купца Свинодѣева. Натурально, лѣсъ даровой, рабочіе подъ рукой—смастачатъ храмъ милосердія за полцѣны, лишь бы не сидѣть съ пустыми руками (*). По всѣмъ означеннымъ разсчетамъ у архитектора осталось бы отъ храма милосердія болѣе семисотъ безгрѣшныхъ.

Но противъ этого проекта возстало большинство.

— Лучше же часть этихъ денегъ употребить на составленіе лотереи-аллегри, или лотереи - томбола, возразили нѣкоторые.—Ничего этого не нужно, отозвался ин-

(*) А пустыхъ рукъ, рукъ безъ дѣла было много: все, что промоталось величественнымъ образомъ, т. е. до громаднаго долга. Выстроить нѣтъ средствъ даже куритника.

спекторъ врачебной управы,—большой любитель пикниковъ, пирушекъ, загородныхъ баловъ, вечеровъ и прочаго.

Такъ какъ собранная сумма съ избыткомъ обезпечиваетъ будущность всѣхъ бѣдныхъ въ городѣ, то не лучше ли это благое учрежденіе, предпріемлемое нами, отпраздновать достойнымъ образомъ, такъ сказать, на память будущимъ вѣкамъ. Нужно увѣковѣчить это дѣло, такъ сказать, незыблемымъ памятникомъ, нужно провесть этотъ день торжественнымъ, «величественнымъ», такъ сказать образомъ, достойнымъ добраго дѣла, великаго предпріятія, поднятаго на пользу страждущихъ. (Ораторствуя, онъ сильно прихватилъ изъ Карамзина, Державина и другихъ сладкопѣвцевъ).

Краснорѣчіе инспектора врачебной управы одержало верхъ, и всѣ, единодушно отвергнувъ архитекторскій проектъ храма милосердія, рѣшились устроить балъ въ городѣ и пикникъ за городомъ. Приступили къ обсужденію смѣты; оказалось, что необходимо устроить пиршество на славу. По самому экономическому разсчету оказалось, что изъ пяти тысячъ, собранныхъ на бѣдныхъ, можно употребить половину на балъ и пикникъ, въ которыхъ должны участвовать всѣ жертвователи, принадлежащіе, разумѣется, къ избранному аристократическому кругу.

— Не будетъ ли этого много? робко отозвались нѣкоторые благоразумные люди:—не будетъ ли это роскошное пиршество, на память будущимъ вѣкамъ, причиной отказа въ пособіи нѣсколькимъ сотнямъ несчастныхъ семействъ, истинно нуждающихся въ пособіи?..

Всеобщій ропотъ встрѣтилъ это возраженіе.

Да не мы ли собрали эту «гигантскую» сумму? Да не вся ли она намъ принадлежитъ? Да неужели, сдѣлавъ

такое безпримѣрное дѣло въ исторіи филантропіи, мы не въ-правѣ позволить себѣ маленькое удовольствіе?

— Въ этомъ пиршествѣ, замѣтилъ весьма тонко горный инженеръ,—будетъ, такъ сказать, предвозвѣстіе будущихъ щедрыхъ жертвованій. Оставя глубокую, неизгладимую память въ сердцахъ гражданъ о совершенномъ благодѣяніи, мы тѣмъ самымъ подвизаемъ ихъ на благодѣянія и въ грядущіе дни. Положимъ, что цифра 2,500 нѣсколько значительна, въ отношеніи всей собранной суммы, за то, въ этомъ кроется тонкая и политическая штука: привлекши любопытство гражданъ къ предполагаемому пиршеству, мы тѣмъ самымъ возбудимъ въ нихъ чувство филантропіи, соревнованіе къ грядущимъ жертвованіямъ.

Это мнѣніе одержало верхъ, и всѣ члены единодушно согласились устроить балъ въ городѣ и пикникъ за городомъ. Начались приготовленія. Ни одна аристократической крови дама не хотѣла, разумѣется, осрамиться въ нарядѣ передъ другой, также аристократической крови дамою. Варвара Яковлевна Бомондова, какъ душа благотворительнаго общества, натурально, захотѣла пріодѣться лучше всѣхъ. Какъ на грѣхъ, въ это время у ея супруга не хватило денегъ. Вслѣдствіе этого, было прихвачено рублей пятьсотъ, не больше, изъ благотворительныхъ жертвованій, на томъ законномъ основаніи, что балъ и пикникъ устроивались съ благотворительною цѣлію!! Тоже сдѣлала и другая дама хранительница сбора.

Какъ полиціймейстеръ ни противился, однако, при всемъ своемъ административномъ могуществѣ, сдѣлать ничего не могъ, потому что плеть обуха не перешибетъ.

Кромѣ бала, пикника, устройство которыхъ возложено

на архитектора и инженера, — понадобилось еще устроить фейерверкъ. Фейерверкъ съ фонтанами изъ бенгальскихъ огней, съ храмами милосердія, составленными изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ шкаликовъ, съѣлъ денегъ около шестисотъ рублей серебромъ. Такъ что, къ ассигнуемымъ 2,500-мъ нужно было прибавить еще 600 и того 3,100. Ну, необходимо еще положить рублей 900 на «раструску»; на составленіе списковъ, заготовленіе печатныхъ объявленій о благотворительномъ сборѣ, на разныя командировки, поѣздки командированнаго чиновника, такъ что всего отъ пяти тысячъ осталось не болѣе тысячи рублей. Куда эти суммы благовиднѣе пристроить, кому раздать? Думали, думали и рѣшились раздать ихъ «истинно нуждающимся». А кто изъ числа 2,000 подавшихъ прошенія, есть «истинно нуждающійся»?

— Тотъ, кто, не смотря на бѣдность, умѣетъ держать себя прилично, «комъ-иль-фо», соблюдаетъ чистоту, аккуратность въ одеждѣ и хозяйствѣ,—замѣчали аристократическія дамы.

— Сколько присудите выдать солдаткѣ Хныкиной съ 7-ю человѣками семейства? спросилъ секретарь «Полированный», перечитывая списокъ подавшихъ прошеніе.

— Этой неряхѣ-то? спросила запальчиво Бомондова,—да я чуть не умерла отъ обморока, какъ попала въ ея подвалъ! Ну, какъ не нанять «порядочной» квартиры, чтобъ не было такой вони, гадости, отъ которыхъ я чуть не задохлась.

— Хоть бы одеколону купила, замѣтила другая галантерейная дама, чтобъ отъ рукъ-то такъ не воняло. Ну, какъ не купить одеколону?

— Позвольте, я рекомендую солдаткѣ Хныкиной тотъ

магазинъ, гдѣ лучше одеколонъ, — замѣтилъ иронически полиціймейстеръ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ дай Богъ побольше въ нашей православной землѣ.

— А чиновникъ Крохоборовъ, у котораго 13 человѣкъ семейства, сколько долженъ получить? Конечно, онъ неряшливъ отъ бѣдности.

— Этотъ неряха-то? возразила Варвара Алексѣевна:—да онъ явный пьянчужка: ну, какъ не заказать порядочныхъ сапогъ въ мастерской, когда они *всего-то пять рублей* стоятъ!.. И солдаткѣ, и чиновнику—по 75 копѣекъ. Въ томъ же родѣ получили и другія неряхи-бѣдняки; только по 5 рублей и по 10 получила какая-то вдова, подавшая прошеніе и имѣвшая свой домикъ, человѣкъ 15 чисто одѣтыхъ чиновниковъ, получавшихъ порядочную пенсію и отдававшихъ деньги на проценты, да какая-то богатая нѣмка, вѣчно плачущая о бѣдности и подающая прошенія разнымъ лицамъ. Тѣмъ и кончилась наша городская благотворительность.

Балъ, дѣйствительно, устраивался на славу. Чиновнику «Полированному», на котораго возложены такія важныя для отечества дѣла, выдали двѣсти рублей, также изъ собранныхъ суммъ. Надъ такими приготовленіями начали жестоко подтрунивать склонные къ либерализму семинаристы, гимназисты и даже чиновники, «мелкихъ», разумѣется, присутственныхъ мѣстъ. Къ нимъ присоединились другіе «либералы отъ голодухи», которые, при самыхъ обширныхъ воззрѣніяхъ на потребности Россіи, получали самое ограниченное жалованье, «едва хватающее на сапоги» (по выраженію одного чиновника изъ правовѣдовъ).

Шуточки, остротцы на счетъ предстоящаго городскаго торжества, передавались устно и письменно. Даже одинъ

гарнизонный поручикъ, одержимый стихобѣсіемъ, настрочилъ весьма остроумные стишки, къ крайнему огорченію всѣхъ благомыслящихъ господъ и офицеровъ внутренняго гарнизоннаго батальона. Разумѣется, эти вольнодумцы были оглашены людьми зловредными, потрясающими спокойствіе градовъ и весей.

Варвара Яковлевна все время была въ самой сильной и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самой пріятной ажитаціи. Она непремѣнно хотѣла своимъ костюмомъ изумить, поразить, уничтожить всѣхъ своихъ соперницъ. Всѣ матеріи, какія были въ здѣшнемъ гостиномъ дворѣ, она перешарила, перерыла и не нашла той, которой хотѣла. Ей бы хотѣлось нарядиться въ какую нибудь самую тонкую, самую неосязаемую ткань; ей бы хотѣлось нарядиться въ самый воздухъ, въ какой нибудь костюмъ, сотканный изъ солнечныхъ лучей... Ей необходимо было явиться на этомъ балу благодѣтельной феей. Предсѣдательши, прокурорши, двѣ попечительницы, тоже хотѣли одѣться благодѣтельными феями... Даже командиръ батальона внутренней стражи хотѣлъ сколько нибудь походить на воинственнаго бога Марса. Для этой прекрасной цѣли онъ нафабрилъ чернымъ фиксатуаромъ усы такъ густо, что они казались двумя торчащими вправо и влѣво кинжалами и рѣзко отдѣлялись своей чернотою отъ рыжихъ бакенбардъ его высокоблагородія. Воротникъ, доходившій до ушей, да сапоги со скрипомъ придавали ему дѣйствительно что-то марсовское. Но намъ нѣтъ вовсе надобности описывать балъ и участниковъ на балу во всей подробности. Извѣстно, что это было сюперфинъ первѣйшаго свойства, сюперфинъ во всѣхъ отношеніяхъ... Всѣ аристократическія дамы приложили особое попеченіе, чтобы все было какъ въ Петербургѣ; драпировка какъ въ Петербургѣ,

костюмы на дамахъ — какъ въ Петербургѣ, освѣщеніе— какъ въ Петербургѣ. Ну, натурально, при такихъ стараніяхъ не могло быть ничего такого, чтобы «зловредные» гимназисты, чиновники, потрясающіе спокойствіе градовъ и весей, могли поднять на-зубки... А чтобы этого не случилось, чтобы какой нибудь бальный разговоръ на французскомъ языкѣ, состоящій изъ двухъ основныхъ элементовъ *вуй* и *нонъ*, не попалъ въ «Искру» или «Гудокъ»—въ видѣ спасительнаго громоотвода, изобрѣтеннаго г. Франклиномъ—всѣмъ здѣшнимъ шикарнымъ дамамъ, барышнямъ, господамъ гарнизоннымъ офицерамъ, прошедшимъ полный кадетскій курсъ съ «полнымъ успѣхомъ» служило краткое руководство къ изученію французскаго языка, по методѣ Робертсона. Метода Робертсона, или вѣрнѣе, краткіе разговоры, служили для здѣшнихъ барышень и кавалеровъ путеводною звѣздою, среди подводныхъ камней, *шхеръ*, какія встрѣчаются при спряженіи французскихъ глаголовъ, французскихъ оборотовъ рѣчи и пр., и пр. Господа офицеры, явившись на балъ, повторяли французскую кадриль, расчерчивая переходы паръ въ каждой фигурѣ на аспидной доскѣ. Иные, чтобъ изучить новомодные танцы въ родѣ *лянсье*, на самой практикѣ, отправлялись въ пріятные, гостепріимные дома, исполненные единственно молодыхъ барышень... гдѣ все семейство состоитъ изъ барышень, словно папаша съ мамашей со втораго года вступленія въ бракъ только и производили дочекъ да дочекъ... Балъ начался, балъ окончился, къ крайнему удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ — блистательно. Никто «не подгадилъ». Всѣ барышни отлично отвѣчали, какъ прилежныя ученицы, на вопросы гг. кавалеровъ, претендующихъ на знаніе французскаго языка; всѣ кавалеры, озадаченные вопросами дамъ на томъ же

языкѣ, отлично выходили изъ критическаго положенія, благодаря спасительной методѣ Робертсона, или частицамъ *вуй* и *нонъ*. Когда приходилось имъ встать въ тупикъ при вопросѣ, изъ котораго они ни одной ноты не понимали, *они*, или *онъ*, строили глубокомысленную, озабоченную физіопомію и отвѣчали *вуй*. Нонъ (non) отвѣчать было не всегда выгодно, потому что вопрошающій или вопрошающая могла предложить, доказать почему нонъ? тогда пришлось бы доказывать, почему *нонъ*, а не *вуй*. Сначала бала все шло комъ-иль-фо между дамами, но потомъ «подгадили мужчины!» Извѣстно изъ психологіи, что эта «грубая половина рода человѣческаго» любитъ во всемъ подгадить. Когда, послѣ бала, всѣ отправились на фейерверкъ, то обнаружилась страшная неурядица между аристократическимъ обществомъ. Грубые мужчины обнаружили свои «звѣриные инстинкты» въ отношеніи къ благоприличнымъ дамамъ и дѣвицамъ. Наконецъ начался фейерверкъ. Подъ покровомъ темной ночи, всякій дозволилъ себѣ нѣкоторыя вольности, которыя не позволялись бы при дневномъ свѣтѣ... Однимъ словомъ, кончилось дѣло тѣмъ, что отъ всей жертвованной суммы, трехъ тысячъ, не осталось ничего, кромѣ двухъ съ полтиной. Ну, да на это всѣ махнули рукой! Истинно — широка славянская натура! чортъ ее знаетъ, какъ съ нею управляться, какъ съ нею дѣйствовать! Какія мѣры предпринять, чтобы вести ее «по пути такъ называемаго прогресса». Ничего не придумаешь—широка больно!

ХОРОШІЕ ЛЮДИ.

Дѣла давно минувшихъ дней. .

(*Пушкинъ.*)

У меня было два пріятеля: Иванъ Петровичъ и Петръ Иванычъ, которые, по своимъ душевнымъ свойствамъ, были такъ-же противуположны другъ другу, какъ ракъ лебедю. Впрочемъ, изъ этого еще нельзя заключить, что если одинъ изъ нихъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, то другой напротивъ; оба мои пріятеля могли назваться хорошими людьми—каждый въ своемъ родѣ. Наша канцелярія до сихъ поръ еще не рѣшила, кто изъ нихъ былъ лучше. Былъ у меня еще третій знакомый—Сидоръ Софронычь Загребистый, котораго я хотѣлъ было назвать щукой, но не смѣю, потому что онъ—титулярный совѣтникъ, а я ничтожная казявка — губернскій секретарь. Ограничимся на первыхъ порахъ ракомъ, а щука успѣетъ еще въ серединѣ повѣсти выказать читателю свои зубы.

Иванъ Петровичъ Пролазовъ кончилъ полный курсъ уѣзднаго училища и основательно изучилъ четыре правила ариѳметики и всѣ правила краткой россійской грамматики г. Востокова. Кромѣ того, онъ проходилъ историческіе выжимки г. Кайданова и географическій скелетъ

г. Арсеньева; не смотря на такія обширныя познанія, Иванъ Петровичъ не ясно сознавалъ правила дѣленія на нѣсколько цифръ и не умѣлъ разставлять знаковъ препинанія. Кого винить въ этомъ, г-на ли Востокова, или г. Пролазова, не знаю; знаю только то, что половина пишущихъ и всѣ переписывающіе блуждаютъ между точкою съ запятой и запятою, какъ между Сциллой и Харибдой; о двоеточіяхъ и говорить нечего. Впрочемъ, въ уѣздныхъ и земскихъ судахъ, относительно знаковъ принято прекрасное правило: тамъ, гдѣ при чтеніи вслухъ бумаги, необходимо перевести духъ, ставится запятая; въ концѣ бумаги—точка. Тамъ же, гдѣ говорится, что члены суда, по дѣлу такому-то, то-то и то-то положили:—ставить двоеточіе. (По мнѣнію одного остроумнаго чиновника земскаго суда, *положили* — глаголъ *прибыльный, пріобрѣтательнаго* залога требуетъ вопроса *сколько?*...) Кромѣ того, Иванъ Петровичъ зналъ въ какой день какого святаго. Это знаніе было весьма полезно при отданіи поздравительныхъ визитовъ начальникамъ и начальницамъ въ день ихъ именинъ и имѣло благотворительное вліяніе на служебную карьеру Ивана Петровича. Начальникъ его Сидоръ Софронычъ былъ непримиримый врагъ всего печатнаго, почему либералы канцеляристы прозвали его Омаромъ. Не желая рыться въ календарѣ, Омаръ Сидоръ Софронычъ обращался къ Ивану Петровичу съ слѣдующимъ вопросомъ: послушай, какъ тебя? какого завтра святаго?—Гурія, Самона и Авива-съ, отвѣчалъ сладенькимъ голоскомъ Иванъ Петровичъ.—Я завидую твоей памяти, какъ тебя, бишь? Отъ этихъ словесъ по жиламъ Ивана Петровича разливалась такая пріятная теплота, какую чувствуетъ продрогнувшій отъ холода путникъ, когда вольетъ въ себя четыре стакана пуншу. Въ добавокъ ко

всѣмъ означеннымъ познаніямъ, Иванъ Петровичъ имѣлъ превосходный почеркъ: буквы, родившіяся изъ-подъ его пера, стройной грядой ложились то на право, то на лѣво, то стояли торчмя, какъ дубовый частоколъ, какъ солдатскій строй, однимъ словомъ, онѣ принимали положеніе, какое хотѣлъ имъ дать Иванъ Петровичъ, а не то, какое имъ хотѣлось принять. Твердости почерка много способствовало трезвое и безукоризненное поведеніе Ивана Петровича. Правда, что онъ выпивалъ въ сутки три рюмки очищенной и перемигивался съ хозяйской горничной Матрешкой, дѣвицей весьма безкорыстной, но это никакъ не можетъ служить укоромъ такому прекрасному молодому человѣку, какимъ былъ Иванъ Петровичъ. Онъ, какъ практическій человѣкъ, еще въ школѣ постигъ, что хорошій почеркъ для чиновника важнѣе самыхъ обширныхъ познаній, что студенты, вышедшіе изъ университета съ самыми лучшими дипломами, голодаютъ и не получаютъ мѣста именно потому, что не имѣютъ хорошаго почерка. Поэтому, въ часы сладкаго отдохновенія, послѣ службы, Иванъ Петровичъ упражнялся въ каллиграфіи и на чистомъ листѣ бумаги выводилъ красивымъ почеркомъ: «Ваше Пресвосходительство, Милостивѣйшій Государь! Имѣя семерыхъ малолѣтныхъ дѣтей, такъ сказать птенцовъ беззащитныхъ, я дерзнулъ прибѣгнуть съ моей нижайшей просьбой къ стопамъ Вашего Превосходительства;» или: «Мартышка въ старости слаба глазами стала», или что нибудь подобное....

Но самый неподражаемый талантъ обнаруживалъ Иванъ Петровичъ въ чинкѣ перьевъ. По ученой части онъ еще имѣлъ соперника въ старшемъ преподавателѣ уѣзднаго училища; но на этомъ поприщѣ, смѣло говорю, онъ не

имѣлъ соперниковъ. Самъ Сидоръ Софронычъ не могъ подписывать дѣлъ перьями, неочиненными Иваномъ Петровичемъ (или правильнѣй: перьями, очиненными не Иваномъ Петровичемъ.) Мнѣ кажется, что перомъ его очинки самый тупѣйшій изъ нашихъ столоначальниковъ могъ, съ одного маху, написать поэму въ родѣ Мертвыхъ душъ, или Пира во время чумы. Цѣня всякое истинное дарованіе, Софронычъ отдѣлилъ Ивана Петровича отъ простыхъ смертныхъ и дозволилъ ему заниматься у себя на дому подъ непосредственнымъ руководствомъ своей супруги, хорошо знакомой съ дѣлопроизводствомъ уѣзднаго суда.

О познаніяхъ Петра Иваныча можно сказать въ двухъ словахъ: онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, перья чинилъ незавидно, почеркъ имѣлъ плохой.

Теперь перейду къ біографіи обоихъ чиновниковъ и начну ее съ того времени, когда они поступили на службу въ нашъ уѣздный судъ.

Я полагаю, что ее (біографію) всего приличнѣе будетъ разказать въ повѣствовательной формѣ, разумѣется, строго придерживаясь истины и обуздывая по возможности свое воображеніе.

Какъ Иванъ Петровичъ, такъ и Петръ Иванычъ были круглыя сироты; какъ тотъ, такъ и другой ничего отъ своихъ родителей въ наслѣдство не получили, кромѣ бѣдности и благородства. Читателю, конечно, любопытно будетъ узнать, кто изъ нихъ дѣльнѣе; кто изъ нихъ принесетъ больше пользы отечеству вообще и нашему уѣздному суду въ особенности.

Въ одно прелестное ноябрское утро, когда природа, такъ сказать, ликовала, изливая на городъ П. цѣлые потоки дождя со снѣгомъ, въѣхалъ въ городъ Иванъ Петровичъ на парѣ весьма неблагопристойныхъ обывательскихъ

гнѣдковъ. Зоркій глазъ наблюдателя могъ замѣтить, что въѣзжалъ въ городъ человѣкъ порядочный, человѣкъ необходимый для дальнѣйшихъ видовъ нашего уѣзднаго суда. Шинелька на Иванѣ Питровичѣ, хотя и забрызганная легонько грязью, была мало потерта. Воротникъ изъ весьма добропорядочной собаки былъ столь искусно подкрашенъ, «подсвѣченъ», что не опытный глазъ наблюдателя могъ принять за енотовый, хотя это былъ тотъ самый енотъ, что лаетъ у воротъ. Хотя изъ-за краевъ поднятаго воротника торчалъ только кончикъ носа Ивана Петровича, все-таки, принимая въ соображеніе короткое съ нимъ знакомство, я опишу его наружность.

Иванъ Петровичъ былъ шантретъ, чуть-чуть приближающійся къ блондину, черты лица хотя и были деревянисты, однако выражали улыбку, которая отъ частыхъ «насильственныхъ» улыбокъ въ присутствіи благодѣтелей, навѣчно осталась налицѣ его, какъ на маскѣ, снятой съ улыбающагося бюста Вольтера. Можете судить сколько пріятности заключалось въ подобной наружности.

Въѣхавъ на городскую площадь, Иванъ Петровичъ остановился у единственной въ своемъ родѣ и *единственной* въ цѣломъ городѣ гостинницѣ, гдѣ и занялъ комнату величиною съ канареечную клѣтку. Окинувъ ее быстрымъ взглядомъ, Иванъ Петровичъ нашелъ ее весьма приличною для холостаго коллежскаго регистратора; два стула, диванъ съ проваломъ посерединѣ и съ какими-то желваками вмѣсто пружинъ. На стѣнѣ картина, изображающая какого-то генерала на голубой лошади и цѣлое войско, марширующее между ея ногами. Изъ окна открывался прелестный видъ на помойную яму и на свиной хлѣвъ. Свинья, зарывшись по уши въ грязь, уставила

рыло прямо противъ окна Ивана Петровича. Размѣстивши свои пожитки, онъ развѣсилъ платье подлѣ горячей печки, потомъ, вынувъ завѣтную пару платья, велѣлъ ее разгладить. Прежде, чѣмъ представиться новому своему начальнику, Иванъ Петровичъ началъ исподволь распрашивать половаго о душевныхъ свойствахъ Сидора Софроныча. Отъ половаго онъ только узналъ, что Сидоръ Софронычъ иногда заходитъ съ просителями закусить, или выпить пуншу, что онъ вообще деликатный боринъ, потому что окромя бѣлаго рому и мадеры ничего не пьетъ.—На вопросъ, какая отличительная черта характера Сидора Софроныча,—половой отвѣчалъ, что самъ онъ никогда не расплачивается, а предоставляетъ это удовольствіе просителямъ.

Облекшись во фракъ, Иванъ Петровичъ долго рисовался передъ зеркаломъ: то подходилъ къ нему, то отходилъ, и дѣлая почтительный поклонъ своему собственному отраженію, говорилъ тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ: имѣю честь представиться, коллежскій регистраторъ Пролазовъ,—при чемъ старался выразить на лицѣ умиленіе и преданность своему начальнику. Но не взирая на всѣ старанія, лицо его выражало только одну преданность, а не умиленіе.—Экая досада! отчего у меня нѣтъ сегодня умиленія? подумалъ онъ, и началъ повертываться передъ зеркаломъ, чтобъ убѣдиться, не морщитъ ли гдѣ нибудь, не набѣгаетъ ли? Убѣдившись, что нигдѣ не морщитъ и не набѣгаетъ, онъ отправился.

Не мѣшаетъ сказать, почему судьба ниспослала въ нашъ судъ такого прекраснаго чиновника.

Кончивъ курсъ наукъ, Иванъ Петровичъ опредѣлился въ N-й земскій судъ подканцеляристомъ въ чинѣ 15 класса, какъ выражаются злые языки. Иной въ 20 лѣтъ ку-

тить во всю ширину славянской натуры, но Иванъ Петровичъ былъ не изъ такихъ. Онъ такъ-же, какъ 20 лѣтъ послѣ, взвѣшивалъ каждое свое слово, каждый свой шагъ. Это даръ неоцѣненный въ молодомъ человѣкѣ. Положимъ, онъ черствитъ сердце пылкаго юноши, дѣлаетъ его такимъ же чувствительнымъ, какъ булыжникъ, за то сильно способствуетъ успѣхамъ по службѣ. Эта преждевременная окаменѣлость—участь всѣхъ тѣхъ, которые въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ побывали въ ежевыхъ лапахъ бѣдности и нищеты. Поступивши на службу, Пролазовъ поставилъ себѣ первою и важнѣйшею задачею заслужить вниманіе начальника. Но, не смотря на то, что онъ былъ единственный чиновникъ трезваго поведенія изъ всего земскаго суда, не смотря на то, что онъ позже всѣхъ выходилъ изъ присутствія,—вниманія Карпа Карпыча заслужить не могъ. Да и не мудрено: Карпъ Карпычъ былъ титулярный совѣтникъ, а Иванъ Петровичъ—нуль! Карпъ Карпычъ получалъ ежегодно двѣ тысячи законнаго безгрѣшнаго дохода, а Ивану Петровичу въ недѣлю разъ едва удавалось сорвать съ просителя гривенникъ.

Да при томъ, стоя на такой неизмѣримой высотѣ, могъ ли Карпъ Карпычъ замѣтить такую ничтожную козявку, какою былъ Иванъ Петровичъ.

— Погоди, Пролазовъ, говорилъ одинъ земскій острякъ: дай только ушамъ подрости, такъ и мы начнемъ лягаться!... Но Пролазовъ этого не дожидался и, при помощи гривенниковъ, обрѣлъ истиннаго друга въ камердинерѣ своего начальника. Этотъ камердинеръ, скидывая сапоги съ барина, постоянно говорилъ: а вѣдь Иванъ Петровичъ хорошій человѣкъ. — Фамилія-то его, братецъ, мнѣ не нравится что-то, отвѣчалъ баринъ. — Хвамилія ничего не значитъ, отвѣчалъ камердинеръ:—вотъ вы-жъ про-

зываетесь Рувочесовымъ, а вѣдь про васъ, акромя просителей, никто худаго не скажетъ. Повторяя ежедневно лестные отзывы о своемъ другѣ, онъ возбудилъ желаніе въ своемъ баринѣ узнать Пролазова покороче. Пролазовъ былъ узнанъ покороче и, какъ слѣдовало ожидать, найденъ прекраснѣйшимъ, дѣльнѣйшимъ чиновникомъ. Читатель, можетъ, спроситъ почему камердинеръ такъ фамильярно обращался съ бариномъ? Во-первыхъ потому, что въ двенадесятые праздники Карпъ Карпычъ возвращался домой «не напорядкахъ» и, послушный, какъ ребенокъ, поступалъ подъ отеческій надзоръ камердинера, который его разувалъ, раздѣвалъ и укладывалъ спать, сохраняя все это втайнѣ отъ барыни Мавры Потаповны, отъ взгляда которой Карпъ Карпычъ дрожалъ какъ листъ осиновый... Во-вторыхъ, съ задняго крыльца являлись просители, которые приносили жертвы на алтарь Ѳемиды «натурой». Натурально, Карпъ Карпычъ не принималъ отъ нихъ приношеній, но за то круглый годъ не тратилъ ни копѣйки ни на чай, ни на сахаръ, ни на провизію.

Пробѣгая эти строки, не забывайте, читатель, пожалуйста, что я пишу не современный очеркъ нравовъ, а «историческую» повѣсть, только безъ годовъ...

Въ знакомствѣ Пролазова съ камердинеромъ нѣтъ ничего унизительнаго, потому что первый былъ не чиновникъ, а только готовился быть чиновникомъ, а второй— превышалъ образованіемъ и умомъ многихъ баричей. Во-первыхъ, онъ умѣлъ читать по складамъ французскую азбуку; во-вторыхъ, зналъ Конька Горбунка наизустъ; въ-третьихъ, танцовалъ первыя три фигуры французской кадрили, которую, выплясывая на лакейскихъ вечеринкахъ (устраиваемыхъ въ залѣ, въ отсутствіи господъ), оканчивалъ всегда россійскимъ трепакомъ, къ общему восторгу ари-

стократическихъ кучеровъ, тоже приглашенныхъ хоть не на танцы, то, по-крайней-мѣрѣ, на косушку водки.

Исполненный живѣйшей признательности къ камердинеру, Иванъ Петровичъ повелъ камердинера въ трактиръ, напоилъ чаемъ и, приведши къ себѣ на квартиру, лилъ въ его горло сивухи столько, сколько душа его алкала. Кончилось, разумѣется, дѣло тѣмъ, что Иванъ Петровичъ, не найдя извощика, доставилъ камердинера на квартиру чуть ли не на раменахъ своихъ. По милости Карпа Карпыча, Пролазовъ получилъ лестный чинъ колежскаго регистратора, лестный потому, что ограждаетъ «личность» отъ всѣхъ дерзкихъ покушеній... Когда нужда въ камердинерѣ миновалась, Иванъ Петровичъ умѣлъ возстановить попранное достоинство земскаго чиновника, слѣдующимъ образомъ: когда камердинеръ, при сборѣ чиновниковъ въ передней Карпа Карпыча для поздравленія съ днемъ ангела, позволилъ себѣ фамильярничать съ Иваномъ Петровичемъ, то онъ ему отвѣтилъ: пожалуйста, не забывайся, невѣжа, хамъ! помни, что я чиновникъ 14 класса! Иванъ Петровичъ, оскорбляя прежняго друга, очень хорошо расчелъ, что онъ (другъ) повредить теперь ему не можетъ. Когда Карпу Карпычу, вслѣдствіе новыхъ либеральныхъ воззрѣній на безгрѣшные доходы, была дана отставка съ «впредь никуда не принимать», онъ рекомендовалъ Пролазова своему однокашнику, или, правильнѣе, однокорытнику — Сидору Софронычу Загребистому. Насилу добудившись будочника, спящаго въ стоячемъ положеніи съ сѣкирою въ рукахъ, Пролазовъ узналъ отъ него мѣсто жительства начальника. Подошедши къ крыльцу, Иванъ Петровичъ весьма легонько дернулъ за шнурокъ начальницкаго колокольчика и, приставивъ ухо къ двери, сталъ прислушиваться съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ

прислушивается минеръ къ стуѣу, раздавшемуся со стороны непріятельской контръ-мины. Прождавши минуты три, Пролазовъ опять зазвонилъ въ колокольчикъ. Лакей отворилъ дверь.—Нельзя ли, почтеннѣйшій, узнать, дома Сидоръ Софронычъ?

— Дома-съ, пожалуйте-съ!

— Будь такъ добръ, доложи обо мнѣ. Скажи, любезнѣйшій такъ: что чиновникъ Пролазовъ сгораетъ отъ нетерпѣнія увидѣть своего начальника.

Когда лакей хотѣлъ снять шинель съ Пролазова, то онъ удержалъ его легонько рукой, проговоривъ: не безпокойся, мой милый! я и самъ это сдѣлаю. Въ ожиданіи выхода Сидора Софроныча, Иванъ Петровичъ провелъ битыхъ полчаса въ самомъ сомнительномъ разстояніи между переднею и залой, обдумывая, какими словами начать вступительную рѣчь. «Горя безпредѣльною преданностію и сыновнею любовію къ Карпу Карпычу, я, по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ, былъ осчастливленъ его вниманіемъ и имѣлъ невыразимое счастіе быть вамъ рекомендованнымъ и опредѣленнымъ на службу подъ высокое ваше начальство.»

Сочинивши въ умѣ такую рацею, Иванъ Петровичъ принялся ее задалбливать, чтобъ не сбиться въ словахъ. Это онъ дѣлалъ по извѣстной всѣмъ учащимся методѣ: «Горя сыновнею любовію, горя сыновнею любовію (5 разъ) и безпредѣльною преданностію, и безпредѣльною преданностію—горя сыновнею любовію и безпредѣльною преданностію къ Карпу Карпычу, къ Карпу Карпычу, къ Карпу Карпычу...» и т. д. Эта прекрасная метода заучиванія уроковъ имѣетъ многихъ жаркихъ защитниковъ въ охлажденныхъ годами старичкахъ и упорно держится почти во всѣхъ низшихъ и нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведе-

ніяхъ. Пока Пролазовъ долбилъ предисловіе, мимо его пронесли фаянсовый тазъ, кувшинъ и вдругъ, мимо его прошелъ начальникъ въ одномъ «исподнемъ». Сердце Ивана Петровича запрыгало отъ радости, какъ соловей въ клѣткѣ, когда ему впустятъ чернаго таракана.

— Извините, любезный! сказалъ вѣжливый начальникъ, проходя мимо Ивана Петровича:—что я щеголяю въ томъ, въ чемъ спалъ.

— Помилуйте, я считаю за счастіе, что видѣлъ..... проговорилъ вовсе ни къ селу, ни къ городу Пролазовъ, потому что не былъ приготовленъ къ подобному явленію.

Жалкіе либералы, жолчные люди, расплодившіеся въ послѣднее время къ крайнему огорченію людей благонамѣренныхъ,—пожалуй станутъ обвинять моего героя № 1-й за его смиреніе и истинно-овечью кротость, но что же, скажите, тутъ дурнаго?...

Нѣтъ, я хвалю Ивана Петровича, хвалю за все: какъ за то, что я сказалъ объ немъ выше, такъ и за то, что онъ будетъ дѣлать ниже.

Ну, какъ не похвалить хоть подобную идею Ивана Петровича? Онъ приказалъ или, правильнѣе, заказалъ рѣщику вырѣзать на его печати двухъ коровъ *en arrière*, разумѣется, и между ними теленка, который, ухвативъ сосцы обѣихъ коровъ, сосетъ изъ нихъ молоко; конечно читатель, можете сами придумать, какую подпись надо сдѣлать къ подобному изображенію («ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ»—это для недогадливыхъ читателей.) Однако, пока я раздобарываю о прекрасныхъ свойствахъ моего героя № 1-й, пока Сидоръ Софронычъ фыркаетъ и полощется, какъ утка, пока Емельянъ льетъ ему на темя холодную воду,—бѣдный Иванъ Петровичъ стоитъ, въ ожиданіи, между передней и залой, сирѣчь, въ самыхъ две-

рáхъ.—Да вы войдите, любезный, въ залу! сказалъ Сидоръ Софронычъ, проходя мимо Пролазова въ одномъ исподнемъ и вытирая за ушами полотенцемъ.

Черезъ полчаса (т. е. ровно въ 10, а Иванъ Петровичъ пришелъ въ 8) вышелъ изъ спальни г. Загребистый въ халатѣ изъ отличнѣйшей тарамаламы. На лицѣ его сіяли, разумѣется, спокойствіе и величіе: спокойствіе потому, что наканунѣ выигралъ въ вистъ 25 рублей, величіе потому, что онъ былъ однимъ изъ почетнѣйшихъ членовъ нашего уѣзднаго города П.—Иванъ Петровичъ поклонился такъ почтительно, что подбородокъ его чуть не коснулся колѣнокъ.—«Честь имѣю представиться, коллежскій регистраторъ Пролазовъ.»

— А!... Вы тотъ самый, котораго рекомендовалъ мнѣ Рукочесовъ?

— Точно такъ-съ. Горя сыновнею любовію и безпредѣльною преданностію къ Карпу Карпычу, я, по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ, былъ осчастливленъ его вниманіемъ и имѣлъ невыразимое счастіе быть вамъ рекомендованнымъ и опредѣленнымъ на службу подъ высокое ваше начальство.— Проговоривъ эту фразу безъ запинки, Иванъ Петровичъ опять чуть не коснулся подбородкомъ до колѣнокъ. Загребистому понравились въ рѣчи Пролазова слѣдующія слова: «имѣлъ невыразимое счастіе быть вамъ рекомендованнымъ и опредѣленнымъ на службу подъ *высокое* ваше начальство.» Отъ пріятности ощущеній, на щекахъ Сидора Софроныча показались двѣ ямочки. Эти ямочки лѣтъ 30 назадъ свели съ ума его супругу Матрену Агафоновну, когда еще она была дѣвицей. Къ этимъ ямочкамъ на ланитахъ безпрестанно прикасалась пухленькая ручка «молодой» въ медовый мѣсяцъ. Къ этимъ ямочкамъ на ланитахъ прикасаются и теперь мясистыя руки его супруги, но при-

касаются съ размаху, а не такъ мягко и нѣжно, какъ 30 лѣтъ назадъ.

— Да, мнѣ васъ Рукочесовъ рекомендовалъ съ хорошей очень стороны.

— Не нахожу словъ, какъ васъ благодарить за высокое ваше вниманіе. Что такое я? Букашка! И дѣйствительно, Иванъ Петровичъ въ голосѣ, въ позѣ выразилъ, что онъ ни больше ни меньше, какъ букашка. Это чрезвычайно понравилось Сидору Софронычу и онъ хотѣлъ бы поговорить подружески, потеплѣе съ Иваномъ Петровичемъ, да не позволялъ чинъ. Разстояніе между ними было такъ велико, что не допускало возможности фамильярничать. Что дѣлать! общество наложило на насъ такія кандалы, нарицаемыя «приличіями», что не дозволяютъ бѣдному сердчишку излиться въ откровенной бесѣдѣ. Послѣ сравненія себя съ букашкой, Иванъ Петровичъ хотѣлъ придумать еще что нибудь, еще болѣе уничижительное, но Сидоръ Софронычъ поклонился и ушелъ во внутренніе покои. Этотъ поклонъ, по мнѣнію жалкихъ либераловъ, значитъ: убирайся вонъ! но по мнѣнію Ивана Петровича, онъ не то значилъ. Сидоръ Софронычъ, войдя въ диванную и поздоровавшись съ Матреной Агафоновной, усѣлся за чай.

— Славный чиновникъ ко мнѣ опредѣлился, душенька. Спасибо Карпу Карпычу, что не прислалъ ко мнѣ какого-нибудь верхогляда, а человѣка дѣльнаго.

— А молодыхъ лѣтъ? спросила начальница.

— Лѣтъ 30, не больше. Да это вамъ, бабамъ, только нужно, чтобъ мужчина былъ помоложе да покрасивѣй, а намъ нужно, чтобъ чиновникъ былъ—дѣлецъ.

На другой день, когда природа ужъ не такъ ликовала, какъ наканунѣ, а напротивъ, озаряла солнечными лучами

городъ П.—въѣхалъ въ него Петръ Ивановичъ на почтовой тройкѣ. Скажемъ нѣсколько словъ о прошедшемъ Петра Ивановича. Профессоры, у которыхъ онъ слушалъ лекціи, были, разумѣется, люди съ возвышеннѣйшей, благороднѣйшей душой, пожертвовавшіе самыми лучшими годами своей молодости для науки. Эти юные душой старцы, доживши до сѣдыхъ волосъ, не понимали «жизни», или, правильнѣе, понимали ее такъ, какою она должна быть, а не такою, какою она есть на самомъ дѣлѣ. Какую-нибудь Казань, или Харьковъ, они считали Аркадіей, потому что, ведя аскетическую жизнь, мало расходуя денегъ на удовлетвореніе своего мамона и на грубыя наслажденія, не имѣли случая узнать жизни этого толкучаго рынка, гдѣ каждый наровитъ обмануть другъ друга. Многіе изъ нихъ были пропитаны цѣломудренными германскими идеями и запахомъ дрей-кенига и пива. На жизнь они смотрѣли сквозь очки нѣмецкой философіи. Натурально, эти люди, чистые сердцемъ, какъ дѣти, не могли, да и не хотѣли раскрывать студентамъ всю прозу жизни бѣднаго человѣка, вѣчную борьбу изъ-за грошей, непрестанное помышленіе о томъ, что сегодня придется обѣдать. Изъ такой-то школы вышелъ Петръ Ивановичъ. Онъ, въ своей студенческой наивности, полагалъ, что человѣкъ долженъ быть служителемъ истины, не разсудивъ о томъ, что опасеніе умереть съ голоду заставитъ его на дню десять разъ обмануть, продать ближняго. Петръ Ивановичъ былъ чистъ душой, какъ голубица, образованъ, или правильнѣе, напичканъ сводомъ разнородныхъ ученыхъ бредней, основательное изученіе которыхъ принято называть «ученостію.» Въ его головѣ вмѣщалось столько теорій, системъ, гипотезъ, сколько только можетъ помѣститься хламу въ сосудъ, величиною съ обыкновенный горшокъ, или съ человѣческую голову.

Въ практическомъ смыслѣ, эта ученость только засорила голову Петра Ивановича, убила въ немъ животный инстинктъ, т. е. практическій тактъ. По выходѣ изъ университета съ великолѣпнымъ дипломомъ, онъ поселился въ домѣ своего небогатаго дяди, у котораго жила сестра Петра Ивановича—Настя, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

Такъ какъ студентъ не хотѣлъ никому одолжаться въ кускѣ хлѣба, то рѣшился пріискать скорѣе себѣ мѣсто. Онъ въ простотѣ сердечной полагалъ, что каждый управляющій какой нибудь канцеляріей, каждый предсѣдатель почтетъ за честь имѣть у себя подъ начальствомъ образованнаго чиновника, но вышло иначе. Вообще замѣчено, что судьба неблагопріятствуетъ натурамъ, рѣзко возвышающимся надъ прочими. Надѣливъ человѣка душевными доблестями, богатствами внутренняго міра, она, какъ бы въ возмездіе за это, лишаетъ его богатствъ міра внѣшняго. Такихъ примѣровъ и въ исторіи, и у насъ подъ носомъ наберется не мало. Это явленіе есть одно изъ вѣрнѣйшихъ доказательствъ существованія замогильной жизни, въ которой воздается кійждому по дѣломъ его. Замѣчено также и обратное явленіе: людямъ болѣе или менѣе оскотинившимся—раздолье на сей планетѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи внѣшняго достатка. Чѣмъ менѣе развито, образовано общество, тѣмъ справедливѣе эти два закона.

Дядя Петра Ивановича померъ, оставивъ Петру Ивановичу съ Настей 500 р. ассигнаціями, изъ которыхъ 200 ушло на похороны. Петръ Ивановичъ хотѣлъ пристроить сестру въ какое нибудь казенное училище, но, не имѣя протекціи, сдѣлать этого не могъ. Деньги съ каждымъ днемъ быстро исчезали, и наконецъ, Петръ Ивановичъ остался безъ гроша, безъ всякихъ видовъ въ буду-

щемъ, имѣя, въ добавокъ, на рукахъ сестру, которой пошелъ ужъ пятнатцатый годъ. Давая кой-какіе уроки, онъ влачилъ полунищенскую жизнь около года, наконецъ, по ходатайству одного благороднаго начальника университета, получилъ мѣсто въ уѣздномъ городѣ П.

Петръ Ивановичъ былъ далеко не либералъ: на первыхъ порахъ судьба его обрѣзала такъ ловко, что сразу вытрясла изъ него всѣ тѣ отвлеченныя бредни, которыя только притупляютъ практическій смыслъ и мѣшаютъ «служить». Онъ очень хорошо понималъ, что первая добродѣтель во всякомъ служащемъ это—умѣнье ужиться въ той средѣ, въ какой онъ поставленъ обстоятельствами.

Поэтому, онъ былъ всегда до излишества почтителенъ со старшими, или съ тѣми, отъ которыхъ зависѣлъ по денежнымъ обстоятельствамъ. Но видно Петръ Иванычъ былъ изъ тѣхъ любимцевъ судьбы, которыхъ она преслѣдуетъ на каждомъ шагу, ниспровергаетъ всѣ ихъ планы и вгоняетъ въ страшную нищету, въ тоску и даже въ самую могилу. Излишняя почтительность Петра Иваныча была принимаема старшими за злѣйшую иронію, за сарказмъ и бѣсила до невѣроятія всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ приходилось ему имѣть отношенія. «Онъ насъ окончательно дурачитъ: выставляетъ какими-то шутами, и въ добавокъ, лишаетъ насъ возможности вступиться за себя! Горе, горе такому человѣку! лучше было бы ему и на свѣтъ не родиться!»

Занявши нумеръ въ той же гостинницѣ, Петръ Иванычъ отправился на третій, или на четвертый день къ Сидору Софронычу. Рванувъ шнурокъ начальницкаго колокольчика такъ, что онъ чуть не оборвался, онъ заставилъ лакея броситься опрометью, чтобъ отворить дверь.— Должно быть самъ городничій—подумалъ лакей; но отво-

ривши дверь увидѣлъ, что это былъ далеко не городничій, а какая нибудь миліонная его доля по значенію.

— Доложи! сказалъ отрывисто Петръ Иванычъ и самъ вошелъ въ залу. Лакей посмотрѣлъ на него искоса,' — вотъ ужъ первый неудачный шагъ на служебномъ поприщѣ. Въ администраціи уѣзднаго нашего суда, Иванъ-лакей былъ не послѣдняя спица въ колесницѣ, и послѣ Матрены Агафоновны съ секретаремъ —имѣлъ самое большое вліяніе на Сидора Софроныча.

Опять можно сдѣлать крючокъ сочинителю, или, правильнѣе, разкащику: почему Иванъ имѣлъ такое вліяніе на барина? По двумъ причинамъ: у Сидора Софроныча была слабая струна, это — Аграфена Ивановна, славившаяся бѣлизною своего тѣла, которое было также мягко и нѣжно, какъ у индѣйки.

Къ этой-то слабой струнѣ ѣздилъ Сидоръ Софронычъ тайкомъ отъ Матрены Агафоновны съ камердинѣромъ Иваномъ. Слѣдовательно, еслибы Иванъ разказалъ разъяренной Матренѣ Агафоновнѣ про увлеченія Сидора Софроныча, то жизнь его висѣла бы, такъ сказать, на волоскѣ. Надо замѣтить, что эта дама была надѣлена атлетическими формами. Одинъ острякъ дурнаго тона говорилъ, что природа хотѣла создать что-то среднее между фельдъегеремъ и драгунскимъ вахмистромъ, но, по странному стеченію обстоятельствъ—создала Матрену Агафоновну. Сидоръ Софронычъ былъ на видъ щедушенъ и составлялъ едва ли *пятую долю* отъ своей дражайшей половины. Нога Сидора Софроныча въ икрѣ была почти такой же толщины, какъ большой палецъ на ногѣ Матрены Агафоновны... На 47 году ея жизни, формы ея начали дѣлаться роскошными и достигли nec-plus-ultra около 50-го года (ея жизни). Кромѣ того, что у него была сла-

бая струна, онъ еще имѣлъ нѣсколько слабыхъ струнъ: напр., онъ любилъ по вечерамъ отправляться въ дома тѣхъ чиновниковъ, у которыхъ были дочери-невѣсты. Въ зимніе вечера собирались другъ къ другу дѣвицы, покалякать о томъ о семъ, попѣть пѣсенки, похохотать и т. п. Между ними являлся какой нибудь любезникъ-канцелярист, который потѣшалъ всю честную компанію остротами.—Напримѣръ, дѣвица спроситъ: о чемъ вы задумались?—онъ отвѣчаетъ: нельзя сказать при дѣвицахъ; больно совѣстно-съ... Всѣ, разумѣется, хохочутъ до колики.

На такія-то вечеринки, въ сопровожденіи Ивана, хаживалъ Сидоръ Софронычъ. Регистраторъ, въ присутствіи начальника, терялъ форсъ и незамѣтно ускользалъ, а Сидоръ Софронычъ занималъ его мѣсто. Тутъ-то поднималась возня. Сидору Софронычу завяжутъ глаза и заставятъ его ловить дѣвушекъ, или льютъ ему на плѣшь холодную воду (Сидоръ Софронычъ былъ плѣшивъ); но онъ все прощалъ, ни зачто не сердился, потому-что обожалъ всѣхъ вообще дѣвицъ безъ исключенія. Можетъ быть, онѣ бы убѣгали изъ дому при появленіи Загребистаго еслибы ихъ отцы и братцы не были отъ него въ полной зависимости.

Петръ Иванычъ, въ ожиданіи выхода судьи, началъ разсматривать картины на стѣнахъ. Онѣ всѣ были эротическаго содержанія и нѣкоторыя, передъ пріѣздомъ дамъ (особенно матерей семейства) закрывались кисеею. Сидоръ Софронычъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сластолюбивыхъ старичковъ, которые еще харахорятся и не теряютъ надежды нравиться женскому полу.

Было около 9 утра и начальникъ только что проснулся послѣ одиннадцати часоваго сна. Кромѣ того, онъ за-

давалъ храповицкаго послѣ обѣда отъ двухъ до пяти, хотя, по мнѣнію губернатора, отличался «неусыпною» дѣятельностію.

Возставъ отъ сна, Загребистый, точно такъ-же какъ наканунѣ, прошелся въ одномъ исподнемъ мимо Петра Иваныча, проговоривъ: извините; но Петръ Иванычъ до того засмотрѣлся на одну изъ картинъ, что даже не отвѣтилъ: помилуйте-съ! стоитъ-ли передо мной извиняться! Картина была, дѣйствительно, занимательна: какая-то нимфа въ одной рубашкѣ стыдливо прикрыла воротъ руками, а изъ-за кустовъ торчала какая-то усатая голова—любительница подобныхъ зрѣлищъ.

Одѣвшись въ халатъ, Сидоръ Софронычъ принялъ весьма любезно Петра Иваныча, весьма лестно отозвался объ университетскомъ образованіи, сказалъ, что чрезвычайно радъ имѣть у себя подъ начальствомъ хоть одного образованнаго человѣка, что вчера пріѣхалъ тоже образованный чиновникъ, кончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ....

При всемъ смиреніи и почтительности, Петръ Иванычъ не могъ не улыбнуться, а Сидоръ Софронычъ не могъ не нахмуриться.

Пропалъ, окончательно пропалъ Петръ Иванычъ! и пропалъ отъ сравненія съ Иваномъ Петровичемъ. Тотъ не заглядывался на нимфъ, не вошелъ въ залу, а стоялъ между переднею и залой; тотъ вкратцѣ высказалъ всю преданность новому начальнику, сказалъ, что имѣетъ невыразимое счастіе... и пр., а Петръ Иванычъ ничего не упомянулъ про счастіе, а просто отрекомендовался. Мнѣ удивительно то, какъ Петръ Иванычъ, проходившій подробно психологію, зоологію и множество другихъ *логій*, не могъ подмѣтить душевныхъ свойствъ уѣзднаго судьи.

Такъ какъ Матрена Агафоновна выказывала надъ супругомъ необыкновенную силу длани, то онъ былъ передъ нею кротокъ, какъ овенъ; я даже имѣю причины думать, что Сидоръ Софронычъ, въ періодъ цвѣтущаго состоянія его супруги, былъ очень схожъ съ овномъ.

Но, раболѣпствуя передъ супругой, онъ обнаруживалъ необыкновенную рысь передъ подчиненными и накидывался преимущественно на тѣхъ, которые были связаны семействомъ, или, по бѣдности и крайней скудости способностей, не могли служить нигдѣ кромѣ уѣзднаго суда.— Сидоръ Софронычъ часто говаривалъ своимъ пріятелямъ: что за грубый вѣкъ сталъ: нельзя обругать даже какую нибудь блоху-регистратора! Ему скажешь слово, а онъ въ отвѣтъ десять. Я давно ищу такого чиновника, который хотя ничего бы не дѣлалъ, но получалъ бы жалованье за то, что молчитъ, когда его распекаютъ.

Касательно страстишекъ, Сидора Софроныча можно было назвать старикашкой-сластёной: много онъ протратилъ деньжатъ на разныхъ волшебныхъ фей, но всѣ онѣ не любили его, а только безбожно надували. Однако, Сидоръ Софронычъ не унывалъ и, достигнувши 48-ми-лѣтняго возраста, искалъ женщины «сочувствующей». А Матрена Агафоновна? спроситъ читатель. Увы! Загрёбистый женился на ней по приказанію своего начальника, который Загрёбистова «безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ свое семейство». Надо замѣтить, что Матрена Агафоновна на 19 году поступила въ гувернантки къ благодѣтелю нашего судьи (онъ же и Загрёбистый). Этотъ благодѣтель имѣлъ отъ покойной жены двухъ дѣточекъ. Матрена Агафоновна замѣнила имъ мать. Послѣ пятилѣтняго гувернантства, вдовецъ рѣшился ее пристроить и, призвавши нашего судью, тогдашняго канцеляриста, сказалъ: Сидор-

ка! чтобъ черезъ двѣ недѣли ты былъ у меня женатъ, слышишь?—Слышу, Агафангелъ Агафангеловичъ.—Я тебѣ и невѣсту пріискалъ, продолжалъ вдовецъ: — дѣвица цѣломудренная. Матреша, поди сюда.—Матреша вошла.— Вотъ тебѣ женихъ; а на счетъ приданаго не хлопочите.— Матреша отъ радости земли подъ собой не слыхала, потому что ей очень нравились ямочки на щекахъ «Сидорки» (тогда ему было 22 года, а ей 24). Кромѣ порядочнаго приданаго, Сидоръ Софронычъ получилъ въ сюрпризъ два подарочка. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ къ благодѣтелю, Матрена Агафоновна что-то замѣшкалась. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, возвращается съ двумя крошками, Петей и Олей.

— Это что за дѣти? спрашиваетъ изумленный супругъ.

— Ваши, отвѣчаетъ спокойно жена.

— Какъ мои?.. я, благодаря Бога, ни отъ кого еще не имѣлъ дѣтей.

— Отецъ безчувственный! возразила, всхлипывая, Матрена Агафоновна:—развѣ я вамъ не жена? развѣ они не дѣти ваши?...

Не знаю, какъ понравился мужу такой остроумный доводъ супруги, только дѣло было поправлять поздно, по пословицѣ; «снявши голову, о волосахъ не плачутъ». Ольга Сидоровна теперь уже замужемъ, а Петръ Сидорычъ подвизается весьма удачно въ какой-то палатѣ

Однимъ словомъ, Сидоръ Софронычъ не испыталъ ни разу «истинной любви»,—любви неподержанной, новенькой, съ молоточка; а по теоріи чуть-ли не господина Паскаля—человѣкъ долженъ непремѣнно испытать истинную любовь хоть одинъ разъ.

Наружность Сидора Софроныча вполнѣ соотвѣтствовала его внутренности. Ростомъ онъ былъ съ нашего урода

Петра Ивановича Сабріевскаго, живой, страстный, однимъ словомъ, могъ вполнѣ назваться «мышинымъ жеребчикомъ», ножки кривыя, въ колѣнкахъ выгнуты наружу, словно у тѣхъ «старыхъ кадетъ», которые, желая имѣть кривыя ноги, привязывали между колѣнками шайку. Два клочка сѣдыхъ волосъ торчало по сторонамъ лысины, розовой, какъ arrière partie обстриженнаго пуделя.

Сидоръ Софронычъ всегда щеголялъ въ коричневомъ фракѣ. Особенныхъ примѣтъ въ его костюмѣ не было, кромѣ мелкихъ принадлежностей туалета. Зимой онъ носилъ на головѣ круглый картузъ, который имѣлъ большое сходство съ соусникомъ; поэтому остряки-канцеляристы говорили: сегодня, господа, холодно, потому что Сидоръ Софронычъ въ «соусникѣ».

Лѣтомъ и въ теплую погоду онъ носилъ бѣлую круглую шляпу съ полями, которая имѣла сходство съ груздемъ; впрочемъ, эти сравненія принадлежатъ не мнѣ, а разнымъ «востякамъ» здѣшняго уѣзднаго суда.

Сидоръ Софронычъ, когда раскусилъ вполнѣ всѣ невообразимыя совершенства Ивана Петровича, то врѣзался въ него по-уши.

— Что это за восхитительный чиновникъ! говаривалъ онъ своей супругѣ, въ приливѣ восторженности. Восторженность приливала къ душѣ Сидора Софроныча послѣ трехъ рюмочекъ ерофѣичу, которыя онъ хлопалъ съ непостижимою быстротою, соблюдая всѣ мѣры предосторожности противъ вторженія Матрены Агафоновны. Надо замѣтить, что Иванъ Петровичъ восхитительно чинилъ перья, отлиневывалъ поля и — принималъ просителей. Умѣнье принять просителя, съ соблюденіемъ всего достоинства высокоблагороднаго званія—вещь не шуточная. Много прекраснѣйшихъ чиновниковъ изъ высшихъ учебныхъ заведе-

ній, собаки скушали и въ филологіи, и въ геологіи, и въ патологіи и въ зоологіи, а просителей принять не умѣютъ...

Поэтому, какъ старовѣры табаку, Сидоръ Софронычъ ненавидѣлъ чиновниковъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Они не умѣютъ и въ колокольчикъ позвонить, являясь къ начальнику, и явиться, какъ слѣдуютъ къ нему, и начальницкаго камердинера приласкать, и мало-ли чего они не умѣютъ!

Короче, правдивый начальникъ посвятилъ Ивана Петровича во всѣ служебныя и семейныя тайны.

Казалось, широкое поприще предстояло достойнымъ начальнику и подчиненному; но неумолимая судьба, любящая во всемъ подгадить, подгадила карьеру этихъ двухъ великихъ мужей. Сколько блестящихъ надеждъ подавали они на счетъ будущихъ видовъ нашего края, но эти надежды не осуществились: явилось въ городъ самое тонкое, самое наблюдательное правительство, какіе-то правовѣды, ихъ было-бы приличнѣе назвать сердцевѣдами, но этого слова въ офиціальномъ слогѣ не употребляется.

Кончилось дѣло тѣмъ, что обоихъ достойныхъ мужей предали суду, со «впредь никуда не принимать», и предали совершенно безвинно. Теперь они гранятъ мостовую; грустно, такіе рѣдкіе люди и гранятъ вдругъ мостовую совершенно безвинно!

Перо вываливается изъ рукъ автора; слезы капаютъ на бумагу и застилаютъ глаза; читатель свѣтуетъ на продѣлки судьбы, значитъ дальше и писать не стоитъ. Оба героя подъ судомъ, значитъ развязка разсказа сдѣлана и онъ совершенно оконченъ.

ОТЖИВАЮЩІЕ.

(Очеркъ былыхъ временъ).

«Вмѣняемъ себѣ въ священную обязанность, отъ лица всѣхъ нашихъ гражданъ, изъявить передъ просвѣщенною русскою публикою искреннѣйшую признательность г. градоначальнику за тѣ неусыпныя о городѣ попеченія, вслѣдствіе которыхъ послѣдній достигъ въ короткое время самаго цвѣтущаго состоянія. Чуждые всякой лести, можемъ смѣло сказать, что мы въ настоящую минуту вполнѣ наслаждаемся сладкими плодами современнаго просвѣщенія и истиннаго прогресса. Небольшой городокъ нашъ, въ какіе-нибудь два три года, подъ мудрымъ управленіемъ Селиверста Селиверстыча и его достойнаго помощника Эраста Эрастовича во всѣхъ отношеніяхъ достигъ такого преуспѣянія, что не остается ничего болѣе желать. Куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь изумительный порядокъ, полное благоустройство, нелицемѣрную покорность властямъ и самое искреннѣйшее желаніе принесть себя всецѣло на пользу ближняго, на жертву интересамъ нашего отчества вообще и городка N въ особенности. Напримѣръ, устремите, читатель, ваше всевидящее око въ уѣздный или земскій судъ! Какое безкорыстіе, какой по-

*

рядокъ царствуютъ тамъ! Усердные жрецы Ѳемиды не щадятъ ни силъ, ни живота для того, чтобъ оградить правыхъ, покарать виновныхъ, всѣмъ и каждому воздать кійждому по дѣламъ его. Вотъ гдѣ, путемъ благодѣтельнаго примѣненія законовъ, отираются слезы страдальцевъ, невинныхъ сиротъ и вдовицъ. Вотъ гдѣ истинный сынъ отечества найдетъ правамъ твердый оплотъ и защиту. Но если умилительно видѣть такое стремленіе къ общему благу нашихъ гг. чиновниковъ, то не менѣе умилительно зрѣть безкорыстіе и патріотизмъ городскихъ кущовъ. Тамъ, за весьма умѣренную плату, въ должномъ качествѣ, достаточномъ количествѣ, граждане получаютъ самые лучшіе свѣжіе припасы и все, что нужно на потребу человѣка. Съ устройствомъ новыхъ бань, городскаго острога и дома умалишенныхъ, городъ достигъ видимаго благолѣпія. Посреди главной площади возвышается величественное зданіе уѣзднаго суда и питейной конторы.

«Улицы въ скоромъ времени будутъ вымощены, удобные пути сообщенія разольютъ со временемъ довольство въ жителяхъ всего нашего края.

«Проектъ объ устройствѣ каменнаго моста, обсуждаемый съ 1849 года членами городской строительной и дорожной коммисіи, вѣроятно, приведется скоро въ исполненіе. Мѣсто, огороженное заборомъ, для предполагаемаго городскаго сада, дастъ со временемъ пріятную тѣнь и прохладу утомленнымъ зноемъ гражданамъ. Фундаментъ, воздвигаемый для каменнаго гостинаго двора, обѣщаетъ удобное и просторное помѣщеніе для торгующихъ. Но самаго полнаго процвѣтанія достигла богадѣльня, въ которой 30 дряхлыхъ и увѣчныхъ стариковъ и старухъ не знаютъ, какъ возблагодарить благодѣтельное начальство за неусыпныя объ нихъ попеченія. Городская больница,

благодаря долговременной опытности и искусству Адама Адамыча достигла такого совершенства въ своемъ устройствѣ, что можетъ соперничать съ лучшими заведеніями въ томъ же родѣ. Однимъ словомъ, куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь благолѣпіе, порядокъ, безкорыстіе и единодушное стремленіе оправдать довѣріе Селиверста Селиверстыча и достойнаго его помощника Эраста Эрастовича. Остается только облагодѣтельствованнымъ гражданамъ орошать ланиты слезами умиленія и возносить горячія мольбы о здравіи и долголѣтіи тѣхъ ближайшихъ нашихъ благодѣтелей, которые, яко чадолюбивая матерь, неусыпно пекутся о насъ.

«Я, съ моей стороны, горжусь тѣмъ, что и мнѣ, скромному фельетонисту губернскихъ вѣдомостей, удалось вложить хотя единую лепту въ сокровищницу нашей отечественной словесности. Но бросаю перо отъ избытка высокихъ чувствъ при видѣ общаго мѣстнаго благоустройства. Рука дрожитъ, а глаза застилаютъ слезы. Есть такія вещи на свѣтѣ, которыхъ не выразишь никакимъ перомъ!

Фельетонистъ Великопостный».

Когда этотъ нумеръ былъ разнесенъ по городу тамошними будочниками, то всѣ граждане были, въ буквальномъ смыслѣ, огорошены такимъ краснорѣчіемъ. Кто это такой г. Великопостный? Да не господинъ ли Тургеневъ написалъ этотъ фельетонъ подъ псевдонимомъ Великопостнаго? Удивительный слогъ! Что за перо! что за обороты рѣчи! восклицали всѣ граждане.

Фельетонъ съ жадностію прочитывали всѣ, начиная отъ градоначальника до послѣдняго лавочника, отъ госпожи предводительши до послѣдней грамотной торговки. Будочники, разносившіе этотъ листокъ, пустились въ спе-

куляцію, брали по гривеннику только за прочитку, предоставляя подписчикамъ удовольствіе получить листокъ двумя днями позже. Можетъ быть, читатель желаетъ знать, что за особа былъ г. Великопостный.

Нафанаилъ Нафанаиловичъ Великопостный кончилъ полный курсъ въ губернской семинаріи; но убоялся премудрости, сирѣчь духовной академіи, обратился вспять, поступилъ въ мѣстную канцелярію по протекціи отца Елпидифора, духовника губернаторши.

Пріобыкши къ витійству измлада, и зѣло насобачившись въ писаніи виршей добрыхъ, онъ возненавидѣлъ низкій канцелярскій слогъ, который, въ отличіе отъ высокаго піитическаго, называлъ *подлымъ*. Возненавидѣвши подлый слогъ дѣловыхъ бумагъ, онъ сочинилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «О блудѣ и сквернахъ грѣховныхъ, проникшихъ къ намъ отъ народовъ *вечернихъ* (т. е. западныхъ). Эту диссертацію, состоящую изъ 16-ти томовъ, онъ послалъ для напечатанія въ «Домашнюю Бесѣду». Если она еще не появилась на страницахъ этой прекрасной газеты, такъ вѣроятно потому, что г. Аскоченскій не получилъ ее, или не успѣлъ прочесть. Однимъ словомъ, г. Великопостный вышеприписаннымъ фельетономъ произвелъ страшнѣйшій фуроръ. Всѣ грамотные граждане приходили въ восхищеніе при чтеніи этого диѳирамба, исключая виновника этого диѳирамба—Селиверста Селиверстыча, который былъ прямой, честный воинъ, привыкшій къ краткости рапортовъ и ненавидѣвшій такіе диѳирамбы.

— Это что за ахинею напороли въ губернскихъ вѣдомостяхъ на меня и на васъ? спросилъ онъ своего правителя дѣлъ.

— Это не ахинея, а такъ сказать—ода, которая сло-

жилась въ душѣ Великопостнаго, при видѣ того благоустройства и порядка, до коихъ достигъ городъ нашъ, вслѣдствіе моихъ и вашихъ трудовъ.

— Ужъ я вижу, какъ вы трудитесь!.... Оно, конечно, хорошо, если самъ губернаторъ прочтетъ этотъ, какъ его..

— Фельетонъ, сказалъ Эрастъ Эрастовичъ.

— Ну да, фельетонъ!... Только тутъ все—чушь, правды нѣтъ ни на волосъ!...

Эта благородная личность стоитъ описанія.

Селиверстъ Селиверстычъ былъ существо въ высшей степени доброе, но до невѣроятности вспыльчивое. Когда онъ, бывало, кого-нибудь распекаетъ, то со стороны можно было подумать, что онъ собирается дать распекаемому хорошенькую потасовочку. Бѣднаго чиновника, попавшагося подъ первый гнѣвъ, сожжетъ, разгромитъ, уничтожитъ. Ужъ тотъ, горемыка, ежится, ежится, думаетъ: а что, какъ вдругъ заѣдетъ въ формуляръ?... Но благороднѣйшему начальнику и въ мысль не приходитъ заѣхать въ формуляръ подчиненнаго; онъ только горячится, разжигаетъ подчиненнаго, чтобъ онъ такую распеканцію помнилъ во всю жизнь. Даже такихъ словъ и выраженій, какія не приняты въ лексиконахъ и порядочныхъ обществахъ, онъ не употреблялъ, а просто говорилъ: «Да что вы, сударь! Да какъ вы смѣли, сударь мой! Да вы еще, сударь мой, меня не знаете! Да какъ вы, сударь мой, осмѣлились это сдѣлать?» и т. п. Но чтобъ онъ грозилъ подчиненнаго согнуть въ бараній рогъ, или смѣшать съ грязью, или сослать куда Макаръ телятъ не гонялъ—Боже сохрани! Хоть чиновникъ и стоялъ два часа ни живъ, ни мертвъ, и чувствовалъ что-то похожее, какъ послѣ пріема рициннаго масла, но оскорбительнаго для чести чиновника гражданской службы ничего не могъ

найти. Распекая, онъ грозилъ иногда и выгнать въ отставку, и замарать формуляръ, но никогда не приводилъ этого въ исполненіе. Бѣдняку въ самомъ дѣлѣ казалось, что вотъ-вотъ пропалъ я, какъ червякъ, что придется съ семействомъ гранить мостовую, но ничуть не бывало! начальникъ, какъ сорветъ свой гнѣвъ на томъ, кто первый попадется, дѣлается добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ начальникомъ. О вспыльчивости Селиверста Селиверстыча ходило по полку, гдѣ онъ служилъ, и по городу, гдѣ управлялъ канцеляріей, очень много анекдотовъ. Не ручаясь за ихъ справедливость, разскажу нѣкоторые изъ нихъ, чтобъ яснѣе обрисовать моего героя. Когда еще онъ былъ ротнымъ командиромъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, то произошелъ слѣдующій случай. Какой-то солдатъ его роты, встрѣтившись ему на улицѣ, не отдалъ ему чести за шесть шаговъ.—«Поди-ко ты сюда!» закричалъ Селиверстъ Селиверстычъ. Солдатъ, съ испуга, началъ улепетывать во всѣ лопатки отъ начальника, начальникъ за нимъ. Видя, что его догоняютъ; солдатъ бросился въ первую растворенную калитку дома и, найдя двери отпертыми, продрался на дворъ. Не обращая ни на кого вниманія, на огромную цѣпную собаку, и не видя, гдѣ скрыться, онъ, въ торопяхъ, влѣзъ прямо въ конуру. Собака, вѣроятно по инстинкту, видя испуганнаго человѣка, не бросилась на него. Селиверстъ Селиверстычъ, замѣтивъ ворота, въ которые вбѣжалъ солдатъ, вошелъ въ этотъ домъ и поднялъ въ немъ страшную суматоху, увѣряя хозяевъ, что въ ихъ комнатахъ скрывается бѣглецъ. Хозяева сами не замѣтили вбѣжавшаго на дворъ солдата, божились, клялись всѣми богами, что его не видѣли, обшарили всѣ мышиныя норки, но Селиверстъ Селиверстычъ стоялъ на своемъ. Онъ даже подозрительно глядѣлъ на кринолинъ хозяйской до-

чери, на рабочій столикъ, въ которомъ едва умѣстится совершеннолѣтняя кошка. Тѣмъ же порядкомъ осмотрѣли сараи на дворѣ, но никому не пришло въ голову заглянуть въ конуру, при видѣ такой страшной собачищи. Калитка и заднія ворота были заперты на замокъ, заборъ высокій и утыканъ гвоздями, значитъ оставалось предполагать, что солдатъ провалился сквозь землю, или начальникъ попалъ не въ тотъ домъ. Селиверста Селиверстыча это начало интересовать, какъ чудо, и онъ довольно громко сказалъ хозяевамъ, вышедшимъ съ нимъ на дворъ: «Я бы далъ три цѣлковыхъ этому фокуснику, еслибъ онъ сейчасъ ко мнѣ явился». Вдругъ, къ изумленію всѣхъ, бѣглецъ вылѣзаетъ изъ конуры. — Молодчина! поцѣлуй меня, сказалъ Селиверстъ Селиверстычъ, и далъ ему три рубля на водку. Хозяева послѣдовали примѣру начальника и такимъ образомъ солдатъ получилъ шесть рублей. Другой разъ донесли Селиверсту Селиверстычу, что кашеваръ его роты скверно варитъ щи и не кладетъ въ нихъ *положенное* количество продуктовъ. Взбѣшенный до-нельзя, безкорыстный начальникъ летитъ на всѣхъ парусахъ на кухню, когда тамъ варилась жидкая кашица. Командиръ схватилъ ложку, попробовалъ сгоряча горячую кашицу, обжегся, разсердился еще больше и крикнулъ: «Такъ это такія-то щи ты варишь? Я-жъ тебѣ покажу, какъ надо варить щи! Взять его?» Солдаты тотчасъ подхватили кашевара.—Ваше высокоблагородіе! осмѣлился сказать фельдфебель: сегодня вѣдь кашица варилась, а не щи. — Какъ?!—Извольте сами попробовать.—Командиръ попробовалъ.—Ахъ, такъ я ошибся! поди сюда, братецъ! сказалъ начальникъ кашевару. Кашеваръ подошелъ. — Поцѣлуй меня, братецъ! сказалъ начальникъ и далъ кашевару рубль серебромъ. Такія-то диковинки разсказывались про Селиверста Селиверстыча.

Привычку распекать онъ усвоилъ тогда еще, когда былъ фельдфебелемъ и произведенъ въ чинъ прапорщика. Бывало, начальникъ расхвалитъ его роту до того, что, просто, всѣхъ расцѣловать готовъ. — Ну, братцы, говорилъ онъ: хорошо вы дѣлаете ружейные пріемы да маршируете тихимъ шагомъ; но Селиверстъ Селиверстычъ и этой похвалой недоволенъ остается. Вмѣсто того, чтобъ роту распустить по домамъ отдохнуть, онъ выведетъ ее на плацъ и примется учить да распекать.—Хорошо, говоритъ, братцы, спору нѣтъ! а все не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось! Нѣтъ этого темпу въ ружейныхъ пріемахъ. Однимъ словомъ, онъ ничѣмъ не былъ доволенъ и готовъ былъ изъ шкуры вылѣзть вонъ, чтобъ рота его была еще лучше. Правитель дѣлъ живо постигъ его характеръ съ перваго раза, какъ онъ принялъ должность. Не мѣшаетъ однако разсказать, какъ Селиверстъ Селиверстычъ принялъ должность.

Чтобъ не употреблять безпрестанно Селиверстъ да Селиверстъ, потому-что въ нихъ семь верстъ, назову начальника хоть Ремешковымъ.

До высшихъ властей губерніи дошли темные слухи, что въ городѣ N. творятся страшные фокусы, что, не смотря на всевидящее око начальства, чиновники и купцы стараются наперерывъ перещеголять другъ друга — придумаемъ понѣжнѣе слово—въ злоупотребленіяхъ... Кого послать покарать зло? Кто бы могъ стереть главу змія? Да вотъ вамъ человѣкъ, рожденный для этого, доложилъ правитель канцеляріи г. губернатору. И въ самомъ дѣлѣ, Ремешковъ, по внѣшнимъ качествамъ, былъ именно рожденъ, чтобъ навесть ужасъ на какой-нибудь земскій судъ. Ростомъ онъ былъ почти съ колокольню, голосъ какъ труба, грудь колесомъ, усищи до плечъ, а глаза, вѣчно свер-

кающіе гнѣвомъ, постоянно смотрѣли на пятнадцать шаговъ впередъ.—Поѣзжайте, поѣзжайте, добрѣйшій Селиверстъ Селиверстычъ, сказалъ ласково губернаторъ, объяснивши всѣ злоупотребленія въ городѣ N.—Г. Ремешковъ сдѣлался грознѣе тучи и воскликнулъ на всю гостиную: «Я-жъ имъ задамъ!»

Такое громовое восклицаніе навело даже страхъ на губернаторскихъ чиновниковъ — людей вполнѣ безгрѣшныхъ, не говоря о какихъ-нибудь уѣздныхъ. Получивши всѣ бумаги, Ремешковъ полетѣлъ на почтовыхъ въ городъ N., рѣшась, во что бы то ни стало, оправдать высокое довѣріе начальника.

Онъ именно принадлежалъ къ разряду тѣхъ героевъ, которыхъ мы, русскіе, считаемъ сотнями въ каждую войну. Дайте одному изъ нихъ пять человѣкъ и пошлите ихъ, примѣрно противъ 10,000 французской арміи—пойдутъ. Я знаю одного военнаго, который одинъ собственной своей особой хотѣлъ отнять у французовъ Малаховъ курганъ во время послѣдняго штурма.

Онъ отлично понималъ невозможность этого, но въ немъ леонидовская отвага заглушала голосъ разсудка. Таковъ-то былъ и Селиверстъ Селиверстычъ. До властей города N., мирно плутовавшихъ съ незапамятныхъ временъ, начали доноситься темные слухи, что несется на почтовыхъ къ нимъ какая-то гроза. Всѣ чиновники, разумѣется, навострили уши, какъ мышь, почуявшая прыжки кота: замазали кое-какъ грѣшки, сколько позволяло время, и съ трепетомъ ожидали прибытія Ремешкова.

Гробовая тишина царствовала въ залѣ, гдѣ представлялись чиновники новому начальнику. Въ форменныхъ вицмундирахъ, съ засаленными воротниками, оттопыривши

брюшко, жались они другъ къ другу, какъ барашки въ стадѣ.

Какъ вошелъ Селиверстъ Селиверстычъ, да какъ крикнулъ на нихъ, у всѣхъ сердце обомлѣло, въ вискахъ застучало, словно отъ угара. Какъ пошелъ Ремешковъ распекать—у всѣхъ волосъ дыбомъ сталъ.

— Да что вы это? Да съ чего вы осмѣлились это дѣлать? Да я васъ знаете куда... и прочее, и прочее, и прочее. Правитель дѣлъ, какъ первый ратникъ, готовый принять на чело свое первые удары, только кланялся и говорилъ: виноватъ съ!... Никакія въ мірѣ распекаціи не могли сокрушить его желѣзнаго хладнокровія. Не смотря на то, что руки Ремешкова были въ довольно близкомъ сосѣдствѣ отъ его вышитаго воротника, онъ только кланялся и приговаривалъ: виноватъ-съ! Такъ ядро при началѣ полета разбиваетъ каменную стѣну, прошибаетъ насквозь толстыя доски, зарывается въ землю, но, ударившись въ кучу перинъ или подушекъ —безсильно скатывается внизъ. Наведши страхъ, ужасъ на городокъ, какъ Атила на городъ Римъ, Ремешковъ принялъ бразды управленія.

Такъ-какъ Ремешковъ прежде всего накинулся на чистоту и опрятность, то Эрастъ Эрастовичъ довелъ въ нѣсколько дней эту часть до возможнаго совершенства. Полы присутственнаго мѣста покрылись желтой краской, по угламъ были поставлены песочницы, называемыя, въ отличіе отъ собственно песочницъ—плевательницами. Вмѣсто помадныхъ банокъ появились на столахъ красивыя чернильницы. Гг. чиновники обратили вниманіе на свои фраки и чинили ихъ уже не бѣлыми нитками, а черными. Чтобъ запахъ въ комнатахъ присутствія не напоминалъ запаха винной конторы, заведены курильницы и къ смѣ-

тамъ присоединенъ новый расходъ на смолку. Плевательницы поставлены были только для близиру: въ нихъ строжайше воспрещалось плевать, точно также, какъ въ нѣкоторыхъ садахъ запрещаютъ садиться на скамѣйки, притрогиваться къ цвѣтамъ, не мять травы, не ходить по газону и проч. Селиверстъ Селиверстычъ даже самъ придумалъ деревянныя формочки, которыми давался песку плевательницы довольно красивый узоръ: однимъ словомъ, Ремешковъ съ перваго шага преобразовалъ свою канцелярію. Потомъ онъ обратилъ вниманіе на почеркъ и, сколько позволяли силы, на правописаніе. Чиновники, кромѣ раздѣленія по роду занятій, были посажены подъ ранжиръ, въ родѣ тѣхъ растеній извѣстнаго ботаническаго сада, какія ранжировалъ одинъ почтенный мужъ, вопреки классификаціи Линнея.

Чтобъ нѣсколько укротить гнѣвъ новаго Юпитера, Эрастъ Эрастовичъ Медоточивый прибѣгнулъ къ слѣдующимъ фокусамъ: онъ гдѣ-то откопалъ трехъ миловидныхъ чиновниковъ, которые ничего не дѣлали, но получали хорошее жалованье именно за то, что молчали, когда ихъ распекаютъ. Бывало, какъ онъ войдетъ въ присутствіе, у всѣхъ чиновниковъ начинаютъ барабанить ноги отъ страха: рука дрожитъ, перо, вмѣсто того, чтобъ писать дѣло, тычетъ бумагу, да танцуетъ мазурку. Постоянныя распеканціи до того интересовали чиновниковъ, что обратились въ какой-то спектакль, на который всѣ зѣвали, забывши дѣло. Каждый любопытствовалъ, чѣмъ кончится такая-то вспышка начальника? Кого сегодня разожгутъ? Отъ этого просители по годамъ ожидали резолюцій, сидя въ передней.

— Идетъ! идетъ! кричитъ вбѣгая чиновникъ, котораго играющіе въ карты чиновники поставили у входа на ча-

сахъ. Поднимается суматоха: всѣ бросаются на свои мѣста, карты прячутся въ карманы, каждый притворно углубляется въ свое занятіе. Вотъ является Ремешковъ, всѣ отвѣшиваютъ почтительный поклонъ, а онъ разъ моргнетъ бровями и грознѣе черной тучи садится передъ зерцаломъ.

— Пролазовъ! говоритъ правитель дѣлъ:—неси бумаги къ докладу.

Пролазовъ, застегнувшись на всѣ пуговицы и обмахнувши сапоги платкомъ, отправляется къ начальнику. Всѣ чиновники, заложивши за ухо перья, глядятъ на дверь и съ любопытствомъ ждутъ, что-то будетъ?

— Вы къ кому пришли? раздается голосъ начальника. Вы къ кому пришли? я васъ спрашиваю!

—Къ вамъ, Селиверстъ Селиверстычъ, отвѣчаетъ сладкимъ, закрадывающимся въ душу голосомъ Пролазовъ.

— Отчего у васъ вторая снизу пуговица не застегнута?

— Молчаніе.

— Отчего у васъ снизу вторая пуговица разстегнута? я васъ спрашиваю?

Пролазовъ, съ видомъ совершеннаго раскаянія въ проступкѣ, молчитъ и поспѣшно застегиваетъ пуговицу.

Являясь къ начальнику, онъ съ умысломъ не застегнулъ пуговицы, чтобъ дать поводъ къ распеканціямъ которыя подрядился выслушивать за извѣстную плату.

—Это вольнодумство! это неуваженіе къ старшимъ кричитъ Ремешковъ.

Пролазовъ продолжаетъ молчать, разыгрывая свою роль по нотамъ, зная отлично ея начало, продолженіе и конецъ.

— Завтра же въ отставку! Я вамъ, сударь, по-

кажу, какъ являться къ начальнику въ развращенномъ видѣ!

—Простите, Селиверстъ Селиверстычъ! говоритъ всхлипывая Пролазовъ и подноситъ къ глазамъ батистовый платокъ. Онъ знаетъ, что начальникъ любитъ, если у его подчиненныхъ водятся батистовые платки. Окинувъ съ темени до пятъ Пролазова и замѣтивъ на немъ щеголеватый вице-мундиръ и вычищенные, какъ зеркало, сапоги, чувствуетъ невыразимое удовольствіе, но не хочетъ показать этого передъ подчиненнымъ.

— Это вы писали?

— Я-съ, отвѣчаетъ Пролазовъ, хоть ему и во снѣ не грезилось такъ писать, какъ тутъ написано.

— Отчего вы такъ некрасиво пишете *ъ*? Надо, сударь, учиться!

Пролазовъ знаетъ, что бумага написана, какъ пропись, чисто, правильно, но молчитъ, потому-что получаетъ за это жалованье.

— Титулы: ваше превосходительство, ваше высокопревосходительство, ваше высокопреосвященство нужно писать гораздо крупнѣе: это значитъ неуваженіе!...

Пролазовъ знаетъ, что эти титулы написаны огромнѣйшими буквами, поэтому нисколько не боится этого замѣчанія.

— Отчего слова: Федоръ не съ ѳитой, какъ, напримѣръ, Ѳедóра?...

Чиновники, между тѣмъ, сидятъ, ровно ничего не дѣлаютъ и все ждутъ, чѣмъ все это кончится? Даже самъ столоначальникъ, получающій отличное жалованье и поэтому корчащій изъ себя усерднѣйшаго чиновника, не можетъ не поддаться соблазну, остановился писать и наставилъ уши.

— Позвать сюда правителя канцеляріи! кричитъ Ремешковъ. Правитель дѣлъ, нюхая спокойно табачокъ изъ золотой табакерки, развязно входитъ къ начальнику.

— Посадить этого господина,—какъ бишь тебя?

— Пролазовъ-съ

— Посади этого Пролазова,—безъ сапогъ на недѣлю. Бумаги написаны и составлены недурно; но какъ смѣть явиться къ начальнику съ разстегнутой пуговицей?

Пролазовъ съ сіяющимъ лицомъ является къ чиновникамъ, довольный, что отдежурилъ свою очередь и увѣренный напередъ, что добрый начальникъ распекалъ его только для внушенія подчиненнымъ должнаго страха и отправляется спокойно домой.

— Ты куда? подъ арестъ? спрашиваютъ чиновники.

— Къ попечительницѣ, отвѣчаетъ молодой Пролазовъ.—Мужъ уѣхалъ на двое сутокъ за городъ, такъ она звала меня на цѣлый день...

— Счастливчикъ! восклицаютъ чиновники: — ничего ровно не дѣлаетъ, а на хорошемъ счету у начальства.

Надо замѣтить, что Пролазовъ былъ красивъ, какъ хорошенькая семнадцати-лѣтняя дѣвушка; сослуживцы прозвали его душкой и даже самъ столоначальникъ имѣлъ поползновеніе потрепать его по щечкѣ, или что-нибудь подобное. Селиверстъ Селиверстычъ, баловавшій всегда красивыхъ ефрейторовъ, выбираемыхъ въ ординарцы, чувствовалъ особенное расположеніе ко всѣмъ смазливымъ чиновникамъ.

Дамы при взглядѣ на него таяли, какъ сахаръ, такъ сказать, разлагались, мысленно сравнивая съ нимъ своихъ плѣшивыхъ мужей въ очкахъ, съ багровыми шишками, вмѣсто носовъ; одѣвался онъ такъ, какъ-будто сейчасъ съ модной картинки. Попечительница приняла на свое попе-

Иной и длинный очень человѣкъ, и голосъ, какъ изъ бочки, а русскій человѣкъ только разъ взглянетъ и скажетъ: это ворона. Другой и маленькій, и худенькій, настоящій мышиный жеребчикъ, а русскій человѣкъ не ошибется, скажетъ: «маленькая птичка, да ноготокъ востеръ!» Мы еще какъ-то не умѣемъ цѣнить свѣтлаго проницательнаго ума русскаго народа; насъ еще ослѣпляютъ болтливые, какъ сороки, французы и высокопарные скудоумные нѣмцы... Да, удивительно проницательный русскій человѣкъ: онъ однимъ тономъ отвѣта опредѣлитъ, что за птица тотъ, кто съ нимъ разговариваетъ. Найдя истиннаго друга, Ремешковъ махнулъ рукой на всѣ дѣла, съ ихъ параграфами, дополненіями и продолженіями. Между ними постоянно завязывался одушевленный разговоръ про смотры, разводы, парады, однимъ словомъ—про доброе старое время. Часто они задавали одинъ другому вопросы изъ воинскаго устава; но такъ хорошо его знали, что никакъ не могли сбить съ толку другъ друга.

— А ну-ка, Спиридонъ Виссаріонычъ, какъ вы введете второй взводъ въ линію, когда изъ полувзводной колонны изъ середины скомандуютъ: второй полувзводъ втораго взвода впередъ на линію! По второму полувзводу втораго взвода стройся направо и налѣво!

Тутъ Селиверстъ Селиверстычъ приходилъ въ страшный экстазъ и начиналъ съ удивительною тонкостью объяснять, что надо командовать командирамъ обоихъ полувзводовъ втораго полувзвода, откалывая цѣлые параграфы устава наизусть.

Выйдя постановленнымъ изъ такого мудренаго настроенія, Селиверстъ Селиверстычъ задавалъ построенія еще мудренѣе. Пріятель его тоже, гдѣ коснется фронтовой службы, не любилъ подгадить.

— Славные мы съ тобой служаки! восклицалъ Ремешковъ:—какъ не умѣютъ цѣнить усердія людей почтенныхъ!

— Да вотъ у меня правитель дѣлъ—этакая архибестія; просто меня за носъ водитъ! Что съ нимъ дѣлать! Ни чина не уважаетъ, ни сѣдинъ, смѣется, просто, въ глаза!

— Ты къ нему исподволь придерись, да возьми другаго.

— Больно ловокъ! Ни въ чемъ не поймаешь! Намеднись ужъ было совсѣмъ поймалъ, да вывернулся злодѣй. Просто сухъ изъ воды вышелъ!

Эрастъ Эрастовичъ Медоточивый былъ истинный геній по своей части, и, въ добавокъ, слылъ человѣкомъ *безкорыстнѣйшимъ*... Годъ-отъ-году дома на имя его жены выростали въ городѣ, какъ грибы, а нельзя было даже пальца подпустить подъ его офиціальную совѣсть. Онъ, словно какъ въ насмѣшку, выстроилъ большой домино въ виду у всѣхъ.

— Откуда къ вамъ эта благодать привалила? спрашивалъ его правитель губернаторской канцеляріи.

— Все благопріобрѣтенное потомъ и кровью, можно сказать, добыто.

Всѣ почтенные и зажиточные граждане были Эрасту Эрастовичу друзья и пріятели: онъ умѣлъ заслужить любовь каждаго своимъ, можно сказать, очаровательнымъ обращеніемъ. Однимъ словомъ, Эрастъ Эрастовичъ былъ существо въ высшей степени практическое, обходительное, умѣвшее ужиться съ какими угодно людьми. Съ самаго начала своего служебнаго поприща, въ какой-то темненькой канцеляріи, онъ умѣлъ разомъ понравиться и начальнику и начальницѣ. Начальникъ сдѣлалъ его повѣреннымъ всѣхъ служебныхъ тайнъ, отношеній къ просителямъ, начальница-же—повѣряла ему всѣ душевныя и домашнія

ченіе одѣвать его по журналу. Танцоръ онъ былъ, какъ водится, отличнѣйшій и, въ заключеніе всего, не умѣлъ трехъ строкъ написать по-русски правильно. Медоточивый, правитель дѣлъ, употреблялъ его вмѣсто громоваго отвода въ тѣ минуты, когда Селиверстъ Селиверстычъ былъ одержимъ наклонностью распечь кого-нибудь. Другіе два чиновника, Височкинъ и Лебедкинъ, тоже геніи на поклоны риулыбки, тоже свѣтскіе безграмотные молодые люди, очередовались съ Пролазовымъ и черезъ два дня въ третій принимали на главу свою всѣ громы канцелярскаго Юпитера. Другіе за нихъ служили, а они за другихъ получали чины и награды. Правдивый Ремешковъ хотя и видѣлъ, что отъ нихъ столько-же добра, сколько отъ козла молока, но держалъ ихъ въ канцеляріи на случай баловъ, вечеринокъ, до которыхъ такія охотницы жены и дочери провинціальныхъ свѣтилъ.

Когда начальникъ, довольный тѣмъ, что задалъ всѣмъ феферу, начиналъ улыбаться, правитель дѣлъ подносилъ ему къ подписанію дѣла самаго казуснаго свойства. Ремешковъ, не задававшій себѣ нелегкаго труда вникать въ ихъ хитросплетеніе, подмахивалъ ихъ, не читая. Было бы только красиво и четко написано, поля отмѣрены, какіе слѣдуетъ, да титулы аршинными буквами—и дѣло въ шляпѣ. Не то чтобы Ремешковъ не могъ или лѣнился ихъ перечитывать, или принадлежалъ къ разряду людей, которые пороху не выдумаютъ,—нѣтъ, онъ даже былъ не глупый по своему человѣкъ, даже нѣсколько начитанный, да только во всю жизнь не написалъ ни одной дѣловой бумаги, кромѣ развѣ требованія на крупу... Что его нельзя было назвать невѣждой, такъ за это я головой ручаюсь. Во-первыхъ, онъ кончилъ курсъ въ какой-то школѣ; во-вторыхъ, прочелъ много книгъ: исторію Суворова, По-

леваго, «Аскольдову Могилу» и «Юрія Милославскаго», Загоскина, «Тараса Бульбу», не говоря уже о семи томикахъ воинскаго устава, которые зналъ наизусть. Въ формулярѣ его значилось, что онъ понимаетъ восточные языки, потому-что, стоя въ Бессарабіи и на Кавказѣ, онъ выучился говорить по-молдавански и по-черкесски.

Онъ, какъ усердный и честный человѣкъ, душой былъ готовъ вникнуть во всѣ тонкости гражданской службы, да никогда ею не занимался, а самоучкой и сразу не понять ея тонкостей. Онъ зналъ въ совершенствѣ всѣ построенія воинскаго устава, могъ указать мѣсто всякому флейтщику, замѣтить за полверсты, что у такого-то рядоваго курокъ при пальбѣ не отбиваетъ, да только въ настоящей-то службѣ это ровно ни къ чему не вело. Когда принималъ онъ эту должность, то былъ убѣжденъ, что чиновники разныхъ захолустій берутъ напропалую взятки; но какъ они это дѣлаютъ, какъ хоронятъ концы, рѣшительно не понималъ. Взялъ-было онъ къ себѣ въ помощники какого-то забулдыгу, который собаку скушалъ по этой части, да только помянутый забулдыга его въ глаза обманывалъ. Какъ положиться на человѣка, который не боится никакихъ судовъ, никакихъ жалобъ? Не состоя на службѣ, онъ не рисковалъ ничѣмъ; обманувши Ремешкова, значитъ, могъ плутовать, сколько его душенькѣ хотѣлось. Какъ описано выше, онъ хотѣлъ застращать взяточниковъ, налетѣлъ на нихъ орломъ, грозилъ пытками, если кто только подумаетъ о взяткахъ; но это чиновниковъ не испугало. Это не военный, промахъ котораго можно сейчасъ увидѣть; нѣтъ, тутъ докажи, что такой-то сплутовалъ, а не докажешь, то все обвиненіе, по смыслу законовъ, обратится на твою голову.

Не даромъ говорилъ одинъ почтенный мужъ, указы-

вая на своего помощника: «чувствую, что онъ пройдоха первой степени, воръ, какихъ свѣтъ не создавалъ, а доказать не могу, потому-что не умѣю поймать!...» Чиновники, мелкихъ, разумѣется, присутственныхъ мѣстъ, выслушивая распеканціи новыхъ начальниковъ à la Ремешковъ, только улыбаются: они знаютъ, что такъ ужъ ведется, что новый начальникъ, вступая въ должность, берется первѣе всего искоренить взятки, а побывши на одномъ мѣстѣ годикъ-другой, дѣлается добрѣе, снисходительнѣй, чѣмъ его предмѣстникъ; пословица отлично это выразила: новая метла хорошо мететъ...

Селиверстъ Селиверстычъ, по своему соображенію, думалъ, что правитель дѣлъ былъ главный корень зла. И дѣйствительно, правитель дѣлъ былъ главный корень зла, да поставить ему капканъ не было никакой возможности. Съ досады Ремешковъ наговорилъ ему съ перваго раза такихъ комплиментовъ, что другой бы тутъ-же бацнулъ прошеніе объ отставкѣ, но правитель дѣлъ только кланялся да думалъ: постой же, любезный, я те покажу, что значитъ правитель дѣлъ! . И дѣйствительно, на другой же день подалъ къ подписанію какое-то дѣло листовъ въ двѣсти; начальникъ горячо за него взялся, читалъ его три дня и три ночи, а все-таки ровно ничего не вычиталъ. Что за чортъ! думалъ онъ: одно и тоже распоряженіе повторяется въ трехъ бумагахъ! Пока прочтешь, что такое-то присутственное мѣсто, вслѣдствіе отношенія такого-то мѣста, получившаго это дѣло отъ того-то, вслѣдствіе донесенія такого-то лица — то и толкъ потеряешь. Не лучше-ли все дѣло сжать въ комочекъ, въ двухъ-трехъ строкахъ представить его самое суть, чѣмъ толковать, что такая-то палата получила его за нумеромъ такимъ-то, передала туда-то? Къ чему онъ наставилъ этихъ

знаковъ въ скобкахъ? Такъ вотъ въ чемъ заключаются всѣ фокусы, понимаю!...

Сдѣлавши такое открытіе, Ремешковъ закричалъ на всю канцелярію: подать сюда правителя дѣлъ! Подали правителя дѣлъ. —Это что, сударь, за фокусы? Скажите, для чего вы поставили въ скобкахъ эти знаки? И разгнѣванный начальникъ указалъ ему на то мѣсто въ дѣлѣ, гдѣ было написано: т. X ч. 2 св. зак. гр. (изд. 1857 г.) ст. 2089.

— Вы теперь, сударь, отъ меня не отвертитесь! Довольно обманывать—баста! Я теперь вижу, что вы за птица!..

Правитель дѣлъ, удержавшись отъ смѣха, прочелъ спокойно: тома десятаго, части второй свода законовъ гражданскихъ, (изданіе 1857-го года) статья 2089.

— Я это понимаю! Что вы меня, [сударь,]учите?.. Я хочу васъ спросить, почему вы сослались на эту именно статью, а не на другую, сказалъ, неловко изворачиваясь Ремешковъ.

— Такъ вотъ ты каковъ соколикъ! подумалъ, въ свою очередь, правитель дѣлъ:—постой-же, голубчикъ, я теперь знаю, какъ тебя за носъ водить!

Правителю дѣлъ казалось, что это Богъ знаетъ какое невѣжество, а между тѣмъ есть много очень умныхъ людей, которымъ эти ссылки на статьи покажутся египетскими іероглифами. Все равно, что этого доку-правителя заставить командовать взводомъ при ломкѣ фронта; всякій въ своемъ дѣлѣ мастеръ. Съ этихъ поръ Медоточивый сталъ подносить къ подписи дѣла давно уже рѣшенныя и сданныя въ архивъ, а Ремешковъ, въ простотѣ сердечной, читалъ ихъ дни и ночи, похудѣлъ страшно и все хотѣлъ въ чемъ – нибудь да поймать ненавистнаго жреца Ѳемиды. Онъ перенесъ въ свой кабинетъ всѣ 15 томовъ

законовъ, рылся въ нихъ, рылся и только терпѣніе потерялъ.

— Что за дьявольщина! думалъ онъ, разбирая дѣла:—Сидоровъ правъ по смыслу такой-то статьи, а Прохоровъ виноватъ; по смыслу же третьято дополненія и втораго продолженія Прохоровъ правъ, а Сидоровъ виноватъ!.. Нѣтъ, тутъ самъ чортъ ногу переломитъ! (Честный служака, привыкшій къ краткости и ясности, не могъ понять всѣхъ благодѣтельныхъ слѣдствій подробныхъ законовъ, отстраняющихъ всякій произволъ. Законъ стремится обнять всѣ случаи жизни, старается выразить всѣ оттѣнки проступка, чтобъ вѣрнѣе опредѣлить степень правоты истца и отвѣтчика, мѣру взысканія; а онъ нисколько не виноватъ въ томъ, что его ложно перетолковываютъ, ставятъ на видъ не тѣ обстоятельства, какія слѣдуетъ по долгу совѣсти, а тѣ, которыя внушаютъ лицепріятіе, или корысть). Однако, не смотря на всѣ трудности, начальникъ таки добился, что говоритъ 2089 статья свода законовъ гражданскихъ, въ 2-й части X тома. Правитель дѣлъ окончательно-таки овладѣлъ Ремешковымъ, заставилъ его пересмотрѣть по-крайней-мѣрѣ дѣлъ до 15-ти, покоившихся въ архивѣ. Онъ даже не трудился пришивать новыхъ заголовковъ, а подавалъ спокойно съ тѣми годами и числами, въ которыя онѣ рѣшались.

Между тѣмъ Селиверстъ Селиверстычъ было замышлялъ вытурить изъ службы ненавистнаго жреца Ѳемиды; но кѣмъ замѣнить его? Нельзя-же остаться одному въ этомъ лабиринтѣ, не имѣя надежнаго руководителя; а Медоточивый день-ото-дня крѣпче и крѣпче сплеталъ паутину, въ которой окончательно завязъ Акимъ-простота, какъ прозвали дѣльцы новаго начальника Надо было безотлагательно подписать какія-то два рѣшенія, читать было некогда, да

и не къ чему. Начальникъ взялъ перо да и подмахнулъ бумаги на свою шею.

— Вы не такъ подписываете, сказалъ ему правитель дѣлъ,—и съ-этихъ-поръ подносилъ ему къ подписи бумаги, на которыхъ карандашемъ было помѣчено мѣсто, гдѣ надо подписаться. На рѣшеніе этихъ дѣлъ поступила въ какую-то высшую инстанцію апелляція; дѣло преслѣдовали въ Петербургѣ; всѣмъ, кому слѣдуетъ, сдѣлали нахлобучку. Правитель дѣлъ вышелъ сухъ изъ воды, а начальнику замѣчаніе.

— Онъ меня явно дурачитъ, разсуждалъ Селиверетъ Селиверстычъ, взбѣшенный донельзя безвинно полученнымъ выговоромъ. Я во всю службу получалъ благодарности, а теперь вдругъ выговоръ, — прошу покорно!

Въ городѣ жилъ одинъ его старинный товарищъ-служака стараго закала, въ довольно крупномъ чинѣ. Онъ тоже когда-то числился начальникомъ, тоже былъ въ рукахъ какого-то пройдохи, наконецъ увидѣлъ, что сѣлъ не въ свои сани, подалъ въ отставку и опочилъ на лаврахъ. Онъ, какъ истинный философъ, скоро понялъ всю тщету громкихъ титуловъ, надѣлъ штаны гороховые, мурмолку съ ушами и промѣнялъ титулъ на имя, данное при крещеніи (его звали Спиридономъ Виссаріонычемъ). Къ нему-то повадился ѣздить въ деревню Ремешковъ; они пришлись другъ другу подъ кадриль и скоро сдѣлались неразлучными друзьями.—Спиридона Виссаріоныча и Селиверста Селиверстыча водой не разольешь, говорили граждане. Они вообще отмачивали разныя шуточки насчетъ новаго начальника, хотя рѣшительно не знали объ его отношеніяхъ къ правителю. Богъ его знаетъ, русскій человѣкъ словно по инстинкту отличаетъ орла отъ курицы

— СлаваБогу.

— Ну, слава Богу лучше всего, говоритъ Эрастъ Эрастовичъ.—Ну, получилъ-ли онъ мѣстечко при питейномъ откупѣ, объ которомъ такъ хлопоталъ!

— Получилъ.

—Прекрасно; ужъ я говорилъ объ немъ Егору Нафанаилычу и Нимфодорѣ Кондратьевнѣ. А какъ Богъ милуетъ Виссаріона Виссаріоныча? вѣдь у него жена на прошедшей недѣлѣ была на износѣ. Разрѣшилась-ли она, сердечная?

— Разрѣшилась младенцемъ Павломъ.

— Ну, слава Богу, что младенцемъ Павломъ, а то Виссаріонъ Виссаріонычъ ужасно сокрушался, что у него все дочки...—Ну, какъ Богъ милуетъ Агафью Пантелѣевну? вѣдь у нее на ногѣ рожа сдѣлалась. Ну что, прошла?

— Прошла, благодаря Бога.

— Это хорошо, что прошла, а то у Матрены Ѳедуловны сдѣлалась прошлаго года на лицѣ рожа, да вѣдь какая, просто страхъ! съ тѣмъ и въ гробъ пошла, царство ей небесное!

Хозяева дома, видя такое участіе во всѣхъ своихъ членахъ семейства, не знали гдѣ и посадить Эраста Эрастовича. А ужъ какъ онъ любилъ маленькихъ дѣтей, такъ это и сказать нельзя!

Бывало, какъ придетъ въ семейный домъ, гдѣ дюжина ребятишекъ малъ-мала-меньше, такъ просто умора, да и только!

Едва завидятъ въ окно Медоточивато, какъ въ домѣ подымется переполохъ страшный: Мити, Ѳеди, Коли, Оли бѣгутъ, ползутъ на встрѣчу къ Эрасту Эрастовичу. Не успѣетъ онъ поздороваться и сѣсть, какъ Ѳедя карабкается къ нему на плечи, а пузатенькій пятилѣтній Митя наровитъ усѣсться на колѣни.

— Пусти и меня къ дяденькѣ! кричитъ крошка Оля.

— Голюбеньки мои! милюськи мои! восклицаетъ Эрастъ Эрастовичъ и едва успѣваетъ всѣхъ перецѣловать.— А вотъ я тебя посылую въ самыя пышки, говоритъ Медоточивый и впивается въ розовыя пышки Ѳеди.

— И меня посылюй! пищитъ Оля, какъ-бы ревнуя, что цѣлуютъ ея братишку.

— А вотъ я тебѣ, Коля, принесъ цацу! говоритъ Медоточивый, вынимая изъ кармана грошовую конфекту въ свѣтленькой бумажкѣ.

— И мнѣ, и мнѣ дай цацу! кричатъ дѣти, протягивая ручонки.

Эрастъ Эрастовичъ, купившій леденцовъ на семь копѣекъ съ половиною, щедро одѣляетъ дѣтокъ леденцами, а родители не знаютъ, какъ отблагодарить добраго гостя.— «Какъ они вамъ не надоѣдятъ?» говоритъ мамаша, страхъ какъ довольная, что ласкаютъ ея дѣтокъ.

— Удивительное, право, у васъ терпѣніе возиться съ этими пострѣлами, замѣчаетъ папаша, обрюзгшій отъ семейной халатной жизни.

И дѣйствительно, у Эраста Эрастовича терпѣніе изумительное! Вотъ Ѳедя, вскарабкавшись на плечи, окончательно осѣдлалъ добраго гостя и начинаетъ теребить его за бакенбарды. Не успѣлъ Эрастъ Эрастовичъ защитить своихъ бакенбардъ, какъ Петруша вытащилъ у него изъ кармана бумажникъ, и четвертачки, двугривенники покатились по полу.—«Они вамъ все растащатъ», говоритъ мамаша, собирая съ полу деньги.—«Ничего!» говоритъ Медоточивый. Пока онъ старается оборонить свои бакенбарды, плутоватый Петя разстегнулъ ему жилетъ и вынулъ крестъ изъ-подъ рубашки, вдругъ съ милой крошкой Олей, сидящей на колѣняхъ, произошелъ «случай».

ОТЖИВАЮЩІЕ.

вдругъ съ милой крошкой Олей, сидящей на колѣнахъ, произошелъ «случай».

— Знаю безстыдница дѣвчонка, что она вамъ сдѣлала!

— Экая безстыдница дѣвчонка, что она вамъ сдѣлала! говоритъ полу-шутя мамаша, и Эрастъ Эрастовичъ начинаетъ обтирать только-что надѣтыя брюки бѣлоснѣжнымъ батистовымъ платкомъ.

Этотъ человѣкъ былъ именно парень на всѣ руки: онъ былъ удивительно способенъ ко всѣмъ ремесламъ, мастерствамъ и не брезгалъ знакомствомъ съ портными, сапожниками высшаго полета, зная, что эти люди всегда могутъ пригодиться на случай. Разорвется-ли у начальника фракъ подъ мышкой, Эрастъ Эрастовичъ сейчасъ-же является къ услугамъ.

— Позвольте, говоритъ, я отдамъ починить. У меня есть знакомый человѣкъ, отлично штопаетъ, такъ что и не узнаете, гдѣ заштопано.

— А что онъ возьметъ?

— Да ровно ничего; онъ мнѣ это сдѣлаетъ по знакомству, говоритъ Эрастъ Эрастовичъ.

— Экой славный, обязательный чиновникъ, думаетъ про себя начальникъ:—какъ придетъ время представлять къ наградѣ, непремѣнно представлю. Глядишь—черезъ полгода Эрасту Эрастовичу или чинъ, или денежная награда! Образуется-ли дырка у начальника на сапогахъ, у Эраста Эрастовича есть сапожникъ—его другъ и пріятель, который не только зашьетъ Эрасту Эрастовичу дырку, даже подкинетъ подметки. Однажды Эрастъ Эрастовичъ рекомендовалъ двумъ начальникамъ такого пріятеля-сапожника, который сдѣлалъ имъ новыя головы... Эрастъ Эрастовичъ умѣлъ извлечь изъ всякаго человѣка возможную пользу, потому-что постигъ въ совершенствѣ науку жить съ людьми. Встрѣтится ему плотникъ, каменьщикъ, слесарь или кузнецъ—онъ сейчасъ пускается съ ними точить лясы.

— Да откуда ты, братецъ? Да какъ твою жену зовутъ? Да хорошо-ли у васъ земля родитъ, и много-ли барину оброку платите? Однимъ словомъ, обо всемъ каждаго разспроситъ, и если услышитъ какое нибудь имя, или обстоятельство разъ, то изъ его головы коломъ не вышибешь... Онъ зналъ однѣхъ Агафій Андреевнъ штукъ до пяти, четыре Прохора Кузмича, три Анны Власьевны и т. п. Кромѣ того, помнилъ, сколько которой лѣтъ, когда ея рожденіе, или имянины, много-ли у нея дѣтей, сколькихъ выкинула, и какъ живетъ съ мужемъ. Онъ зналъ всѣхъ горожанъ наперечетъ, какъ свою собственную ладонь. Ни одно важное событіе въ городѣ не совершилось безъ Эраста Эрастовича Родится-ли у кого младенецъ, кого позвать крестить?—Эраста Эрастовича. Женщины замѣчали, что онъ даже ребенка-то держитъ не хуже любой повивальной бабки: онъ у него не кричитъ, а сладко дремлетъ, или, вылупивши глазенки, глядитъ на Эраста Эрастовича. При крещеніи онъ знаетъ, когда что сдѣлать, когда передать ребенка кумѣ. Свадьба-ли у кого затѣвается—кого сдѣлать шаферомъ, или посаженымъ отцомъ? — Эраста Эрастовича. Поглядите вы на любую свадебную процессію въ нашемъ городѣ—Эрастъ Эрастовичъ непремѣнно тамъ. Онъ необходимое дѣйствующее лицо. Поѣздъ остановился у церкви — Эрастъ Эрастовичъ почтительно высаживаетъ почетныхъ барынь изъ кареты. Чета стоитъ передъ налоемъ, соборные пѣвчіе, за хорошую плату, заливаются, какъ колокольчики, подлѣ дубоватаго лица жениха красуется блѣдное миловидное личико невѣсты, а ужъ Эрастъ Эрастовичъ непремѣнно сзади ея. Въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, въ отличномъ фракѣ, онъ держитъ вѣнецъ надъ головой невѣсты такъ ловко, что не задѣнетъ даже ни одного цвѣточка на головѣ. Начинается

балъ, пара выступаетъ за парой въ польскомъ—глядишь Эрастъ Эрастовичъ непремѣнно въ первой парѣ. Онъ или вращаетъ вокругъ себя попечительницу, или отхватываетъ мазурку съ дочкой городничаго; появились на столахъ карты, за столами игроки—Эрастъ Эрастовичъ ужъ тамъ. Онъ любезно оставляетъ дамъ самаго высокаго полета (въ уѣздномъ масштабѣ) и мѣняетъ ихъ на трефовыхъ, бубновыхъ и пр.

Не успѣлъ онъ съиграть половины пульки, какъ ужъ обремизилъ и городскаго врача, и попечителя богоугодныхъ заведеній. Возникаетъ между игроками какой-нибудь споръ—всѣ обращаются къ Эрасту Эрастовичу, потому-что онъ изучилъ карточную игру не хуже свода законовъ уголовныхъ и гражданскихъ. Скончается-ли въ городѣ какая-нибудь семидесятилѣтняя опора отечества, или, просто, человѣкъ рѣдкихъ правилъ, Эрастъ Эрастовичъ въ атласистомъ фракѣ съ бѣлымъ плерезомъ, или почтительно подпираетъ плечомъ гробъ съ драгоцѣнными останками, или несетъ на подушкѣ безкровныя регаліи покойнаго. Посмотрите, какъ онъ умѣетъ держать себя прилично обстоятельствамъ! Уныніе на лицѣ, глаза опущены внизъ, а изъ лѣваго глаза, въ крайнихъ случаяхъ, выпускаетъ слезу. Напримѣръ: еслибы скончался Селиверстъ Селиверстычъ—чего, разумѣется, не дай Богъ,—то у Эраста Эрастовича непремѣнно-бы пошла изъ лѣваго глаза слеза. Къ числу талантовъ этого мужа надо отнести и то, что онъ могъ расплакаться въ какое угодно время. Уже однимъ этимъ талантомъ можно нажить себѣ капиталъ. Скончается, примѣрно, истинный сынъ отечества, котораго не умѣли оцѣнить современники, всѣ, разумѣется, его напутствуютъ выраженіями: туда и дорога, однимъ меньше и т. п. и вдругъ, среди этихъ смѣющихся лицъ, ко-

торыя, вмѣсто панихиды по достойномъ мужѣ, служатъ благодарственные молебны,—явится лицо унылое, проливающее слезы! Каковъ фуроръ! Всѣ скажутъ: вотъ нашелся-же человѣкъ, который умѣлъ оцѣнить невознаградимую потерю! Какъ Эрастъ Эрастовичъ умѣлъ корчить постную физіономію до отвоза почтеннаго мужа на кладбище, такъ умѣлъ состроить изъ себя весельчака, и даже, въ случаѣ нужды, шута на похоронномъ обѣдѣ. Онъ, желая показать, что раздѣляетъ общую радость по смерти такого-то господина, отмачиваетъ такія шуточки, что вся молодежь фыркаетъ отъ смѣха, а люди постепеннѣе закрываются салфетками. Эрастъ Эрастовичъ умѣлъ-таки при случаѣ скорчить и балагура, однимъ словомъ, былъ парень, хоть куда!

Ни одинъ званый обѣдъ, ни одна вечеринка, или, просто, выпивка, не могли обойтись безъ Эраста Эрастовича.—«Ко мнѣ сегодня Эрастъ Эрастовичъ, говорилъ городничій:—у меня жена разрѣшилась, кущы придутъ съ выраженіемъ чувствъ»...—«Нѣтъ, ко мнѣ, говорилъ рыженькій путеецъ, у меня славные будутъ спрыски: отличныя смѣты утвердили...—Нѣтъ, не отпущу сегодня ни къ кому Эраста Эрастовича! говорилъ городской аптекарь, или врачъ.—Я справляю сегодня годовщину холеры... Такіе благодатные деньки, какъ въ запрошлую холеру, бываютъ да рѣдко!...—Мы разорвемъ на маленькіе кусочки Эраста Эрастовича, чтобъ никому онъ цѣлымъ не доставался! кричалъ рыженькій путеецъ, большой острякъ и чрезвычайно способный на всевозможные фокусы, гдѣ только нужно порадѣть объ интересахъ казны. Онъ и подрядчикъ на шоссе, проходящемъ близъ города N., составляли едино тѣло и единъ духъ... Эрастъ Эрастовичъ всѣхъ благодарилъ за расположеніе къ нему, жалъ всѣмъ руки,

тайны. Не смотря на такое щекотливое положеніе, Эрастъ Эрастовичъ умѣлъ угодить тому и другому.

Кромѣ практическихъ житейскихъ достоинствъ, самая наружность Медоточиваго имѣла въ себѣ много благонамѣренности; глядя на него, такъ и хотѣлось сказать: прекрасный человѣкъ Эрастъ Эрастовичъ. Каждый, глядя на него, чувствовалъ какое-то сладкое обаяніе, какъ птичка, которая, очарованная масляннымъ взглядомъ кота, сидитъ не шевелясь на деревѣ до-тѣхъ-поръ, пока тотъ ее не поймаетъ. Въ домашней жизни, по службѣ, особенно въ одеждѣ. Эрастъ Эрастовичъ былъ олицетворенная аккуратность. Кажется, во всю его жизнь ни одна пылинка не сѣла на, Эраста Эрастовича; даже эти пылинки, садясь міріадами на остальныхъ смертныхъ, словно боялись прикоснуться къ прекрасному драповому пальто Эраста Эрастовича, къ зеркальнымъ сапожкамъ и шляпѣ Эраста Эрастовича. Какая-бы грязь ни была въ городѣ N., Эрастъ Эрастовичъ перескочитъ черезъ нее, какъ кошка, и даже ноги не замараетъ. Другой-же перейдетъ въ этомъ самомъ мѣстѣ, глядишь— врюхтился въ грязь по самое колѣно, замаралъ и брюки, и пальто, не говоря о сапогахъ. Такую ужъ Богъ далъ способность человѣку. Особенно привлекателенъ былъ Медоточивый въ обращеніи. Войдетъ въ гостиную безъ разшаркиваній, тихо подкрадется къ хозяйкѣ, и спроситъ сладенькимъ, западающимъ въ душу голоскомъ:

— Какъ ваше неоцѣненное здоровье, Варвара Яковлевна?

— Зубеночки что-то разболѣлись, восклицаетъ плаксиво Варвара Яковлевна, вся обвязанная.

— Скажите, какое несчастіе! восклицаетъ, качая головой, Эрастъ Эрастовичъ. И на лицѣ его выражается въ эту минуту такое несчастіе, какъ будто у него самого разболѣлись зубеночки.

— Позвольте, я вамъ принесу ватки, положите ее съ вѣрою на больной зубочикъ и все какъ рукой сниметъ.

И дѣйствительно, Эрастъ Эрастовичъ приноситъ ватки. Варвара Яковлевна кладетъ ее на больной зубочикъ и боль утихаетъ. Пріѣзжаетъ въ другой домъ Эрастъ Эрастовичъ, такъ-же мягко кланяется, такъ-же сладко журчитъ: какъ ваше неоцѣненное здоровье?

Но тутъ его встрѣчаютъ вопросомъ:—Слышали, Антропа Антроповича предали суду?

— За что?

— За взятки.

— Скажите, какое несчастіе! восклицалъ Эрастъ Эрастовичъ, и на лицѣ его изображается въ эту минуту такое же уныніе, какъ будто бы его самого только-что предали суду за взятки.

— Что за милый, что за обходительный человѣкъ Эрастъ Эрастовичъ! говорилъ весь городъ:— какое онъ во всѣхъ принимаетъ участіе!

И точно, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ каждаго достаточнаго въ городѣ семейства. У однихъ онъ крестилъ, у другихъ былъ посаженымъ отцомъ, у третьяго душеприкащикомъ, четвертому былъ своякъ, пятому кумъ, шестому другъ и пріятель закадычный.

Онъ зналъ по именамъ и отчествамъ не только главныхъ членовъ знакомыхъ семействъ, но даже ихъ родныхъ, дѣтей, внучатъ и т. д. Онъ зналъ, что кто ѣстъ, кто на чемъ спитъ, съ кѣмъ въ родствѣ, на комъ женился, на чемъ повѣсился и проч.

Бывало, придетъ въ знакомый домъ, такъ всѣмъ становится весело, словно насталъ праздникъ.—Здравствуйте, дорогая Аглая Трифоновна! ну, какъ здоровье Мардаліона Харитоновича?

вертѣлся во всѣ стороны, какъ собачонка, которую одолѣваютъ мохнатые четвероногіе любезники. Короче, Эрастъ Эрастовичъ былъ какимъ-то звѣномъ, спаивающимъ все лучшее городское общество. Бывало, чуть онъ разинетъ ротъ, уже всѣ начинаютъ смѣяться, какъ-бы ручаясь этимъ смѣхомъ, что Эрастъ Эрастовичъ разскажетъ непремѣнно что-нибудь смѣшное; чуть только онъ нахмуритъ брови и почувствуетъ аппетитъ высказать что-нибудь глубокое, шекспировское, и всѣ нахмуриваютъ брови, чувствуютъ аппетитъ выслушать что-нибудь шекспировское.

Онъ иногда рѣшалъ дѣла самыя серьезныя на веселыхъ вечерахъ. Сначала заведетъ какую-нибудь музыку, разсмѣшитъ всѣхъ, или растрогаетъ до слезъ, чтобъ расположить всѣхъ соглашаться съ его мнѣніемъ, а потомъ и водитъ за носъ все общество.

На этомъ было основано множество такихъ невѣроятныхъ продѣлокъ, читая про которыя, не вѣришь собственнымъ глазамъ. Да вотъ, не угодно ли послушать:

Всѣ зажиточныя лица города: архитекторъ, врачъ, откупщикъ, богатые купцы были Эрасту Эрастовичу друзья и пріятели. Они составили между собою такую неразрывную цѣпь, связанную родствомъ, кумовствомъ, взаимными услугами, что никакіе сердцевѣды ревизоры, никакіе геніяльные губернаторы ее расторгнуть не могли. Что вы сдѣлаете съ самой талейрановской проницательностію, съ самымъ тонкимъ *щедриновскимъ* знаніемъ всѣхъ плутней, гдѣ каждый членъ города горой стоитъ одинъ за другаго; какъ вы подкопаетесь подъ общество чиновниковъ, купцовъ, которое всѣ фокусы казнокрадства и взяточничества привело въ правильную систему, имѣетъ одного предводителя, какого-нибудь Эраста Эрастовича? Не говоря о какомъ нибудь Селиверстѣ Селиверстовичѣ, онъ водилъ за

носъ людей и почище его. Два городничихъ плясали подъ его дудку. Три губернатора промелькнули мимо его, какъ тѣни по полотну, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ, только вся и разница въ нихъ была, что одно немножко посвѣтлѣе, другое потемнѣе.

Кажется, онъ былъ не спеціалистъ, не зналъ ни одной науки, учился на мѣдныя деньги, а всѣ обращались къ нему за совѣтами. Напримѣръ, что могъ онъ смыслить въ инженерномъ искусствѣ, въ проведеніи шоссе, въ ихъ содержаніи, въ постройкѣ мостовъ, а между-тѣмъ, самые опытные путейцы, посѣдѣвшіе, такъ сказать, на практическихъ работахъ, обращались къ нему за совѣтами.

Возьмемъ хоть медицину—вѣдь это темный лѣсъ для всей почтеннѣйшей публики. Кромѣ многосложныхъ тайнъ изученія человѣческаго организма, способовъ излеченія, всѣ эти тайны прикрыты латинскими терминами. Значитъ, какой-нибудь городской врачъ, или аптекарь, живя въ благодатной глуши, далеко отъ высшаго начальства, могъ-бы придумать тысячу фокусовъ безъ пособія какого-нибудь Эраста Эрастовича, а между тѣмъ, и городской врачъ, и аптекарь, жаждали, какъ манны небесной, назиданія этого-же самаго Эраста Эрастовича.

Ну, могъ-ли онъ что нибудь смыслить хоть въ строительномъ искуствѣ? Имѣлъ-ли онъ ясныя понятія объ архитектурѣ, а между-тѣмъ, городской архитекторъ не начиналъ строить ни одного курятника безъ совѣта Эраста Эрастовича.

Значитъ, Эрастъ Эрастовичъ зналъ отлично только одну науку, одно искуство, которое превыше и медицины, и архитектуры, и строительнаго искуства —это наука жизни, искуство въ каждомъ дѣлѣ ощупать самую сущность, самое ядро дѣла, какъ выражался Чичиковъ. Ну, кто бы

рѣшился изъ гражданскихъ чиновниковъ совать свой носъ въ распоряженія ротнаго командира? Вѣдь это для невоеннаго темный лѣсъ, а между-тѣмъ, сколько благихъ совѣтовъ подавалъ Эрастъ Эрастовичъ самымъ опытнымъ ротнымъ командирамъ.

Да вотъ, не угодно-ли послушать: Поставитъ подрядчикъ сукно на казну такое, что комаръ крыломъ прошибетъ; сукно, разумѣется, забракуютъ, подрядчика грозятъ предать суду; онъ бухъ въ ноги Эрасту Эрастовичу.

— Бога ради, отецъ, ослобони изъ петли-то! Тебѣ вѣдь все возможно, отецъ! А ужъ супротивъ выраженства, что хошь!

— Чѣмъ-же я могу тебѣ помочь? говоритъ Эрастъ Эрастовичъ:—я человѣчекъ маленькій, коммисаріатскихъ порядковъ не знаю, пріятелей, съ которыми могъ-бы тамъ снюхаться, не имѣю, такъ чѣмъ-же я тебѣ помогу?

— Да ты, отецъ, все сдѣлашь, что захошь, говоритъ купчина;—вотъ тѣ пять пеструшекъ, только вразуми!

— Я вѣдь взятокъ, мой другъ, не беру, говоритъ Эрастъ Эрастовичъ,—взятки закономъ запрещены, и какой-же чиновникъ рѣшится брать взятку.

— Трафится часомъ.... Немазаное колесо скрипитъ.... Да ужъ бяри, отецъ.

— Пожалуй, я возьму, только для твоей-же пользы, что останется, я возвращу, мнѣ чужаго не нужно.... Слушай же мой совѣтъ: если онъ будетъ хорошъ, то дай еще 250, собственно въ твою-же пользу, а не дашь—все разстрою. Возьми ты гнилое сукно назадъ и обѣщай, въ извѣстный срокъ, поставить другое, крѣпкое сукно. Тамъ въ коммисаріатѣ вѣдь есть принятыя уже сукна того-же сорта?

— Есть, отецъ, просто, цѣлыми горами лежатъ.

*

— Вѣдь стережетъ-же какой-нибудь вахмистръ, или фельдфебель, эти сукна?

— Стережетъ.

— И ключъ у него?

— У него

— Ахъ, отецъ! говоритъ подрядчикъ, вѣдъ словно свѣтомъ просвѣтилъ!

И дѣйствительно случалось, что подрядчикъ, поступивши по совѣтамъ опытнаго наставника, охотно вручалъ ему еще пять пеструшекъ. Нечего прибавлять, что такіе фокусы, не только дѣлать, но даже думать объ нихъ невозможно. Читатель долженъ помнить, что я пишу разсказъ не современный, а историческій, о тѣхъ временахъ, когда и не такія диковинки случались. Да вотъ вамъ наглядный примѣръ: Во время оно, лѣтъ двадцать или больше назадъ, хранилось сукно въ кельяхъ одного стариннаго польскаго костела (въ Волынской губерніи). Кельи эти были оставлены монахами, окна, вмѣсто стеколъ, забраны желѣзными рѣшетками. Онѣ были пробиты въ монастырской стѣнѣ, выходившей на глухую городскую улицу, на которой и среди бѣлаго дня бѣшеной собаки не встрѣтишь. Одинъ коммисаріатскій чиновникъ проигралъ казенное сукно въ карты. Оставалось, или всадить пулю въ лобъ, или представить сукно въ наличности, хоть изъ земли вырыть. Онъ парень былъ не промахъ, зналъ, что въ кельяхъ костела огромный складъ сукна, потому и подговорилъ самыхъ плутѣйшихъ жидковъ, за извѣстную плату, чтобы они украли сукно изъ костела. Да какъ-же украсть-то, когда узенькія окна возвышались на три сажени отъ земли? Что-же сдѣлали жиды? Они выбрали самую темную осеннюю ночь съ дождемъ, вѣтромъ, со всѣми прелестями. Сдѣлавши три желѣзныхъ крюка, они на-

вязали ихъ на концы крѣпкихъ тонкихъ веревокъ и начали *зажидывать якоръ*, то-есть кидали крючки въ окна до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ крючковъ не зацѣпился за рѣшетку окна. Тогда одинъ изъ воровъ поднялся по веревкѣ зацѣпившагося крючка вплоть до окна. Разумѣется, были поставлены по концамъ улицы сторожа; впрочемъ, эта предосторожность была лишняя, потому что по ней никто не ходилъ и не ѣздилъ.

Жидъ, поднявшійся до окна съ длиннымъ тонкимъ желѣзнымъ прутомъ, съ вострымъ крючкомъ на концѣ, закрѣпился петлей и началъ доставать сукно. Зная расположеніе кладовой, гдѣ какое сукно лежитъ, онъ тыкалъ крючкомъ кусокъ сукна до-тѣхъ-поръ, пока не зацѣпилъ его крючкомъ; тогда, протянувши руки сквозь рѣшетку, онъ нашелъ ощупью конецъ сукна и началъ его разматывать. Пока одинъ конецъ его спускалъ внизъ, другой конецъ, находящійся въ кладовой, самъ собой развертывался. Помощники, находившіеся внизу, навертывали сукно, прятали въ мѣшокъ и носили. Такимъ образомъ, осенью было украдено жидами изъ костела нѣсколько тысячъ аршинъ сукна, изъ котораго половина была краснаго, т. е. самаго дорогаго. Комисаріатскій чиновникъ, заплативши жидамъ, вывернулся изъ бѣды, нажился отлично, подалъ въ отставку, купилъ деревеньку и теперь, сдѣлавшись отличнѣйшимъ семьяниномъ и гражданиномъ, разсуждаетъ о современномъ развращеніи нравовъ. Дѣло о покражѣ сукна есть и до-сихъ-поръ въ губернскомъ архивѣ. Я привелъ этотъ случай, чтобъ показать, что чудесамъ въ мірѣ семъ нѣсть конца; но поговоримъ объ Эрастѣ Эрастовичѣ.

Молодой купеческій сынокъ, заставши свою полюбовницу въ самый моментъ преступленія, отхватилъ ей то-

поромъ полголовы.. Бѣдняжка истекла кровью; дѣло запахло Сибирью. Тятенькѣ жаль блуднаго сына Егорку, вотъ онъ отправился къ Эрасту Эрастовичу.

— Не дай сынка въ обиду, отецъ! вѣдь Егорку-то въ Сибирь упрячутъ на вѣчныя времена.

— Тутъ ужъ я ничего не могу сдѣлать, говоритъ Эрастъ Эрастовичъ:—вѣдь онъ изъ подъ закона не выкрутится; законъ говоритъ прямо: за лишеніе живота...

— Что законъ!... ты-то не оставь; тебѣ все возможно сдѣлать, захошь— и законъ подъ твою дудку закрутится, какъ хлюгаръ.

— Конечно, я попробую, только это дѣло тысячами пахнетъ....

— Двухъ тысячъ не пожалѣю, только сынка-то ослобони!

— Тутъ двумя тысчонками и понюхать нечего: не таковы люди! Дай имъ двѣ тысячи, такъ только обидишь Можно-ли къ такимъ людямъ лѣзть съ такой бездѣлицей?

Сторговались на десять тысячъ.

— Есть у тебя свидѣтели, которые доказали-бы, что на Егорку находятъ припадки помѣшательства?

— Найти то найдемъ, да вѣдь подъ законъ попадешь.

— Постой-ка, я поговорю съ Адамомъ Адамычемъ, городскимъ врачемъ. Да не лежалъ-ли Егорка твой въ городской больницѣ?

— Лежалъ, отецъ: чертики представлялись, больно хмѣлемъ зашибалъ.

— Ну, и превосходно! Подсунь Адаму Адамовичу диловую со столбиками, такъ онъ и напишетъ, что твой сынъ, лежа въ больницѣ, нѣсколько разъ пытался убить больничнаго служителя. Ну, еще что-нибудь вклеитъ полатынѣ, такъ оно и похоже будетъ на правду.....

— А вѣдь и впрямъ такъ отецъ!

Бѣдная женщина лежитъ съ разрубленной головой, нагрянула полиція, заварили дѣло, блуднаго сына Егорку арестовали. И тутъ-же, наученный уму-разуму, Егорка прикидывается сумасшедшимъ, и мелетъ Егорка всякую чепуху, и порывается убить полицейскаго сторожа. Отправляютъ Егорку въ городскую больницу, брѣютъ Егоркѣ голову, льютъ на темя холодную воду, и весь врачебный совѣтъ признаетъ его окончательно *помѣшавшимся*. Судъ, обслѣдовавши дѣло, пишетъ, что такой-то Егоръ Прохоровъ, сынъ Сыромятниковъ, по дознанію врачей, учинилъ это убійство въ полномъ помѣшательствѣ, поэтому не подлежитъ наказанію по уголовнымъ законамъ. Дѣло идетъ выше; за убитую бабенку заступиться некому, тятенка сѣетъ деньги на право и на лѣво, геній Эраста Эрастовича напрягаетъ всѣ силы, чтобъ изъ чернаго сдѣлать бѣлое, и Егорка совершенно оправдывается. Между тѣмъ, Егорка лежитъ въ больницѣ въ отдѣльной палатѣ для помѣшанныхъ, упаиваетъ всѣхъ фельдшеровъ водкой, вмѣсто стклянокъ съ микстурами, стоятъ болѣе цѣлебныя снадобья: бальзамная, полынная, хересъ и лафитъ. Надзирательница и блюстители больничнаго порядка боятся туда и заглянуть, потому-что Егорка, подъ предлогомъ сумасшествія, можетъ пустить въ лобъ бутылкой. Самъ Адамъ Адамычъ—врачъ очень строгій къ бѣднымъ больнымъ, смотритъ сквозь пальцы на всѣ проказы купеческаго сына. И Эрастъ Эрастовичъ и судьи съ тятенькой, и всѣ пріѣзжали провѣдать больнаго, и всѣ насвистались такъ, что уѣхали «безъ заднихъ ногъ». Конечно, никто не видалъ ихъ пьяными: кто въ состояніи ѣздить въ каретахъ, тотъ пьяницей быть не можетъ.

Замерзло два солдатика, верстахъ въ трехъ отъ го-

рода, во время ночной вьюги съ морозомъ. Они *по*сланы были начальникомъ команды въ село, чтобы *пе*ренесть къ нему какое-то трюмо, которое онъ купилъ у тамошней помѣщицы. Поднялась вьюга, солдаты, *шедшіе* взять трюмо, сбились съ дороги, да и замерзли въ сугробѣ. Но это не бѣда, что они замерзли, а бѣда въ томъ, что на нихъ не было ни наушниковъ, ни набрюшниковъ, ни мундировъ, надѣтыхъ подъ шинели, какъ это строго приказывается дѣлать при морозѣ свыше 10 градусовъ.

Пошло слѣдствіе; пріѣхалъ, какъ водится, весь небритый ареопагъ земскихъ властей. Начали разспрашивать понятыхъ и состряпали дѣло о «нашествіи двухъ мертвыхъ тѣлъ», *принадлежащихъ* двумъ замерзшимъ рядовымъ такой-то команды. Въ дѣлѣ, между прочимъ, было сказано, что *покойники* 7-го декабря *отлучились* отъ команды и пр. Командиръ соблазнялъ становаго *сѣренькой*, чтобъ тотъ дозволилъ тѣла, *принадлежащія* двумъ рядовымъ его команды, отогрѣть въ теплой избѣ, да напялить на нихъ мундиры, наушники и набрюшники, но становой не поддался соблазну и воскликнулъ въ унынiи: отчего вы раньше объ этомъ не сказали, когда про этотъ случай никто еще ничего не зналъ?...

Командиръ къ Эрасту Эрастовичу: такъ и такъ, молъ, дѣло то выходитъ неказисто, не оставьте, куманекъ! (они крестили другъ у друга).

Медоточивый помирился на двухъ сотенныхъ, взялся уластить станового, замазать, кому слѣдуетъ, рты, чтобъ одѣть покойниковъ по формѣ.

— Ужъ только по родству беру съ васъ двѣ сотняжки, а другой кто, такъ и тысячью бы не отвертѣлся, (Эрастъ Эрастовичъ, какъ благонамѣренный гражданинъ,

очень уважалъ узы родства). Мундиры, набрюшники были надѣты, рукавицы, ради вящшей натуральности, были подброшены на то мѣсто, гдѣ нашли замерзшихъ, а слѣдственному дѣлу придали болѣе благообразный видъ. Тамъ было сказано, что рядовые такіе-то и такіе-то были отпущены за городъ *по казенной* надобности, одѣты въ мундиры, наушники, набрюшники и рукавицы, но по причинѣ внезапной сильной вьюги, сбились съ пути и замерзли, не смотря на то, что передъ отправкой получили, по случаю холодной погоды, по двѣ крышки водки.

Ну, какой-бы честный, посѣдѣвшій въ бояхъ, воинъ могъ подать такой мудрый совѣтъ? А между-тѣмъ Эрастъ Эрастовичъ, не выстрѣливши ни разу изъ ружья со дня рожденія, научалъ почтеныхъ ветерановъ, какъ выворачиваться изъ бѣды. Дай этакому генію продовольствовать во время войны армію тысячъ въ 200, онъ бы показалъ какъ надо продовольствовать, онъ бы протеръ ей глазки!...

Но вѣдь не перескажешь всѣхъ тѣхъ мудрыхъ совѣтовъ, какіе подавалъ этотъ достойный мужъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искуствъ. Однажды онъ какому то путейцу, завѣдывающему шоссе, подалъ геніальнѣйшій совѣтъ. Надо знать, что когда посылали ревизоровъ, чтобъ повѣрить начальниковъ разныхъ шоссейныхъ дистанцій, то дѣлали промѣры для опредѣленія толщины щебню—каменнаго матеріала, которымъ вымощено шоссе. Промѣры эти дѣлались особаго рода буравами, въ трехъ мѣстахъ (точкахъ) по ширинѣ шоссе. и саженей черезъ пять, или десять по длинѣ. Былъ изстари заведенъ такой порядокъ, что, какъ начнутъ дѣлать промѣры, положимъ отъ заставы, такъ и катаютъ акуратъ черезъ десять саженей впередъ. Инженеру, строившему шоссе, показалось достаточнымъ одну половину матеріала положить на-

шоссе, а другую въ свой карманъ. Отъ этого толщина шоссе сдѣлалась вдвое тоньше слѣдуемой. Вдругъ пронесся слухъ, что ревизовать шоссе будутъ не свои друзья и пріятели, а какой-то неподкупный блюститель казеннаго интереса, который уже ѣдетъ изъ Петербурга. Строитель шоссе обратился къ сослуживцамъ, посѣдѣвшимъ на работахъ этого рода, но тѣ не могли дать ему лучшаго совѣта, какъ утопиться, или застрѣлиться, отравиться или повѣситься. Онъ къ Эрасту Эрастовичу. «Отецъ родной, помоги! а ужъ на счетъ депозитныхъ изъявленій признательности не сомнѣвайся!»

Такъ то такъ, говоритъ Медоточивый,—только соловья баснями не кормятъ. Сладили дѣло.

— Ну, говоритъ совѣтникъ: я въ вашемъ дѣлѣ бѣса лысаго не смыслю; ты растолкуй, что и какъ дѣлается. Тутъ путеецъ пошелъ толковать *о промѣрахъ*, въ родѣ того, какъ я говорилъ.

— Не поскупись, говоритъ Эрастъ Эрастовичъ: выкопай канавки въ четверть ширины, по всей ширинѣ шоссе на десяти-саженномъ разстояніи, да насыпь ихъ щебнемъ, утрамбуй, какъ слѣдуетъ. Послѣ поладишь съ промѣрщиками: они и будутъ запускать бурава именно въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ выкопаны канавки.

Такъ и случилось. Подкупленные промѣрщики сверлили шоссе въ извѣстныхъ мѣстахъ, толщина щебня вездѣ выходила удовлетворительная, а строитель шоссе наживалъ сотню тысячъ. Нынче объ этомъ и подумать даже нельзя: не тѣ времена!

По привычкѣ знакомиться съ полезными людьми, Медоточивый откопалъ такого доку ямщика, который зналъ шоссе, идущее отъ города на 50 верстъ, какъ свои пять пальцевъ. Онъ полвѣка прослужилъ на почтовой станціи,

зналъ, гдѣ каждая ложбинка, рытвинка. Его то Эрастъ Эрастовичъ рекомендовалъ инженерамъ при проѣздѣ начальниковъ, ревизующихъ шоссе. Начальники какъ обыкновенно судили о его достоинствѣ? Если на 20—25 верстахъ онъ могъ спокойно дремать въ каретѣ, не испытавши ни одного толчка, значитъ, шоссе превосходно. Но если, на несчастіе начальника, отъ внезапнаго толчка прикуситъ кончикъ язычка, или ударится затылкомъ объ стѣну кареты—горе дистанціонному офицеру!

Этотъ же дока ямщикъ умѣлъ въ рессорномъ экипажѣ провезти по самому скверному шоссе такъ, какъ по шахматной доскѣ: онъ дѣлалъ безпрестанныя извилины, лавировалъ между ямами, буграми, насыпями, какъ лавируетъ между мелями корабль, управляемый опытнымъ моремъ ходомъ. За каждый такой провозъ начальника ямщикъ получалъ по рублю за версту. Путейцы, завѣдывавшіе шоссе близъ города N., всегда получали отъ начальника благодарность и все по милости Эраста Эрастовича....

Да вѣдь всего объ немъ не перескажешь. Въ дополненіе къ его характеристикѣ я скажу, что онъ былъ человѣкъ чрезвычайно набожный. Каждое воскресенье его можно было видѣть у обѣдни въ церкви Парасковеи-Пятницы. Во время пѣнія херувимской, онъ молился на колѣняхъ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ становились почетныя лица города. При выносѣ даровъ, падалъ ницъ, а при чтеніи евангелія подходилъ къ самому отцу дьякону, чтобъ не проронить ни одного слова. Онъ постоянно ставилъ къ мѣстнымъ образамъ нѣсколько свѣчей и дѣлалъ это самъ. Помолившись передъ каждой иконой и сдѣлавши по земному поклону, онъ благоговѣйно вставлялъ свѣчку въ ставочку, напередъ разогрѣвши конецъ ея на огнѣ. Онъ каждый годъ поднималъ на домъ чудотвор-

ный образъ Спаса Нерукотвореннаго, и чрезъ годъ ходилъ на богомолье къ ближайшему преподобному. При исповѣди меньше трехъ рублей серебромъ не платилъ, въ кружку для украшенія храма меньше гривенника не клалъ, на блюдо всегда выкладывалъ пятачекъ, для чего постоянно размѣнивалъ нѣсколько рублей на свѣтленькіе гривенники и пятачки. Каждое воскресенье, по выходѣ отъ обѣдни, раздавалъ по грошику двадцати нищимъ, а въ родительскую субботу набавлялъ еще пятачокъ. Отецъ Асклипіодотъ въ большіе праздники постоянно высылалъ ему, по окончаніи обѣдни, просфору.

Эрастъ Эрастовичъ хотя былъ не чисто русскаго происхожденія, но зато строго соблюдалъ всѣ наши обычаи. Во-первыхъ, во время рождественскаго сочельника не кушалъ до звѣзды, а во время крещенскаго—до воды. Въ середы и пятницы великаго поста онъ не вкушалъ блюдъ, приготовленныхъ на маслѣ, а въ обыкновенныя середы—приготовленныхъ на молокѣ. Говѣлъ Эрастъ Эрастовичъ постоянно на страстной недѣлѣ и пріобщался св. таинъ въ страстную субботу. Духовникомъ его былъ отецъ Асклипіодотъ—пастырь чрезвычайно строгій. Прихожане замѣчали, что никого такъ долго не исповѣдуютъ, какъ Эраста Эрастовича. Удивительно, что такой прекраснѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и такъ долго исповѣдуется!..

Я уже сказалъ выше, что душою всего городскаго общества былъ Эрастъ Эрастовичъ. Каждаго онъ ободрялъ, каждому давалъ полезный совѣтъ. Его плѣнительное обращеніе сдѣлало его звѣномъ, спаивающимъ разностихійное общество кущовъ разныхъ капиталовъ и городскихъ властей. Онъ сдѣлалъ то, что всѣ перезнакомились другъ съ другомъ, породнились, зажили душа въ душу. Отъ та-

кого всеобщаго согласія городъ нашъ напоминалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счастливую Аркадію, гдѣ, какъ извѣстно, волки жили въ ладу съ овцами и паслись рядкомъ, не трогая другъ друга. Отъ этого трудное бремя управленія гражданами чрезвычайно какъ облегчалось взаимными поддержками, заступничествомъ, кумовствомъ и не походило на то сухое, чопорное исполненіе долга, какое иногда видно было въ другихъ мѣстахъ. Жертвы, приносимыя просителями и городскими купцами, вошли въ священный обычай, укоренились временемъ, никто ими не тяготился, а каждый несъ, что слѣдуетъ, по положенію; такой порядокъ вещей вошелъ въ такую силу, что всѣмъ бы показалось страннымъ, еслибъ кто рѣшился его измѣнить. Такъ, храбрые защитники Севастополя, привыкшіе въ 11 мѣсяцевъ къ оглушительной канонадѣ, долго послѣ взятія Севастополя удивлялись тишинѣ, какъ какой-нибудь странности. Имъ казалось, что было-бы совершенно въ порядкѣ вещей, еслибъ днемъ и ночью гремѣло надъ ихъ ушами нѣсколько тысячъ орудій. Итакъ, я сказалъ, что управленіе городскихъ властей шло такъ дружно, такъ согласно, что походило на непрерывный пиръ.

Проѣзжайте вы тогда въ любой часъ дня и ночи, вы увидѣли-бы дома зажиточныхъ гражданъ ярко освѣщенными. Вездѣ играетъ музыка, шарманки, катеринки, гармоники. Толпы разряженныхъ дамъ и кавалеровъ или гуляютъ по плѣшивой травѣ, по заросшимъ тропинкамъ городскаго сада, или, разодѣтыя напропалую, отхватываютъ польки, вальсы на балахъ у городскихъ властей. Экипажи всевозможныхъ фасоновъ, извощичьи гитары снуютъ взадъ и впередъ по главной улицѣ. На нихъ возсѣдаютъ ночные гуляки, развязныя дѣвицы, хохочущія на всю улицу. Пьяные извощики, довольные дневнымъ бары-

шомъ, катаются во весь духъ отъ кабака къ кабаку, отхватывая на гармоникѣ или: «Въ селѣ маломъ Ванька жилъ», или «Милый другъ Настасья, отворяй-ка ворота!» Погребки, рестораціи, разныя увеселительныя заведенія остаются незапертыми во всю ночь. Винный откупщикъ, заботящійся о благѣ гражданъ, нарочно хлопоталъ передъ начальствомъ, чтобъ не мѣшали имъ ни въ какое время дня и ночи предаваться невиннымъ удовольствіямъ... Цѣлые десятки гулякъ наполняютъ частный домъ и покоятся на лонѣ благочинія, въ ожиданіи пріятныхъ занятій— метенія улицъ, очистки помойной ямы частнаго дома, или чего-нибудь подобнаго... Даже въ воскресные и праздничные дни питейные дома запирались, во время церковной службы, только для проформы, и посѣтители кабака принимались не чрезъ парадное entrée, а чрезъ заднее. Нельзя было городскимъ властямъ отказать въ просьбѣ такому милому человѣку, какъ винный откупщикъ. Нетолько высшіе городскіе сановники, даже ихъ мелкіе писцы получали передъ каждымъ двенадесятымъ праздникомъ по цѣлому *монаху* очищенной. (Монахомъ называлась на мѣстномъ нарѣчіи бутыль въ четверть ведра). Балы слѣдовали за балами, пирушки за пирушками круглый годъ, разумѣется, кромѣ великаго поста. Случится какая-нибудь радость у одного изъ городскихъ сановниковъ, весь бомондъ сзывается на пиръ. Завтра, глядишь, празднуетъ другой, послѣ завтра третій и т. д. Однимъ словомъ—пѣсни, рѣзвость всякій часъ. Такая беззаботная веселость людей, стоящихъ во главѣ городской администраціи, происходила, вопервыхъ, отъ чистоты совѣсти, во-вторыхъ, отъ общаго стремленія каждаго начальника къ одной цѣли—благу гражданъ... Отъ такого единодушнаго сліянія всѣхъ стремленій въ одно, между городскими властями и

зажиточнымъ купечествомъ образовалось единство, *гармонія*... Вслѣдствіе такой гармоніи завязалась между ними тѣсная дружба. Правитель дѣлъ былъ самый искренній, самый нѣжный другъ городскимъ купцамъ и подрядчикамъ, купцы и подрядчики питали самую искреннюю пріязнь къ правителю дѣлъ. Подрядчики, продавцы строительныхъ матеріаловъ не могли жить безъ городскаго архитектора, городской архитекторъ скучалъ, когда не видѣлъ подрядчиковъ... Служившіе по части путей сообщенія жили душа въ душу съ членами губернской строительной и дорожной коммисіи и т. д. Все это перепуталось между собою самыми тѣсными узами родства, каждый приходился другому какимъ-нибудь родственникомъ. Городской архитекторъ былъ женатъ на сестрѣ подрядчика на лѣсные и каменные матеріалы, этотъ подрядчикъ выдалъ родную племянницу за члена строительной коммисіи. Врачъ городской больницы породнился съ экономомъ той же больницы, экономъ той же больницы крестилъ дѣтокъ у аптекаря. Однимъ словомъ, каждое уважаемое въ городѣ лицо протягивало ниточку къ другому уважаемому лицу. Эти ниточки, переплетаясь одна съ другою во всевозможныхъ направленіяхъ, составляли такую непроницаемую сѣть протекцій, покровительствъ, сквозь которую не могло пробиться никакое изумительное дарованіе, никакая энергія и добросовѣстность. Кто попалъ въ этотъ заколдованный кругъ, на того, какъ изъ рога изобилія, сыплются и чины и кресты, и всѣ блага міра сего. Кто очутился внѣ этого кружка—баста! Какъ сѣлъ на десятирублевый окладъ, такъ, на немъ сидя, наживешь и дѣтей, и внучатъ, и правнучатъ, и въ гробъ пойдешь съ этимъ же десятирублевымъ окладомъ.

Зато какъ хорошо живется на свѣтѣ тѣмъ, которые

имѣли протекцію. Тутъ хоть какого остолопа, такъ вытянутъ за уши въ люди. Родится-ли у кого изъ этого заколдованнаго кружка такой Митрофанушка, что, кромѣ гонки голубей, да волокитства за горничными, ни къ чему неспособенъ — папенька отправляется къ покровителямъ.

—Батюшка, говоритъ родитель попечителю училищъ:— нельзя-ли сынишку-то въ школу пристроить?

— Отчего нельзя, можно: вы мнѣ не чужой человѣкъ... Правда, что вакансій теперь нѣтъ, много кандидатовъ изъ бѣдныхъ сиротъ, да сиротки подождутъ...

— Да вотъ что меня сокрушаетъ, что сыночикъ къ наукѣ маленько тупъ; десятый годочикъ пошелъ, а еще таблицы умноженія не вытвердилъ.

— Ну, это еще небольшое горе; поучится годикъ-другой, такъ какъ-нибудь и вытвердитъ. Скажите лучше, какъ онъ у васъ читаетъ по-русски? Грамота всему основаніе.

— Нечего грѣха таить—плохенько... Азбуку-то и еще такъ и сякъ, утреннюю молитву и заповѣди бойко читаетъ, а какъ дойдетъ до вечерней, или до символа вѣры, такъ и ни въ зубъ толкнуть... Ну, да еще азбуку-то и туда, и сюда, а какъ дашь прочитать газету, или какой-нибудь «Инвалидъ», такъ и надуется сейчасъ. — «Папенька, спрашивайте меня изъ азбуки читать, а по этимъ книжкамъ я не учился!»—Не вѣкъ же, говорю, дружочикъ мой, тебѣ азбуку читать, придется и другое что, а онъ говоритъ: «Чтожъ за бѣда, что не буду ученъ, вѣдь вы меня, папенька, безъ куска хлѣба не оставите, а имѣя кусокъ хлѣба, опредѣлюсь въ любую министерію.» Этакой вострый!

— Чтожъ, онъ разсуждаетъ здраво, говоритъ попечи-

тель: — не бѣдныхъ родителей сынъ и безъ наукъ мѣсто хорошее получитъ, только все же надо какъ-нибудь смастачить такъ, чтобъ хоть въ дипломѣ стояло, что обучался такимъ-то и такимъ-то наукамъ...

— Вотъ я объ этомъ васъ и прошу, чтобъ сынка-то опредѣлить...

— Ну, что у васъ на ситцевой фабрикѣ идетъ хорошо? спрашиваетъ попечитель.

— Хорошо, нечего Бога гнѣвить.

— Славные у васъ ситцы выдѣлываются, особенно голубенькіе съ черными цвѣточками; они, знаете, и не марки, и долго носятся; я не вѣрю, чтобъ синяя краска была-бы самая ядовитая и переѣдала нитку... Помните, вы мнѣ подарили штуку?

— Помню, батюшка, помню, еще къ именинамъ супруги вашей, когда бываетъ Нимфодоры, Митродоры и Минодоры!

— Такъ до-сихъ-поръ ситецъ-то носится!

— Да, это прочный ситецъ, я его продаю по четвертаку аршинъ.

— Да, хорошій ситецъ... Такъ вы говорите, что сынокъ вашъ тупенекъ?

— Не то, чтобъ тупенекъ, а только съ лѣнцой...

— Значитъ, съ нимъ много придется повозиться... Такъ, вы говорите, по четвертаку аршинъ продаете?.. Начальница женскаго пансіона — славная такая дама—ужасно меня просила купить здѣсь аршинъ 400 на платьица дѣвчонкамъ, да только еще денегъ не выслала... Вѣроятно, вышлетъ съ первой почтой...

— Ужъ на-счетъ этого не безпокойтесь: я пришлю образчики, вы только сынишку-то пристройте!

— Объ этомъ не хлопочите, это ужъ мое дѣло!..

Довольный родитель уходитъ и присылаетъ 400 аршинъ ситцу попечительному господину, который никакъ не можетъ получить съ почты деньги, хотя, по его словамъ, ситецъ давно отосланъ содержательницѣ пансіона. Сынка привозятъ въ школу, экзаменуютъ. Разнымъ сироткамъ даютъ самые трудные вопросы, сиротки и конфузятся, сбиваются окончательно учителемъ и отсылаются домой, какъ не выдержавшіе экзамена. А родительскому сынку даютъ прочитать заповѣди изъ старой его пріятельницы азбуки, онъ рубитъ наизусть, не глядя въ книгу, и его сажаютъ въ первый классъ.

Только что ушелъ одинъ папенька, какъ является другой съ сыночкомъ, который переросъ его цѣлою головой.

— А, Карпъ Карпычъ! сколько лѣтъ, сколько зимъ! Какими судьбами?

— Да я къ вамъ съ просьбицей...

— А, на-счетъ сынка,—знаю! Я получилъ письмо ваше; только вѣдь ему нужно выдержать экзаменъ... Сколько вамъ лѣтъ, молодой человѣкъ?

— На повороты Спиридона ровнехонько 15 лѣтъ будетъ, отвѣчаетъ сыночекъ, поворачиваясь на одной ножкѣ и легонько посвистывая.

— Вамъ нужно будетъ выдержать экзаменъ, говоритъ попечитель сыночку.

— Зачѣмъ держать экзаменъ, вѣдь я учился у мадамы!..

— И дѣйствительно, всему выучила, говоритъ папаша:—славная такая мадама попалась, молодая, лѣтъ 25, а такая умная, и по-французскому рѣжетъ, и по-нѣмецкому рѣжетъ, и всѣ эти физики, химики знаетъ, какъ профессоръ. Одно только жалко, дитя ужъ на возрастѣ, а она молодая женщина.

— Я знаю, что вы думаете, папенька, только этого ничего не было, отвѣчаетъ сынокъ, по прежнему посвистывая и разглядывая картину, гдѣ изображена голая купающаяся Сусанна и два сластолюбивые старца.

— Такъ вы, значитъ, привезли сынка на экзаменъ? Вѣдь, по его лѣтамъ, нужно большой экзаменъ держать, говоритъ попечитель.

— Ужъ вы, пожалуйста, не оставьте... дитя еще малое, не всю науку произошелъ...

— Ну что, какъ вашъ сахарный заводъ поживаетъ? спрашиваетъ попечитель.

— Плохо что-то; нынче свекловица вздорожала, по низкой цѣнѣ пустить нельзя, а подыми цѣну, никто брать не станетъ; всякій хватается за рафинадъ, и хоть послѣдній сюртукъ по боку, а все подавай рафинаду!

— Хотите, говоритъ попечитель,—вашъ сахаръ живо разберутъ?

— И по хорошей цѣнѣ?

— И по хорошей цѣнѣ.

— И за наличныя?

— Да, за наличныя, только немножко надо подождать денегъ съ почты... И нужно-то всего пудиковъ пятнадцать, не больше...

— Стоитъ изъ-за этакой бездѣлицы хлопотать!.. Только сынка-то пристройте.

— Это все можно, все отъ меня зависитъ... Конечно, я ужъ принимаю на себя, если онъ не выдержитъ... у насъ строго слѣдятъ... Гдѣ это вы такое маслице берете, которое, помните, присылали женѣ?..

— Да это у меня въ деревнѣ бьютъ.

— Нельзя-ли мнѣ у васъ его пудиковъ пять купить?

— Отчего-же?.. Только ужъ объ сынкѣ-то не забудьте.

*

Да нельзя-ли его при мнѣ, сейчасъ же, проэкзаменовать? спрашиваетъ папенька у попечителя.

— Да, и въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ!.. Скорѣй отдѣлаться: отзвонилъ и съ колокольни долой! говоритъ сынокъ, разваливаясь на диванѣ. Шея у него длинная, какъ у аиста, дѣтскій воротничекъ на фракѣ еще яснѣе выказываетъ, что онъ «временъ новѣйшихъ Митрофанъ». Штаны коротенькіе, фракъ тоже, — видно по всему, что онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и что̀ сегодня въ пору, завтра дѣлается коротко.

— Позвать сюда Егора Прохорыча Прилагательнаго! кричитъ попечитель, который никогда не экзаменовалъ безъ Прилагательнаго.

Является Егоръ Кузмичъ, который собаку скушалъ во всѣхъ наукахъ. Онъ экзаменовалъ по приказанію попечителя: туго, средне и слабко, то-есть совершенно обратно пропорціонально тому, какъ былъ набитъ бумажникъ родителей экзаменующихся дѣтокъ.

Является на экзаменъ этакое дитя природы. —Сколько частей свѣта? спрашиваетъ Прилагательный.

— Четыре: сѣверъ, зенитъ, югъ, вестъ...

— То-есть, вы хотите сказать: сѣверъ, востокъ, югъ, западъ; но вѣдь это страны свѣта, а вы мнѣ скажите, сколько частей свѣта и какія онѣ суть?

— Европа, Египетъ, Америка, Португалія...

— Ну, хорошо. Съ кѣмъ воевалъ Петръ Великій?

— Карлъ Хи...

— То-есть съ Карломъ XII; хорошо... Съ кѣмъ велъ войну Александръ Македонскій?

— Съ непріятелемъ.

— Прекрасно. — Ну-съ, теперь изъ другаго. Какая бываетъ дробь?

— Бекасиная, волчья, заячья.

— Нѣтъ, я спрашиваю про ариѳметическія дроби. Что такое ариѳметическая дробь?

— Та, которая употребляется въ ариѳметикѣ.

— Прекрасно. Назовите-жъ какую-нибудь дробь, хоть неправильную!

— У насъ неправильныхъ дробей не велѣла учительница твердить-съ; она любила, чтобы все было правильно...

— Его можно помѣстить во 2-й классъ, говоритъ попечитель. Конечно, онъ кое-что перезабылъ; куда вѣдь, еще ребенокъ, безъ этого нельзя. Глядишь — годика черезъ четыре помѣщичій сынокъ выходитъ съ дипломомъ. Тамъ поставлены такія науки, названія которыхъ онъ даже выговорить не съумѣетъ. Пріѣхалъ искать мѣста дѣйствительный студентъ: у него голова трещитъ отъ познаній, а животъ чуть не треснетъ отъ голоду. — Куда ни сунетъ носъ, ему вездѣ отказъ, а сыночекъ съ протекціей уже занялъ отличнѣйшую должность. Тутъ ужъ не дадутъ пропасть своему человѣку, выручатъ хоть изъ какой бѣды.

Случилось однажды (очень давно), что въ городской больницѣ, только что отстроенной, провалился потолокъ и придавилъ на смерть больныхъ, штукъ сорокъ, небольше. Вся честная безпорочная служба городскаго архитектора висѣла на волоскѣ. Какъ не приберечь такого человѣка для грядущей дѣятельности на пользу казны! Да какъ приберечь-то. Никакого оправданія нельзя придумать. Ну, какъ-же это можно, чтобъ только-что настланный потолокъ могъ обрушиться.

— Одно спасеніе—сочинить землетрясеніе, замѣтилъ какой-то геологъ, который пріѣхалъ въ городъ N. для ученыхъ изслѣдованій по своей части.

— Недовко какъ-то, возразилъ горный инженеръ, служащій въ пробирной палатѣ: — когда бываетъ землетрясеніе, то обнаруживается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на большихъ пространствахъ, разрушаетъ цѣлые города, какъ напримѣръ, недавно разрушило г. Бруссу, въ Азіатской Турціи. Ну, кто-же изъ высшаго начальства повѣритъ, чтобъ землетрясеніе обнаружилось только въ одной городской больницѣ.

— Ну, мы скажемъ, что оно обнаружилось и въ городскомъ острогѣ: все равно, надо-жъ его поправлять, замѣтилъ городской архитекторъ.—Можемъ показать, что оно разрушило шоссе въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а я на его починку представлю смѣту... — Кто-же подтвердитъ, что землетрясеніе было? спросилъ попечитель богоугодныхъ заведеній.

— Да всѣ *наши*. Скажемъ, что землетрясеніе случилось ночью, когда всѣ спали, значитъ, никто не слыхалъ.

— А вотъ что скажетъ нашъ уважаемый Эрастъ Эрастовичъ? сказали собравшіеся у архитектора гости, увидя Медоточиваго, который вошелъ въ двери.

— Знаю, знаю, о чемъ вы совѣщаетесь, сказалъ этотъ всезнающій мужъ. Землетрясеніе тутъ вовсе не годится...

— И я говорю, что не годится землетрясеніе, сказалъ горный инженеръ, весьма довольный, что такой достойный мужъ, какъ правитель дѣлъ, одного съ нимъ мнѣнія.

Горному инженеру ужасно не хотѣлось землетрясенія, потому–что вся подземная часть была въ его вѣдѣніи и онъ, въ случаѣ фальшиваго донесенія, первый попадалъ подъ обухъ.

— Нельзя-ли сочинить пороховой взрывъ, тѣмъ

болѣе, что пороховой погребъ недалеко отъ больницы?..

— Нѣтъ, и это не годится; скажутъ мнѣ: чего же вы смотрѣли? отозвался начальникъ инвалидной команды.

— Мы покажемъ, что взрывъ произошелъ отъ удара молніи, а громъ и молнія не въ вашемъ вѣденіи, возразилъ архитекторъ, который радъ былъ всякому случаю, лишь-бы не юркнуть подъ судъ.

— И это неловко: потолокъ упалъ въ концѣ сентября, а въ здѣшнемъ климатѣ молнія такъ поздно не бываетъ, глубокомысленно замѣтилъ геологъ.

— Мы ее покажемъ заднимъ числомъ... Да вотъ пусть лучше скажетъ свое мнѣніе Эрастъ Эрастовичъ

— По моему, къ чему такъ далеко заноситься, сочинять взрывы, да землетрясенія. Всего скорѣе могъ случиться пожаръ, отъ котораго перегорѣли потолочныя балки и обрушились.

— Да какъ-же пожаръ сочинить, когда его не было? Развѣ, того?..

— Ну, и того... возразилъ Медоточивый... Мы немножко того... краснаго пѣтушка... ну, хоть и слизнетъ два-три сосѣднихъ домишка, такъ бѣда не велика: еще это будетъ способствовать украшенію города... домишки самые неблагопристойные... за то, въ донесеніи можно будетъ яркими красками изобразить геройское самоотверженіе градоначальника, пожарной команды... Ну, и архитекторъ наживетъ хлѣбъ, не правда-ли?..

— Браво! браво! воскликнули всѣ, хлопая въ ладоши:—вотъ проектъ, такъ проектъ!

— А что я буду дѣлать съ той больной шалафекъ, которой паталёчная балка притафиль? спросилъ Адамъ Адамычъ, участвовавшій на совѣтѣ.

— А холера-то на что? она еще не прекратилась, ну, и свалимъ половину грѣха на нее; остальныхъ покажите умершими отъ другихъ болѣзней; ужъ вы эту часть знаете...

Однако, исполненію этого геніальнаго проекта воспрепятствовало неожиданное извѣстіе: изъ Петербурга ждали съ часа на часъ пріѣзда новаго губернатора. Слухи о разныхъ фокусахъ, творившихся въ городѣ N., долетѣли до Петербурга и тотчасъ же назначили новаго губернатора.

Можете судить, какая страшная суматоха поднялась въ городѣ N., тѣмъ болѣе, что онъ лежалъ на пути между столицей и губернскимъ городомъ. Спиридонъ Спиридоновичъ, на время нами забытый, словно предчувствовалъ, что съ этакими штукарями, какими были Медоточивый съ братіей, до добра не доживешь. Вслѣдствіе этого, онъ заблаговременно убрался въ спасительную отставку. Что было дѣлать этому добродѣтельному агнцу среди сонмища волковъ? Они, рано или поздно, подвели-бы его подъ обухъ и тогда пропала-бы ни за понюхъ табаку вся его тридцатилѣтняя безпорочная служба, а всѣ эти благодарности, которыя онъ получалъ, лопнули-бы, какъ мыльные пузыри.

На мѣсто его поступилъ какой-то отчаянный прогрессистъ; тоже побушевалъ вначалѣ, разжогъ на пропалую Эраста Эрастовича, и тоже черезъ полгода очутился въ его рукахъ.

Селиверстъ Селиверстычъ мирно доживалъ въ своей родовой деревнѣ, завелъ въ ней строжайшій порядокъ: поселяне выходили на работу по сигналамъ, которые трубилъ отставной горнистъ, сослуживецъ Селиверста Селиверстыча. Какой-то сосѣдъ его, помѣщикъ, страшный бон-

мотистъ, совѣтовалъ ему такъ же коровъ и овецъ пріучать къ застрѣльщичьимъ сигналамъ.

Не знаю, послѣдовалъ-ли Ремешковъ этому совѣту. Знаю только то, что сотскій, десятскіе его деревни — всѣ изъ отставныхъ военныхъ. Они, во время жатвы или сѣнокоса, такъ пріучили бабъ и мужиковъ равняться, что въ этомъ можетъ имъ позавидовать здѣшняя инвалидная команда. Въ часы отдохновенія Ремешковъ или читаетъ старый уставъ, или учитъ сынишку своей ключницы тихимъ протяжнымъ шагомъ.

Со Спиридономъ Виссаріонычемъ они, по прежнему, друзья и пріятели; какъ прежде, задаютъ другъ другу мудреныя построенія и сѣтуютъ на то, что въ наше гордое, отрицающее время не умѣютъ цѣнить заслугъ старыхъ ветерановъ.

И дѣйствительно, современное поколѣніе не умѣетъ еще отдать должной справедливости, хотя и грубоватому, иногда невѣжественному, но по бо́льшей части честному и откровенному типу прежнихъ военныхъ служакъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
День на биржѣ, ночь на квартирѣ. (Изъ записокъ голоднаго человѣка)	3.
Бѣдные жильцы. (Физіологическій очеркъ)	31.
Благотворительное общество. (Летучій очеркъ)	61.
Хорошіе люди.	91.
Отживающіе. (Очеркъ былыхъ временъ)	115

САТИРИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

ПЕТРА ГОРСКАГО.

II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе В. Е. Генкеля.

1864.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 28 іюня 1863 г.

Въ типографіи В. Спиридонова и К°.

БЕЗДОЛЬНЫЙ.

(Быль.)

Недавно въ одной изъ здѣшнихъ больницъ умеръ бѣдный учитель изъ бывшихъ студентовъ. — Ну такъ чтожъ изъ этого? съ перваго же раза спроситъ читатель, еще, пожалуй, отброситъ книгу съ досады, что авторъ началъ разсказъ такими пустяками. Ужъ если съ самаго начала не умѣлъ заинтересовать, такъ чего же ждать дальше? скажетъ онъ:—ну, написалъ бы, что скончался дѣйствительный статскій, или тайный совѣтникъ, такъ сейчасъ было бы видно, что рѣчь пойдетъ о лицѣ важномъ, такъ сказать, столбѣ отечества, а то, прошу покорно! началъ о какомъ-то студентѣ, да еще о бѣдномъ! Развѣ мало ихъ умираетъ въ больницахъ, такъ обо всѣхъ и писать? Все это я чувствовалъ, принимаясь за перо, да вотъ ужъ такая скверная привычка— описывать голь, да шишголь. Не лучше ли было бы изобразить великосвѣтскую барыню, въ роскошной гостиной; ловкаго, стройнаго, восхитительнаго молодаго человѣка, изъ знатной фамиліи, который сгараетъ къ свѣтской дамѣ самой возвышенной страстью, но, волею рока, ея мужъ дѣйствительный статскій совѣтникъ— его благодѣтель и въ немъ происходитъ великодушная

борьба.... И хочется открыть свою душу дѣйствительной статской совѣтницѣ и колется какъ булавка та мысль, что это будетъ черная неблагодарность къ начальнику, оказавшему протекцію. Но все устраиваетъ къ лучшему сама судьба. При этомъ изобразить ночь, бурю съ грозою, нечаянную встрѣчу молодыхъ людей въ лѣсу, чрезъ который проѣзжала барыня въ коляскѣ; коляска опрокинулась, сломалась, свѣтской дамѣ грозила неминуемая погибель, и вдругъ является, словно изъ – подъ земли, стройный, восхитительный молодой человѣкъ и спасаетъ супругу дѣйствительнаго статскаго совѣтника! Какое обширное поле для размышленій!,..

Но нѣтъ–таки! я не внялъ голосу благоразумія и взялъ героемъ бѣдняка—Сергѣя Бездольнаго.

Не угодно ли теперь выслушать, какъ умираютъ бѣдняки въ больницахъ? Процедура извѣстная: подыметъ такого несчастнаго благодѣтельная, вовсе не въ ироническомъ смыслѣ, полиція, осѣдлаетъ перваго считающаго воронъ извощика и везетъ сперва въ часть, а потомъ въ ближайшую лечебницу, будь это госпиталь, больница городская, или чернорабочая, смотря по сословію. Тутъ главная задача въ томъ, чтобъ поднятый отошелъ въ вѣчность по всѣмъ правиламъ свода законовъ, который предписываетъ всякаго захворавшаго на улицѣ бѣдняка, немогущаго объяснить гдѣ живетъ—немедленно везти въ больницу. Къ сожалѣнію, это рѣдко исполняется въ точности: упавшій среди улицы пролежитъ добрыхъ два–три часа, пожалуй полсутки, пока пожалуетъ сюда одинъ изъ господъ городовыхъ, которые преимущественно обрѣтаются около трактировъ, гостинницъ, съѣстныхъ и питейныхъ заведеній, вѣроятно для порядка... Лежитъ бѣднякъ и тяжко дышетъ, а пѣшеходы только сторонятся, какъ отъ зачум-

леннаго, да спѣшатъ прочь: не ихъ дескать дѣло. Мимо несутся коляски, пролетки, съ развалившимися въ нихъ господами: всѣ лорнируютъ бѣдняка, или смотрятъ, выпуча глаза, а никто не хочетъ подать помощи. Только и слышится: экъ его насвистался! обрадовался дешевой водкѣ!... Или: Господи Боже мой! дочего можетъ допиться человѣкъ! Мимоходомъ замѣчу, что у насъ всякаго, кто свалится среди улицы, принято считать пьяницей, а кто шатается отъ ревматизма въ ногахъ, отъ голода, отъ изнуренія силъ—человѣкомъ хмѣльнымъ, выпившимъ не въ мѣру. Благодаря укорененнымъ въ насъ «аристократическимъ» понятіямъ, стремленію къ галантерейности, презентэбельности, начиная отъ барскаго кучера и кончая департаментскимъ директоромъ, мы всѣ привыкли судить да рядить о другихъ, какъ будто сами никогда не были больны, пьяны, а весь вѣкъ отличались трезвостью, наслаждались всегда цвѣтущимъ здоровьемъ, щеголяли въ отличномъ платьѣ, въ лаковыхъ сапожкахъ и не впадали ни въ бѣдность, ни въ пороки. Соберется ли два-три знакомыхъ лакея, или департаментскихъ чиновника, три-четыре барыни, или модистки съ невскаго—всѣ судятъ-рядятъ про другихъ, тычутъ пальцемъ на другаго. Промахнулся пріятель, пріятельница, родственники сейчасъ бѣгутъ по знакомымъ, по роднымъ и съ какимъ-то лихорадочнымъ наслажденіемъ сообщаютъ: а вотъ такой-то натрескался такъ, что сталъ папироску закуривать, направляя на луну, вмѣсто свѣчки... —Да это еще что! подхватываетъ другой:—онъ разъ съ вѣникомъ пришелъ на балъ, принялъ залъ за баню... Несчастіе ближняго составляетъ какой-то праздникъ, въ родѣ именинъ для цѣлаго кружка, какого бы сословія онъ ни былъ. Вся и разница, что одни злословятъ грубѣе, другіе утонченнѣе. Боже, Боже мой! и за это-то двухвѣковое просвѣщеніе!..

Какая это темная сила отдѣляетъ не только сословіе отъ сословія каменной стѣной, но даже людей одного сословія:—всѣ клевещутъ другъ на друга, каждый подкапывается подъ другаго, каждый словно отродясь не слыхалъ изреченія: не желай того другому, чего себѣ не желаешь.

— Имѣете вы видъ? спрашиваетъ прежде всего городовой упавшаго больнаго. Если бѣднякъ «не въ своемъ видѣ»—везутъ подъ «отчій кровъ», даютъ ему сначала выспаться, а потомъ—метлу въ руки или швабру со щеткой, чтобъ мести дворъ, или убирать чертоги частнаго пристава...

Но Сергѣй Бездольный лежалъ среди тротуара, блѣдный, какъ мраморъ, съ закрытыми, ввалившимися глазами, съ текущей горломъ кровью по манишкѣ, по сюртуку, по всему.

— Вставай! вставай! кричалъ городовой, взявши за воротъ Бездольнаго. Но онъ не подавалъ никакого знака жизни, только голова моталась на шеѣ.

—Эка оказія, сказалъ блюститель порядка, озираясь кругомъ:—нельзя ли перетащить «тѣло» на другой участокъ, удружить сосѣду?.. Но какъ на грѣхъ, дѣло случилось среди бѣлаго дня, и сколько онъ не выжидалъ за будкой, расчитывая, авось бѣднякъ пролежитъ до ночи,—не тутъто было! Около упавшаго начали останавливаться зѣваки: до ночи, когда можно пустить горемыку, и въ Мойку, и въ Фонтанку, смотря по мѣстности—было далеко.

Не забудьте, пожалуйста, гг. читатели, что это случилось очень давно, когда теперешніе городовые бѣгали по улицамъ безъ рубашекъ, а господа частные пристава и полиціймейстеры просвѣщались въ дѣланіи именованныхъ количествъ... Право, надоѣло дѣлать эти оговорки.

пора всѣмъ понять, что я пишу, да и всѣ пишутъ *про былое время*, что никто изъ нынѣшнихъ писателей не имѣетъ желанія затрогивать *нынѣшнихъ* городовыхъ, *нынѣшнихъ* приставовъ; напротивъ, каждый старается воспѣть или прежняго будочника, или прежняго частнаго пристава.

— Эхъ-ма! сказалъ городовой: тринадцать лѣтъ благополучно спихивалъ тѣла въ Мойку, да въ Фонталку, а теперь не отверчусь!

Въ это время Бездольный пришелъ въ себя, приподнялся; съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ кругомъ; городовой обрадовался, что это не мертвое тѣло и сталъ поскорѣе звать извощика.

Но хоть бы одинъ «Ванька» былъ на версту кругомъ; извощики, видя больнаго и полицейскаго, попрятались въ дальнія улицы. Они по опыту знали, какъ городовые (тогдашніе) прокатываются на даровыхъ извощикахъ: везти себя въ часть, да потомъ заѣдетъ къ любовницѣ на Нески, отъ любовницы къ старому сослуживцу въ Коломну, оттуда въ знакомую портерную, а оттуда ужъ на мѣсто. Однако, одинъ таки извощикъ не остерегся.

Городовой усадилъ Бездольнаго на дрожки, обнялъ его и сказалъ извощику:—пошолъ въ такую-то больницу!

— Ну что, кого еще тамъ привезли? спросилъ фельдшеръ пріемнаго покоя у служителя, поглядывая въ окно.

— Какого-то изъ полиціи. Въ это время двери распахнулись и городовой съ извощикомъ ввели подъ-руки Бездольнаго, который не могъ даже сойти съ дрожекъ. Голова его свисла на бокъ, губы помертвѣли, глаза ввалились. Онъ очевидно былъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ.

— Положите его на лавку! сказалъ нехотя фельдшеръ, взялъ у городоваго паспортъ больнаго, прочелъ и швырнулъ его назадъ.

— Онъ пріему въ больницу не подлежитъ: онъ раненый.

И въ самомъ дѣлѣ, у Бездольнаго былъ довольно глубокій шрамъ на правой щекѣ, полученный имъ еще на студенческой дуэли. Разумѣется, этотъ шрамъ былъ прописанъ въ особыхъ примѣтахъ.

Почему у Бездольнаго былъ паспортъ, а не аттестатъ, это объяснимъ послѣ.

— Куда же онъ подлежитъ? спросилъ городовой:—не мое дѣло разбирать, кто онъ; начальство наше велитъ всѣхъ, кто свалится на улицѣ, везти въ ближайшую больницу, вотъ и все.

— У васъ, почтеннѣйшій, есть свое начальство, а у насъ—свое; мы не принимаемъ на основаніи положеній, гдѣ сказано, что раненыхъ, въ случаѣ «заболѣванія», отвозить въ госпиталь. Городовой думалъ, думалъ, да и поволокъ больнаго опять на извощика. Послѣдній скорчилъ самую страдальческую рожу.

— Да перемѣните, сударь, меня! пожалѣйте хоть лошадки-то.

— Я те перемѣню! отвѣтилъ извощику городовой, усаживаясь съ больнымъ на дрожки,—пошолъ!

Лошаденка словно чувствовала, что прогуляется ни за что, ни про что, здорово живешь, поэтому лѣниво тронулась въ путь, еле-еле перебирая ногами. Всѣмъ троимъ было невесело: у извощика выступили на глазахъ слезы, потому-что онъ во весь день и четвертака не выѣздилъ, Бездольный еле дышалъ, а городовой сокрушался о томъ, что въ его именно участкѣ совершилась такая оказія, что удружить сосѣду никакъ не удалось.

— Ну что, спихнулъ съ рукъ? спросилъ фельдшера проснувшійся дежурный врачъ, который только-что за-

далъ важную высышку и, раскрывши ротъ шире почтамтской арки, вызевывалъ на разные тоны.

— Спихнулъ, ваше высокоблагородіе; городовой-то остолопъ попался, я и увѣрилъ его, что больной подлежитъ госпитальному леченію.—Вообще больничные врачи не терпятъ трудныхъ, какъ клопы постнаго масла, и всѣми силами стараются спровадить ихъ въ другое мѣсто, на законномъ основаніи, а въ законныхъ основаніяхъ у насъ такое изобиліе, что умѣй только крутить ихъ да повертывать въ родѣ калейдоскопа. Поверти трубку направо выглянутъ бѣленькія стеклышки, голубенькія, поверни налѣво—черненькія, сѣренькія.

— Ну, какъ же ты сбурилъ этого больнаго? спросилъ дружелюбно докторъ. Фельдшеръ разсказалъ; оба захохотали.

Въ пріемный покой нарочно сажаютъ фельдшеровъ самыхъ продувныхъ: какому доктору охота навязывать себѣ на шею такихъ больныхъ, которыхъ хоть прямо клади въ покойницкую! то ли дѣло, какъ вся больница наполнена выздоравливающими! Одинъ вередъ расчесалъ до крови, другой носъ расквасилъ, у третьяго «свинка» вздулась на щекѣ. Тутъ не нужно врачамъ ломать много голову, да углубляться въ темный лѣсъ патологіи, или терапіи: приложилъ пластырь, прорѣзалъ вередъ, поставилъ мушку на затылокъ, закатилъ всей палатѣ пульвисъ-ляксисъ — вотъ и леченіе кончено!... Но главное, что умершихъ мало, напротивъ даже, всѣ жирѣютъ отъ овсянки, здоровѣютъ, какъ кузнецы... Ужъ какого, кажется, брандахлысту ни наливаютъ въ миски—ѣдятъ да похваливаютъ... А что можетъ быть сладостнѣе для больничнаго эконома, какъ всѣ койки заняты, цифра продовольствуемыхъ самая почтенная! Катай въ отчетахъ супы да компоты, которыхъ

*

больные и въ глаза не видали, да не забывай, кого слѣдуетъ, помни четвертое правило ариѳметики!.. А ужъ доктора малиной не корми, еслибъ только всѣ выздоравливали и никто не умиралъ... Тутъ отъ прыща на носу вылечатъ, да напишутъ, что отъ рака, насморки превратятъ въ чахотку; слеза начнетъ бить изъ глазъ—скажутъ, что была водяная... А начальство-то, начальство-то только читаетъ, да удивляется, какъ это у доктора Шильдкрете, у хирурга Цигенбока самыя трудныя болѣзни вылечиваютъ легко, скоро, какъ насморкъ, а не понимаютъ того, что у него въ пріемной сидитъ пройдоха фельдшеръ!.. (Вотъ опять надо сдѣлать оговорку, что все это *было*, что этого *теперь* вовсе *нѣтъ*).

Меня, какъ охотника лечиться въ больницахъ отъ «дурныхъ обстоятельствъ», восхищаютъ всего болѣе противоположныя стремленія больничныхъ властей: Хозяйственнымъ властямъ, то есть завѣдывающимъ хозяйственною частію, чѣмъ больше больныхъ, тѣмъ лучше; управляющимъ же искусственною частію врачамъ: чѣмъ меньше больныхъ, тѣмъ лучше... Но слава—дымъ: главнаго врача и ординаторовъ не утѣшатъ никакія земныя почести, чины и награды, если онъ, а отчасти и они, не будутъ жить съ смотрителемъ, экономомъ, аптекаремъ—яко братія вкупѣ... Развѣ вы думаете пріятно эконому варить пищу вмѣсто двухъ котловъ въ одномъ? Развѣ, вы думаете, пріятно аптекарю, вмѣсто четырехсотъ микстуръ мастачить только двѣсти. Легко вы полагаете «завѣдывающему вещевою частію»: бѣльемъ, посудой, дровами, ремонтомъ, починкой, поправкой, всякой мелочью, если бѣлья моется половинная пропорція, кружки не колятся, штукатурка не осыпается съ потолка, половина печей не топится. Да вы возьмите хоть архитектора, гробовщика, плотника, каменьщика

въ поясненіе этой истины. Да ихъ первое задушевное желаніе, чтобы трескались стѣны, проваливались потолки, умирали какъ мухи люди, горѣли, разваливались дома, и пр., и пр.

Бездольнаго привезли въ военный госпиталь. Тутъ уже былъ другой порядокъ, другая картина. Фельдшера не «тыкали» привезеннымъ больнымъ, не играли въ шашки на крематумъ амаре, напротивъ чинно сидѣли у столовъ, какъ стая лебедей и писали разныя лепортички: лепортичка главному доктору, лепортичка дежурному ординатору, дежурному по госпиталю—все лепортички, да лепортички... Тутъ ординаторы не задавали высыпкине кумовались съ фельдшерами, напротивъ—обращались съ ними повелительно, строго, уснащая по временамъ рѣчь крѣпкимъ словцомъ. Доктора́ были все толстые, коренастые, съ фіолетовыми носами и огромными усищами. Это были не какіе нибудь коллежскіе, губернскіе секретари, а заслуженные штабъ-офицеры, отпилившіе не одну сотню рукъ и ногъ на полѣ брани, или на полѣ чести. Самые служители были изъ военныхъ, изъ такъ называемой подвижной роты, то-есть страшно неповоротливые солдаты, одѣтые въ такіе тѣсные казакины, что талія приходилась на затылкѣ, а пуговицы лѣзли на носъ. Эти замухрышки анфалидной команды удивительно какъ толстѣютъ отъ казенныхъ штей и трехъ фунтовъ хлѣба. При ихъ яйцевидной формѣ, мундиръ никакъ не можетъ гладко сидѣть и весь сбирается подъ мышки.

Вышелъ смотритель въ густыхъ эполетахъ съ кисточками чуть не до обшлаговъ и взялъ отъ городоваго паспортъ Бездольнаго.

— Да онъ даже и не военный; зачѣмъ же его привезли въ госпиталь?

— Онъ «раненый», ваше высокоблагородіе; его не приняли въ —ской больницѣ, приказали везти въ госпиталь.

— Экіе мошенники! я бы ихъ всѣхъ пере... начиная... Вѣдь тебя, братецъ, надули! ты, вѣрно, новичокъ въ этой службѣ-то?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! гаркнулъ оторопѣвшій городовой.

— А давно ли городовымъ?

— Двадцать три года, ваше высокоблагородіе.

— Ну, новичокъ!.. Вези, братецъ, назадъ. Мы рады бы принять, да не можемъ.

— Въ какую больницу прикажете?

— Да къ этимъ же мошенникамъ... Каково! человѣкъ еле дышетъ, а они его принять не хотятъ, спихиваютъ съ рукъ! Охъ, я бы ихъ всѣхъ.. начиная... Съ кого хотѣлъ начать почтенный смотритель, намъ это неизвѣстно ..

— Батюшка! отецъ родной! лошаденка издыхаетъ!... взмолился извощикъ, когда городовой взвалилъ снова Бездольнаго на дрожки,—Какая, въ самомъ дѣлѣ, горькая насмѣшка судьбы!.. Бѣднягу возятъ третій часъ по городу и никакъ не могутъ найти мѣста гдѣ ему умереть!..

Опять привезли? спросилъ сердито фельдшеръ, увидя вторично ту же процессію: то есть Бездольнаго, котораго несли подъ руки городовой и извощикъ.

— Я съ вами разговаривать много не буду, сказалъ остервенившійся городовой, и положивши больнаго на полъ въ углу, бросилъ на столъ бумаги, вышелъ, сѣлъ на несчастнаго извощика и былъ таковъ. Видя, что клячонка насилу ноги волочитъ, поймалъ извощика посвѣжѣе и поѣхалъ въ часть.

Прежняя клячонка, смѣкнувши, что ея истязанія кон-

БЕЗДОЛЬНЫЙ.

— Экихъ молодцовъ къ намъ приводятъ! котораго сегодня снесли? Восемнадцатаго кажется?

— Восемнадцатаго, Ермилъ Софронычъ; ледъ идетъ, значится, оно уже извѣстно сфта время....

— Это, значитъ, будетъ *девятнадцатый* сегодня. Да у насъ скоро и

чились, что ея хозяинъ повеселѣлъ, вдругъ словно ожила и пустилась въ самую скверную скачь на знакомый постоялый дворъ, къ знакомому корыту. Пройдоха фельшеръ, видя, что его стратагема не удалась, началъ прописывать паспортъ.

— Да его нечего и осматривать! сказалъ докторъ, видѣвшій еще прежде больнаго:—волоките его въ чахоточную!—Два служителя взяли больнаго подъ руки и поволокли въ «раздѣвальную».

— Больной на мужскую половину! закричалъ ваньщику служитель.

— Его нечего и въ ванну-то сажать; онъ къ завтрамуже «готовъ» будетъ, замѣтилъ опытный ваньщикъ — сѣдой старикъ, проводившій не одну тысячу на тотъ свѣтъ.

— Экихъ все молодцовъ къ намъ приводятъ! продолжалъ онъ разговаривать съ служителями: котораго сегодня снесли?... Восьмнадцатаго, кажется?...

— Восьмнадцатаго, Ермилъ Софронычъ; ледъ идетъ, значится, оно уже извѣстно ефта время...

— Это, значитъ, будетъ «девятнадцатый» сегодня. Да у насъ скоро и гробовъ недостанетъ...

И это все говорилось громко, нисколько не соображая, что больной въ своей памяти и все слышитъ...

Служитель чуть не оторвалъ рукъ и ногъ у новоприбывшаго, когда сталъ стаскивать съ него ветхую одежонку: его злость разбирала, что, обшаривши всѣ карманы у бѣдняка, онъ не нашелъ ничего, кромѣ хлѣбныхъ крошекъ...

«Новенькаго» взяли два служителя и стащили въ чахоточную палату, гдѣ уже лежало 23 больныхъ.

Его свалили, какъ мѣшокъ, на кровать подъ № 87-мъ.

Въ палатѣ была могильная тишина: всѣ лежали подъ

одѣялами, тяжело дыша, или тихонько покашливая.—Два служителя то и дѣло сновали со щетками и прометали въ «проулкахъ», между кроватями.—Ты что, слѣпой чортъ! развѣ не видишь песочницы? Что за вами ходить весь день да подчищать, міроѣды этакіе!... Такія замѣчанія слышались больными отъ служителей, которые дѣйствительно не успѣвали за всѣми подметать и подчищать. Надзирательница безпрестанно входила, сама поправляла одѣяла, подушки и мылила голову служителю, если замѣчала морщинку на застланной кровати, соль на столѣ не на мѣстѣ, халатъ дурно свернутый и т. п. Вообще, въ больницахъ, гдѣ главные доктора нѣмцы, страсть подметать, поправлять, доходить рѣшительно до болѣзни. Еслибъ, кажется, половина больныхъ перемерла, тогда главный докторъ такъ бы не разсердился, какъ то, когда замѣтитъ, что наплевано на полу или сдвинута съ мѣста солонка.

Да и нельзя иначе: каждый начальникъ, посѣщающій больницы, прежде всего оглядитъ потолокъ, нѣтъ ли тамъ паутины, потомъ смотритъ—вычищены ли ручки у дверей, осмотрѣвши это, глядитъ—выровнены ли кровати, чисты ли на больныхъ колпаки, во всѣхъ ли солонкахъ насыпана соль. Затѣмъ уже обращается вниманіе: хороша ли, не пища для больныхъ, а «проба», которая ставится въ буфетѣ на столѣ. Съ самаго ранняго утра, часовъ съ четырехъ начинается процедура уборки. Это время самое дорогое дня: больные, которые не могутъ долго заснуть съ вечера, начинаютъ только въ это время забываться сномъ. Едва благодѣтельный сонъ оковалъ изнемогшіе члены—поднимается стукъ: топанье сапогами, громкій говоръ цѣлой дюжины служителей. Полъ поливается водой, поднимается сырость: больной начинаетъ кашлять, просыпается и не можетъ уже заснуть, потому что подъ самымъ его носомъ

ерзаетъ мокрая швабра. Онъ не можетъ пошевелиться, протянуться, потому что на ноги навалятъ полтора пуда скамѣекъ. Бѣдняга ворочается, ворочается—спать хочется, онъ знаетъ, что отъ сна все его здоровье зависитъ, а не можетъ заснуть,—мѣшаютъ. Вотъ побѣлѣло на дворѣ, полы вытерли до-суха; кажется, этого было бы довольно, но нѣтъ! являются «танцоры», то есть полотеры. Палата наполняется нестерпимымъ запахомъ гнилаго пота отъ рубашекъ этихъ вѣчныхъ тружениковъ, смѣшивается съ запахомъ мастики; начинается пляска; ко всему этому, служитель, вооружившись трехъ-саженной щеткой, достаетъ паутину, пыль съ потолковъ и карнизовъ. Та и другая сыплются прямо въ ротъ несчастнаго чахоточнаго, раздражаютъ сухимъ кашлемъ и безъ того сгнившія легкія. Больной, почти не сомкнувшій глазъ во всю ночь, натурально, чувствуетъ себя словно какъ изломаннымъ. Голова тяжела, клонитъ къ дремотѣ, на умъ нейдетъ ни пища, ни питье; весь свѣтъ кажется постылымъ, подъ ложечкой болитъ; всякая малость раздражаетъ.

— Ну что, какъ фы сепя шуфстфовали фчера? спрашиваетъ ординаторъ нѣмецъ, который больше заботится, чтобъ все записать въ скорбный листъ, да не измять воротничковъ, прописать подешевле лекарство, чѣмъ вылечить.

— Карашо фы спали?

— Вовсе не спалъ, г. докторъ, отвѣчаетъ чуть слышно больной.

— Странно, замѣчаетъ ординаторъ:—пульвисъ даверіа тафалъ?

— Давалъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчаетъ фельдшеръ. (Никому и въ голову не придетъ, что это зуженье швабрами ни свѣтъ ни заря хоть мертваго разбудитъ. Да

если эта мысль и сидитъ во многихъ головахъ, такъ ее съ гвоздемъ оттуда не выбьешь: кому охота прослыть либераломъ? Вообще, больничные доктора только для близиру, для проформы прописываютъ лекарства чахоточнымъ; и тѣ и другія убѣждены, что отъ такихъ болѣзней въ больницахъ не вылечиваютъ. Интересно слышать, когда врачъ подаетъ наивные совѣты больному простолюдину, неимѣющему и трехъ грошей въ карманѣ: поѣзжайте въ теплые края; вамъ здѣшній климатъ вреденъ... Не прикажете ли какому нибудь плотнику ѣхать въ Италію, или южную Францію?... комедія!

Бездольный, вопреки предсказанію ваньщика, прожилъ болѣе сутокъ. На другой день поутру явился ординаторъ нѣмецъ. Онъ только-что спрыгнулъ со школьной скамейки, но какъ приходился родней главному доктору, то его и назначили въ чахоточную палату «дѣлать надъ больными опыты».... Онъ цѣлыхъ полчаса выслушивалъ въ груди больнаго № 84–й. Ужъ какъ онъ его не вертѣлъ, и къ груди-то, и къ спинѣ-то прикладывалъ ухо, а все кончилось дѣло тѣмъ, что больной къ вечеру протянулъ ноги.

— Обставить его ширмами! сказалъ онъ наконецъ. Ужъ если около кого поставятъ ширму, больные знаютъ что̀ это значитъ. На доскѣ фельдшеръ выгравировалъ извѣстную эпитафію: Иванъ Бездольный, кончившій курсъ студентъ, число, годъ и, наконецъ, фебрисъ катарральнсъ съ слабой порціей. Каждый изъ здѣсь лежащихъ былъ убѣжденъ, что у него чистѣйшій Phtisis; но служители эскулапа, чтобъ не офранировать больнаго, придумывали разные фебрисы.

Они уже приметались къ своему дѣлу, и если не могли сдѣлать, чтобъ человѣкъ выздоровѣлъ, то всегда заранѣе знали, когда онъ умретъ. За нѣсколько часовъ до смерти

Бездольный почувствовалъ себя какъ-то лучше, боли внутри прекратились; онъ пришелъ въ полное сознаніе.

— А вѣдь мнѣ лучше! весело сказалъ онъ фельдшеру, который поднесъ ему лекарство въ ложкѣ.

— Лучше—лучше, вотъ вы скоро поправитесь, выпишетесь, поѣзжайте въ деревню.... Славно въ деревнѣ!...

— Я буду непремѣнно ходить на охоту, сбирать грибы въ лѣсу....

И глаза Бездольнаго разгорѣлись какимъ-то неестественнымъ восторгомъ....

— Намъ пришлите корзиночку, да тетерокъ парочку, вотъ мы ихъ и зажаримъ!

Очевидно, что фельдшеръ смѣялся, онъ зналъ, что больнаго къ вечеру не будетъ.... Между тѣмъ воображеніе больнаго начало напослѣдокъ рисовать самыя очаровательныя картины деревенской жизни.—Мнѣ во всю жизнь ни одного разу не пришлось порядочно провесть лѣта.... Ахъ, какъ бы хорошо поскорѣе поправиться; я бы сталъ просить доктора, чтобъ онъ выхлопоталъ мнѣ позволеніе отправиться на казенный счетъ на югъ.... Нѣтъ, что-то сомнительно, чтобы я пережилъ эту весну!... а какъ бы хотѣлось!...

Тутъ на глазахъ у него проступили слезы: онъ началъ чувствовать дремоту... Передъ глазами его проносились неясныя образы, откуда-то изъ-за плеча заглядывали къ нему лица, слышался чей-то неясный шопотъ. По временамъ долеталъ до его слуха чуть слышный говоръ. Говоръ становился все тише, тише, сталъ походить на дыханіе.... Онъ слышалъ, что вокругъ него всѣ какъ-то тяжело дышатъ, сопятъ, свистятъ, словно комната наполнилась змѣями... Въ глазахъ вдругъ потемнѣло: ширмы, окно, печка, лекарство начали кружиться около него..

Ему стало страшно; онъ вскрикнулъ, хотѣлъ соскочить съ кровати, но словно пяти-пудовыя гири прикрѣпляли его къ постели.... Ахъ, страшно! я, кажется, умираю!... Батюшки, спасите! скажите, неужели я умру?... Доктора, голубчики, отцы родные, помогите!...

— Ну, ну! лежи,—сказалъ грубо служитель, и словно желѣзными руками стиснулъ руки умирающаго, свелъ ихъ чтобъ скрестить на груди по-покойницки. Между тѣмъ Бездольный весь дрожалъ, корчился, какъ на дыбѣ отъ нестерпимыхъ мукъ. Онъ уже терялъ память, передъ нимъ въ темнотѣ закрытыхъ глазъ колыхалось цѣлое море огня, словно всю вселенную охватило пламя, и земная кора, отъ нестерпимаго жара, лопнула какъ бомба. Это было отъ сильнаго прилива крови къ мозгу.... Страшная эта минута! этотъ актъ перехода отъ жизни къ смерти! Человѣкъ нѣсколько смахиваетъ въ эту минуту на горящее зданіе, когда неумолимая смерть все ломаетъ, разрушаетъ, какъ вихрь огня, оставляя за собою только черные столбы дыма. Чѣмъ муки сильнѣе, тѣмъ нестерпимѣе, секунда этихъ страшныхъ томленій вытягивается въ нескончаемую ниточку, кажется вѣчностью; наконецъ настаетъ самая вѣчность—глухая, черная тма.... человѣкъ уничтожился, пропалъ изъ міра до малѣйшаго атома.... Страшно подумать живому человѣку, что онъ превратится въ ничто.... Дерево хоть не можетъ тронуться съ мѣста, но оно все же живетъ: ощущаетъ теплоту солнца, дышетъ то однимъ газомъ, то другимъ, согрѣвается и зябнетъ, слышитъ, какъ растетъ.

Камень и тотъ чувствуетъ, что-то снаружи къ нему пристаетъ, налѣпливаетъ, что онъ годъ-отъ-году крѣпнетъ, твердѣетъ; но каково быть *ничто-мъ*!..

— Умеръ, сказалъ фельдшеръ и, вынувъ изъ доски

скорбный листъ, написалъ «отпускную». Поправили руки и ноги покойника, какъ слѣдуетъ, служитель покрылъ его одѣяломъ съ головою, снялъ доску, поплевалъ на нее и стеръ полою сюртука имя, фамилію и все. По больничному положенію, мертвый долженъ оставаться два часа на кровати, пока служители не придутъ за нимъ съ корзиной. Неуспѣлъ отойти Бездольный, какъ лежащій напротивъ больной страшно застоналъ.

— За священникомъ! За священникомъ пошлите, отцы родные! прохрипѣлъ несчастный, у котораго захватывало уже дыханіе. Больные переполошились съ испугу, заворочались подъ одѣялами, иные страшно закашлялись.

— Отцы родные, батюшки, голубчики! пошлите за священникомъ, продолжалъ кричать и метаться больной.

— Лежи, а не то свяжу!... Ишь ты! теперь священника захотѣлъ!... не стоять же ему цѣлый день надъ вами!... Конечно, больной самъ виноватъ; ему, по больничному уставу, слѣдовало бы умереть во время уборки, такъ оно бы кстати и его заодно вынести, вмѣстѣ съ лаханями, всякимъ соромъ, а онъ далъ промахъ—умеръ послѣ обхода. Ему бы слѣдовало еще наканунѣ, за часъ до обхода больныхъ докторами, призвать священника, а его, вмѣсто этого, угораздило звать попа въ такое время, когда никого, кромѣ дежурныхъ, съ собаками не сыщешь.... Батюшки въ это время дѣйствительно не было: онъ поѣхалъ съ матушкой въ гостиный дворъ, покупать ей матерію на платье, сѣренькую съ лиловыми разводами ...

Обыкновенно, каждое утро вахтеръ обходитъ всѣ палаты и спрашиваетъ: не нужно-ли кому батюшки? Если кто въ немъ нуждается, долженъ тотчасъ объявить... Зоркія больничныя власти прозѣвали, какъ 84 нумеръ махнулъ въ елисейскія поля, за то къ 93 нумеру приложили

всѣ старанія, чтобъ отпустить больнаго на тотъ свѣтъ «по формѣ»... Во-первыхъ, явился дежурный докторъ, пощупалъ пульсъ, послушалъ въ груди и даже спросилъ: что, тебѣ не хорошо?.. Болитъ что нибудь?..

Ужъ вѣрно что-нибудь болитъ у человѣка, когда онъ кричитъ благимъ матомъ: зачѣмъ же и спрашивать? Но это дѣлается тоже не даромъ, тоже по больничному уставу, больной никакъ не можетъ умереть безъ дежурнаго доктора и безъ дежурнаго фельдшера. При этомъ еще умирающему даютъ что-то нюхать изъ стклянки, что̀ именно, объ этомъ знаютъ умершіе... Когда все это сдѣлано и больной умеръ «благополучно», какъ слѣдуетъ, всѣ возвращаются на свои мѣста, съ чистою, спокойною совѣстью, что сдѣлали все, что только во власти человѣка.

Сильно заботятся врачи о томъ, чтобы можно было донести начальству, что больному, до послѣдней минуты, были подаваемы всевозможныя врачебныя пособія, принимаемы всѣ мѣры къ его выздоровленію.

Прошло два часа, принесли зеленую только-что сплетенную изъ свѣжаго тростника корзину; надзирательница раздѣла Бездольнаго до-нага, обернула въ дырявую простыню, служители взяли его за голову и за ноги, опустили въ этотъ ящикъ, закрыли крышкой и понесли...

Выздоравливающіе больные, ползавшіе по корридору, какъ весеннія мухи по стеклу—только крестились да повторяли: царство ему небесное!

Бездольный, у котораго не оказалось, чтобъ на свой счетъ похоронить—цѣлую недѣлю пролежалъ въ трупярнѣ, въ ожиданіи какъ рѣшитъ совѣтъ медиковъ; пилить его, или не пилить. Онъ, бѣдняжка, всю жизнь ожидалъ какихъ-нибудь рѣшеній, такъ оно и кстати.

Получивъ дозволеніе быть погребеннымъ, залегъ на вѣки вѣчные на ближайшемъ къ больницѣ кладбищѣ.

И канулъ человѣкъ, какъ капля въ океанъ, какъ дождевой пузырь, не оставивши по себѣ ни малѣйшаго слѣда, словно онъ никогда не родился и не жилъ! Такъ, съ лица громаднаго города ежедневно исчезаютъ десятки, сотни безъизвѣстныхъ тружениковъ. Въ любой канцеляріи, департаментѣ—что годъ, то мѣняются писцы. Тѣ же нерѣшеныя дѣла лежатъ по десятку лѣтъ на окнахъ, тѣ же столы съ прорванными клеенками, но лица, сидящія за ними, что годъ, то новыя.

Только никогда не мѣняются тучные предсѣдатели, директоры, прокуроры, развѣ у кого сквозь черный волосъ начинаетъ бить сѣдина, отвисаетъ брюхо, да вмѣсто пряжки за 15 лѣтъ появляется за 30...

И въ самомъ дѣлѣ, была горькà, ухъ какъ горькà доля бѣднаго учителя изъ студентовъ! Если бы я сталъ выдумывать, «сочинять» страданія—все это вышло бы блѣдно, слабо противъ дѣйствительности. Конечно, тяжело умереть подъ пытками, подъ истязаніями, когда выматываютъ изъ живота жилы, разрываютъ члены, молотятъ постепенно кости, какъ у зазѣвавшагося работника, втянутаго машиной, но все это происходитъ часъ, два, много полдня. Собственно мученій тутъ полчаса, часъ, потому-что дальше этого срока человѣкъ впадаетъ въ безпамятство. Тутъ онъ хоть нравственно услаждается, какъ мученикъ за вѣру, за любимую всѣми втайнѣ идею; на него устремлена сотня тысячъ глазъ, объ немъ трубятъ милліоны голосовъ, блескъ славы его быстро охватываетъ полвселенной, какъ блескъ восходящаго солнца.

Но каково промучиться на свѣтѣ тридцать, сорокъ лѣтъ, быть истязуемымъ постепенно голодомъ, холодомъ, незаслуженными обидами, нравственнымъ униженіемъ, которые вытягиваютъ жизнь, здоровье, ежеминутно, по ка-

нелькѣ. Каково терять вѣру въ самого себя, чувствовать, сознавать свое нравственное превосходство и цѣлый вѣкъ быть всеобщимъ посмѣшищемъ, всѣми отвергаемымъ, всѣми презираемымъ. Такова была судьба Бездольнаго. Она была болѣе чѣмъ романтична, болѣе чѣмъ невѣроятна. Вотъ ужъ ее смѣло можно было назвать самой неправдоподобной правдой.

Право, мы такъ привыкли давить другихъ, дѣлать ихъ несчастными, сами даже того не подозрѣвая, что самое добросовѣстное описаніе истинныхъ бѣдствій намъ кажется какимъ-то романомъ.

Никто не хочетъ вѣрить, чтобъ въ благоустроенномъ политическомъ обществѣ, человѣка чуть не живаго зарываютъ въ могилу.

Намъ кажется, что если гдѣ не рѣжутъ, не жгутъ, не топятъ людей безнаказанно, тамъ всѣ и счастливы, отъ, перваго до послѣдняго. Повѣрьте, есть тысячи родовъ убійствъ безъ ножей, безъ кинжаловъ, есть тысячи родовъ отравъ, безъ мышьяку, безъ стрихнину.

Если однимъ живется на свѣтѣ такъ легко, гладко, беззаботно, то имъ кажется, что и всѣ остальные точно также ликуютъ и благоденствуютъ, какъ они. Удивительная наивность, непонятное, ребяческое простосердечіе въ тѣхъ, которые каждымъ своимъ шагомъ, каждымъ поступкомъ дѣлаютъ сотни людей несчастными, сами того не замѣчая!

Такая точно исторія была съ Бездольнымъ во всю его жизнь.

Отъ него отнимали послѣдній кусокъ хлѣба, затирали его дарованія люди, повидимому самые благонамѣренные даже слывущіе въ обществѣ за честнѣйшихъ, прекраснѣйшихъ людей.—Что, кажется, дурнаго въ желаніи вы-

тянуть за уши въ люди своего сынка, родственничка, любимчика, дать ходъ чаду нужнаго человѣка,—а между тѣмъ, изъ-за этого Бездольный терялъ мѣста, шлялся по нѣскольку мѣсяцевъ безъ квартиры, безъ сапогъ, простуживался, впалъ въ чахотку. Что дурнаго, если сынокъ знатнаго барина пошалитъ въ молодости, обольститъ бѣдную дѣвушку — кто молодъ не бывалъ?—а между тѣмъ, его сестра, единый другъ его въ цѣломъ мірѣ, сошла въ гробъ, а онъ чуть не сошелъ съ ума. Однимъ словомъ, Бездольный былъ самой безвинной жертвой общественныхъ пороковъ, постыднаго безчувствія, равнодушія къ его блестящимъ достоинствамъ. Сколько онъ не бился, своей собственной головой проложить себѣ карьеру, честнымъ трудомъ достигнуть независимости—никто изъ его начальниковъ, наставниковъ, этого не замѣчалъ и преспокойно выдвигалъ на первый планъ своихъ любимчиковъ, своихъ протежоровъ.

Онъ бился, бился полжизни и наконецъ убѣдился вполнѣ, что одинъ человѣкъ, безъ друзей, безъ покровителей, какъ бы онъ честенъ и уменъ не былъ — рѣдко добьется прочнаго положенія въ обществѣ, никогда честнымъ путемъ не составитъ себѣ вполнѣ независимаго состоянія. Какихъ геркулесовыхъ силъ, какого ума и воли хватитъ на то, чтобъ пробить эту толстую стѣну изъ маменькиныхъ сыночковъ, племянничковъ, кузеновъ, протежируемыхъ дяденьками и братцами, изъ этихъ прихлебателей, любимчиковъ, живущихъ всю жизнь при милости на кухнѣ. А между тѣмъ студентъ-идеалистъ, вынесшій самыя благородныя идеи отъ цѣломудренныхъ профессоровъ, вѣровалъ полжизни, что честный человѣкъ всегда пробьетъ себѣ дорогу. Результатомъ этой неравной борьбы была безполезная растрата силъ, потеря вѣры

въ самого себя, потеря здоровья и полное разочарованіе.

Вотъ изъ какихъ данныхъ слагалась жизнь бѣднаго учителя.

Родился онъ лѣтъ тридцать пять назадъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ какомъ-то дровяномъ сараѣ. Матѣ его побиралась въ это время, сидя гдѣ нибудь на мосту, или на церковной паперти. Старожилы Петербургской стороны, которыхъ въ центрѣ города быть не можетъ, разсказывали, что видали ее изо-дня-въ-день у церкви апостола Матвѣя, а по окончаніи обѣдни—на Троицкомъ мосту.

Всѣ знали бѣдную «Андревну», потому что въ цѣломъ Петербургѣ не было нищенки несчастнѣе ея; знали, что она была дворянка — губернская секретарша, жила своимъ домкомъ, любила добрыхъ людей угостить.

— Экая несчастная! говаривали пировавшіе у ней не разъ баре:—до чего дошла! Вѣдь была благородная дворянка, а какъ опустилась!..

— Вѣрно испиваетъ, сердешная! ну, какъ дворянкѣ довести себя до этого? Такъ отзывались о старушкѣ прежніе ея знакомцы, которые немало поѣли у нея хлѣба-соли, а ни одинъ не помогъ ей, кромѣ какъ одной копѣечкой, не одинъ не взялъ ея младенца Сережу на свое попеченіе. Эти господа думали, что поговорить, посѣтовать о бѣдняжкѣ—и того за-глаза достаточно, а если еще при этомъ дать завалявшійся грошикъ, такъ это такое ангельское милосердіе, что за это прямо съ постели унесутъ ангелы въ царствіе небесное!.. Многіе чтутъ себя чуть-ли не святыми за то только, что по воскресеньямъ раздаютъ на паперти пять копѣекъ на десятерыхъ, да ставятъ свѣчку «празднику» въ три копѣйки.

Старые знакомцы Андревны, посѣтовавши, что она

сердешная, испиваетъ, поговоривъ о пользѣ воздержанія, отправлялись на острова съ мамзюхами, или покутить въ гостинницу и совершенно забывали про бѣдную женщину. Такъ она безъ призрѣнія побиралась что-то три года, ночевала въ нетопленныхъ подвалахъ, подъ мостами, съ грудным младенцемъ, часто плачущимъ отъ голода, потому что неѣвшая по цѣлымъ суткамъ мать не имѣла нисколько молока въ груди.

Ну право же скажутъ, что это я выдумалъ! Писатели, кромѣ «извѣстныхъ заступниковъ», до того тщательно скрывали всѣ прорѣхи на совѣсти «привилегированныхъ сословій», что мы рѣшительно ничего не знаемъ о бытѣ бѣдныхъ дворянъ, какъ будто у насъ ихъ никогда не было... Только и позволяли себѣ немножно поскалить зубки надъ убитыми судьбой и безъ того мелкими чиновниками, да почесать язычекъ насчетъ начальства разныхъ поганенькихъ городишекъ, которыхъ, какъ шпилей на биксѣ, натыкано на святой Руси... Результатъ извѣстный: писатели, тщательно скрывавшіе все темненькое, гаденькое въ людяхъ повыше—превратились изъ литераторовъ въ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, вмѣсто журналовъ, романовъ, прежде издаваемыхъ, открыли распивочныя на выносъ, скупили лучшіе дома и только по временамъ увлекаются поэзіей въ какомъ нибудь диѳирамбѣ по случаю хорошей погоды.

Необходимо пояснить читателю, почему мать Бездольнаго просила милостыню? Мужъ ея, отецъ «героя», былъ темненькій, незначительный чиновникъ—существо вполнѣ безотвѣтное, которое начальство «запрягало» во всѣ тяжкія, давало самыя трудныя порученія. Его такъ и прозвали—водовозная лошадь. Нужно было переписать въ ночь листовъ 30 — сейчасъ же начальникъ говорилъ: «а,

вотъ у меня сдѣлаетъ это Бездольный? онъ у меня борзописецъ!...» Нужно было послать кого-нибудь съ бумагами съ Адмиралтейской площади за Нарвскую заставу, начальникъ опять говоритъ: «а—вотъ пошлемъ Бездольнаго; онъ скорѣе почтовой лошади слетаетъ.» Бездольному было лестно такое вниманіе начальства и онъ вылѣзалъ просто изъ шкуры, чтобъ оправдать высокое о себѣ мнѣніе. Онъ и дежурилъ за другихъ по нѣскольку ночей сряду за какой нибудь четвертакъ, и брался переписывать по двѣ копѣйки съ листа. За это жъ его безбожно и надували. Жаловаться онъ не смѣлъ, потому что другіе канцеляристы: Сладкогубовъ, Заходкинъ, Пиндиваріусъ были подъ протекціей начальницы. Они были красивые молодые люди: одинъ, по замѣчанію начальницы, былъ очень похожъ на греческаго царевича Париса, у Сладкогубова былъ носъ чистѣйшій римскій, а у Пиндиваріуса — «бакенбарды, какъ у соболя»....

— Развѣ соболь бываетъ съ бакенбардами? спрашивала мамашу десяти лѣтняя дочка, острая дѣвочка.

— Дурочка, ты не понимаешь, что это не простое выраженіе, а *метаморфоза!*... Но какъ наступило время представлять чиновниковъ къ наградѣ, начальникъ совершенно забывалъ о Бездольномъ, словно онъ никогда тутъ и не служилъ. Столоначальникъ, по закону акустики (науки о звукѣ), былъ вѣрнѣйшимъ эхомъ начальничьяго обращенія съ подчиненными и тоже переставалъ замѣчать всегдашняго, неизмѣняемаго усердія Ивана Бездольнаго; разъ даже спросилъ: «а гдѣ Бездольный?»

— Да вотъ онъ подлѣ васъ сидитъ, отвѣтилъ столоначальнику помощникъ. Другой разъ набросилъ ему на голову шинель, принявши живаго, стоящаго передъ нимъ, [illegible]ка за пустое пространство.

Добрый начальникъ любилъ Бездольнаго, цѣнилъ его усердіе, но представить къ наградѣ, къ прибавкѣ жалованья не могъ, и за недѣлю до представленія начиналъ къ Бездольному полегоньку придираться, а Пиндиваріуса, Заходкина съ Сладкогубовымъ легонько, постепенно подхваливать.

— Я замѣчаю, Бездольный, что ты со дня на день начинаешь портиться.... Куда дѣвалось твое усердіе, скажи ты мнѣ пожалуйста?... Посмотри, какъ ты мелко вывелъ титулъ *Ихъ Превосходительство!*... А сіятельство-то, сіятельство-то на что похоже! просто смотрѣть скверно!... У Бездольнаго на глазахъ дрожали слезы: онъ боялся накапать ими на бумагу, запачкать въ конецъ такъ старательно выведенныя: ихъ «превосходительства», ихъ «сіятельства», и вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся вынуть платокъ и плакать при начальникѣ. Послѣдній подходилъ, какъ будто невзначай, къ любимчикамъ.

— Снасибо Пиндиваріусъ, спасибо! вотъ такъ всегда старайся, и награду получишь. Эге-ге-ге! да и Сладкогубовъ-то какъ усердно заниматься сталъ! Ужъ я давно это замѣчаю... а покажи-ко Заходкинъ, какъ ты пишешь?

— Отлично, отлично!.. Да у меня всѣ поправляются, слава Богу, только вотъ Бездольный подкузмилъ.... А еще я его хотѣлъ къ наградѣ представить!... Да какъ представить, когда совсѣмъ испортился—скверно сталъ писать. Не замѣчали ли вы его нетрезвымъ, Мордольонъ Харитонычъ? ..

— О, сколько разъ!.. отвѣчалъ Мордольонъ Харитонычъ, столоначальникъ, хотя отлично зналъ, что Бездольному и пить-то не изъ чего: жена, двое дѣтей, жалованье маленькое, а проситель къ маленькому чиновнику не полѣзетъ....

— Вотъ какъ! Я человѣкъ безпристрастный: отца роднаго не представлю, если не стбитъ.... Ну вотъ, какъ же не представить Пиндиваріуса, Сладкогубова съ Заходкинымъ?... Ну, какъ же ихъ не представить?...

Бездольный, слыша все это, плакалъ, обливавши самыми горькими слезами, какую-то *черновую*, которую онъ нарочно подложилъ, чтобы не пачкать выводимыхъ сіятельствъ, да превосходительствъ.... Онъ плакалъ не о томъ, что считалъ себя обиженнымъ — онъ, въ простотѣ сердечной, не понималъ этого. Онъ плакалъ о томъ, что у жены къ зимѣ салопишка не было, дровъ было купить не на что, за квартиру не заплачено; награда была послѣдняя надежда, да и та обманула.—Въ самомъ дѣлѣ, я сталъ хуже прежняго писать, думалъ онъ: прежде *мысле-те, рцы* какія у меня выходили, просто, прелесть! А *како, живѣте*, это мои любимцы!.. Ну, да Богъ дастъ, поправлюсь! буду практиковаться на черновыхъ, нарочно буду браться за другихъ писать, чтобъ руку набить. — Не въ этомъ году получу, такъ въ слѣдующемъ, все равно! Нельзя же всѣмъ вдругъ!...

Утѣшивши себя этимъ, наивный добрякъ Бездольный писалъ за другихъ, не разгибаясь, спалъ три часа въ сутки, голодалъ на семи рубляхъ. Всѣ надъ нимъ смѣялись, какъ надъ дурачкомъ, надъ юродивымъ, надували его напропалую. Начальникъ, добрый очень человѣкъ, но крайне-сластолюбивый старецъ, хотя и не терпѣлъ разныхъ Пиндиваріусовъ, однако выгнать ихъ, распечь, или не представить къ наградѣ — никакъ не осмѣливался. Они катались какъ сыръ въ маслѣ: шаркали на балахъ, ѣздили на пикники, въ рощи, за городъ, и только показывались въ канцеляріи при раздачѣ жалованья.

— Ухъ дармоѣды, лежебоки! ворчалъ про себя на-

чальникъ, но какъ съ ними встрѣчался — кланялся, улыбался, хвалилъ за усердіе.

Бездольный киснулъ цѣлые десятки лѣтъ на семи рубляхъ; жена работала на людей до слѣпоты; сынишку съ дочкой, слава Богу, прибралъ Богъ; кое-какъ перебивались.

Отъ безсонныхъ ночей, отъ 18-ти-часоваго сидѣнья не разгибаясь, отъ простуды, вслѣдствіе постоянныхъ путешествій въ грязи и морозы, у Бездольнаго сдѣлалась ломота въ поясницѣ и ревматизмъ въ ногахъ.

— Сбѣгай, братецъ, на Пески, да на Охту, снеси эти бумаги, да живо! сказалъ однажды Мордольонъ Харитонычъ.

— Душой бы радъ, да не могу-съ: ноги насилу волочу, смиренно отвѣчалъ Бездольный.

— Э, братъ, лѣниться начинаешь!... Въ службѣ нѣтъ отговорокъ! иди, когда начальникъ приказываетъ, а не то—завтра же тебя не будетъ!...

Поплелся Бездольный, отнесъ и, насилу волоча ноги, возвращался назадъ. Только что онъ сталъ переходить Невскій у Полицейскаго моста, какъ вдругъ, подъ самымъ носомъ, послышался топотъ коней и повелительное *поди!* Едва онъ успѣлъ оглянуться, какъ дышломъ его садонуло въ плечо: больные ноги задрожали; онъ ахнулъ, свалился и только успѣлъ крякнуть, какъ Богу душу отдалъ. Лошадь просадила черепъ копытомъ, раздавила, какъ скорлупу, а проѣхавшія черезъ брюхо два колеса выдавили кишки... Подскочившіе въ это время два городовыхъ живо остановили лошадей; вмигъ образовалась толпа народа; несчастнаго раздавленнаго въ куски, понесли въ частный домъ, а лошадей отправили въ ту же часть.

— Что тамъ такое случилось? спросилъ кучера баринъ, высовываясь изъ окошка.

— Случай, ваше сіятельство: переѣхали черезъ кого-то... отвѣчалъ небрежно кучеръ.

— Ты вѣчно такая ротозѣя!... Мнѣ некогда ждать, раздѣлывайся, какъ знаешь, да пришли въ семь вечера пролетки къ княгинѣ Пучинной!...

Сказавши это, баринъ выпрыгнулъ изъ коляски, пересѣлъ на лихача, какой первый попался, крикнулъ: пошелъ на Большую Морскую! и—былъ таковъ.

Лошадей и кучера продержали извѣстное число дней въ части, вычли съ барина за кормъ лошадей, взяли, кому слѣдуетъ, опредѣленную пеню.

Тѣмъ и кончилось все дѣло; но сострадательный баринъ, разузнавши въ чемъ дѣло, послалъ вдовѣ 25 руб. на похороны мужа.

Долго ждала несчастная беременная женщина своего мужа. Она сидѣла въ нетопленой комнатѣ, не ѣла ничего съ утра, потому-что въ лавкѣ не вѣрили ни на полушку. Она ждала съ нетерпѣніемъ мужа, который обѣщалъ принести въ этотъ вечеръ непремѣнно десять рублей. Прошелъ часъ, другой, послѣ того времени, въ какое онъ обыкновенно возвращался; наступили сумерки, а мужа все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Вѣрно остался писать, въ канцеляріи-то теплѣе, а тутъ ни свѣчки, ни полѣна. Сдѣлавши такое заключеніе, она легла въ семь часовъ, потому что въ квартирѣ лучины не было, чтобъ зажечь. Представьте, читатель, 25-ти градусный морозъ на дворѣ, пол-аршина льду на окошкахъ, сіяющій въ черныхъ углахъ снѣгъ, грязный полъ, стужу въ комнатѣ такую, что вода замерзла въ горшкѣ и молодую, беременную женщину, дрожащую, какъ осиновый листъ, подъ дырявымъ салопишкомъ.—Не пробило пяти часовъ, а ужъ въ комнатѣ зги не было видно. Отъ хо-

БЕЗДОЛЬНЫЙ.

— Что тамъ такое случилось?
— Случай, ваше—ство: переѣхали черезъ кого-то.
— Ты вѣчно такая ротозѣя!

лоду, отъ голоду, отъ душевныхъ волненій, Бездольная не могла всю ночь сомкнуть глазъ. Поутру, чуть свѣтъ, бросилась въ канцелярію, полагая найти тамъ мужа.

— Небывалъ, отвѣчалъ сторожъ, и Мордольонъ Харитонычъ объ немъ нѣсколько разъ спрашивали.

Бездольная къ Мордольону Харитонычу.

— Нѣтъ, не былъ! я самъ его жду; ужъ не запилъ ли? вы, матушка, за нимъ этого не замѣчали?

— Капли въ ротъ не беретъ, вотъ вамъ Спаситель свидѣтель.

Темное предчувствіе, какъ гулъ отдаленной грозы, сдавливало сердце женщины и ужасомъ, и тоской.

— Не случилось ли что съ нимъ, помилуй Богъ? спросила она Мордольона Харитоныча, робко заглядывая ему въ глаза, не прочтетъ ли чего въ нихъ?

Но зелено–табачные глазки выражали меньше, чѣмъ глаза ученаго пуделя.

— Все можетъ случиться съ человѣкомъ: человѣкъ, яко трава....

Часа черезъ четыре въ канцелярію поступило изъ полиціи отношеніе: «Сего числа и года въ такомъ-то часу было привезено въ раздавленномъ состояніи мертвое тѣло, принадлежавшее, какъ оказалось изъ имѣющихся при семъ тѣлѣ документовъ, служащему въ канцеляріи вашего высокоблагородія, губернскому секретарю Ивану Прохорову Бездольному. О чемъ имѣю честь ваше высокоблагородіе извѣстить; а буде у онаго тѣла окажутся какіе либо родственники, или семейство — препроводить оныхъ въ 1-ю адмиралтейскую часть съ ясными на родство доказательствами». Прошли еще сутки; Дарья Андреевна Бездольная испытывала страшныя муки, которыя съ каждой минутой возрастали въ геометрической прогрессіи.

Сосѣдка, помня ея хлѣбъ-соль, дала ей штецъ изъ состраданія, протопила своими дровами печку.

— Матушка Арина Пахомовна, куда *мой*-то дѣвался? Ну что я буду дѣлать безъ него, голубушка моя! Вѣдь какъ видишь, ни крохи хлѣба, ни дровъ, ни свѣчь, денегъ хоть бы полушка!... Вѣдь я по міру должна идти! Ну, куда ему дѣться, скажи? Онъ хмѣльнаго въ ротъ не беретъ; я это знаю; знакомыхъ никого не имѣетъ.... Ой, чувствую, мать моя, что что-нибудь съ нимъ случилось!...

— Успокойся, мать моя! можетъ быть къ кому нибудь зашелъ.

Въ это время вбѣжалъ въ квартиру Мордальонъ Харитонычъ и, какъ ловкій кавалеръ, умѣющій обойтись съ дамой, закричалъ во всю глотку:

— Матушка Дарья Андреевна, вашего мужа лошади раздавили: ей-Богу не шучу, вотъ бумага изъ полиціи.— Такъ и померъ подъ экипажемъ....

Обѣ женщины вскрикнули: ахъ! а Бездольная грохнулась безъ чувствъ объ-полъ.

— Да вы бы, батюшка, сказали мнѣ про это прежде, а я бы ей какъ нибудь это обиняками передала, а то, не говоря ни слова, прямо бацнули, какъ изъ пистолета. Да что-же вы стоите? помогите ее привесть въ чувство!

Съ этими словами, ошеломленная сосѣдка бросилась за водой, начала прыскать виски и лицо Бездольной, давала ей нюхать уксусъ.

— Боже, Боже мой! моего Ваню раздавили, ахъ!.. И она опять упала въ обморокъ.

— Вотъ что вы надѣлали?

— Не я-съ, а лошади-съ. Я по службѣ... Полиція вызываетъ родственниковъ, какіе найдутся у мертваго тѣ-

Кое-какъ вдвоемъ стащили Бездольную на постель, привели немного въ чувство. Долго она металась, тосковала, хотѣла убиться, колотилась вискомъ объ стѣну, но ее удержали.—Всю ночь провозилась добрая сосѣдка около постели больной, когда ловкій кавалеръ ушелъ. На другое утро съ нею сдѣлался бредъ и ее отвезли въ больницу. Безпамятство въ горячкѣ вдову спасло отъ смерти. Удивительно, какъ мудро устроилъ промыслъ: когда постигшее несчастіе выше силъ человѣка, у него отнимается и умъ, и память. Да въ этакія минуты и горячка благодѣяніе Божіе. Къ счастію, она еще была въ первомъ періодѣ беременности. Выздоровѣвши, она сдѣлалась какъ дурочка, какъ помѣшанная: страшное извѣстіе поразило, ошеломило ее, какъ громомъ.

— Ваничка, голубчикъ мой! тебя раздавили барскія лошадки? безпрестанно твердила она, заливаясь горькими слезами. Слезы дѣйствуютъ облегчительно на душу: это еще благодать, кто можетъ плакать; когда самая-то ѣдкая горечь истекала слезами, у ней явился сонъ, за сномъ апетитъ; она начала поправляться, наконецъ совсѣмъ выздоровѣла.

—Чтожъ ее держать здоровую-то, замѣтилъ ординатору больничный главный докторъ:—выписать ее!—Выписали Бездольную; тутъ подоспѣли кстати двацать пять рублей, присланные его сіятельствомъ; она наняла квартиру, стала ходить на кладбище, заказывать панафиды, заупокойныя обѣдни, даже купила у какого-то матроса крестъ на могилку за три рубля, вѣнковъ на рубль, чтобъ украсить мѣсто, гдѣ покоится прахъ мужа. (Извѣстно, что матросы большіе мастера выдѣлывать кресты изъ казеннаго дерева. Пройдите вы въ праздники, въ лѣтній день, по 17 линіи, и вы увидите вплоть до смоленскаго, столько

крестовъ, сколько не выставлялъ Титъ *милосердый*, когда осаждалъ Іерусалимъ.)

Двацать пять рублей не великія деньги; черезъ два мѣсяца ихъ уже и не было. Она къ сіятельному барину—дома нѣтъ; другой, третій разъ—все тоже. Что за чортъ, какъ ни придешь, все нѣтъ дома. Она съ задняго крыльца, да какъ-то и поймала его въ дѣвичьей. Бухъ ему въ ноги, такъ и такъ молъ: ваши лошадки моего муженька въ бифштексъ, въ фрикасе обратили...

—А я чѣмъ виноватъ? вольно́ твоему мужу было валяться среди улицы пьянымъ; не я бы раздавилъ, другой кто нибудь, все равно... однако, сжалился: далъ десяти-рублевую. И десяти-рублевая недолго велась; она опять къ его сіятельству.

— Да что тебѣ отъ меня нужно? вѣдь я далъ 35; пора и честь знать.

—Батюшка, ваше сіятельство! вѣдь вы двоихъ, даже троихъ загубили! неужели ихъ жизнь-то только 35 рублей сто́итъ?..

Баринъ еще-таки далъ 5 рублей и сказалъ: будетъ! Съ этихъ поръ вдову и на дворъ къ барину не пускали. Нашелся какой-то досужій стрекулистъ, который написалъ отъ ея имени жалобу, гдѣ въ числѣ обвиненій поставилъ на видъ, что никто изъ городскихъ обитателей не долженъ сломя голову ѣздить, особенно по людным улицамъ; что не должно городскихъ лошадей раскармливать до того, что ихъ и удержать нельзя; что это-де Петербургъ, а не степь моздокская... Кромѣ того стрекулистъ пояснилъ: а если случилось такое несчастіе, что лошади раздавили пѣшехода, тѣмъ болѣе съ больнымъ ногами, то владѣлецъ этихъ лошадей— богатый человѣкъ къ тому же—долженъ не только по закону, даже по долгу совѣсти, обезпечить

бѣдную беременую женщину по гробъ и воспитать на свой счетъ младенца.

Просьбу приняли, гдѣ слѣдуетъ (отъ чего же не принять просьбы, мѣста не пролежитъ?...); но резолюція еще не вышла до-сихъ-поръ. Жаль, что сынъ подавшей жалобу умеръ въ больницѣ, не оставивъ потомства, а то, при его дѣтяхъ, еслибъ были таковыя, вышла бы непремѣнно резолюція на просьбу бабушки...

Гдѣ-то въ журналѣ я видѣлъ каррикатуру, изображающую могилу отца, сына и внука. Какой-то чиновникъ стоитъ надъ могилой съ бумагой въ рукахъ и читаетъ резолюцію на жалобу дѣдушки, умершаго въ 1789 году. Внизу подпись: «дѣло кончилось въ его пользу...»

Не имѣя ни гроша, слыша отъ судей постояно одно и тоже, то есть: пообождите маленечко, потерпите—она дошла до того, что даже середи зимы не могла нанять угла и жила изъ милости, будучи беременной на износѣ—въ дровяномъ сараѣ. Тутъ-то Богъ далъ ей сына—Сергѣя.

Привыкнувши нѣсколько жить подаяніемъ, она сообразила, что если ходить по міру съ грудным ребенкомъ, такъ скорѣе подадутъ; поэтому не отдала его въ воспитательный домъ. И вотъ, Сергѣй Бездольный, герой моего повѣствованія, родился нищимъ, въ дровяномъ сараѣ, былъ окрещенъ даромъ какимъ-то сострадательнымъ священникомъ, недавно кончившимъ курсъ въ духовной академіи. Хотя тогдашнія академіи были не то, что нынѣшнія, однако и изъ нихъ выходили сострадательныя лица... Проживши, какъ водится, три рубля, данные на зубокъ крестнымъ отцомъ—лабазникомъ, бѣдная мать вышла собирать въ первый разъ перваго декабря. Морозъ былъ великолѣпный, ребенокъ съ непривычки посинѣлъ, долго плакалъ, наконецъ, мать укутала его тряпицами, и онъ заснулъ. На

другой день плакалъ нѣсколько меньше, на третій еще меньше, наконецъ—пересталъ; привыкъ, обтерпѣлся...

Развѣ-развѣ когда, проснувшись, запищитъ, но, прильнувъ къ посинѣвшему отъ холода сосцу матери, снова замолчитъ надолго.

Тяжело, охъ, какъ тяжело ей было доставать пропитаніе зимой!

На большія улицы не пускаютъ, чтобъ не нарушать благообразія сѣверной Пальмиры, чтобъ не оскорблять чувства проходящихъ и проѣзжающихъ тамъ господъ... Согласитесь, какому порядочному человѣку можетъ быть пріятно зрѣлище отрепковъ, лохмотьевъ, какихъ-то человѣческихъ скелетовъ, почти нагихъ, обтянутыхъ желтой, какъ пергаментъ, кожей?... Нужно убрать этихъ пролетаріевъ куда нибудь подальше съ глазъ, запрятать куда нибудь въ комитетъ для призрѣнія и разбора нищихъ. Нельзя же портить эфектъ, произсводимый какой нибудь Литейной, или Невскимъ проспектомъ. Не на-то пріѣзжаютъ въ Петербургъ богатые помѣщики, капиталисты, откупщики, чтобы видѣть эти тряпки, эти лохмотья, а за тѣмъ, чтобъ видѣть столицу во всемъ блескѣ, благородно промотать свои доходы.. Передъ иностранцами-то стыдно, если они будутъ на каждомъ шагу натыкаться на бѣдныхъ На то ли мы выстроили громадные дома, устроили великолѣпные магазины, провели по улицамъ газъ, чтобы показать всѣмъ, что у насъ есть то, что въ Парижѣ и въ Лондонѣ, что мы ни въ чемъ не отстали отъ Европы. У нихъ кресла на улицѣ, и у насъ кресла на улицѣ (*были!*); у нихъ танцовальные вечера—и у насъ танцовальные вечера... Какъ же можно пускать нищихъ, —это значитъ терять въ глазахъ милой Франціи, восхитительной Англіи, очаровательной Германіи свой реноме!... Иностранцы счи-

таютъ Россію золотымъ дномъ; мы, катаясь за границу, стараемся доказать, что владѣемъ неисчерпаемыми богатствами—и вдругъ на лучшія улицы напустимъ нищихъ! Вотъ отчего господа городовые (тридцать лѣтъ назадъ), гоняли съ улицы нищихъ въ шею, отправляли въ исправительныя заведенія, «сажали въ яму». Бывало, полицейскимъ начальствомъ, передъ пріѣздомъ какой-либо особы, отдавался строжайшій приказъ, чтобы въ цѣломъ городѣ не было ни одного нищаго!.. И дѣйствительно, нищіе всѣ попрячутся, какъ мухи, забивающіяся на зиму въ щели, но чуть особа проѣхала, всѣмъ осталась довольна—опять высыпаютъ на показъ. Гонимая отовсюду, Бездольная избрала Петербургскую сторону, Троицкій мостъ, Гагаринскія кладки—постоянной резиденціей лѣтомъ и зимой.

Петербургская, подобно Коломнѣ и Пескамъ, какъ-то патріархальнѣе, проще, не такъ пропитана аристократическими идеями, какъ адмиралтейскія части. Отъ избытка нищихъ не очень страдаетъ благообразіе какой нибудь Гребецкой, или Спаской, народъ, хотя и бѣденъ, но сердоболенъ. Каждая старушка, даже бѣдная, идя къ обѣдни, считаетъ священнымъ долгомъ дать нищему копѣечку. Это такъ вкоренилось въ обычай у старушекъ, что они подаютъ даже и не нищимъ. Разъ, близъ церкви апостола Матвѣя, какой-то чиновникъ присѣлъ отдохнуть. Вдругъ идетъ къ обѣдни старушка и подаетъ ему копѣечку.

— Ненужно, матушка, я не нищій, я сенатскій чиновникъ....

—Возьми, отецъ родной, возьми! Нищихъ-то никого нѣтъ, а ужъ у меня обычай, идя къ обѣднѣ, непремѣнно подать копѣечку, кому бы ни было, а подать.

Нечего дѣлать, сенатскій чиновникъ принялъ копѣечку, лишь бы отвязаться отъ старушки.

Бездольная избрала церковь апостола Матвѣя; впрочемъ, по временамъ ходила и къ Николѣ Мокрому, и къ Николѣ Трунилѣ, и къ другимъ, смотря по тому, гдѣ больше собиралось народу. Но и тутъ она увидѣла, что и между нищими безъ протекціи ничего не сдѣлаешь. Напримѣръ: старые нищіе присвоили себѣ право стоять около самаго входа, нищіе поновѣе—подлѣ нихъ и наконецъ нищіе новички—у самаго конца. Рѣдко-рѣдко, особенно въ будни, перепадала Андреевнѣ какая нибудь копѣечка. Лавочники, лабазики, мясники, находясь еще подъ неостывшимъ вліяніемъ проповѣди отца Саввы—жадно совали грошики, полушечки, первымъ протягивающимъ руки нищимъ, но чѣмъ длиннѣе былъ рядъ просящихъ, тѣмъ болѣе рвеніе ихъ остывало, такъ что послѣднимъ недоставалось почти ничего. Сколько разъ, по этому случаю, несчастная мать оставалась безъ гроша, голодала по цѣлымъ днямъ... Но ее сокрушалъ не собственный голодъ, а то, что у ней въ груди не было молока, что голодный младенецъ плакалъ, теребя сухой сосокъ... Часто, не получивши ни копѣйки отъ филантроповъ лавочниковъ, гуманныхъ лабазниковъ, она бѣжала къ Введенію, чтобъ хоть туда поспѣть къ выходу. Но, прибѣжавши и запыхавшись, она видѣла только запертыя двери, потому что отецъ Павелъ имѣлъ удивительную способность кончать обѣдню раньше отца Саввы...

Не пора ли мнѣ кончить, господа читатели?

Дальнѣйшій разсказъ отложимъ до другаго раза.

СИНХРИДЪ СИНХРИДОВИЧЪ.

(Разсказъ въ двухъ очеркахъ)

—

Очеркъ I.

Во всю жизнь я не зналъ счастливѣе Синхрида Синхридыча Маменькина. Что передъ нимъ Наполеонъ съ его тревожнымъ счастьемъ! Ну, положимъ, онъ завоюетъ какую-нибудь Мексику, положимъ, выборы кончатся счастливо, да вѣдь онъ этимъ не удовольствуется: право, такъ. Вотъ оттого-то Наполеонъ III менѣе счастливъ, чѣмъ Синхридъ Синхридовичъ Маменькинъ... Вотъ ужь этотъ мужъ прожилъ на свѣтѣ безъ сучка, безъ задоринки, добился рѣшительно до всего, не ударивши палецъ о палецъ... Онъ сидѣлъ весь вѣкъ сложа ручки, да подписывалъ свою фамилію, гдѣ письмоводитель намѣчалъ карандашикомъ, даже проводилъ линеечку, потому что Синхридъ Синхридовичъ имѣлъ привычку начать строку съ верхняго угла листа, а кончить у нижняго. Надо ужъ начать

по порядку описывать жизнь этого уважаемаго всѣми мужа, и сказать кое-что про его родителей. Родитель его Синхридъ Аверкіевичъ нажилъ денежки еще въ тѣ патріархальныя времена, когда нѣкоторыя хлѣбныя должности не достигли того процвѣтанія, какое нынѣ въ нихъ усматриваемъ. И нажилъ денежки потому, что умѣлъ во-время удирать изъ тѣхъ родовъ службы, которые, кромѣ опасности юркнуть подъ судъ, никакихъ другихъ удобствъ и удовольствій не представляютъ... Извѣстно, что сразу зла не выведешь, въ какомъ бы государствѣ оно ни было: это такъ же трудно, какъ выводить клоповъ изъ кровати .. Сколько ни лей постнаго масла, сколько ни обшаривай всѣ щели кипяткомъ, они ужъ гдѣ-нибудь да пріютятся. Какъ хотите выводите, а молодое строющееся государство не можетъ обойтись безъ клоповъ! Ну, да это не наше дѣло, а дѣло въ томъ, что у Синхрида Аверкіевича Маменькина было чутье изумительное, въ родѣ какъ у *таксиковъ* (порода французскихъ собакъ, которая почти никогда не теряетъ слѣда звѣря, и, если всѣ тончія, борзыя становятся втупикъ, потерявши слѣдъ, вынимаютъ изъ корзины какого нибудь стараго, уже слѣпаго таксика, котораго возятъ, а ходить ужь онъ не можетъ. Вынувши, кладутъ его на «распутіе»; онъ долго нюхаетъ землю, наконецъ начинаетъ ползти по направленію отысканнаго слѣда, тогда пускаютъ обыкновенныхъ охотничьихъ собакъ и онѣ находятъ звѣря,—свѣдѣніе не лишнее). Только-что пронеслись слухи о переборкѣ нѣкоторыхъ изъ его не совсѣмъ чистыхъ сослуживцевъ, какъ Синхридъ Аверкіевичъ улетучился въ отставку, уничтоживъ за собою всѣ слѣды прежнихъ подвиговъ. Такъ осторожный непріятель, отступая, жжетъ не только мосты, но даже ближайшія деревянныя строенія, чтобъ не было даже матеріала для постройки

новыхъ мостовъ. Папаша героя нажилъ 40 тысячъ уже истинно безгрѣшныхъ, потому что не былъ ни подъ судомъ, ни подъ слѣдствіемъ. Какъ подобаетъ всякому порядочному человѣку, онъ вступилъ въ первый законный бракъ съ дочерью лабазника, Матреной Пафнутьевной Михрюткиной Совокупивши свои 40 тысячъ съ ея 50-ю законнымъ бракомъ, онъ купилъ на краю Москвы, гдѣ-то на Бутыркахъ, деревянный домикъ величественной гражданской архитектуры, то есть четыре колонны внизу и фронтонъ, какъ треугольная шляпа, вверху надъ ними. Москва ужасно любитъ украшать дома треугольными шляпами, а стѣны красить сѣро и желто-бурой краской: это, вмѣстѣ съ пирамидальными крышами, придаетъ городу величественный видъ...

Въ этомъ-то домѣ родилось у отставнаго чиновника первое чадо, которое, въ честь батюшки, названо Синхридомъ. И вышелъ на Божій свѣтъ Синхридъ Синхридовичъ, чтобы показать міру, до какого невообразимаго счастія можетъ доходить человѣкъ. Мальчикъ вышелъ удивительно крѣпенькой—весь въ маменьку. Отецъ Пафнутій, приходскій священникъ, былъ воспріемникомъ и домашнимъ другомъ въ домѣ. Матрена Пафнутьевна была дама удивительно благочестивая, у нея постоянно гостили странники блаженные и разные старцы. Кромѣ того, постоянно обѣдывало по большимъ праздникамъ и мѣстное духовенство. Для строгихъ постниковъ готовился самый постный столъ: кулебяки съ осетриной, пироги съ визигой, на которыхъ могло уставиться батарейное орудіе, разныя ухи и пять-шесть сортовъ рыбъ на жаркое. Для другихъ главнымъ продуктомъ было молоко, пироги, каша на сковородѣ съ масломъ, каша поджареная, каша разварная, каша разсыпчатая. Подавалось и вино, потому что оно ве-

селить сердце человѣка. Впрочемъ, къ чести посѣтителей надо сказать, что многіе изъ нихъ его не вкушали. Это страхъ какъ огорчало благочестивую Михрюткину по отцу.

—Хоть полрюмочки! говорила она страннику Агафонусу съ сокрушеннымъ духомъ, теряя послѣднюю надежду, что онъ выпьетъ, но отецъ Агафонусъ только моталъ головой, въ знакъ отрицанія. Тогда хозяйка, какъ утопающій за соломину, хваталась за отца Калистрата. Но и странникъ Калистратъ не оправдывалъ надеждъ Матрены Пафнутьевны, только отпивалъ изъ рюмочки, мокалъ въ винѣ усы, такъ сказать, и только. Другіе держали себя еще строже: кушали мало, за трапезой хранили молчаніе, опустя глаза въ тарелку. За столомъ велась бесѣда преимущественно благочестиваго содержанія и то между отцами дьяконами и хозяевами.

— Благословляете ли меня, батюшка, съѣздить въ Нилову пустынь? спрашивала хозяйка у отца Пафнутія.

— Доброе дѣло! доброе дѣло! отвѣчалъ тотъ.

— Я одна-то боюсь ѣхать, батюшка.

— Возьмите съ собою рабиню Гликерію, она кроткая рабиня, отвѣчалъ отецъ Пафнутій.

Кроткая рабиня Гликерія, просунувшая въ это время носъ въ двери, чуть не прищемила его отъ радости, что батюшка такъ отозвался о ней и, похвастався передъ Агришиной, бѣжала къ Пелагеѣ и кучеру Георгію, чтобъ похвастаться и передъ ними. Урожденная Михрюткина была удивительно богомольна: она постоянно, при утренней молитвѣ, прочитывала акаѳистъ и клала 300 поклоновъ и тщательно хранила въ угольникѣ подъ иконостасомъ яички, которыми христосовалась съ священниками, и вербу за образами. Жизнь ея проходила въ томъ, что

она ѣздила или по московскимъ монастырямъ и соборамъ, или угощала благочестивыхъ странниковъ, или вышивала поддонички къ подсвѣчникамъ, пелены на налой и т. п. Правда, что въ цѣлый годъ она вышивала какой нибудь одинъ уголокъ; правда, что ея шитье стояло по нѣскольку лѣтъ сряду неконченнымъ, густой слой пыли покрывалъ работу, а неугомонные котята играли и катали по полу клубки шерсти, но зато все-таки въ ней было желаніе не проводить время въ праздности. Она тоже очень любила проповѣди и хорошее пѣніе. Господи! какъ она любила проповѣди! Маменька героя ужасно любила слушать ихъ и даже брала съ собою юнаго Синхрида, чтобъ и онъ сдѣлался когда-нибудь сладкоглаголивымъ. Но Синхридъ Синхридовичъ не сдѣлался сладкоглаголивымъ, а всю жизнь издавалъ преимущественно звукъ *гмъ*. Будучи даже отрокомъ, онъ предпочиталъ игру въ бабки всѣмъ проповѣдямъ въ мірѣ. Въ церковномъ пѣніи отъ смыслилъ столько же, сколько малороссійскій кабанъ въ симфоніяхъ Моцарта... Но это не мѣшало ему слыть за тонкаго знатока музыки, потому что у него была впослѣдствіи годовая ложа въ оперѣ.

Натуры грубыя, топорныя, чрезвычайно какъ осязательно понимаютъ догматы высочайшей изъ религій. Они не постигли сущности ученія всепрощающаго, молящагося за своихъ враговъ Спасителя; они только внѣшность вѣры, хотя и очень необходимую, приняли за душу религіи, а самую душу религіи, какъ несродную съ ихъ очерствѣлой душой, поставили на второй планъ.

Пожалуй, нѣкоторые ужъ черезъ-чуръ цѣломудренные, гдѣ дѣло коснется буквы, сочтутъ послѣднія замѣчанія за какую-то ересь, но ни чуть не бывало! Нельзя ставить душу ниже тѣла; обряды, обычаи, выше основныхъ дог-

матовъ религіи. Тутъ порицаются не жертвованія, не мелочные обряды, обычаи, а то, что эти вещи ставятъ выше самой сущности религіи; исполненіе внутреннее догматовъ замѣняется исполненіемъ внѣшнимъ. Есть люди, которые не жертвуютъ ни образовъ, ни паникадилъ, не кормятъ странниковъ, разныхъ старцевъ, а между тѣмъ, можетъ быть, болѣе угодны Богу, чѣмъ Синхриды Аверкіевичи и Матрены Пафнутьевны. Но я чувствую, что ужъ далеко забрался, что мнѣ надо говорить только о Синхридѣ Синхридовичѣ—сынѣ благочестивыхъ родителей. Это дитя природы бѣгало въ одной рубашкѣ до одиннадцатаго годочка, укрѣпляя только тѣлеса лазаньемъ за яблоками, за воробьиными гнѣздами, гонкою голубей и игрою въ бабки. Родитель хотѣлъ-было просвѣщать его въ россійской грамотѣ, но мать воспротивилась руками и ногами.—Что ты, ребенка замучить что-ли хочешь?—говорила она:—дитя малое, слабое, дай подрости!...—Въ этомъ отношеніи она сошлась въ идеяхъ съ новѣйшими педагогами, которые тоже совѣтуютъ сберегать силы ребенка: не томить его уроками, долгимъ сидѣньемъ надъ книгами. Все вниманіе маменьки было устремлено на развитіе мускуловъ сыночка, на укрѣпленіе тѣла его. Въ этомъ отношеніи она вполнѣ достигла цѣли, потому что съ сыночкомъ, которому только пошелъ одиннадцатый годочикъ, не могла сладить ни одна горничная дѣвка... Онъ всѣхъ ихъ, кого подъ-ножку, кого подъ-силки, опрокидывалъ подъ себя. Его курточки черезъ каждый мѣсяцъ нужно было разставлять, его брючки выпускать; однимъ словомъ, онъ росъ, какъ въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ.—Ишь ты какой молодецъ ростетъ, говаривала наивная маменька, любуясь своимъ Синхридушкой.

На девятомъ году маменька начала учить сыночка за-

кону Божію, то-есть: толковала, когда какого святаго, когда бываетъ родительская суббота, когдя пекутъ жаворонки и т. п. Собственно закона Божія она сама не знала, читала возвышенные псалмы Давида, а не знала кто былъ Давидъ. Она думала, что это былъ какой-нибудь московскій угодникъ. (Иные, чтобъ какъ нибудь сдѣлать мнѣ подковырку, пожалуй, скажутъ: грѣшно смѣяться; они вѣруютъ какъ умѣютъ, въ простотѣ сердечной). Охъ, ужъ эта простота сердечная! сидитъ она у меня на шеѣ!... За этой простотой сердечной, какъ за каменной стѣнкой, прячутся разныя сквалыги-барыни, благочестивые казнокрады и разныя темненькія личности... (*) Иной, при видѣ коровы городничаго, проливаетъ слезы умиленія, потому что она напоминаетъ ему «отца города», а самъ втихомолку обкрадетъ сколько сможетъ и на казенныхъ подрядахъ, и въ поставкахъ на армію, и на гниломъ кирпичѣ, и на сыромъ полѣнѣ, и на тухлой мукѣ, и на твердомъ, какъ булыжникъ или бревно, мясѣ, и на всемъ. Попробуй-ка при этакомъ патріотѣ подать либеральное мнѣніе о городовомъ, да онъ тебя измѣнникомъ сочтетъ, карбонаріемъ, якобинцемъ, потрясающимъ спокойствіе градомъ и весей. Охъ, эти молодцы удивительно боятся каждаго свободнаго слова, удивительно какъ тревожатся за спокойствіе Россіи! Особенно они на словахъ горячо стоятъ за вѣру православную и, пустивши сотни три просителей безъ рубашки, сведши во гробъ не одну невинную жертву, не позволяютъ заикнуться о какой нибудь ладонкѣ, привезенной будто бы изъ Іерусалима. Если прикрывать ихъ лицемѣріе, они никогда не выведутся. А

(*) Это тоже, что патріотизмъ на словахъ.

благочестивыя барыни? Имъ не грѣшно обсудачить половину города, обсчитать бѣдную кухарку, разссорить навѣчно мужа съ женой, разлучить жениха съ невѣстой, а грѣшно, вмѣсто 750 поклоновъ положить 740. Это не грѣшно мылить ежеминутно голову мужа, за то, что шляпки нѣтъ послѣдняго фасона; это не грѣшно, что мужъ обдереть изъ-за жены, какъ липку, перваго просителя, а грѣшно, вмѣсто постнаго сахара напиться со скоромнымъ. Но, бросимъ это!—Синхриду Синхридовичу минуло десять лѣтъ, когда папаша рѣшился его отвезть въ какую нибудь школу. Но по какой дорогѣ пустить Синхридушку, по ученой, или по военной? Чтобъ рѣшить такой важный вопросъ, собрали семейный совѣтъ изъ родственниковъ, которыхъ и съ женниной и съ мужниной стороны было довольно.

На совѣтъ пригласили и отца Пафнутія, какъ друга дома.

Прежде всѣхъ прибылъ дядюшка по матери, торговавшій сапогами на Лубянкѣ, съ сынкомъ, парнемъ лѣтъ 17, круглымъ, румянымъ, какъ «ванички», продаваемые на вербной недѣлѣ.

— Здравствуй, Матреша! сказалъ дяденька, помолясь на образа:—Богъ милости прислалъ; я только-что отъ обѣдни. Господь сподобилъ отстоять.

— А гдѣ былъ у обѣдни, братецъ? спросила мамаша.

— У Миколы на Курьихъ ножкахъ. Вотъ те и просвирка; самъ отецъ-дьяконъ вынесъ при всѣхъ изъ олтаря, вотъ какъ нашего брата чевствуютъ. Ну, ужъ я-жъ и ризу закатилъ!—въ триста рублевъ! На блюдо при первомъ обносѣ меньше полтинника не кладу. Я-ста радѣю къ храму Божію.... Анаралы столько не кладутъ, сколько я, вотъ что!

— Тятеньку хотятъ въ старосты выбрать, да они-съ все нездоровы жалятся, отозвался сынокъ, кузенъ героя.

— Бокъ что-то завалило; надо въ банѣ рожки поставить.

Чрезъ нѣсколько времени явился братецъ хозяина, гарнизонный подпоручикъ, лѣтъ 50. Онъ двѣнадцать лѣтъ всего просидѣлъ въ прапорщичьемъ чинѣ и былъ произведенъ. Товарищи его страшно завидовали: каково шагаетъ! Давно ли былъ въ прапорщики произведенъ? Въ прежнихъ гарнизонныхъ батальонахъ офицеры сидѣли въ одномъ чинѣ лѣтъ по 20, и того считали чуть не Наполеономъ, который черезъ 15 лѣтъ получилъ слѣдующій чинъ.

— Здравствуйте, сестрица! сказалъ онъ, входя:—поздравьте меня съ начальничьей милостью!—Господинъ полковникъ моему взводу на парадѣ сказалъ: *хорошо!* Только ефрейторъ Махоркинъ, замѣтилъ, лѣвое плечо завалилъ...

Собралось еще съ полдюжины родственниковъ, явился хозяинъ, подали закуски, а послѣ закуски всѣ усѣлись въ гостиной, держать родственный совѣтъ.

— Вотъ у меня Синхридушко на возрастѣ; пора его пристроить, только не знаю, по какой дорогѣ его пустить, по ученой, или по статской, коли не военной.

Въ это время вбѣжалъ Синхридушко и закричалъ на все собраніе:

— Не хочу быть стрекулятникомъ, хочу въ гусары!

— Отчего же тебѣ хочется въ гусары, душенька? спросила мамаша.

— Оттого, что Палашка постоянно поетъ: «гусаръ на саблю опирался».

— Какой онъ у меня востроій! Ну, что вы скажете? спросила мамаша у гарнизоннаго подпоручика.

— Да что я скажу? Нѣтъ лучше службы въ Расеѣ, какъ гермизонная; отдайте его въ юнкера ко мнѣ, такъ я его живо приведу въ христіанство!..

— Что ты такое говоришь, братецъ? возразилъ папаша,—онъ и по метрикамъ записанъ, что окрещенъ въ православную вѣру.

— Да, это и я скажу: у меня въ приходѣ святое крещеніе воспріялъ, отвѣтилъ отецъ Пафнутій.

— Эхъ вы, штафирки! воскликнулъ подпоручикъ:—нашей военной поведенціи не смекаете! Отчего же если арестантики дурно ведутъ себя, или солдаты, начальникъ поручаетъ ихъ мнѣ и всегда говоритъ: «приведи, братецъ, ихъ въ христіанство!»

— Осмѣлюсь, сестрица, мое глупое слово молвить, вмѣшался сапожный торговецъ:—нѣтъ великатственнѣй сапожной комерціи: накупилъ съ рынку сапоговъ и сбывай ихъ за тройную цѣну... Тутъ дѣло на чести-съ: видишь, что покупатель простоватъ, четверную цѣну гни... Купецкая поведенція супротивъ военщины куды лучше-съ, дитя и храма Божія не забудетъ, и всему отечеству пользу принесетъ...

— Да что, сестрица, далеко ходить: пустите сынка по комерсіатской части. Золотое дно ефтатъ комерсіатъ; братецъ-то оттуда не съ пустыми руками вышелъ, замѣтила какая-то родственница.

— Истинное раздолье, что говорить! подхватила другая:—мой тятенька былъ сортовщикъ, я ефтатъ комерсіатъ знаю...

— Ты спроси меня, голубушка, объ этомъ! отозвался родитель:—все это было, да сплыло! Теперь начальство-то на насъ въ три ока глядитъ! Молю Бога, что убрался по добру, по-здорову!..

— Прежде чѣмъ приступить къ сему важному дѣлу, началъ отецъ Пафнутій:—нужно сдѣлать ему умственное воспитаніе, дабы опредѣлить, къ чему онъ наипаче способенъ.

— Вотъ это такъ! вотъ это такъ! воскликнули всѣ, очень довольные, что рѣшеніе не осталось ни на чьей сторонѣ.

— Синхридушко! сказала мамаша:—возьми въ книжку-то, да посмотри, какія ты науки произошелъ! Отвѣчай въ умѣ, а въ азбучку не заглядывай. Батюшка, спросите, будьте милостивы.

— Имъ самая стать экзамены задавать, замѣтилъ торговецъ:—они по закону Божію обучены.

— Ну, скажите, сталъ спрашивать батюшка:—что есть катихизисъ?

— Катихизисъ? отвѣчалъ сынокъ: — катихизисъ есть книга.

— Нѣтъ, не то. Что за слово катихизисъ?

— Я и самъ, батюшка, думалъ объ этомъ: слово такое мудреное.

— Какъ же вы и этого не знаете! Ну, скажите мнѣ: кто былъ Авраамъ?

— Человѣкъ...

— Плохо, плохо! Вы вѣрно этого не проходили?..

— Что-жъ ребенка-то мучить! Онъ и безъ наукъ большихъ чинъ елестратора получитъ, а тамъ выйдетъ въ люди: кусокъ хлѣба есть...

— Пратѣхцѣю имѣетъ, не нищій какой нибудь, добавила родственница.

— Только къ дилехтору съ поклономъ съѣзжу, такъ и безъ наукъ примутъ—подхватила мамаша.

— Такъ-то оно такъ! Все-же ученіе есть свѣтъ, а

неученіе тьма. Ну, скажите что нибудь изъ грамматики.

— А что вамъ въ ней нужно? Я принесу...

— Да вы и понятія не имѣете ни о чемъ, нечего и спрашивать. Не проходили ли вы ариѳметику?

— Аряхметику?!!..

— Ну, да! скажите, какія бываютъ дроби, напримѣръ?

— Волчья, заячья, бекасиная!..

— Нѣтъ, онъ ни къ чему не приготовленъ; лучше оставимъ—сказалъ батюшка.

— Были бъ денежки, батюшка, а науки сами по себѣ ничего не значатъ.—Вонъ, какіе есть ученые, а безъ сапогъ ходятъ, а нашъ братъ сиволдай въ козловыхъ щеголяетъ, по пяти съ полтиной пара-съ! замѣтилъ торговецъ.

— Куда же лучше его въ науку отдать: въ гимназію, или въ кадетской корпусъ?

— А что въ кадетскомъ корпусѣ? онъ наравнѣ съ кантонистами будетъ обучаться; вѣдь тамъ все кантонисты... замѣтила родственница.

— Эво какая еще ты деревеньщина! воскликнулъ, обидясь, папаша:—тамъ сыновья полковниковъ, генераловъ обучаются; это кадеты называются, а не кантонисты!

— Не взыщи, родной, я спросту брякнула; темный человѣкъ!.

— А по моему, отдайте сына лучше въ арестантскія роты, чѣмъ въ гимназію, замѣтилъ подпоручикъ.

— Это почему? тамъ обучаютъ тоже всѣмъ наукамъ: и физикамъ, и химикамъ разнымъ, и метрикамъ, и геометрикамъ, возразила мать.

— Если хотите развратить сына, чтобы онъ церковь

забылъ, такъ отдавайте въ гимназію, сказалъ подпоручикъ унылымъ тономъ.

— Да почему же? почему? спросилъ отецъ.

— Да развѣ вы не знаете, что онъ оттуда поступитъ въ нетриситетъ; ну, и будетъ пропащая головушка!..

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, матка моя; они правду баютъ, вмѣшалась родственница:—вѣдь ефти нетриситетскіе скубенты чистые головорѣзы!.. Вѣдь тамъ ихъ рѣзать людей заставляютъ, вотъ-те Христосъ! Мнѣ жена тамошняго сторожа сказывала, что привезли шестерыхъ въ ихній кіятеръ, называется, трое было мерзлыхъ, а трое въ апокалипсическомъ ударѣ были, а скубенты-то взяли ихъ, да и зарѣзали!.. Да вѣдь какъ разбойники издѣвались! ни одной жилки цѣлой не оставили!...

— Экія страсти! воскликнула мамаша:—се реди бѣлаго дня въ городѣ рѣжутъ!..

— Дуры вы, дуры! замѣтилъ родитель:—да вѣдь они на мертвыхъ затѣмъ и практикуются, чтобы умѣть живыхъ рѣзать!.. Одинъ операторъ до того напрактиковался, что въ людей собачьи желудки вставлялъ, да и то жили, какія еще видныя должности послѣ занимали...

— Какъ это такъ? спросили почти всѣ въ одинъ голосъ.

— У одного въ желудкѣ ракъ завелся, да можетъ быть не одинъ, а цѣлая сотня!.. Надо было вынуть желудокъ, да вычистить; вотъ операторъ разрѣзалъ у больнаго брюхо, вытащилъ желудокъ и положилъ на окошко; откуда ни возьмись собака — цапъ-цапъ, желудокъ-то и проглотила!.. Фельшера за ней, а ея и слѣдъ простылъ.

— Что я, батюшка, буду безъ желудка-то дѣлать: вѣдь его собака съѣла, завопилъ больной.

— Ничего, не унывай, это дѣло еще можно поправить; поймайте, скорѣй собаку! говоритъ докторъ.

Собаку поймали, докторъ ее сейчасъ же зарѣзалъ, вынулъ изъ нея ея же собственный желудокъ и вставилъ въ брюхо больнаго. Чтожъ бы вы думали! Больной живетъ досихъ-поръ, только лаять сталъ по-собачьи! Занимаетъ, говорятъ, отличную должность, а какъ почувствуетъ расположеніе лаять, то, чтобъ себя не конфузить, запирается на это время одинъ въ комнатѣ. Такъ вотъ оно, что значитъ нетриситетская наука-то!

— Ужъ если отдавать, братецъ, такъ всего лучше въ кадетскій корпусъ: тамъ всѣмъ наукамъ обучатъ, и маршировкѣ, и еограхіи, и гимнастикѣ, а главное—не развратятъ.

— Вотъ это такъ! вотъ это такъ! подтвердили всѣ:—его камплѣхцѣя словно пригнана для кадетскаго корпуса.

— А что оттуда прямо въ ахвецеры, говорятъ, выпущаютъ? спросила мамаша у собранія.

— Прямо въ ахвецеры, отвѣчалъ подпоручикъ:—съ-разу на все готовое сядетъ: и прогоны до полка даютъ, и деньщика, и жалованье впередъ, и фатеру отводятъ, даже Царь-батюшка шьетъ имъ платье на свой коштъ.

— Такъ вотъ всего и лучше:—я ихняго дилектора непремѣнно попрошу, чтобъ моего Синхридушку выпустилъ въ гвардію...

— Какъ заслужитъ по наукѣ, сестрица, замѣтилъ торговецъ: у насъ и въ коммерческой школѣ по наукѣ выпущаютъ. А то вы захотите, какъ мать, сдѣлать сыночка прямо анараломъ...

— А мнѣ бы хотѣлось быть прямо анараломъ,—вотъ бы завелъ голубятню-то! отозвался Синхридушка, вбѣгая

въ комнату съ хлыстомъ, которымъ хлысталъ по стульямъ и диванамъ.

— Ужъ какой онъ у меня востроӣ уродился, весь въ отца! замѣтила мать, поглядывая нѣжно на супруга.

— Да, востеръ... Возьметъ этакъ палочку промежъ ногъ и ѣздитъ на палочкѣ, словно какой нибудь главнокомандующій, сказалъ нѣжный родитель. Отецъ Пафнутій вздохнулъ, родные хранили молчаніе, подпоручикъ набивалъ тютюнъ въ свою трубочку «носогрѣйку», которую постоянно носилъ съ собой.

Рѣшено было единогласно отвезти Синхридушку въ кадетскій корпусъ, въ какой именно—это было для нихъ все равно.

Нечего пояснять, какъ эти заведенія, какъ и все въ Россіи, теперь усовершенствовались. Слѣдовательно, если я буду указывать на нѣкоторые ихъ недостатки, тогдашніе, не слѣдуетъ принимать ихъ за нынѣшніе. Да это было бы такъ-же глупо, какъ въ «Ревизорѣ» Гоголя видѣть портреты нынѣшнихъ городничихъ, нынѣшнихъ попечителей, нынѣшнихъ судей, нынѣшнихъ почтмейстеровъ и пр , и пр., и пр..

Далѣе слѣдуетъ предварительное подготовленіе Синхридушки и его воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ.

— Что племянничекъ мой подѣлываетъ? спроситъ бывало гарнизонный подпоручикъ, заходя къ Маменькинымъ. Онъ очень сблизился съ ними, потому что уважили его доводы, сдѣлали по его.

— Пріуготовительно уготовляется, чтобъ поступить на общій кусъ (т. е. въ общій курсъ), отвѣчала мамаша.

Какой-то семинаристъ отъ Спаса на Перервѣ взялся Синхридушку «пріуготовительно уготовлять» въ кадетскій корпусъ.

Отслужили молебенъ Кузьмѣ и Демьяну, покровителямъ всѣхъ учащихся, усадили Синхридушку за азбуку. Но едва успѣлъ онъ сѣсть за книгу, какъ выскочилъ изъ-за стола.

— Куда ты, Синхридушка? спросила нѣжно маменька.

— Да надо турману перевязать лапку, а то еще хуже захромаетъ. Еслибъ вы видѣли, маменька, что это за голубь! Хороши турманы у Мякинникова, а противъ моего вотъ *чего* не стоютъ!.. проговоривши это, Синхридушка показалъ маменькѣ, чего не стоютъ Мякинникова голуби...

— Не подобаетъ персты слагать въ кукишь передъ родительницей,—назидательно замѣтилъ новый наставникъ.

Но Синхридушка ужъ и былъ таковъ: онъ, въ три прыжка, очутился на голубятнѣ.

— Еще дитя! замѣтила мать учителю:—его еще тѣшитъ эта забава. Не приневоливайте его очень къ наукѣ. Онъ у меня, какъ покушаетъ, всегда пускаетъ голубковъ...

Дѣйствительно, Синхридушка, покушавши плотно за завтракомъ, за обѣдомъ, пускалъ постоянно голубковъ, а иногда, чтобъ промяться, вступалъ въ единоборство съ 16-ти лѣтней Аксюткой, или Агашкой. Если та или другая приходили со слезами жаловаться, что онъ больно ихъ забижаетъ, барыня топала ногой и кричала: ахъ вы, мерзкія халуйки! не дадите барченку надъ вами и потѣшиться!...

Черезъ полчаса прибѣжалъ съ голубятни Синхридушка: потъ лилъ съ него градомъ.

— Ну, какая тамъ книжка, мусью! всѣ произойду!...

— Мы предварительно ознакомимся съ правилами россійской граматики, сказалъ семинаристъ, развертывая передъ ученикомъ книгу.

— Да это грамматика! я ее знаю; она у папеньки лежала въ галдареѣ на шкапѣ. Дайте другое что нибудь!

— Это недостаточно, что вы знаете, гдѣ лежитъ грам-

матика; надо изучить оную. Вытвердите мнѣ все сначала до имени существительнаго, а я васъ черезъ часъ спрошу.

— Хорошо, сейчасъ.

И Синхридушка началъ твердить вполголоса: краткая россійская грамматика, краткая россійская грамматика, грамматика, грамматика... Сочиненіе Андрея Пешé, Пешé, Пешé, Пешé... 1832 года, 1832 года... Въ типографіи Карла Крайя, въ типографіи, въ типографіи, въ типографіи.. печатать позволяется, позволяется, позволяется... съ тѣмъ, чтобъ, съ тѣмъ, чтобъ, съ тѣмъ, чтобъ...

— Что вы! что вы! вскричалъ, спохватившись, наставникъ. Вы начните учить съ того: что есть грамматика? а что на оберткѣ, того не надо учить.

Въ такомъ родѣ шло приготовленіе барскаго сыночка въ кадетскій корпусъ. Семинаристъ Виссаріонъ Вавиловичъ Ипостасный выбился рѣшительно изъ силъ, объясняя каждое слово по 40 тысячъ разъ. Синхридушка смотрѣлъ, уставивши въ книгу глаза, задалбливалъ фразы, приклеивая по словечку, чисто механически, какъ лѣпятъ одинъ на другой кирпичи, но ничего ровно не понималъ У него способности до того затупѣли отъ тунеядства, до того онъ былъ закормленъ съ утра до вечера, что постоянно дремалъ надъ книгой, слѣдилъ за строками въ какомъ-то полуснѣ. Глаза слипались, какъ помазанные медомъ, въ желудкѣ благополучно совершался процессъ пищеваренія, а душа, вниманіе, соображеніе, память, носились гдѣ-то далеко: или на голубятнѣ, или въ дѣвичьей... Всякая бездѣлица могла отвлечь его вниманіе отъ книги. Иногда, опершись локтями на нее, закрывши ладонями уши, чтобъ ничего не слышать посторонняго, онъ вдругъ обращалъ вниманіе на ползающую на стѣнѣ муху.

— Скажите, *мусью*, отчего у мухи крыла только два, а лапокъ шесть?...

— Учите, учите, не развлекайтесь; я скоро спрошу.

Опять Синхридушка углублялся въ книгу, еще плотнѣе зажималъ уши, но въ это время мимо оконъ проходила молодая кухарка, съ подоткнутымъ кругомъ подоломъ, лаханью въ рукахъ и сверкающими на солнцѣ ляшками...

— Экая дура! Зачѣмъ она такъ подолъ-то подоткнула!

— Учите, учите, не развлекайтесь; я скоро спрошу! повторялъ учитель, который вѣчно былъ занятъ тѣмъ, что бы слѣдовало дѣлать самому ученику, то есть: разлиневывалъ послѣднему тетрадки, сшивалъ ихъ, дѣлалъ надъ ними заголовки, чинилъ карандаши, перья и т. п.

Синхридушкѣ нельзя было ничего дать въ руки. Попадись ему въ руки ножикъ, онъ начнетъ имъ столъ стругать; тетрадка чистая, безъ заголовка, онъ рожу на ней нарисуетъ и подпишетъ: «Это господинъ учитель...» Только и слышно: да я не умѣю чинить карандаши, да я никогда не выучусь линовать, вѣдь это надо, чтобъ было ровно, а я не умѣю. Вообще все, что относилось до науки— барскому сыночку рѣшительно не давалось. Зато, надо было видѣть, какъ онъ ѣздилъ верхомъ, какъ выплясывалъ кадрили съ дворовыми дѣвками! Никто такъ не умѣлъ переманить голубя съ чужаго двора, какъ Синхридушка, такъ посвистывать, пускать изо рта колечки дыма, такъ затягиваться трубкой, какъ онъ.

— Ну, что, какъ онъ въ наукѣ-то? спрашивала мамаша у Ипостаснаго.

— Ничего-съ, подвигается...

Учитель боялся сказать правду, потому что маменька тотчасъ надулась бы, непригласила бы обѣдать его съ собой. Семинаристъ, при «своихъ» обѣдывалъ за общимъ столомъ,

а если случался какой-нибудь гость, ему подавали отдѣльно, обносили пирожнымъ, фруктами, подъ предлогомъ, что недостало.

— Это не бѣда, что онъ чему нибудь не доучится, это не уйдетъ, а бѣда въ томъ, что дилѣхторъ-то корпусный больно строго науку велитъ спрашивать, замѣчала жена мужу.

— Я ужъ былъ у него, матушка, съ поклономъ, точно что строгъ.

— А что, какъ сынокъ-то не выдержитъ экзаментовъ? спрашивала робко жена у мужа.

— Мы найдемъ протекцію, не бойся!

Наступило время везти Синхридушку въ корпусъ; ему какъ-то вакансія скоро открылась.

—

Очеркъ II.

Прежде всего маменька съѣздила съ сынкомъ на богомолье къ Троицы-Сергію, отслужила много молебновъ, повязала на шею сына ладонку, въ которую положила молитву отъ зубовъ, отъ искушеній нечистаго духа, такъ что Синхридушка носилъ всегда на себѣ три ладонки. По пріѣздѣ въ Москву, накупила цѣлыя горы валдайскихъ баранокъ, кренделей, разныхъ печеній, кромѣ домашнихъ. Рѣшено было, въ легкій день—четвергъ—везти сынка въ корпусъ. Мамаша взяла этотъ трудъ на себя. Наканунѣ долго она читала наставленіе сыну, приказала ему, отходя ко сну, три раза при себѣ прочесть «да воскреснетъ Богъ», долго крестила подушки, одѣяло, кровать сына. Поутру, когда на дворѣ стояли три кибитки, накладенныя до верху провизіей, перинами, подушками для Синхридушки, для горничныхъ—всѣ одѣлись и стали передъ образомъ Спо-

*

ручницы всѣхъ страждущихъ. Отецъ Пафнутій отслужилъ молебенъ, благословилъ барчука, прочелъ ему краткое поученіе. Синхридушка уже сбѣгалъ проститься съ голубями, прочелъ, въ свою очередь, наставленіе маменькѣ какъ ходить за ними.

— Дитятко, дитятко! къ чему тебѣ голуби, ты вернешься къ намъ анараломъ въ аполетахъ...

— Анараломъ вернусь, а все буду гонять голубей, отвѣчалъ сыночикъ.

— Ну, встанемте всѣ, по обычаю, передъ дорогой! сказалъ о. Пафнутій.

Отецъ благословилъ сына. Наконецъ, всѣ усѣлись и тронулись въ путь къ Тверской заставѣ.

— Не жостко ли тебѣ, касатикъ мой! твердила сыну мамаша: подложи еще подушечку... Не хочешь ли еще ватрушечку скушать?... Я для тебя и поросенка «воришку» заколола, не хочешь ли поросятинки?

Синхридушка всю дорогу чавкалъ разныя ватрушки, колбаски, жаркія и задавалъ храпака, завалившись между горами подушекъ.

— Вспомнишь ли ты меня, когда будешь анараломъ? спрашивала иногда со слезами мамаша.

— Вспомню, отчего жъ иногда не вспомнить? а когда я надѣну анаральскія апалеты, я куплю себѣ шесть звѣздъ, говорилъ Синхридушка: одну звѣзду на правое плечо, другую—на лѣвое, одну звѣзду у правой грудѣ, другую у лѣвой грудѣ, двѣ—по бокамъ... Три ленты куплю, одну красную, другую жолтую, третью зеленую. Какъ начну тогда всей вармiей заправлять, только держись маменька! Фильку, если хорошо будетъ за голубями смотрѣть, сдѣлаю главнокомандующимъ...

Маменька слушала съ умиленіемъ сына. Не забудьте,

читатель, что такіе сынки съ маменьками, лѣтъ 30 назадъ, были вовсе не рѣдкость.

Послѣ четырехдневнаго путешествія, прибыли въ городъ; не будемъ говорить въ какой, вдаваться въ подробности, потому что впереди еще цѣлая жизнь Синхрида Синхридовича. По неволѣ будешь скакать черезъ пятое въ десятое и улавливать только главныя черты жизни.

Маменька была хоть топорнаго воспитанія женщина, а по инстинкту материнской любви угадала, какой дорогой нужно идти къ цѣли. Она, хоть смутно, а сознавала, что науки и всѣ эти премудрости вбиваютъ въ головы юношей близиру ради, чтобъ показать просвѣщенной Европѣ, что вотъ-дескать и у насъ сынки поступаютъ въ школу приготовленными, а выходятъ изъ школы блестяще-образованными... Все это въ былое милое время тачалось на живую нитку, на все наводились только лакъ, да политура... Цѣлыя поколѣнія прожили счастливо, многіе, не смысля аза въ глаза, нажили дѣтей и внучатъ, въ ученыхъ комитетахъ прослыли свѣтилами науки и умерли, къ крайнему прискорбію образованнаго нашего отечества... Кто кого обманулъ, Богъ вѣсть! Сами-ли они себя, или другихъ?...

Маменькина, вынувши изъ опекунскаго совѣта пять тысячъ на *случай*, отправилась къ директору корпуса, разодѣвшись впухъ, въ платье гро-гро и турецкую бѣлую шаль съ огурцами...

Синхридушка, двѣнадцати лѣтній отрокъ въ щегольскомъ сюрту́чкѣ, который такъ и впился въ его мясистыя части.

Роскошная квартира, коверъ на лѣстницѣ, къ которому не прикасалась ни одна нога человѣческая, саженное

зеркало въ передней, вѣшалка безъ малѣйшей пылинки— все, какъ слѣдуетъ.

Два красивыхъ кантонистика въ зеркальныхъ сапогахъ, чистенькихъ курточкахъ, благоуханіе корпусной смолки въ передней, рядъ комнатъ съ картинами—все ясно показывало, что здѣсь обитаетъ директоръ корпуса.

Двери изъ кабинета распахнулись, и изъ глубины сцены вышелъ генералъ, лѣтъ 40, съ чрезвычайно благороднымъ выраженіемъ лица, въ сюртукѣ безъ эполетъ и съ георгіемъ на шеѣ.

— Ваше *высоко* превосходительство, я бѣдная мать семейства, привезла подъ вашъ отеческій кровъ мое дѣтище, Синхридушку.

— Онъ долженъ предварительно выдержать экзаменъ, сударыня, сказалъ директоръ такъ мягко, такъ успокоительно, какъ будто Синхридушка выдержать можетъ экзаменъ, не только въ 1-й классъ, но даже на ординарнаго профессора. Но мать не успокоилъ этотъ мягкій аристократическій тонъ: она знала, какъ умѣютъ корпусные экзаменаторы пощупать со всѣхъ сторонъ мозги новичковъ.

— Будьте милостивы, не оставьте вашимъ высокимъ покровительствомъ: онъ еще дитя малое, слабое...

А это малое, слабое дитя переросло чуть ли не цѣлой головой свою маменьку.

— Что ему есть лѣтъ 17? спросилъ генералъ, глядя на Синхридушку.

— Только 13-й годокъ пошелъ, на Евстафія и Плакиду, отвѣчала сладко маменька.

— Значитъ, онъ долженъ держать экзаменъ на общій курсъ, возразилъ директоръ:—увидимъ... Все, что отъ меня зависитъ... съ удовольствіемъ... Вѣроятно, онъ хорошо уже приготовленъ... Да прошу покорно садиться! Мамень-

СИНХРИДЪ СИНХРИДОВИЧЪ.

— Ваше *высоко* превосходительство, я бѣдная мать семейства, привезла подъ вашъ отеческій кровъ мое дѣтище, Синхридушку.

ка Маменькина, видя, что директоръ сильно налегаетъ на хорошее приготовленіе, повела атаку съ другой стороны.

— Не повѣрите, ваше высокопревосходительство, какъ трудно приготовлять дѣтей: я ужъ не могу пожаловаться на бѣдность, готова тысячами жертвовать, чтобъ дитѣ дали дорогу, особенно, если это дитя выходитъ изъ лѣтъ.

— Но вѣдь, сударыня, и тысячи тутъ не помогутъ... Теперь требуются знанія и знанія... Не тѣ времена, сказалъ генералъ.

— Но все же есть такія высокія особы, которыя могутъ снизойти къ незнанію ребенка: способности не у всѣхъ рано развиваются... Тѣмъ болѣе, мы люди не безъ достатка... Неужели ужъ отъ дворянска дити требовать всего того, что и отъ бѣдненькихъ?..

— Именно всего того, даже больше, сказалъ любезно директоръ, потому-что богатые отцы всегда въ состояніи приготовить дѣтей лучше, чѣмъ бѣдные...

Осѣкшись на директорѣ, она раскланялась и ушла.

Дорогой ей пришла геніальная почти мысль—посовѣтоваться съ одной знакомой мужу поручицей, которая была въ корпусѣ кастеляншей. Пріѣхавши домой, она тотчасъ послала за ней Аксютку.

— Сударыня, что вы надѣлали! Да на что вамъ было къ дилѣхтюрю обращаться! Надо всегда снизу начинать... Позвольте, я возьмусь за это дѣло! Мнѣ все корпусное начальство, какъ своя ладонь извѣстна... Дилѣхтюрь гордый человѣкъ, все въ книжки почитываетъ, да въ трубочку покуриваетъ, говоритъ все по высокоученому... Анамѣднись одна помѣщица Теремтетѣйкина тоже сыночка привозила, тоже закидывала словцо, чтобъ дилѣхтюрь пятисотенной не побрезгалъ, да куды тутъ! Такой содомъ поднялъ, чуть не выгналъ! говоритъ: да за кого

вы меня приняли? Да развѣ я взяточникъ?.. И все это такъ хорошо по безкорыстному... Такъ говорила кастелянша Маменькиной.

— Къ кому же мнѣ ловчѣй подъѣхать, научи! Ужъ я-те не оставлю; маслице-то у тебя есть ли къ празднику? Живность-то у тебя есть-ли?

— Какая живность, матушка!

— Посовѣтуй, что дѣлать.

— Иди ты, матка моя, къ аквитанту; онъ тебѣ все, словно по библіѣ распишетъ, а мнѣ поручи, кому-что подсудобить...

Пошла барыня къ аквитанту. Вышелъ молодой красивый поручикъ: два креста на груди, а корпусный воротникъ жаромъ горитъ...

— Что вамъ угодно, сударыня? вы, вѣроятно, привезли въ корпусъ сыночка?

—Точно такъ; да боюсь, что онъ вашихъ экзаментовъ то не выдержитъ; научите, къ кому прибѣгнуть, чтобъ мой Синхридушко выдержалъ бы ефтѣ экзаменты-то!..

— Ничего не могу сдѣлать, если вашъ сынъ не приготовленъ; директоръ самъ экзаменуетъ.

И лицо адъютанта выразило такое сожалѣніе, какъ будто бы онъ самъ только-что не выдержалъ экзамена.

Маменькина спустилась одной степенью ниже: пошла къ старшему корпусному писарю.

Ужъ она махала, махала ему рукой изъ-за двери, чтобъ онъ вышелъ переговорить, но тотъ только моталъ головой, уставя голову въ письмо. Наконецъ, моргнулъ барынѣ какъ-то злодѣйски, обтеръ перо, заткнулъ его за ухо и вышелъ. Не успѣлъ онъ шагу ступить за двери, какъ почувствовалъ въ рукѣ что-то круглое и холодное... Его утонченное осязаніе тотчасъ угадало, что это—30 копѣекъ

и онъ сдѣлался гораздо откровеннѣе, чѣмъ съ другими маменьками-просительницами, объяснявшимися съ нимъ, какъ говорится, «на сухую».—Позвольте, я къ вамъ, сударыня, приду на квартиру переговорить.

Ужъ что говорилъ писарь на квартирѣ съ барыней, это осталось вѣчной тайной между небомъ и землею. Замѣтили только, что, послѣ 3—4 визитовъ къ барынѣ, онъ сшилъ новые брюки и тонкую черную шинель съ такимъ множествомъ сборокъ, что всѣ пулковскіе астрономы не въ состояніи были бы ихъ перечесть.

Маменька отдала Синхридушку въ пансіонъ при корпусѣ, который содержалъ какой-то учитель Лизоблюдовъ. Онъ былъ со всѣми учителями корпуса какъ свой братъ и брался просвѣтлять головы поступающихъ въ корпусъ барскихъ сыночковъ за 200 рублей въ два каникулярные мѣсяца. У него была дивная способность къ преподаванію: чего не могли вдолбить мальчику въ 10 лѣтъ домашніе учителя, онъ вдалбливалъ въ два мѣсяца. По-крайней-мѣрѣ пансіонеры его выучки постоянно выдерживали пріемный экзаменъ, а другіе мальчики, поступавшіе въ корпусъ, неучившіеся у него — рѣзались изо всѣхъ предметовъ. Предстали на экзаменъ разные Синхридушки, просвѣщавшіеся у Лизоблюдова и не пансіонеры, т. е. дѣтки такихъ родителей, которые были не въ состояніи дать 200 рублей. Первыхъ поставили одесную, вторыхъ—ошуюю; тѣмъ и другимъ начали задавать вопросы, раздавать билеты.

— Скажите, сдѣлайте милость, кто былъ Каинъ? спросилъ одного изъ «синхридушекъ» учитель исторіи.

— Первый человѣкъ, отвѣчалъ тотъ утвердительно.

— По злодѣяніямъ, это правда! подхватилъ находчивый учитель:—очень хорошо-съ. Скажите теперь, съ чего начинается всеобщая исторія?

— Съ предисловія.

— Прекрасно-съ, садитесь!

— Онъ заслуживаетъ полнаго бала, шепнулъ Лизоблюдовъ Артаксерксову, экзаменатору изъ исторіи.

— Спросите еще что-нибудь? замѣтилъ презусъ.

— Въ которомъ году совершилось Рождество Іисуса Христа?

— За пятьсотъ шестьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, отвѣчалъ ученикъ.

— Это вы хотѣли сказать про Кира, царя персидскаго, такъ.

Однимъ словомъ, Маменькинъ, отвѣчая на подобные же вопросы, поступилъ въ корпусъ. Все, однимъ словомъ, устроилось какъ нельзя быть лучше: въ корпусѣ стало однимъ лѣнтяемъ больше, а въ конюшнѣ Лизоблюдова появился отличный рысакъ, сѣрый въ яблокахъ, аккуратъ такой, какой былъ подаренъ отцу Синхридушки какимъ-то поставщикомъ крупы на казну...

— Учись хорошенько; ложась спать, крести подушку; повѣсь образокъ за кровать; не напивайся холоднаго квасу, надѣвай теплые носки, когда сыро, слушайся учителей, кушай по три кренделька въ день, я еще привезу и вообще, не забывай своихъ родителей! Съ такими наставленіями мать привела сына въ корпусъ, простилась со слезами, обдарила всѣхъ, начиная со сторожа, и уѣхала.

Синхридушку одѣли въ кадетскую курточку, заставили маршировать подъ барабанъ, обстригли подъ гребенку, дали чистенькую грамматику Греча, однимъ словомъ, не упустили ничего для умственнаго его развитія. Ознакомившись съ товарищами, Синхридушка прежде всего выучилъ наизусть росписаніе обѣдовъ и ужиновъ и сталъ выносить изъ-за стола хлѣбъ, пироги въ сапожныхъ голе-

нищахъ... Усѣвшись на заднюю скамейку въ классахъ, подлѣ печки, онъ устроилъ подъ столомъ что-то въ родѣ съѣстной лавочки, то есть, пряталъ тамъ пироги, крендели, булки и т. п. Всѣ кадеты его полюбили, подсказывали ему при отвѣтахъ, даже выходили отвѣчать за него, когда новичокъ учитель его вызывалъ. Нельзя было его не любить: онъ продовольствовалъ цѣлый классъ. Начальники то и дѣло вытаскивали изъ кармана воспитанниковъ остатки жаренаго поросенка, ливерныя колбасы, даже штофы съ ликеромъ. Все это покупалось Синхридушкой и раздавалось товарищамъ, которые укрывали его, помогали ему.

— Синхридъ Маменькинъ! вызывалъ учитель нѣмецъ.

— Умеръ! отвѣчали кадеты, состроивши печальныя рожи.

— Какъ умеръ?..

— Такъ вотъ, взялъ, да и умеръ.

— Бѣдняжка! восклицалъ добродушный нѣмецъ. Воспитанники всѣхъ школъ ужасно любятъ подтрунивать надъ нѣмцами. Напримѣръ, однажды этотъ учитель пришелъ въ классъ и всѣ воспитанники сговорились ему не отвѣчать.

— Отчего никто не знаетъ урока? спросилъ онъ.

— Да вѣдь сегодня праздникъ, Троицынъ день; онъ у насъ всегда празднуется въ декабрѣ, отвѣчали воспитанники:—насъ сейчасъ выведутъ вонъ изъ классовъ къ обѣднѣ...

—Ахъ, такъ и я пойду въ кирку!.. сказалъ нѣмецъ и былъ таковъ. Въ праздничные дни Синхридушка накупалъ французскихъ хлѣбовъ и масла. Все это разрѣзалось, намазывалось, поджаривалось на вьюшкѣ натопленной печи, отчего по залѣ разносился пріятный запахъ, какъ изъ булочной. Деньги маменька высылала каждыя двѣ недѣли,

безпрестанно твердила въ письмѣ: крести подушку, читай три раза молитву, учись хорошенько. Но Синхридушкѣ было не до ученья: онъ спалъ постоянно въ классѣ, ублажалъ свою физику корпусными пеклеванниками, картошкой въ мундирахъ, пирогами и т. п.; онъ даже нашивалъ постоянно въ классъ горшокъ съ кашей и ложечку. Такъ онъ пробылъ въ корпусѣ два года и, постоянно прося за себя говорить, что онъ въ лазаретѣ, остался на третій годъ въ классѣ. Директоръ, охотникъ почитывать въ книжки, инспекторъ класовъ—покуривать въ трубочку, скоро увидѣли, что это за гусь Синхридушка.

— Ничего не остается дѣлать, какъ только отправить его въ теплой одѣждѣ на родину, твердили наставники. Да ничего бы не подѣлалъ и Синхридушка, еслибъ захотѣлъ хорошо учиться: натура его, отъ булочекъ и прочихъ съѣстныхъ снадобьевъ, до того отупѣла, осовѣла, что онъ окончательно потерялъ способность къ какому нибудь умственному труду. На какую нибудь алгебру Бурдона, физику, аналитику, онъ смотрѣлъ какъ на какую-то змѣю... Что-то невыразимо-болѣзненное, страдальческое выражалось на добродушномъ мягкомъ лицѣ его, когда онъ шелъ заниматься. Лучше бы его заставили жернова ворочать, кирпичи перекладывать съ мѣста на мѣсто, лишь бы не учиться.

—Скажи, пожалуйста, Русопетовъ, къ чему насъ учатъ всѣмъ этимъ физикамъ, когда мы можемъ и безъ нихъ прожить счастливо.

—Еще какъ могли бы прожить-то! отвѣчалъ тоже дремавшій надъ книгой Русопетовъ.

—Вотъ мой папенька безъ всякихъ физикъ и химикъ, имѣетъ коко съ сокомъ. Правда вѣдь, имѣетъ коко съ сокомъ?

— Ну да, имѣетъ, отвѣчалъ сонно Русопетовъ, у котораго ужъ давно въ глазахъ позеленѣли строки и онъ удилъ носомъ послѣ трехъ уплетенныхъ пеклеванекъ съ масломъ.

— Все, братъ, вздоръ! закусимъ ка лучше; это дѣло-то будетъ складнѣе! И Маменькинъ, вырвавши листъ изъ исторіи Смарагдова, доставалъ имъ изъ печки весь пропитанный масломъ пирогъ.

Оба сидѣли другъ противъ друга молча, только чавкали, уплетая пироги. Въ три года взаимной дружбы, они не обмѣнялись ни однимъ дѣльнымъ словомъ, ни однимъ замѣчаніемъ. Развѣ одинъ другому скажетъ: а вѣдь прежнее-то масло было лучше; ты почемъ это бралъ?. Богъ ихъ знаетъ, изъ-за чего завязалась между ними дружба. Не изъ того ли, что оба прятались подъ скамейки отъ учителей, были первыми лѣнтяями въ корпусѣ, предназначенными начальствомъ къ отправкѣ въ теплой одеждѣ на родину.

Особенно они были страшные враги французовъ, нѣмцевъ, преподававшихъ языки, всякихъ вокабулъ, спряженій, тирадъ изъ Корнеля, Мольера и т. п. Особенно для Синхридушки лекціи изъ языковъ были чѣмъ-то въ родѣ инквизиціи.

Французскую или нѣмецкую книгу онъ держалъ въ рукахъ словно какую нибудь жабу... Онъ даже не могъ принудить себя прочесть какую нибудь сказку про кота въ сапогахъ. Глаза гуляли по строкамъ, а въ башку ничего не лѣзло, хоть убей! Чуть наставалъ вечеръ, глазки закатывались подъ лобъ и, въ одно мгновеніе, онъ засыпалъ, какъ кирпичъ; другіе кадеты, по барабану, рожку, живо вскакивали съ мѣстъ, строились, а онъ спалъ, облокотившись на столѣ, при общемъ хохотѣ. Какой нибудь

служитель цѣлыхъ полчаса трепалъ его, какъ мочалку, чтобъ онъ очнулся, пришелъ въ себя. Счастливецъ, кто умѣетъ такъ крѣпко спать! Но крѣпкій сонъ, большею частію, удѣлъ людей тупоумныхъ, неразвитыхъ, невидящихъ ничего дальше своего носа. Впрочемъ, такъ и устроенъ свѣтъ, что на немъ только однимъ дуракамъ счастье: они всегда кушаютъ, хоть въ полночь разбуди, съ отличнымъ апетитомъ, спятъ по 18, 20 часовъ въ сутки, спятъ двѣ трети жизни, остальную проводятъ тоже въ какомъ-то полуснѣ... Вся ихъ забота только о томъ, какъ бы потуже набить пузо, а набивши пузо—какъ бы на боковую. Ничто ихъ не трогаетъ, не волнуетъ; ничему они не радуются сильно, ничѣмъ и не печалятся; плановъ въ будущемъ они никакихъ не созидаютъ. Самая жажда благопріобрѣтенія развивается въ нихъ какъ-то несознательно, не для болѣе благородныхъ цѣлей, чѣмъ чувственныя удовольствія. Вѣдь и собака, и кошка, волокутъ лишній кусокъ подальше въ темный уголъ, когда наѣдятся. Жаль, что такихъ людей было у насъ хоть лопатами греби. Чѣмъ неразвитѣй общество, тѣмъ больше раздолья этимъ отупѣлымъ и одеревенѣлымъ людямъ. Даже золотая посредственность, бездарность, тупоуміе, какъ-то скорѣе проскакивали впередъ. Даже въ обществѣ существовало какое-то горькое, обидное убѣжденіе, что надо быть глупенькимъ, истуканомъ, чтобъ чего-нибудь добиться... Чувствую, что эти безотрадныя думы завлекаютъ меня ухъ какъ далеко!... Но поудержимъ крылья и обратимся къ разсказу.

Синхридушка по внѣшности былъ вовсе не уродъ. Онъ былъ очень строенъ, даже нѣсколько ловокъ. Даже въ немъ обнаруживались способность къ физическому труду, нетребующему никакихъ размышленій, соображеній, а

только прямо приложенія теоріи къ практикѣ. Дай ему пилу, аршинъ и скажи: вотъ отпили доску въ три аршина длиной, пол-аршина шириной, онъ отпилитъ; хоть убей— не скажетъ, гдѣ тутъ длина, гдѣ ширина... Онъ былъ мастеръ сострогать что-нибудь, сшить, стачать; а ужъ проѣхать верхомъ, протанцовать — это его дѣло. Какъ юноша крѣпкій, плотный, онъ былъ мастеръ фехтовать и стрѣлять. Хоть въ немъ не было особенной ловкости, граціи, но было какая-то медвѣжья сила.

Вотъ ужъ могъ поблагодарить маменьку, что не подгадила въ воспитаніи, умѣла его выкормить. Ужъ какими зашептываньями ни берегла она его отъ наговоровъ, отъ нечистаго духа. Вся ея сонная, тупоумная натура такъ и перелилась въ сыночка, чтобы сдѣлать своего Синхридушку счастливымъ. Она знала, что еще намъ науки все равно тогда были, какъ пятая спица въ колесницѣ, что прежде всего нужно ублажать физику, развить сыночку тѣлеса, что онъ и при этомъ одномъ, безъ горюшка, безъ заботушки проживетъ счастливо. И точно, она сдѣлала Синхридушку счастливымъ: всю жизнь ему везло и везло. Люди болѣе умные, благородные, достойные, колотились, какъ рыбы объ ледъ, а этотъ простофилюшка прожилъ на свѣтѣ всю жизнь безъ сучка, безъ задоринки, наплодилъ кучу Синхридовъ Синхридовичей. Хоть бы болдырь, хоть бы прыщъ когда нибудь у него вскочилъ — нѣтъ-таки. Вѣчно благодатный сонъ, вѣчно желѣзное здоровье, ничѣмъ невозмущаемое счастіе. Мѣста, должности, одна другой лучше, деньги, почести, награды сыплятся отовсюду, а онъ рѣшительно и самъ не знаетъ, за что ему приваливаетъ такая благодать.

—

Матушка безпрестанно осаждала директора письмами; все умоляла, чтобъ ея сына непремѣнно выпустили въ гвардію: что тамъ апалеты очень красивы и ахвецеры въ красныхъ нагрудникахъ ходятъ.

— Ахъ, говаривала маменька сосѣдкѣ: что, если моего сыночка выпустятъ разомъ въ полковники!

— Куда, мать моя, возражала сосѣдка; онъ наперво долженъ получить *скалеской* чинъ (что она разумѣла подъ скалескимъ чиномъ въ военной службѣ, одному Богу извѣстно).

— А можетъ быть за успѣхи въ наукахъ, моего Синхридушку вдругъ сдѣлаютъ анараломъ?... Вонъ одинъ на Капказѣ въ три года получилъ полковника за то, что черкесовъ хорошо застрѣливалъ... Какъ выглянетъ черкесъ, онъ его и застрѣлитъ, какъ выскочитъ черкесъ, его и застрѣлитъ...

— Такъ, то на Капказѣ, мать моя! Вонъ анамеднись одинъ въ вантилирицкихъ казармахъ говорилъ: тамъ изъ одного ендра по-двадцати человѣкъ разомъ застрѣливаетъ...

Я напишу дилѣхтюрю, чтобъ онъ выпустилъ моего Синхридушку въ то войско, такое красивое, все на лошадяхъ. И лошади-то, мать моя, одна въ одну: все бѣлыя съ яблоками; откуда ихъ столько набрали? Вѣрно со всей Расѣи набирали. А на солдатахъ-то, на ахвецерахъ все какіе-то полушубки... Что это у нихъ, мать моя, и спереди болтается, и сзади болтается?...

— Ахъ, ефта хлѣбъ- кавалегварцкіе гусары!... Я ихъ видѣла на парадахъ въ Питембурхѣ...

— Вѣдь могутъ выпустить Синхридушку? Вѣдь онъ дворянскаго происхожденія...

А между тѣмъ Синхридушку выключили изъ корпуса

съ аттестатомъ: тупъ, глупъ и неразвитъ. Директоръ хохоталъ надъ письмами дуры-маменьки, показывалъ ихъ и батальонному командиру, и младшему. штабъ-офицеру.

— Какое, сударыня, писалъ матери адъютантъ отъ директорскаго имени: вашего сына нельзя въ гарнизонные прапорщики выпустить, куда ужъ самыхъ слѣпыхъ по наукамъ выпускаютъ, а ужъ гдѣ тутъ думать о гвардіи.

Нечего было дѣлать; пріѣхала мамаша за сыномъ. Она нисколько не унывала, только сердилась за пристрастіе къ сыночку.

— Насъ ефтѣмъ не испужаютъ, говорила она кастеляншѣ-поручицѣ: мы коко съ сокомъ, имѣемъ тысячь сотняжку въ амбарѣ имѣемъ; намъ могутъ всякія особы пратѣхцѣю оказать!... Трудно описать восторгъ Синхридушки, когда онъ получилъ отъ маменьки письмецо: «Милый сыночикъ плоть отъ кастей маѣхъ, кость отъ плоти маей!... Насъ съ тобой, милый дружокъ, крѣпко дилѣхтюръ забижаютъ: требуютъ, чтобы ты, словно какой нищенка, всякую науку произошелъ... А если ты не дошелъ до науки-то, Богъ съ тобой, значитъ твоя не судьба... У насъ кусокъ хлѣба есть, знакомыми Богъ не обидѣлъ: можно тебя по титѣхтюрной части пустить, и въ скулѣскую должность... Обо всемъ поразсудимъ съ добрыми людьми. Посылаю еще 50 рублевъ, и черезъ двѣ недѣли къ тебѣ ѣду.»

Синхридушка, получивши это письмо, далъ его прочесть при себѣ товарищу, задалъ пирушку: упоилъ всѣхъ служителей до-пьяна (тогда еще въ корпусахъ было повольнѣе чѣмъ теперь). Ну, слава-те Господи! воскликнулъ онъ:— маменька еще 50 рубликовъ прислала! Наѣдимся еще пеклевашекъ, да съ медомъ. Русопетовъ, хороши пеклевашки съ медомъ?

— Ну-те, проваливай, промычалъ Русоцетовъ: я еще этой не прожевалъ...

— Чего бы еще? Вотъ что: купимъ пряниковъ, да вяземскихъ, да еще медомъ польемъ, добавилъ Синхридушка, потирая руки отъ восторга.

Кадеты, между которыми большинство были прекрасные образованные мальчики, смотрѣли на этихъ двухъ чудаковъ, пожимая плечами. Кто былъ порѣзвѣе, хохоталъ надъ ними. Почти всѣ они были дѣти бѣдныхъ родителей, поэтому только и надѣялись добиться карьеры путемъ образованія. Они сидѣли чинно, тихо, съ тетрадями, расхаживали съ книгами, чертили на доскахъ карты, рѣшали уравненія; только среди ихъ ходилъ долговязый мушкатеръ, дежурный по ротѣ, съ томленіемъ ожидая завтрашней смѣны; а кучка «прожоръ», сидящихъ у печки, только и знала, что поджаривала пеклевашки.

— Тише Бога ради, тише! говорилъ дежурный:—можете печь ваши пеклевашки, только не чадите масломъ!.. Офицеръ былъ новичокъ, робкій, боялся выговоровъ, откомандированія отъ корпуса, поэтому лавировалъ туда и сюда.

Кадеты сговаривались не шумѣть на «хорошемъ» дежурствѣ, а «хорошій» дежурный лавировалъ между Сциллой и Харибдой, до окончательнаго перевода въ корпусъ. Нынче этого даже нѣтъ и тѣни.

Въ послѣдній день разставанья съ ротой, Маменькинъ, какъ русскій хлѣбосолъ, задалъ снова пирушку ротѣ: накупилъ яблоковъ, конфектъ, апельсиновъ, однимъ словомъ, былъ въ этотъ день царемъ пиршества, душою роты, выше самого господина ротнаго командира. Онъ облекся въ великолѣпный фракъ, послѣдняго фасона, прицѣпилъ часы съ брелоками: такъ что въ этомъ костюмѣ кадеты его

насилу узнали; онъ гордо, осанисто, расхаживалъ по залѣ, скрипя лаковыми сапожками, завитый и раздушенный.

— Счастливецъ! счастливецъ! восклицали кадеты.

— Вотъ этакой оболтусъ, пожалуй, еще въ великіе люди влѣзетъ, замѣтилъ 2-го спеціальнаго класса кадетъ Жолчевъ.

— Чего добраго! отвѣчалъ уныло Рубищевъ: — вотъ мнѣ, во что бы-то ни стало, «натянуть» въ гвардію, чтобы содержать старуху мать. Буду по ночамъ сидѣть, чахотку высижу, а долженъ непремѣнно натянуть въ гвардію...

— Вотъ у насъ съ тобой, братъ, нѣтъ часовъ съ брелоками, замѣтилъ кто-то и кому-то изъ толпы:—хорошу тому жить, у кого бабушка ворожитъ.

Мать, увидя милое дѣтище такимъ расфранченнымъ, не знала, куда дѣваться отъ радости, считала его чуть не самимъ генералисимусомъ. Что директоръ предъ Синхридушкой! подметки не стоилъ; такова всегда мать, а тѣмъ болѣе такая нѣжная самка, какъ Матрена Пафнутьевна...

Кадеты были на плацу; къ оградѣ подъѣхала щегольская коляска, кони насилу могли стоять, едва удерживаемые кучеромъ. «Однимъ словомъ, комфортъ первѣйшаго свойства». Кадеты, почти весь корпусъ, приблизились къ экипажу; Синхридушка, развалясь графомъ, сказалъ: прощайте, прощайте, товарищи!.. И густое облако пыли скрыло его отъ четырехъ-сотъ паръ глазъ.

— Счастливецъ! счастливецъ! твердили кадеты вслѣдъ удаляющемуся экипажу.

—

Маменькинъ сынокъ укатилъ въ одну изъ деревень, пріобрѣтенныхъ папашей еще на службѣ. Чудное это было мѣсто (т. е. не служба, а деревня).

*

Не доѣзжая верстъ пяти-шести, развивалась передъ глазами великолѣпная панорама луговъ, пригорковъ, рощицъ, которые то сверкали, какъ изумрудъ, то темнѣли отъ набѣгающихъ на солнце тучекъ; по мѣрѣ того, какъ поднимался экипажъ въ гору, горизонтъ разростался все шире и шире, вставали одинъ за однимъ гдѣ-то далеко впереди темносиніе лѣса, золотистыя полосы ржи, среди которыхъ, какъ дамасская сталь, сверкала изгибаясь рѣка. Сердце Синхридушки заёкало отъ радости, когда онъ увидѣлъ знакомый домъ, съ темнобурымъ покачнувшимся бельведеромъ, темнѣющій сзади садъ, барскія службы, смахивающія издали на копны сѣна, и березовую аллею, сверкающую своими бѣлыми стволами. Былъ май; съ полей, луговъ, доносился самый тонкій ароматъ, передъ которымъ всѣ въ мірѣ духи и помады—чистая дрянь; молодыя ветлы, ракиты, словно были одѣты самымъ нѣжнымъ свѣтлозеленымъ пухомъ. Гдѣ-то въ глубинѣ орѣшника пощелкивалъ соловей. Синхридушка только-что задалъ славную высыпку вмѣстѣ съ маменькой и, потягиваясь, расправляя косточки, нѣжился, утопалъ въ пуховыхъ подушкахъ и перинахъ. Ему ужасно хотѣлось привстать, полюбоваться на родную деревню, усадьбу, да и лѣнь было оторваться отъ постели. Вѣтерокъ такъ пріятно подувалъ сквозь занавѣски коляски, такъ тихо забирался подъ рубашку, прохлаждалъ вспотѣвшіе члены...

Онъ спалъ почти какъ мать родила, и даже сбросилъ съ себя послѣднее одѣяло.

— И на деревню-то хочется посмотрѣть, да и встать-то лѣнь, маменька, сказалъ Синхридушка: — что еслибъ эту деревню да поближе пододвинуть къ колискѣ, чтобъ разсмотрѣть!

— Ты, какъ Емелюшка на печи, мой дружокъ, замѣтила мамаша, совершенно не подозрѣвая, что сказала горькую сатиру.

— Я не Емелюшка!... Все мое! прикажу придвинуть деревню—и придвинутъ...

Пріѣхали. На встрѣчу высыпала вся дворня; всѣ глядѣли съ какимъ-то тупымъ любопытствомъ на барыню и на барченка, тихо приговаривая: ахъ, какой онъ сталъ большущій!.. Барченокъ тотчасъ поборолся съ Аксюткой подъ-силки, повалилъ ее на траву; она уже не сопротивлялась, какъ прежде: барыня успѣла изъ нея выбить спѣсь,..

Принесли сливокъ, ягодъ; Синхридушка расположился подъ деревомъ на душистомъ сѣнѣ, началъ въ немъ валяться, кататься, какъ выпущенный изъ конюшни конь. Онъ былъ вполнѣ счастливъ въ эти минуты; да отъ чего и не быть счастливымъ? Заботъ никакихъ, аппетитъ великолѣпный, все, чего захочешь—приведутъ и подадутъ, благодатная природа, голубое небо, да вѣтви прадѣдовскаго дуба, тихо шелестящія надъ головою.

Такъ Синхридушко, среди родителей, знакомыхъ, любимыхъ горничныхъ, катался какъ сыръ въ маслѣ: то верхомъ, то на бѣговыхъ дрожкахъ; удилъ рыбу, ходилъ въ лѣсъ на охоту, купался, ѣлъ всевозможныя ягоды въ сливкахъ, варенье, да волочился за молодыми дѣвками.

Часто съѣзжались въ домъ окрестные помѣщики съ семействами; дѣвицы, молодые люди, играли въ горѣлки, составляли хороводы, пѣли, танцовали, плясали. Не слышно было, какъ катился день за днемъ. Утомившись, набѣгавшись, всѣ засыпали, какъ мертвые. Завтра — тоже, послѣ завтра—опять тоже. Синхридушка еще больше потолстѣлъ; онъ не зналъ съ роду никакихъ подтяжекъ,

штрипокъ, кромѣ корпусныхъ. Щеголялъ всегда въ легкихъ продувающихъ костюмахъ, въ соломенной шляпѣ, въ башмакахъ. Однимъ словомъ, былъ чистое дитя природы. Еслибъ Бернарденъ-де-Сен-Пьеръ зналъ это помѣщичье семейство въ Россіи, то, вмѣсто Поля и Виргиніи, избралъ бы въ герои Синхридушку съ Аксюткой.

Но пора сказать что нибудь и про домашнюю жизнь папаши, Синхрида Аверкіевича. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ успокоившійся и, послѣ долгихъ служебныхъ подвиговъ, опочилъ на лаврахъ, сдѣлался мирнымъ пріобрѣтателемъ, т. е. отдавалъ имѣющійся дома капиталъ за безгрѣшные 10 процентовъ въ мѣсяцъ, подъ вѣрные, разумѣется, залоги. Капиталы его залегли навѣки-вѣчные въ сундукахъ опекунскаго совѣта, словно въ какомъ нибудь Уралѣ или Алтаѣ. Только одинъ Синхридушка имѣлъ на нихъ, по смерти отца, полное право... Надо замѣтить, что папаша былъ не въ примѣръ умнѣе сына, что̀ читатель и самъ замѣтилъ. Съ нимъ было пріятно поговорить про золотое старое время: онъ могъ много чудесъ порассказать про старинныя турецкія кампаніи, про дѣянія военныхъ интендантствъ... Историки наши, описывая подвиги русскихъ въ азіатской Турціи, на Кавказѣ, на Дунаѣ, подъ Очаковымъ, могли бы почерпнуть много полезныхъ свѣдѣній отъ этого мужа.

Я, авторъ, чистосердечно сознаюсь, что питаю своего рода симпатію къ плутамъ и пройдохамъ: съ ними какъ-то пріятно проводить время въ полезной бесѣдѣ... Тонкій плутъ всегда приноситъ пользу обществу, отечеству, какое бы оно ни было. Во-первыхъ, онъ вамъ откроетъ новыя лазейки, которыя законодатели не могли предвидѣть, и прибавитъ, на своемъ вѣку, къ нашимъ и безъ того подробнымъ законамъ, лишнихъ пять, шесть статей...

Уже новые плуты не пойдутъ по дорожкѣ старыхъ, а пріобрѣтутъ новые пути. Этихъ опять подловятъ, опять залѣпятъ новыми статьями прорытыя ими норки... Чѣмъ больше порокъ, тѣмъ больше «затычекъ» — оговаривающихъ статей. Такимъ образомъ совершенствуются законы и во Франціи, и въ Англіи, и гдѣ угодно... Да, я любилъ Синхрида Аверкіевича за то, что если онъ былъ и плутъ, такъ не грязный, а тонкій. Въ немъ была своего рода поэзія, какъ въ кардиналѣ Ришелье или Талейранѣ... Онъ изъ-подтишка подтруниваль надъ нашими рьяными прогрессистами, которые суетятся, егозятъ, не имѣя пятиалтыннаго въ карманѣ.

— Ну, что они бѣснуются, изъ чего кричатъ и пишутъ? Вѣдь безъ деньжонокъ ничего не подѣлаешь; деньжишки-то всѣ у насъ позапрятаны. Ужъ ни на какія предпріятія не вынемъ, развѣ только на винный откупъ, или домовъ настроимъ... Ну, тутъ ужъ дѣло вѣрное: пой водой народъ, да подливай въ нее водки для запаху... На домахъ въ столицѣ тоже не обрѣжешься: ублаготворилъ, кого слѣдуетъ, да набавилъ 15 процентовъ платы за квартиры—и правъ... Такъ вотъ каковъ былъ папаша!

Онъ видѣлъ, что его Синхридушка—кусокъ мяса; но, какъ человѣкъ практическій, созналъ, что его нечего излишне образовывать: проживетъ и такъ! Мало ли такихъ у насъ благоденствовало? Еще каменные дома, деревни наживали, залѣзали въ чины и умирали, оплакиваемые «всѣми гражданами...»

— Къ чему его морить надъ книгами? говаривалъ онъ мнѣ: — вѣдь это образованіе одна только кукольная комедія; вѣдь эти всѣ физики, геометрики — въ одно ухо вскочутъ, въ другое выскочатъ... Да и въ чемъ наше образованіе состоитъ? Въ перепусканіи сквозь уши разной

научной белиберды! Ну къ чему она ведетъ въ жизни? Вѣдь, если что и нужно человѣку, такъ это—четыре правила ариѳметики, да умѣть бойко, четко читать и писать, и то бѣдняку, а богачу и этихъ пустяковъ не нужно вовсе... Вѣдь для чего учатъ всѣ эти наставники? вы думаете для того, чтобъ выучить чему нибудь? ничуть не бывало! Они только за перепусканіе черезъ свои руки воспитанниковъ получаютъ жалованье, пенсіи, награды. Чѣмъ больше учениковъ перепустятъ, тѣмъ лучше, а что знаютъ ученики—до этого никому и горюшка нѣтъ!.. Твердятъ: *блистательно образованный!* А онъ больше ничего, какъ барабанъ, попугай: трезвонитъ и о Вавилоніи, и о сѣрной кислотѣ, и о симфоніяхъ Гайдна, и о русскомъ свиноводствѣ!.. Я знаю, чему Синхридушку выучу. Съ тѣмъ образованіемъ, какое я дамъ ему, онъ у меня далеко пойдетъ, ухъ какъ далеко!..»

Я слушалъ, выпуча глаза, рѣшительно не постигая, какое образованіе можно дать Синхридушкѣ, чтобъ онъ у насъ далеко пошелъ? Однако, когда послѣ разъяснилось дѣло, я изумился практическому генію папаши. Да вотъ послушайте, коли не вѣрите.

Онъ пригласилъ домашняго учителя—какого-то курляндскаго нѣмца — страшнаго пройдоху по части «элементарнаго» образованія. Это не былъ *чистый* нѣмесъ, какъ гоголевскій сапожникъ Шиллеръ, или великій германскій поэтъ Шиллеръ, а такъ, какой-то ублюдокъ. Онъ содержалъ и школы, и пансіоны, куда простофили-папеньки отдавали сыночковъ ради быстраго изуродованія ихъ мозговъ — но на всемъ оборвался и ходилъ безъ сапогъ.

Много этого сору завелось теперь во всей Европѣ, оттого-то она такъ и блажитъ... Вѣдь хорошо все чистое,

безъ примѣси: итальянецъ Гарибальди, русскій Кузьма Миничъ, Архипъ Осиповъ, а эти ублюдки никуда не годятся... И этотъ учитель тоже слонялся по Европѣ, приставалъ къ какимъ-то партіямъ, переходилъ и въ мусульманскую вѣру, и въ лютеранскую, по благоусмотрѣнію... Сегодня турокъ, завтра полякъ, послѣ завтра французъ и т. д. Онъ зналъ, кажется, всѣ науки, говорилъ и по-жидовски, и по-санскритски, и по-черкесски, и по-испански... А Синхриду Аверкіевичу какое дѣло до его направленія, патріотизма, убѣжденій и т. п.? Онъ самъ былъ убѣжденъ, что скорѣе въ чугунный котелъ можно вбить либеральныя идеи, чѣмъ въ голову Синхрида Синхридовича... Призвавши учителя, онъ прямо сказалъ: выучи моего сынишку всему тому, что можетъ ему открыть блестящую карьеру, но не пичкай въ его голову ничего лишняго, потому что онъ тупъ и лѣнивъ...

— А, понимаю, bien, bien! gut, gut, bene bene!...

И пошелъ!

Съ него этого было довольно. Во первыхъ, онъ составилъ списочекъ праотцевъ, патріарховъ, судій, царей ветхаго завѣта: Адамъ, Ной, Симъ, Авраамъ и т. д. Съ боку отмѣтка, какъ въ кондуитныхъ спискахъ, кто они были и что сдѣлали, вкратцѣ. Это необходимо, согласитесь, для блестяще-образованнаго помѣщичьяго сынка. Заговорятъ въ обществѣ про оперу Мейербера «Пророкъ», а тутъ и не знаешь, кто это былъ пророкъ и законодатель еврейскій. Та же исторія была и съ исторіей: Синхридушка вызубрилъ, что Александръ Македонскій былъ царь македонскій, а Антіохъ сирійскій былъ намѣстникъ сирійскій... Однимъ словомъ, о чемъ бы ни зашла рѣчь въ обществѣ, Синхридушка имѣлъ хоть смутное понятіе. По-французски лепетать bonjour! adieu! «монширъ» (mon

cher), парлѣ-ву-францѣ—Синхридушка выучился; дальше идти, хоть убей, не могъ.

— Такъ вотъ вы что сдѣлайте: когда вамъ станутъ говорить по-французски, вы отвѣчайте *вуй*, или *нонъ;* когда жъ этотъ запасъ истощится, катайте прямо, иронически: tous les chiens parlent français! (всѣ собаки говорятъ по-французски). Послѣ этой фразы, каждый постыдится говорить съ вами на общеизвѣстномъ языкѣ. По части музыки, учитель выучилъ Маменькина играть на фортепіано двѣ модныя пьески. Онъ училъ его, какъ учатъ собакъ подавать палку, или плясать медвѣдей, то есть, чисто механически, навыкомъ. Такъ что, когда Синхридушка начиналъ разыгрывать эти двѣ пьесы, его ужъ нельзя было никакими силами остановить, какъ собачонку, которая пляшетъ до тѣхъ поръ, пока шарманка не проиграетъ всего танца. Закройте фортепіано, и руки Синхридушки будутъ ходить по воздуху и ни зачто не остановятся. Таково было образованіе этого барскаго сыночка—наслѣдника душъ, фабрикъ и заводовъ... Оставалось только пустить на свѣтскую арену. У него и у родителей былъ цѣлый легіонъ бабушекъ, тетушекъ, дядюшекъ на видныхъ мѣстахъ: всѣ могли оказать протекцію. Дочки «малодушныхъ» помѣщиковъ спали и видѣли выйдти за Синхрида Синхридовича. Матрена Пафнутьевна давно видѣла изъ забавъ сыночка съ Аксюткой, Агашкой, что пора законъ исполнить...

Четыре года Маменькинъ прожилъ въ домѣ родительскомъ; наконецъ, надо было его пристроить на службу. Онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и поступилъ въ какой-то департаментъ къ старому сподвижнику Синхрида Аверкіевича. Должность была не хитрая: находиться постоянно при супругѣ начальника, которая именно требо-

вала, чтобъ при ней находились непремѣнно чиновники образованные. Она любила преимущественно такихъ, которые бы умѣли хорошо танцовать мазурку и краковякъ, а, если можно, и говорили по-французски. Явился Синхридушка такимъ франтомъ: онъ былъ кровь съ молокомъ, мясистыя части, въ которыя впивался фракъ, какая-то крѣпость тѣлосложенія сулили много пользы, какую можетъ принесть отечеству, а особенно начальнику, чиновникъ, находящійся безотлучно при супругѣ.

Онъ съ перваго же раза произвелъ на начальницу самое пріятное впечатлѣніе; она это тотчасъ же замѣтила компаньонкѣ: какъ онъ представителенъ и недуренъ собой!

— Parlez vous français?

—Oui, madame, отвѣтилъ Маменькинъ, граціозно изгибаясь нѣсколько набокъ.

— Да еще онъ и по-французски говоритъ! Это у насъ первый чиновникъ, который въ одно время и танцуетъ и говоритъ по-французски — добавила начальница.

— Aimez vous parler français?

— Non, tous les chiens parlent francais?»...

— Какъ онъ остроуменъ! Какъ онъ находчивъ! замѣтила опять восхищенная дама: — вотъ намъ какихъ чиновниковъ нужно! вотъ когда Россія подвинется въ образованіи, когда будетъ побольше такихъ чиновниковъ...

Зашла рѣчь, кто онъ, откуда? Оказалось, что ея мужъ и его отецъ такіе пріятели, какихъ и свѣтъ не создавалъ.

— Ахъ, какой чудный, образованный молодой человѣкъ къ намъ опредѣлился! замѣтила жена, когда ушелъ Маменькинъ и пришелъ мужъ.

— Да, это сынъ стараго закадычнаго пріятеля. Ты думаешь, что я безъ протекціи приму кого нибудь?...

— Какъ онъ ловокъ, образованъ!

— Да, вотъ ужъ этакой человѣкъ не застрянетъ въ нижнихъ чинахъ, отвѣчалъ мужъ.

— И говоритъ по-французски, замѣть!

— И по-французскому говоритъ? Каково! воскликнулъ начальникъ.

— Но ужасно скроменъ, стыдится говорить: почему? я спрашиваю. Онъ отвѣчаетъ: всѣ собаки говорятъ по-французски.

— Вотъ это хорошо, вотъ это отлично! подхватилъ супругъ въ восторгѣ: — на балахъ, какъ хочешь лепечи, хоть по-сорочьи, а при мнѣ не смѣй и пикнуть, потому что я самъ не говорю по-французскому.

— И танцуетъ, замѣть! Это сейчасъ видно, что танцуетъ: я по поклону замѣтила... Ты его не держи въ черномъ тѣлѣ... Что ему слоняться въ канцеляріи! Пусть онъ занимается у тебя на дому.

— На крышу что ли посадить прикажешь? замѣтилъ охотникъ *свострить* начальникъ:—у меня сердце не на мѣстѣ, какъ чиновники у тебя занимаются...

— Ты ревнивъ, какъ турецкій султанъ, замѣтила супруга, взявши мужа за подбородокъ.

— Что у меня тутъ ничего не ростетъ?... спросилъ шутливо начальникъ, потирая лобъ.

— Ничего... Чтожъ можетъ рости на лбу у человѣка?...

— Нѣтъ ли чего, въ родѣ, какъ у тирольской буренушки?...

Она ударила величаво рогоносца легонько по щекѣ,

и онъ совершенно успокоился на счетъ вѣрности супруги! «Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!»...

Маменькинъ началъ привыкать къ службѣ: выучился покупать отлично дамскія матеріи; умѣлъ подбирать гарусъ подъ тѣнь для канвы, и вообще, не даромъ бралъ жалованье; онъ даже позабылъ, гдѣ помѣщается канцелярія, въ которой онъ служитъ, за то каждый мѣсяцъ являлся къ казначею по «дѣламъ службы».

Черезъ полгода, когда начальница была въ интересномъ положеніи и 60-ти лѣтній мужъ ни въ чемъ не смѣлъ ей отказать, она сказала ему: сдѣлай его столоначальникомъ! видишь, какъ онъ старается!...

— А куда жъ я Лоботрясова-то дѣну?

— Ты прикажи ему подать въ отставку.

— Да когда онъ усерднѣйшій чиновникъ! Развѣ это будетъ справедливо?

Долго добрый, благородный начальникъ боролся съ супругой и съ своей совѣстью, наконецъ первая взяла верхъ надъ послѣдней. Маменькинъ сдѣланъ столоначальникомъ. Его помощникъ за него служилъ, а онъ за помощника получилъ награду.

— Экъ Синхридушка-то какъ далеко шагаетъ! замѣчалъ старикъ отецъ уже старухѣ матери.

— Я говорила, что мой Синхридушка далеко пойдетъ; только дилѣхтюръ, по злобѣ, его обидѣлъ...

— Какой прекрасный молодой человѣкъ! Какихъ рѣдкихъ правилъ этотъ Маменькинъ! утвердили въ городѣ.

— Давно ли служитъ, а ужъ два чина и три награды схватилъ, добавляли другіе.

— Богатый человѣкъ, помѣщикъ, а какъ трудится! Вѣдь онъ могъ бы вѣкъ пролежать на печи, а вотъ, видите ли, трудится!

— Оттого Богъ и на дѣтище ниспосылаетъ благодать, замѣчали благочестивыя городскія дамы,—что онъ странниковъ не оставляетъ.

— Какой молодой, а на блюдо меньше четвертака не кладетъ.

— И всегда серебрянымъ; я сама видѣла сколько разъ.

Въ четыре съ чѣмъ-то года Маменькинъ добрался до чина титулярнаго совѣтника, будучи всего 23 лѣтъ.

— Каково! говорили чинолюбивые мужи: — я на 79 году получилъ этотъ санъ... чинъ-бишь! а онъ въ 23 года махнулъ.

— Да еще какъ махнулъ-то! Мнѣ начальница сама сказывала, что онъ самый трудолюбивый чиновникъ въ канцеляріи.

— Вотъ изъ кого выйдетъ человѣкъ-то, такъ сказать опора отечества!... Ему бы теперь самая стать жениться: молодецъ изъ себя, уменъ, образованъ, говоритъ по французски.

— И музыкантъ, замѣтьте! Какъ играетъ на-фортепіано! если бы вы слышали, какъ играетъ!...

— Двѣ маленькихъ пьески, что-то къ родѣ «Я въ пустыню удаляюсь.»...

—Ну да, да, да!... «отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ»...

— Да, да, онъ и мѣсто прекрасное имѣетъ, подхватывалъ кто нибудь, не разобравши въ чемъ дѣло: такова всегда Москва! Наконецъ, весь городъ, или полгорода, заговорилъ, что коллежскій ассесоръ Синхридъ Синхридычъ имѣетъ намѣреніе вступить въ первый законный бракъ.

— Какую-то осчастливитъ? Какую-то осчастливитъ? гадали многодѣтные родители.

Синхридъ Синхридычъ, по протекціи разумѣется, занялъ другую должность, не въ примѣръ благодатнѣе первой. Не буду говорить, какая должность, а то, пожалуй, всѣ эти должности задѣнешь, и должностныхъ лицъ задѣнешь, что хорошаго? Кромѣ всей этой благодати, были еще доходы, само собой разумѣется, безгрѣшные...

Его бы лѣнивой головы не хватило управиться съ дѣлами, да по счастію ему попался какой-то геній письмоводитель... Всегда этакимъ Синхридъ Синхридовичамъ попадаются геніи письмоводители... Ужъ кого судьба полюбитъ, такъ и валитъ, да еще этого мало—красавицу-невѣсту подсудобитъ, доставить всѣ райскія утѣхи брака, столько брачныхъ наслажденій, какихъ и во снѣ не грезилось какому нибудь профессору... А дѣтки-то, дѣтки-то, какъ грибы плодятся у Синхридовъ Синхридовичей! Румяненькіе, полненькіе, крѣпенькіе, все мальчики... Хоть сейчасъ посылай на выставку по части скотоводства...

Синхриду Синхридовичу даже не нужно было марать рукъ взятками: все это дѣлалось безъ него. Только сиди да подписывай, а ужъ тамъ, къ заднему крыльцу все принесутъ и подвезутъ... Административная машина (этого присутственнаго мѣста только) такъ хорошо была заведена мудрыми предшественниками Маменькина, что колеса ходили сами собой... Просители, какъ пріученныя куры, являлись въ извѣстное время къ заднему крыльцу. Маменькинъ самъ удивлялся, отчего у него никогда не переводилась провизія: чай, сахаръ, кофе, живность, дичь, масло, крупа, мука, хотя онъ не помнилъ, когда бы на нее хоть грошъ истратилъ...

— Это благодать невидимо ниспосылается за его праведную жизнь, говорили благочестивыя старушки.

— Самъ-то онъ точно праведный человѣкъ, да за то

у него готовы послѣдній крестъ снять съ просителя, добавляли другіе.

Что жъ толку, что онъ самъ-то не беретъ, да у него подъ носомъ другіе воруютъ, запускаютъ лапу по локоть въ просительскіе карманы. Будь онъ самъ докой, воруй одинъ, да другимъ не давай, такъ въ сто разъ было бы легче: одного по-крайней-мѣрѣ знаешь...

Получивши чинъ какого-то «совѣтника» и имѣя всего 32 года отъ роду, Маменькинъ женился, съ соизволенія старичковъ родителей, на дочери своего начальника. Что это была за дѣвушка, такъ и разсказать нельзя! Что передъ ней та черкешенка, которую купилъ на Кавказѣ покойный султанъ Абдулъ-Меджидъ за 200,000 піастровъ!..

Тѣльце нѣженькое, розовенькое, какъ вылитое курицей яичко безъ скорлупы. Какой чудный овалъ личика, томно-голубыя глазки, по нимъ, какъ звѣзды на синемъ небосклонѣ, сверкали искорки... Она была, кажется, вся составлена изъ сладострастія, вспыхивала какъ огонь при одномъ нескромномъ взглядѣ мужчины. Семнадцать лѣтъ отъ роду и полное дѣвственное развитіе: роскошныя перси, бѣло-мраморныя плечи, какая-то нѣга сладострастія, сулившая неописанныя блаженства, была разлита во всемъ существѣ ея. Такъ таилась она подъ сѣнію родительскаго дома, на рукахъ отца—дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нестяжательнаго, какъ таится спѣлая алая малина, или клубника въ тѣни, подъ листикомъ, укрытая отъ жгучаго солнца, пока любитель клубнички не поглядитъ и не сорветъ ее.

И сорвалъ же этотъ злодѣй Синхридъ Синхридовичъ такую клубничку, но не просто сорвалъ, а съ дозволенія родителей ея и своихъ. Сто тысячъ приданаго, не считая тряпокъ, чудное мѣсто послѣ женитьбы, обѣщанное роди-

телемъ невѣсты, какое-то помѣстье въ придачу, чуть ли не между Тигромъ и Евфратомъ (въ земномъ раю).

Весь городъ заговорилъ объ этой свадьбѣ: родители четы таяли въ слезахъ отъ восторга; отверженные женихи скрежетали зубами; ихъ маменьки, соперницы-невѣсты сокрушали въ прахъ черепаховыя гребенки, рвали волосы, раздирали на себѣ одежды и тальмы, посыпали, вмѣсто пепла, французской пудрой *лики свои*... Свадьба на красную горку была такъ великолѣпна, что на ея описаніе нужно было бы посвятить цѣлую книгу и не писать въ ней ни про что больше, какъ про эту свадьбу. Всѣ эти дворцы, съ зеркальными стѣнами и полами, тропическія рощи въ гостиныхъ, раззолоченныя кареты, свѣтскіе франты, орловскіе рысаки, японскія вазы, хороши только когда ихъ имѣешь, а слушать ихъ описаніе не очень занимательно.

Недавно, проѣздомъ черезъ Петербургъ, я посѣтилъ Синхрида Синхридовича Маменькина и засталъ его въ зенитѣ всѣхъ блаженствъ: роскошный домъ на лучшей улицѣ, красавица жена, не смотря на 30 лѣтъ, и девять человѣкъ дѣтей — всѣ мальчики, какъ на заказъ... Я не видалъ, да и не увижу такой любви, такого согласія между супругами, какое царствуетъ между ними. Она невыразимо хороша до-сихъ-поръ; весь цвѣтъ, *эсбуже* петербургской молодежи, сходитъ отъ ней съ ума, кому только это возможно... Но, увы и ахъ—безнадежно!.. Она вся дрожитъ и разгорается, какъ заря, при видѣ своего Синхридушки. Она тоскуетъ, скучаетъ, если онъ хоть на четверть часа уѣзжаетъ. Поэтому онъ никуда и не ѣздитъ одинъ, кромѣ какъ въ баню... Онъ буквально утопаетъ въ блаженствѣ, чрезвычайно растолстѣлъ и очень вѣроятно, что для пользы отчизны проживетъ на свѣтѣ лѣтъ

полтораста. Съ какого горя умирать такимъ людямъ? Но что всего удивительнѣе: родители мужа и жены живы и здоровехоньки, живутъ всѣ вмѣстѣ, въ огромномъ домѣ, отецъ жены въ отставкѣ. Капиталы всѣ соединены: у Синхридушки теперь около полумилліона денегъ... И главное, въ наше прогрессивное время, въ которое на дураковъ воздвигнуто гоненіе, въ родѣ Иродова на младенцевъ, онъ умѣлъ во-время улетучиться въ отставку. Вотъ это такъ счастье!..

ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ

ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

ГЛАВА I.

Источники моей исторіи. Жизнь моихъ родителей. Агафья. Лакейскій міръ Дядька Гельденлиберъ. Фрипонъ. Мое образованіе. Угодливость гостей. Біографія Настасьи Петровны, ея свойства Гоненія на меня Братецъ мой Женя. Наше воспитаніе вообще Мои душевныя свойства. Моя одичалость. Внѣшнія свойства моего дядюшки. Прощаніе съ родителями при отъѣздѣ моемъ въ пансіонъ Дорога, станціи, въѣздъ въ Петербургъ. Домъ дядюшки. Пріемъ, сдѣланный мнѣ тетушкой Пансіонъ. Метода воспитанія въ пансіонѣ. Жизнь у дяди. Прощаніе мое съ тетушкой, при отъѣздѣ моемъ въ полкъ.

Всѣ свѣдѣнія о моей жизни въ дѣтствѣ я почерпнулъ изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) Изустныя сказанія няньки моей Агафьи. 2) Повѣствованія стараго лакея Трифона, слышанныя мною въ передней. 3) Свидѣтельство иностранцевъ: дядьки Гельденлибера и гувернера Фрипона. Къ письменнымъ источникамъ можно отнести: расходная тетрадь повара Никиты съ нѣкоторыми философическими размышленіями автора, послѣ полученныхъ имъ побоевъ, и прочаго, и прочаго... Тетрадь моего брата для вписыванія французскихъ глаголовъ, на поляхъ которой най-

*

денъ мною портретъ наставника, и нѣсколько сатирическихъ замѣтокъ. Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что я родился при самыхъ печальныхъ предзнаменованіяхъ. 1) За день до моего появленія на свѣтъ, родитель мой оставилъ какъ-то нечаянно на карточномъ столѣ 2000 рублей. Лѣтописецъ Никита повѣствуетъ объ этомъ дѣлѣ такъ: лѣто 18... декемврія 13. Москва. Господинъ мой Асклипіодотъ Асклипіодотовичъ пріѣхалъ въ нощи изъ клуба, нарицаемаго купеческимъ, зело мраченъ и лютъ. На утріе потекъ я на торжище, Хитровымъ рынкомъ именуемое, ради купли яствъ многообразныхъ: тельца млекомъ упитаннаго, тетеревовъ и курча. Представъ предъ господина своего, былъ вопрошаемъ сице: колико сребренниковъ на ястіе изведохъ? отвѣща азъ, яко двѣ синицы (10 рублевъ) и дванадесять лептъ, а объ единомъ сребренникѣ, гривенникомъ именуемомъ, ничесоже не глаголя, бе оный утаихъ... Тогда господинъ мой исполнихся ярости, аки левъ и, вцѣпяся во власы моя, возилъ мя по всей храминѣ нещадно, глаголя: «чего ради оскудѣваю? понеже рабы моя расхищаютъ добро господина своего!» Отъ безпрестаннаго чтенія старинныхъ книгъ, Никита любилъ выражаться церковнымъ языкомъ. Эта отмѣтка, при внимательномъ, критическомъ изслѣдованіи, ясно показываетъ, что отецъ мой причиною недостатка денегъ считалъ мелочные недочеты въ гривенникахъ, а не тѣ тысячи, которыя случалось ему оставлять въ клубѣ, вѣроятно, по разсѣянности... Слабость упускать изъ виду главное, а обращать вниманіе на мелочи, замѣчается не только въ частныхъ лицахъ, но даже въ присутственныхъ мѣстахъ. Положимъ, въ какомъ нибудь городѣ Гамбургѣ есть столоначальникъ и ему подчиненные—писцы. Этотъ столоначальникъ наживаетъ ежегодно по тысячѣ гульде-

новъ, хотя получаетъ ихъ всего двѣсти, и слыветъ безкорыстнѣйшимъ, потому что ловитъ бѣдняка подчиненнаго во всякомъ мѣдномъ крейцерѣ, которымъ удастся поживиться бѣдняку отъ просителей (называющихся по-нѣмецки доброхотными дателями). Несчастнаго, разумѣется, выгоняютъ изъ службы, и все канцелярское начальство Германіи успокоивается, полагая, что отыскало корень зла... Второе дурное предзнаменованіе моего рожденія было то, что, наканунѣ онаго, окончила свое земное поприще (по просту говоря, издохла) любимица маменьки, собачка Бижу, которая къ своимъ качествамъ, каковы: безкорыстная вѣрность и безпредѣльная преданность, присоединяла еще искусство грызть сахаръ и ходить на заднихъ лапкахъ. Потеря ея до того огорчила мать, что даже рожденіе сына не могло заставить ее позабыть про любимую собачку. Можетъ быть, читателю покажется страннымъ, какимъ образомъ могла такая ничтожная тварь Бижу отличаться безкорыстной вѣрностью? А вотъ какъ: мать, уѣзжая куда-то на цѣлыя сутки, позабыла про свою любимицу и заперла ее въ спальнѣ. Собаченка, какъ ни проголодалась, но не притронулась къ стоящей на столѣ тарелкѣ съ закуской. Когда же мать возвратилась, Бижу встрѣтила ее съ полнымъ изъявленіемъ собачьяго восторга. Ну, не безкорыстная ли это преданность? Попробуй засѣдатель земскаго суда запереть на цѣлый день канцеляриста, который увѣрялъ его каждую минуту въ своей безкорыстной вѣрности; да оставь на столѣ колбасу съ ветчиной, что-то запоетъ безкорыстный канцелярист и оставитъ ли онъ въ неприкосновенности закуску?

Родитель желалъ, чтобъ меня назвали Асклипіодотомъ, такъ что я чуть-чуть не сдѣлался Асклипіодотомъ Асклипіодотовичемъ; но мать настояла, чтобъ меня назвали Его-

ромъ, потому что меня можно будетъ называть Жоржемъ. Съ шести лѣтъ я начинаю себя помнить. Тогдашняя жизнь представляется мнѣ безпрерывно движущеюся діорамой, съ хорами, танцами и разными дивертисментами. Родители мои любили весело пожить, и принимали всякаго дармоѣда съ истинно славянскимъ гостепріимствомъ. Гостепріимство прежнихъ баръ тѣмъ и отличалось отъ нынѣшняго, что кормили всѣхъ до убою и безъ разбору. Всѣ тѣ безцвѣтныя и ничтожныя личности, которыя любили попить, поѣсть на чужой счетъ и потомъ осмѣять и обратить въ знакъ признательности, валились въ нашъ домъ, какъ въ трактиръ. Хоть подобное радушіе сильно отзывается глупостью, но зато въ немъ много простоты и теплоты сердечной. Предки и родители наши даже и проматывались какъ-то весело, а современники хоть и наживаются, да скучаютъ... Надо вамъ замѣтить, что я въ дѣтствѣ былъ очень некрасивъ и неуклюжъ, тогда какъ братецъ мой Евгеній, или, правильнѣе, Эжень, былъ, въ полномъ смыслѣ слова, славный мальчишка. Это ли обстоятельство, или еще какія нибудь другія, были причиною, что мать меня терпѣть не могла, а брата любила до безумія. Какъ я ни старался выказать всю свою любовь къ ней, она этого не замѣчала, а можетъ быть и не хотѣла замѣтить Если я хотѣлъ поцѣловать у нея руку, она отталкивала меня и подзывала къ себѣ Эженя, котораго покрывала поцѣлуями; что-то похожее на ревность испытывалъ я тогда. Если вамъ, читатель, приходилось ласкать разомъ двухъ собачонокъ, которыя васъ любятъ, то вы, я думаю, замѣчали, что когда вы начнете ласкать одну изъ нихъ,—другая начинаетъ на васъ лаять и визжать: приласкай дескать и меня! Да, законъ природы одинъ во всякой любви, не исключая даже дѣтской и со-

бачьей. Эженю во всемъ отдавали преимущество передо мной, хотя я былъ смирнѣе, добрѣе и прилежнѣе его. Это несправедливое предпочтеніе и служило зародышемъ той желчи, того озлобленія на людей, которыя вы увидите при дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ. При раздачѣ лакомствъ Эженю всегда давали лучшее яблоко, лучшую конфекту; даже одѣвали меня гораздо хуже, чѣмъ брата. Ему дозволялось во всякое время выбѣгать къ гостямъ; всѣ его цѣловали, восхищались его дѣтской болтовней, находя въ ней смыслъ необыкновенный. Всякій гость, любившій посѣщать нашъ домъ ради лакомыхъ обѣдовъ и сокрушающихъ наливокъ, старался заискать расположеніе матери и льстилъ, сколько влѣзетъ. Почтенные мужи дозволяли сѣдлать себя Эженю и катали его на собственномъ хребтѣ по залѣ и гостиной. Мнѣ же, напротивъ, не велѣно было высовывать носу изъ дѣтской, когда были у маменьки гости. Я сидѣлъ одинъ, забившись въ уголъ дѣтской подъ покровительствомъ старой няньки Агафьи, которая, такъ же какъ я, была всѣми забыта. По заведенному изстари обычаю, домъ отца былъ биткомъ набитъ Фильками, Васьками, Палашками, Наташками. Порядокъ извѣстный: Васька ссылался на Фильку, Палашка—на Наташку, Филька—на Палашку, и никто ничего не дѣлалъ. Если Ваську заставляли чистить подсвѣчники,—онъ отговаривался, что ему велѣно накрывать на столъ, а что Филька ничего не дѣлаетъ. Призывали Фильку; Филька увѣрялъ, что его замучили работой, тогда какъ онъ весь день предавался морфею на залавкѣ передней. Между тѣмъ эта стая нечесаныхъ, съ заспанной рожей, съ разодранными локтями лѣнтяевъ цѣлый день дулась въ носки или въ бабки, и, какъ ненасытная саранча, пожирала половину доходовъ съ барскаго имѣнія. Разумѣется, Агафья была Демосфе-

номъ всей дворни и съ высоты своей жарко-натопленной каѳедры (лежанки) громила пороки современнаго лакейства. Какъ ни мелокъ міръ лакеевъ, горничныхъ, казачковъ, но въ немъ есть тоже своя аристократія, свои временщики. Горничная, любимая барыней за ея смазливость, камердинеръ, посвященный во всѣ тайны барина, во время поѣздокъ на выборы и на ярмарки, даютъ чувствовать свое превосходство остальной дворнѣ, корчатъ изъ себя какую-то пародію на господъ: при встрѣчахъ пожимаютъ руки, говорятъ: банжуръ *мацъ!* при прощаніяхъ—*адью! овуаръ мусью* и т. п. Старый лакей, или няня, бывшіе въ свое время на первомъ планѣ, неохотно уступаютъ свое первенство новому поколѣнію и колютъ имъ глаза чистотою старинныхъ нравовъ и испытанною преданностію господамъ. Насъ забыли, говоритъ сморщенная, какъ сушеный грибъ, нянька, потому что мы устарѣли, и никому не нужна наша вѣрность. При насъ такъ бы не обкрадывали господъ, говоритъ старый камердинеръ, который, въ свое время, тоже отлично обкрадывалъ господъ. Поглядишь, какъ люди-то развратились! твердитъ, качая головой, ключница, совершенно позабывши, за какія заслуги попала она изъ дворовыхъ дѣвокъ въ управительницы къ барину...

Вслѣдъ за тѣмъ начинались безконечные разсказы, въ родѣ сказки про бѣлаго бычка, о золотомъ старомъ времени; о томъ, какъ прежде люди были кротки и богомольны; какъ Богъ давалъ имъ все въ изобиліи за ихъ простоту. По ихъ словамъ, и урожаи были лучше, и лѣто краше, и зима постояннѣй; даже солнце свѣтило ярче, чѣмъ при насъ грѣшныхъ. Впрочемъ, превосходство старыхъ временъ надъ новыми доказываютъ не только старыя няньки и ключницы, но и разные сошедшіе съ по-

прища дѣятели. Да и вся наша жизнь есть вѣчная тяжба отживающаго поколѣнія съ возраждающимся. Но оставимъ старое поколѣніе въ покоѣ и перейдемъ къ одному изъ его представителей — къ нянькѣ Агафьѣ. Насъ съ тобой не любятъ, говорила она мнѣ, какъ бы желая вселить въ мою дѣтскую душу ту же ненависть, какую сама питала къ новой лакейской челяди и къ моему братцу. Усѣвшись вмѣстѣ съ дворней за самоваръ, Агафья изыскивала случай повздорить съ кѣмъ нибудь и нападала преимущественно на тѣхъ, кто былъ посмирнѣе. Если какая нибудь Фетинья, пропустивши чашечекъ пятокъ съ однимъ кусочкомъ сахару, протягивала руку за другимъ кускомъ, Агафья тотчасъ вскрикивала: Бога ты не боишься, что такъ барскій сахаръ жрешь! только и думаете, какъ бы налопаться, а баринъ припасай на васъ дармоѣдовъ! Нѣтъ, въ наше время каждую барскую крошку, какъ свой глазъ берегли! Въ этакую–то атмосферу попалъ я!.. пилъ, ѣлъ въ сообществѣ кухарокъ, прачекъ, кучеровъ, узналъ про нихъ такіе секреты, которыхъ не только ребенку, даже взрослому не слѣдовало бы знать... Когда Агафья передала мнѣ весь запасъ познаній о чертяхъ, о храбрыхъ витязяхъ, о прелестныхъ царевнахъ, о вѣдьмахъ, о домовыхъ, то начала меня посвящать въ тайны не только дворни, но даже самихъ господъ...

Перейдемъ теперь къ тому времени, когда я и братецъ поступили подъ надзоръ дядьки Гельденлибера. Біографію его читатель знаетъ заранѣе. Родился онъ въ Митавѣ отъ честнаго и благороднаго сапожника и готовился продолжать скромное ремесло свое до конца жизни. Поползновеній къ славѣ онъ, благодаря Бога, не имѣлъ: все его честолюбіе ограничивалось тѣмъ, что онъ надѣялся со временемъ перенесть свою резиденцію въ Пе-

тербургъ и открыть тамъ сапожное заведеніе. Но судьбѣ угодно было, за его кротость, возвести его изъ сапожниковъ въ воспитатели юношества. Тогда еще отъ иностранцевъ, желающихъ поступить къ намъ въ гувернеры, въ учителя, не требовалось никакихъ экзаменовъ и дипломовъ. Достаточно было только не быть русскимъ, чтобъ сдѣлаться воспитателемъ русскихъ дворянъ. Нѣкоторые изъ русскихъ обижаются, что въ дѣлѣ воспитанія нѣмцамъ даютъ надъ ними предпочтеніе и обижаются несправедливо.

Одинъ очень умный отецъ семейства говаривалъ: я всегда скорѣй возьму въ гувернеры нѣмца, чѣмъ русскаго, потому что нѣмецъ регулярно напивается въ воскресенье, т. е. 52 раза въ годъ, а русскій—экспромтомъ, неожиданно, такъ что каждую минуту нужно за нимъ наблюдать. Я не берусь судить, на сколько это мнѣніе справедливо. У всякаго свой вкусъ: иному нравится прямота, поэтическій разгулъ и даже сопряженныя съ нимъ нѣкоторыя неудобства...; другой предпочитаетъ терпѣніе, которому позавидовалъ бы самый трудолюбивый оселъ, рыбье хладнокровіе, аккуратность и регулярность даже въ пьянствѣ. Я до-сихъ-поръ вспоминаю о Гельденлиберѣ съ живѣйшею признательностію. Во-первыхъ, г. Гельденлиберъ, не обязавшись вовсе учить насъ, прошелъ съ нами почти всю Исторію Ветхаго Завѣта по нѣмецкому руководству. Очень жаль, что при всемъ глубокомысліи и учености, свойственныхъ его націи, онъ умѣлъ только читать и писать по-нѣмецки, да четыре правила ариѳметики. Читать и писать я выучился; четыремъ правиламъ тоже; до раздробленія дошелъ собственнымъ умомъ и хотѣлъ поучиться у нѣмца *превращенію*. Но къ превращенію нѣмецъ не оказался способенъ..

Сначала мы трунили надъ нѣмцемъ, какъ надъ шутомъ, потому что онъ, какъ и всѣ новички нѣмцы, безжалостно коверкалъ русскія слова; напримѣръ, рыбу лещъ онъ называлъ лѣшимъ, изъ слова чеснокъ у него выходило *шесть ногъ*, даже слово *уксусъ* произносилъ за столомъ какъ-то особенно .. но эти всѣ коверканія давно обратились въ анекдоты, извѣстные читателю. Скажу только, что Гельденлиберъ былъ славный нѣмецъ, и если ужъ для нашей святой Руси воспитатели иностранцы необходимы, то, конечно, изъ всѣхъ золъ нужно выбирать лучшее, т. е. нѣмцевъ. Гельденлибера смѣнилъ Фрипонъ—французъ. Родился онъ въ Россіи отъ одного изъ обломковъ «великой арміи», т. е. отъ плѣннаго французскаго барабанщика. Матерью его была одна «малодушная» курская помѣщица, вышедшая за француза по любви. Но въ Фрипонѣ не было капли степенности русской помѣщицы, и онъ наслѣдовалъ отъ родителя всю вертлявость француза и былъ человѣкъ вполнѣ замѣчательный. Кромѣ умѣнья молоть на французскомъ языкѣ самую благозвучную безсмыслицу, онъ имѣлъ такіе странные таланты, что если про нихъ разсказывать, то читатель сочтетъ ихъ за выдумку автора? Во-первыхъ, онъ умѣлъ лаять по-собачьи такъ натурально, что вводилъ въ заблужденіе самыхъ опытныхъ барбосовъ. Кромѣ того, онъ зналъ многіе фокусы: умѣлъ запирать замкомъ ротъ, влѣзалъ въ бревно, заставлялъ плясать деньги въ стаканѣ, и, въ-добавокъ, самъ плясалъ на канатѣ такъ ловко, что иной православный баричъ, бравши уроки у первыхъ танцовщицъ, не въ состояніи былъ проплясать такъ на полу. Онъ такъ очаровалъ этимъ искусствомъ какую-то прусскую графиню, что та держала его два года на двойномъ жалованьѣ, не смотря на то, что ужъ некого было учить: дѣтей не было.

Мосье Фрипонъ брался насъ выучить всему; такъ что, еслибъ ему поручили обучать насъ ламайской вѣрѣ, или китайской граматикѣ, то онъ врядъ бы отказался. Дорого мнѣ достались его уроки: за каждое неправильно произнесенное французское слово онъ подчивалъ меня такими пинками, которые я вѣкъ буду помнить, хотя всѣ тирады изъ Корнеля и Расина позабылъ давнымъ давно. Нерѣдко выгонялъ онъ меня изъ комнаты въ холодный корридоръ и не давалъ по цѣлымъ днямъ ничего, кромѣ куска хлѣба. Агафья вздумала было ополчиться на бусурмана, но ей строго запретили вмѣшиваться въ дѣло воспитанія. Натурально, Эженя онъ не смѣлъ такъ преслѣдовать. Братъ его не слушался и, вмѣсто письма подъ диктовку, рисовалъ фигурки съ птичьими носами, съ козлиными ножками и съ подписью: г. Фрипонъ. Такъ какъ за нашими уроками матери было слѣдить некогда, то сперва они обратились въ пустую форму, а потомъ и совсѣмъ прекратились. Вмѣсто этого, Фрипонъ каталъ брата въ телѣжкѣ, или доставалъ для него птенцовъ изъ гнѣздъ, для чего, откинувши всякое самолюбіе, лазилъ на самыя высокія деревья.

Но всѣ гоненія, перенесенныя мною отъ Фрипона, были ничто въ сравненіи съ тѣми, какія перенесъ я отъ Настасьи Петровны. Настасья Петровна втерлась въ нашъ домъ годъ спустя послѣ появленія Фрипона; сначала она являлась только по праздникамъ, и, не смотря на свой сорокалѣтній возрастъ, корчила изъ себя Весталку: твердила о современномъ развращеніи нравовъ и опускала взоры при каждомъ взглядѣ на нее мужчины. Не успѣлъ этотъ Ришелье въ юпкѣ пожить въ домѣ недѣли, какъ Фрипону отказали. Стоитъ разсказать ея біографію. Настовна Медососова происходила отъ бѣдныхъ,

но благородныхъ родителей, и еще въ дѣтствѣ лишилась матери; отецъ ея, губернскій секретарь Петръ Аверкіевичъ Медососовъ, началъ свое поприще въ земскомъ судѣ, и, лишась супруги, закурилъ, какъ говорится. Такъ какъ въ земскомъ судѣ это не считалось большимъ грѣхомъ, то онъ продолжалъ служить, и проводилъ часы отдохновенія въ погребкѣ. На третьемъ году таковой жизни, его чуть не прихлопнулъ *кондрашка*, и онъ съ испугу далъ заклятіе не пить до конца жизни, но случилось какъ-то странно, что онъ не пилъ только до *перваго числа*. Хозяйка дома, гдѣ жилъ горемыка отецъ, приняла участіе въ бѣдной дѣвочкѣ и взяла ее къ себѣ, обучила вмѣстѣ со своими дочерьми закону Божію, т. е. чтенію по псалтырю и извѣстнымъ молитвамъ; разному рукодѣлью: шитью, вязанью, вышиванью и т. п. Отецъ Насти скоро померъ, оставивъ въ наслѣдство дочери потертый фракъ, табачный кисетъ и хромой стулъ. Когда Настѣ минуло шестнадцать лѣтъ, то она начала пристальнѣй всматриваться въ молодыхъ канцелярскихъ, ходившихъ мимо оконъ. Случилось, что проходилъ черезъ городъ гусарскій полкъ и она влюбилась въ какого-то корнета, подъ которымъ конь свивался въ кольцо, а всадникъ былъ съ черными задумчивыми очами. Всѣ городскія дѣвицы чуть съ ума не спятили, увидя гусаровъ, а одна изъ нихъ увѣряла, что влюбилась въ цѣлый гусарскій эскадронъ. Съ той поры Настенька начала попѣвать пѣсенки, гдѣ говорится про гусаровъ чернооких, про лихія тройки и про дружескія попойки.

Но вмѣсто чернооkаго гусара, сталъ похаживать мимо ея оконъ бѣлобрысый армейскій поручикъ, воротникъ и фалды котораго алѣли, какъ вечерняя заря, а волосы вились, какъ у хорошаго калмыцкаго барана. Первымъ дѣ-

ломъ его (т. е. не калмыцкаго барана, а армейскаго поручика) было поселиться на квартирѣ, окно въ окно съ комнатой Насти. На другой же день послѣ переселенія, онъ наклеилъ на окнѣ сердце, пронзенное двумя стрѣлами, которое довольно искусно вырѣзалъ его товарищъ, выпущенный изъ корпуса прапорщикъ. На третій день, на окнахъ селадона поручика появились горшки съ цвѣтами, а между ними—бюстъ Наполеона и Венеры. Настя догадалась, что поручикъ хочетъ этимъ выразить желаніе повидаться съ нею гдѣ нибудь въ рощѣ, или въ саду, но не подавала никакихъ знаковъ согласія, или несогласія. Тогда неукротимый селадонъ, при помощи полковаго писаря—большаго знатока женскаго сердца, написалъ Настѣ письмо, въ которомъ говорилось о безумной любви, о пистолетахъ, о Везувіи и о свиданіи наединѣ въ условленный часъ, въ загородной рощѣ; письмо было передано по принадлежности какимъ-то пройдохой разнощикомъ, который кормилъ половину города сдобными плюхами и булками. Онъ далъ Настѣ ту самую плюху, въ которую было вложено письмо. Свиданіе, дѣйствительно устроилось; за нимъ послѣдовало другое, третье и т. д. Однимъ словомъ, дѣло кончилось тѣмъ, что на седьмой мѣсяцъ послѣ свиданій наединѣ, благодѣтельница ея вынуждена была удалить ее изъ дома. Сердцеѣдъ поручикъ, хотя и клялся не разлучаться съ Настей даже за предѣлами гроба, но въ одно прекрасное утро, улетучился изъ квартиры, не заплативъ даже разнощику за получаемыя отъ него плюхи и крендельки, и оставилъ на память своей возлюбленной клокъ волосъ, пропитанный аравійскимъ благовоніемъ фабрики Мусатова, да четверостишіе въ альбомъ съ 43 граматическими ошибками. Настасья Петровна осталась одна, какъ перстъ, безъ друзей,

безъ покровителей, съ самой ужасной перспективой впереди, и конечно, погибла бы безвозвратно, еслибъ одинъ сострадательный вдовецъ не взялъ ее къ себѣ въ компаніонки. Но и этотъ старичокъ, подъ вліяніемъ ея бесѣдъ, растаялъ, какъ сахаръ, на 73 году своей достохвальной жизни. Оплакавши покровителя, она поступила въ компаніонки къ какой-то дамѣ—большой охотницѣ до сердечныхъ изліяній передъ кѣмъ бы то ни было.

Потомъ занимала она въ разныхъ домахъ должность ключницы, экономки, до тѣхъ поръ, пока не перебралась въ нашъ домъ. Отличительными ея свойствами были: безукоризненное цѣломудріе, бородавка на правой щекѣ, величиною въ грѣцкій орѣхъ, попеченіе о нравственности всѣхъ живущихъ на сто верстъ кругомъ и чепецъ съ лиловыми лентами. Кромѣ того, она обладала удивительною памятью: про кого ее ни спрашивали, она знала какъ зовутъ, кто что ѣстъ, на чемъ спитъ; кто на комъ женился или на чемъ повѣсился и прочее въ томъ же родѣ. Голова ея была биткомъ набита до самаго темечи чужими секретами, такъ что всѣ ее называли ходячимъ адресъ-календаремъ. Мать моя считала ея голову амбаромъ, въ который, безъ разбору, сваливала всѣ свои секреты. Въ ея головѣ накопилось столько исторій, случаевъ, эпизодовъ, что они всѣ разомъ просились наружу и не давали ей кончить ни одного начатаго расказа. Завлекаясь побочными подробностями, она теряла изъ виду главную нить повѣствованія и забывала о томъ, про что начинала говорить. Приведу одинъ образчикъ.

«Такъ вотъ, матушка моя Аделаида Сидоровна, какое дѣло случилось: ѣхали Матрена Пахомовна на крестины, т. е. на именины къ Прасковьѣ Карповнѣ... Виновата! Прасковья Карповна ѣхала на именины къ Матренѣ Па-

хомовнѣ; къ той самой, что окривѣла прошлаго года на похоронахъ Емельяна Емельяныча, скончавшагося отъ бѣлой горячки, потому что крѣпко началъ зашивать сердешный, особенно съ того времени, какъ драгунскій поручикъ Лохмачевъ увезъ его дочку и обвѣнчался съ нею въ селѣ Дрыгайловѣ; мнѣ и священникъ дрыгайловскій знакомъ: отецъ Іоаннъ, славный такой священникъ, двухъ дочерей имѣетъ, одна ужъ невѣста, Матреной Ивановной зовутъ.....» Теперь разскажу про то, чѣмъ я навлекъ на себя гоненіе этой дамы, или правильнѣй дѣвицы. Разъ, Настасья Петровна, возставъ отъ сна и умывшись, сѣла передъ зеркаломъ во всей прелести утренняго неглиже, и начала выводить на свою поблекшую физіономію приличную бѣлизну съ румянцемъ. Привязная коса и виски были развѣшаны на спинкѣ стула. Въ домѣ былъ игривый котенокъ, единственная отрасль кошки Машки, избѣгшій потопленія. Этотъ котенокъ, подобравшись, началъ теребить лапкой привязныя украшенія Настасьи Петровны. Я стоялъ за дверью и видѣлъ всѣ штуки моего любимца, какъ онъ, виляя, то бросаясь, то отскакивая назадъ, игралъ съ волосами, какъ съ мышью. Наконецъ, насытившись зрѣлищемъ, и боясь быть застигнутымъ въ расплохъ, я сказалъ, въ простотѣ сердечной, — Настасья Петровна! кошка играетъ съ вашими висками и теребитъ вашу косу. При сихъ словахъ, раздраженная дѣва схватила моего друга за заднія лапы и отхлестала его своей собственной подвязкой.

— А тебѣ, молокососъ, смѣшно, что котенокъ портитъ вещь? Поди-ка ты сюда!—Тутъ она совершила надо мной ту же самую операцію, какую и надъ котенкомъ, только не подвязкой, а чѣмъ-то болѣе ощутительнымъ. Съ этихъ поръ Настасья Петровна находила особенное на-

слажденіе въ тасканіи за волосы и въ кормленіи (меня) подзатыльниками.

Самъ Эжень, непризнававшій никакихъ властей, нѣсколько побаивался ее, хотя изъ-за угла высовывалъ ей языкъ и кричалъ: старый чортъ! Я до того ожесточился противъ Настасьи Петровны, что сбирался нѣсколько разъ похитить у нея виски и косу, которыя она, ложась спать, развѣшивала на стулѣ; но всѣ попытки оказались безуспѣшными. Братецъ мой, однажды, чуть не привелъ въ исполненіе этого ужаснаго замысла, но проснувшаяся во время Настасья Петровна пустилась въ погоню за непріятелемъ и отобрала у него всѣ трофеи.

Такъ я росъ, какъ дерево въ полѣ: безъ надзора, безъ попеченія, ничѣмъ не занимаясь, кромѣ хожденія по лакейскимъ, пусканія змѣя на дворѣ, да игръ съ собаками. Образованіе наше, послѣ Фрипона, остановилось: въ русскомъ языкѣ—на чтеніи басенъ Хемницера; во французскомъ—на стрекозѣ (Cigale); въ нѣмецкомъ — на глаголѣ werden. Настасья Петровна не взяла на себя *учебной части,* потому что, прочитавши Поль-де-Кока въ переводѣ, вообразила, что въ нынѣшнихъ книгахъ пишутъ про одну безнравственность, и не читала ничего, кромѣ сонника и пѣсенника. Главнымъ поприщемъ ея дѣятельности была часть административная, въ которой она оказала чудеса. Ея карающая десница свободно разгуливала и по пухлымъ щекамъ лакеевъ, и по тощимъ ланитамъ дворовыхъ дѣвокъ. Но довольно объ ней. Скажу нѣсколько словъ о братѣ. Не смотря на всѣ ласки родителей и всѣхъ прихлебателей, Евгеній былъ мальчикъ злой. Если случалось ему поймать муху или стрекозу, первымъ дѣломъ его было оборвать имъ крылья, потомъ ножки и бросить. Въ немъ была какая то страсть все портить и ломать: ни одна игрушка не

жила болѣе двухъ дней. Подарятъ ли ему какого нибудь гусара—россійскаго издѣлія, въ малиновыхъ штанахъ, онъ прежде всего ему отломитъ голову, потомъ швырнетъ куда нибудь. Сколько передарили ему игрушечныхъ солдатиковъ которые и барабанили, и маршировали; но онъ ихъ всѣхъ, перекалѣчилъ. Безпрестанныя напѣванія, что Эженъ красавецъ, что Эженъ—умница, сдѣлали его хвастливымъ. Цѣлованія, ласки пріѣзжихъ дамъ и дѣвицъ внушили ему мысль, что онъ красавецъ. На девятомъ году онъ уже сталъ различать красивыхъ дѣвицъ отъ некрасивыхъ; старыхъ дамъ отъ молодыхъ. Видя всеобщее раболѣпіе, онъ сталъ обращаться со сверстниками, какъ съ подчиненными: давалъ имъ чувствовать, что онъ сынъ богатаго отца, называлъ ихъ голышами, ободранцами и пр. Обиженные мальчики со слезами жаловались своимъ родителямъ, но они, проглотивъ обиду, продолжали лебезить и увиваться около моей матери. День ото дня Эженъ дѣлался капризнѣе и своевольнѣе: говорилъ дерзости матери, гостямъ, выходилъ изъ себя, при малѣйшемъ противорѣчіи; даже сама Настасья Петровна перестала быть пугаломъ для него. Мать хотѣла дать ему образованіе дома; для этого выписала цѣлую фалангу учителей и педагоговъ (меня уже тогда увезли въ пансіонъ). Эти господа очень краснорѣчиво брались воспитывать брата совершенно *по новому способу*, много говорили о нелѣпости старинаго воспитанія, втоптали, какъ говорится, въ грязь всѣхъ прежнихъ педагоговъ и доказали на словахъ, какъ дважды два—четыре, что съ нихъ начинается новая эра, блестящая будущность для нашего отечества. Но, несмотря на блестящую будущность, которую они обѣщали нашему отечеству—исправить и воспитать Эженя не могли. Мать, видя безуспѣшность ихъ теорій, отказала имъ, и рѣшилась хлопотать объ опредѣленіи Женички въ кавалерію.

Такъ какъ братецъ мой обнаруживалъ симпатію къ верховой ѣздѣ, на настоящихъ лошадяхъ, то сама природа, такъ сказать, подсказывала матери, что назначеніе Женички быть кавалерійскимъ юнкеромъ... Узнавши о намѣреніи матери, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Давнишняя мечта его сбывалась: съ шести лѣтъ онъ ужъ помышлялъ о шпорахъ, объ шитомъ ментикѣ; ѣздилъ верхомъ на дворовой собакѣ, пока не прислужились вышеозначенные господа; срубалъ дѣтской саблей горлушки бутылокъ, вмѣсто непріятельскихъ головъ; тайкомъ затягивался папиросами и даже обнаруживалъ влеченіе къ настойкамъ и къ наливкамъ... Надѣливъ большимъ количествомъ денегъ, рекомендательными письмами, протекціями, когда то очень способствовавшими успѣхамъ по службѣ, мать отправила брата съ однимъ благонадежнымъ помѣщикомъ въ Петербургъ.

Теперь скажу о себѣ. Дѣвица Медососова преслѣдовала меня, какъ своего личного врага, до тѣхъ поръ, пока не изгнала окончательно въ людскую. Можетъ быть, спросятъ матери-читательницы и отцы-читатели, что же дѣлали родители? какъ они позволяли такъ помыкать своимъ дѣтищемъ какой нибудь подстегѣ Медососихѣ? Какъ могли ввѣрять судьбу своихъ дѣтей, хотя и доброму, но все же сапожнику Гельденлиберу; какому нибудь канатному плясуну Фрипону? Я это приписываю дурному устройству нашего дома.—Какъ такъ?—Очень просто: изъ покоевъ родителей велъ въ дѣтскую довольно длинный и холодный корридоръ, такъ что мать, опасаясь простуды, не могла навѣдываться, какъ идетъ наше воспитаніе. Притомъ, по отдаленности разстоянія, недолетали до ея слуха мои крики и стоны. А развѣ дурное устройство дома мѣшало нанять, вмѣсто всякой сволочи, порядочныхъ гувернеровъ? Тогда еще никому не приходило въ мысль, чтобъ ино-

странецъ могъ быть сволочью. Каждая нынѣшняя маменька, прочитавши это, справедливо порадуется, что въ наше время нѣтъ такихъ глупыхъ матерей, какія были встарину, и съ гордымъ сознаніемъ скажетъ другой маменькѣ: я воспитываю своихъ дѣтей въ національномъ, русскомъ духѣ, и не поручаю ихъ какому нибудь заморскому бродягѣ, или озлобленной на весь міръ старой дѣвкѣ, по-уши погрязшей въ тинѣ мелочныхъ сплетней и пересудовъ. Въ чемъ же состоитъ національность нынѣшняго воспитанія? Во-первыхъ, для грудныхъ дѣтей мы нанимаемъ самыхъ толстыхъ русскихъ бабъ: Аринъ, Хавроній и Матренъ (что, впрочемъ, дѣлали и прежнія маменьки). Во-вторыхъ, мы одѣваемъ мальчиковъ мужичками, а дѣвочекъ пастушками, по тому образцу, какъ они изображаются на подносахъ и гардинахъ. Въ третьихъ, мы не беремъ въ гувернеры французовъ, нѣмцевъ, безъ приличныхъ аттестатовъ и во многихъ случаяхъ предпочитаемъ имъ нѣмокъ, англичанокъ, которымъ приказы даемъ воспитывать дѣтей нашихъ непремѣнно въ русскомъ духѣ... Кто изъ столичныхъ жителей не видывалъ на бульварахъ, въ садахъ, цѣлой стаи мальчугановъ, одѣтыхъ кучерами, крестьянами, и дѣвочекъ въ пастушескихъ шляпкахъ, говорящихъ не иначе, какъ по французски или по-англійски, потому что за ними строго наблюдаетъ какая нибудь окаменѣлая англичанка. Изъ этого можно только заключить одно, что мы, съ легкой руки Гоголя, только выучились осмѣивать старыя заблужденія и самодовольно восхищаться новыми идеями, вновь усовершенствованными методами воспитанія, забывая то, что чѣмъ нынче восхищаются, надъ тѣмъ завтра, можетъ быть, будутъ смѣяться. Можетъ быть, я совершенно заглохъ бы въ лакей-

атмосферѣ, еслибъ одно случайное обстоятельство не ло моего характера. Въ залавкѣ передней я отко-

палъ замасляную книгу: то была Исторія Новаго Завѣта, которую покойный лакей Трифонъ читалъ лѣтъ десять по складамъ, и все-таки не дочелъ до конца. Приходили къ нему неграмотные слушатели, но они тоже ничего не понимали, какъ самъ чтецъ, хотя слушали съ благоговѣніемъ. Я съ жаромъ принялся за чтеніе новой для меня книги, которая, подобно вѣчности, не имѣла ни начала ни конца. Божественная простота Искупителя, Его безропотныя страданія и смерть, молитва за своихъ гонителей до того поразили мое юное воображеніе, что я нѣсколько разъ плакалъ навзрыдъ, перечитывая книгу. Восемь лѣтъ прожилъ я на глазахъ отца и матери, но мнѣ никто не потрудился объяснить, въ чемъ заключается вся возвышенность, вся глубина нашей религіи. Первымъ моимъ желаніемъ было, по прочтеніи книги, подражать, по мѣрѣ слабыхъ силъ человѣческихъ, Іисусу Христу. Я даже желалъ, чтобы меня побольше били, морили голодомъ, даже разъ сказалъ Настасьѣ Петровнѣ: «распни меня, Фарисей!» Воображенію моему представлялась религія Спасителя какой то очаровательной музыкой, льющейся съ небесъ... Мнѣ стало чудиться, что, высоко надо мной, въ предѣлахъ лазурнаго неба, гремитъ какой-то торжественный хоръ и гремитъ неумолкаемо. Я началъ искать во всемъ музыки: при слухѣ звона колоколовъ, къ меланхолическому жужжанію пчелъ, кружившихся въ жаркій полдень надъ деревьями сада; къ говору ручья, стекающаго звонкими струйками по каменьямъ. Переливали ли настойку изъ бутыли въ графинъ,—я прислушивался къ звону струи, бѣгущей по стеклу. Нравился этотъ звукъ и гостямъ, и хозяину, только *по другимъ причинамъ*... Съ этихъ поръ я сталъ искать уединенія: убѣгалъ въ садъ, восхищался шумомъ вѣтра, тихо пробѣгающаго надъ вершинами деревъ; къ трелямъ жаворонка,

который чѣмъ выше возносился, тѣмъ пѣлъ вдохновеннѣе и вдохновеннѣе... Такъ я проводилъ время и въ городѣ, и въ деревнѣ, куда на лѣто уѣзжали мои родители. Однажды, когда я лежалъ на травѣ роскошнаго деревенскаго луга, вперивши взоръ въ гряду свѣтлыхъ облаковъ, которыя, словно ворочались, темнѣли и исчезали въ синевѣ неба,—прибѣжалъ ко мнѣ лакей и сказалъ, чтобы я сейчасъ же шелъ къ матери. Съ замираніемъ въ сердцѣ, прошелъ я парадную анфиладу покоевъ, пока не добрался до будуара матери. Тамъ на мягкомъ диванѣ возсѣдалъ невыразимо-приличный господинъ, въ безукоризненномъ черномъ фракѣ, который обвивалъ его благородное тѣло глянцевидной массой. Надобно было видѣть это благородство и мягкость манеръ, это умѣнье держать себя, доведенное до невыразимой тонкости! Что ни поза.—то новый эффектъ. Повернется онъ, какъ будто невзначай, и заблещетъ на манишкѣ или крестикъ—плодъ честной и безпорочной службы, или булавка, осыпанная бриліантами, или великолѣпный солитеръ на пальцѣ. Господи! бываютъ же на свѣтѣ этакіе безукоризненные господа! Съ гордостію могу сказать, что это былъ мой дядюшка Петръ Кузьмичъ Воздуховъ... Противъ Петра Кузьмича Воздухова сидѣла моя маменька — тоже безукоризненно одѣтая. Всего этого я тогда, конечно, не чувствовалъ, и стоялъ, запустивши палецъ въ носъ. Надо замѣтить, что я тогда былъ заброшенъ всѣми, и одичалъ до того, что козачекъ Федька казался, въ сравненіи со мной, аристократомъ. Сюртучишко на мнѣ износился, изъ подмышекъ, изъ локтей рукавовъ, просилась вата на свѣтъ Божій; ручки, ноготки—все это было comme il faut... Сквозь разодранные панталоны сверкали колѣнки, а изъ праваго сапога выглядывалъ большой палецъ.—Уведите его!

ла мать лакею, и тотъ притащилъ меня къ тазу и

рукомойнику. Я теръ себѣ лицо и руки мыломъ, чуть не до крови, но все тщетно! Вамъ бы надо дать скребницу, сударь! съострилъ лакей. Явился цирюльникъ и окарналъ меня по-англійски, обстригъ ногти, которые были едва ли короче ногтей царя Навуходоносора, когда онъ скитался дикимъ звѣремъ. Потомъ повели меня въ комнату Женички, нарядили въ его фракъ, брюки и жилетъ. Вслѣдъ за тѣмъ явилось какое-то вертлявое существо, не то камердинеръ, не то танцмейстеръ, и началъ меня учить поклонамъ, гоняя разъ десять отъ одной двери къ другой. Наконецъ, снова ввели меня въ будуаръ.—Подойди къ дяденькѣ и поцѣлуй у него ручку! сказала мнѣ шопотомъ мать. Я, чтобъ не сбиться, сначала подошелъ къ двери, сталъ въ позу, какъ меня учили, потомъ прошелся, разшаркался и поклонился съ ловкостью ученаго медвѣдя. Эта сцена хорошо знакома видѣвшимъ въ театрѣ *Жениха изъ Ножевой линіи.*— Завтра Петръ Кузьмичъ повезетъ тебя въ училище: будь готовъ .. Я распорядилась на счетъ тебя. Ступай! — Я бросился изъ комнаты, какъ угорѣлый, позабывъ всѣ тѣ штуки, которымъ меня, четверть часа назадъ, учили.

Холодно со мной распрощавшись, мать отправила меня на другой день, вмѣстѣ съ дядей, въ дорогу.—Учись хорошенько, говорила маменька, ты знаешь, что тебѣ *не на кого* надѣяться. Слушайся дяди; онъ заступаетъ тебѣ мѣсто втораго отца. Съ настоящимъ же отцомъ я не простился, потому что онъ пріѣхалъ откуда-то въ три часа ночи и не велѣлъ будить себя. Можно было бы читателя познакомить съ моимъ дядей покороче, и разсказать его біографію, но читатель, зная множество біографій богатыхъ людей, имѣвшихъ богатую родню,—знаетъ ее очень хорошо и безъ меня...

Долго лакеи хлопотали, усаживая дядю въ карету: сперва обклали его подушками, потомъ положили въ ноги мѣховое одѣяло, потомъ поставили ящичекъ съ дорожной аптекой, которую дядя постоянно возилъ съ собою, потому что ужасно боялся смерти (больше чѣмъ сатаны) и возилъ съ собою все нужное для поданія первоначальной помощи. Я смиренно помѣстился противъ дяди, упираясь на какой-то уголъ сундука, который давалъ себя чувствовать при каждомъ толчкѣ кареты. Наконецъ, она плавно закачалась въ обѣ стороны, и я съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ мимо меня пробѣгали дома, будки, лавки, церкви, наконецъ промелькнулъ шлагбаумъ и карета пошла писать среди полей безконечныхъ. Я украдкой взглянулъ на дядю и увидѣлъ, что онъ начиналъ закрывать глазки, какъ разнѣжившійся котъ, у котораго чешутъ подъ шейкой. Наконецъ, дядюшка открылъ глаза, повязалъ шею какой-то шалью, досталъ коробочку съ мятными лепешками, проглотилъ одну, заохалъ, застоналъ, вѣроятно почувствовалъ какую нибудь ломоту. Вся физіономія его приняла какое-то измученное, стариковское выраженіе: куда дѣвалась эта пріятность чертъ, эта улыбка, озарявшая его лицо въ присутствіи дамы? Отъ красиваго, безукоризненнаго джентльмена осталась какая-то дряхлая, *крякающая* развалина. Вотъ карета остановилась возлѣ дома съ колоннами. При словѣ *станція*, возникаютъ въ душѣ извѣстные образы: табачнозеленый сюртукъ смотрителя, дюжина праздныхъ ямщиковъ, сидящихъ у воротъ на завалинѣ, гнилая колода для питья лошадямъ, вѣчно скрипящій журавль колодца, почтовыя телѣги на дворѣ, фасономъ похожія на гроба, длиный рядъ навѣсовъ съ хрустящими сѣно гнѣздами, да туча голубей, слѣтающихся къ просыпанному овсу. Все это было сто разъ описано, съ при-

совокупленіемъ горькихъ сѣтованій на задержку въ перемѣнѣ лошадей. И такъ, карета остановилась. Лакей съ быстротой кошки спрыгнулъ съ козелъ и началъ высаживать дядю, который и кряхтѣлъ, и охалъ, и ругалъ трясскую дорогу не совсѣмъ по-джентльменски .. Впрочемъ, была не простая дорога, *шоссе*... Такъ какъ я былъ въ дорогѣ въ первый разъ, то съ любопытствомъ разглядывалъ и пудовые стулья, и диваны съ «извѣстными въ нихъ обитателями». Хоть я самъ и не испытывалъ, но слышалъ, что послѣдніе осыпаютъ цѣлыми *эскадронами* располагающихся на ночлегъ путешественниковъ; что есть на Руси много станцій, смотрители которыхъ бьются объ закладъ съ проѣзжимъ, что онъ не уснетъ ни одной минуты во всю ночь.

Мнѣ съ непривычки казалось, что все въ горницѣ глядѣло какъ-то угрюмо: и стѣны, прогопченыя табачнымъ дымомъ, и сѣрыя табели, развѣшенныя на стѣнахъ, и даже самъ генералъ Кульневъ, изображенный на картинѣ съ саблей на голо. Поразило мое вниманіе и припечатанная къ столу книга для *вписыванія жалобъ г.г. проѣзжающихъ*. Я прочелъ въ ней такія горькія жалобы, такія преступленія, взводимыя на станціоннаго смотрителя, что, казалось, слѣдовало за это срыть станціонный домъ до основанія, а смотрителя по крайней мѣрѣ повѣсить, но ничуть не бывало! Домъ стоитъ по прежнему, а смотритель преспокойно указываетъ на книгу обиженному проѣзжему, приговаривая: пишите, что хотите! И дѣйствительно, многіе *пишутъ что хотятъ*. Одинъ раздраженный поручикъ, по поводу задержки въ лошадяхъ, не только назвалъ смотрителя *мошенникомъ*, но даже коснулся смотрительши, упрекнувъ ее въ невѣрности мужу... Когда подали самоваръ, дядя посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто увидѣлъ въ первый разъ.

— Ну что, не скучаешь въ дорогѣ?

— Не скучаю, дяденька.

— А ты никогда не бывалъ въ дорогѣ?

— Никогда не бывалъ, дяденька. Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. Смотрительша внесла подносъ съ чашками съ надписью: *въ день моего ангела,* но дядя оттолкнулъ ихъ съ презрѣніемъ. Лакей внесъ погребецъ съ превосходнѣйшимъ сервизомъ и розлилъ чай.

Когда смотритель доложилъ, что лошади готовы, мы сѣли въ карету, мохнатыя лошади мотали мордой, звеня бубенчиками. Въ сторонѣ тянулся какой-то жиденькій березовый лѣсъ; дорога подымалась въ гору, гдѣ-то вдалекѣ звенѣлъ колокольчикъ, замирая и замирая. Какая-то грусть западала на душу... Дядя, выходя, швырнулъ стоящему съ подобострастіемъ ямщику четвертакъ, долго и бережно усаживался, обклалъ себя подушками, зарядилъ оба уха новой ватой, закрылъ глаза и захрапѣлъ. Вотъ, въ каретѣ стемнѣло и побѣжали мимо стеколъ темныя сосны, промчался мимо курьеръ въ кожаномъ картузѣ и длинная вереница порожняковъ; мужички всѣ лежали, накрывшись рогожами. Хотѣлось мнѣ посмотрѣть на открывающійся впереди видъ, но *сѣдалищная часть* здоровеннаго ямщичины закрывала оба переднія стекла кареты. Въ томъ же родѣ проѣхали мы многое множество станцій; наконецъ стали приближаться къ Петербургу. Потянулись болота и болота, рѣденькіе лѣсочки съ обгорѣлыми пнями промелькнули, какъ оазисы среди пустыни, царскія села съ щеголеватыми рѣзными избами и каменными двуэтажными трактирами и церквями казенной, греческой архитектуры.

Наконецъ потянулись дачи въ русскомъ вкусѣ и въ китайскомъ безвкусіи, съ деревьями обстриженными, съ аллеями, куртинами, выровненными. Изъ-за темной пе-

лены городской пыли и копоти, возносился громадный куполъ Исакія, который, отражая солнце, казался вертящеюся звѣздою. Наконецъ мы въѣхали въ столицу Но и столица началась сѣренькими, кривошлыкими, домишками, фабриками, похожими архитектурой на коробъ; грязными каналами, загроможденными плотами, барками и разнымъ гніющимъ лѣсомъ. Вотъ, дома начали выростать: изъ одно-этажныхъ въ двухъ, трехъ, шести, осьми-этажные. Мы ѣхали словно между двухъ каменныхъ стѣнъ, улѣпленныхъ вывѣсками, балконами, окнами, колонами. Величественные храмы, опираясь на стройныя колонны, возносили къ небу свои «сладострастно круглящіеся» купола. Наконецъ, карета юркнула подъ какой-то огромный домъ и мы начали взбираться вмѣстѣ съ дядей по лѣстницѣ, уставленной зеленью и устланной коврами. Повсюду царствовала такая роскошь, что и лакейскую принялъ я за гостиную, и хотѣлъ было подойти къ ручкѣ какой-то модистки, принявши ее за тетеньку... Но еще до тетеньки было далеко. Я прошелъ по длинной анфиладѣ великолѣпныхъ комнатъ, полы которыхъ походили на зеркала, а зеркала—на озера. Наконецъ я очутился въ какомъ-то тропическомъ саду, который дядя назвалъ гостиной. Въ полумракѣ, не то сидѣла, не то лежала какая-то великолѣпно одѣтая госпожа—это была моя тетушка. Долго разсматривала она меня въ стеклышко, какъ невиданнаго доселѣ бегемота. Я робко поцѣловалъ ея руку, такую маленькую, что она мнѣ показалась не болѣе лапки собачонки Бижу (родной дочери издохшей). Дядя, обратясь къ ней, сказалъ: вотъ нашъ племянникъ!—Какой уродъ! сказала она по французски; я, благодаря Фрипона, понялъ это привѣтствіе и смѣшался окончательно; наступилъ на хвостъ тетушкиной собачки, опрокинулъ ка-

кой-то горшокъ съ цвѣтами; однимъ словомъ, вполнѣ подтвердилъ теткины слова. Лакей увелъ меня въ отдѣльную комнату. Меня не приглашали обѣдать съ дядей и теткой, а накрыли отдѣльно съ какимъ-то старичкомъ. Былъ ли онъ домашній учитель, или прежній камердинеръ, или просто, бѣдный родственникъ, незнаю. На другой день дядя призвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ: поѣдемъ! Я одѣлся и отправился съ нимъ чуть ли не черезъ весь Петербургъ, въ пансіонъ. Розинувъ ротъ отъ изумленія, глядѣлъ я на величавую Неву, на цѣлый лѣсъ корабельныхъ мачтъ, на длинный рядъ дворцовъ, словно вытканныхъ изъ кружева; но больше всего меня поразилъ петропавловскій шпицъ, который, какъ молніеносная стрѣла, разсѣкъ голубое небо и дробился въ водѣ на тысячу золотыхъ искръ. Мы переѣхали мостъ, за нимъ другой, шумъ ѣдущихъ экипажей смолкъ, и насъ поразило совершеное безмолвіе Петербургской стороны. Карета подкатила къ какому-то дому, больше похожему на фабрику, чѣмъ на училище. Я, войдя, почувствовалъ запахъ какого-то куренія, хорошо знакомый тѣмъ изъ читателей, которымъ случалось посѣщать госпитали, богадельни, разныя учебныя заведенія, однимъ словомъ всѣ тѣ мѣста, которыя поражаютъ *внѣшнимъ* своимъ благоустройствомъ. Швейцаръ съ львиной мордой и баками, густыми, какъ ноловая щетка указалъ на дверь квартиры содержателя пансіона Павла Ермолаевича Реме-Шкинскаго (двойная фамилія), однимъ словомъ, я поступилъ въ пансіонъ. Товарищи, какъ водится, меня на первый разъ поколотили (безъ этого не можетъ начаться правильное воспитаніе) и въ первую же ночь отрѣзали отъ моего фрака фалды и укоротили на цѣлую четверть панталоны. Можете себѣ представить весь ужасъ моего положенія и восторгъ всего пансіона,

когда я, вставши на другой день, одѣлся въ этотъ костюмъ? Таковъ былъ пріемъ всѣмъ новичкамъ, поступавшимъ въ пансіонъ. Такъ какъ родители, отдавшіе дѣтей въ пансіонъ Павла Ермолаича, судили объ успѣхахъ образованія по причесаннымъ волосамъ, чищеннымъ ручкамъ у дверей, и по той краскѣ, какою окрашены были залы, то онъ, нежелая умереть съ голоду, устремилъ все свое вниманіе на внѣшность. Не говоря уже о полахъ, стѣнахъ, люстрахъ, лоснящихся, сверкающихъ, какъ модель, онъ озаботился и о томъ, чтобъ пустить пыль въ глаза всѣмъ посѣтителямъ—по части просвѣщенія. Во первыхъ, въ швейцарской стояла Минерва (богиня мудрости). Во-вторыхъ, по угламъ всѣхъ залъ и корридоровъ стояли музы, которымъ воспитанники разрисовывали усы, бакенбарды и прочее и прочее, не взирая на строгія за это наказанія.

Въ классахъ было обращено вниманіе не на умственное развитіе воспитанниковъ, а на оконныя форточки, на полы, на каѳедры, на скамьи.

Столы были выкрашены подъ лакъ, на стѣнахъ висѣли ландкарты, такія чистенькія, такія новенькія, что всякій посѣтитель удивлялся той акуратности, съ какою занимаются по нимъ воспитанники, и даже не подозрѣвалъ, что къ нимъ не велѣно было притрогиваться. Была и библіотека съ множествомъ книгъ, на корешки которыхъ была потрачена вся изобрѣтательность Павла Ермолаича. Кабинетъ *физико-математическій* былъ биткомъ набитъ глобусами, моделями, аппаратами, къ которымъ, со времени ихъ выхода изъ мастерской, не притрогивалась рука человѣческая. Однимъ словомъ, во всемъ была на первомъ планѣ внѣшность, внѣшность и внѣшность. Теперь посмотримъ, въ чемъ заключалось воспитаніе и образованіе.

Въ воспитаніи первою добродѣтелью считались: *аккуратность, опрятность* и *угодливость*. Оттого и стояли въ первомъ разрядѣ тѣ пансіонеры, которые отличались сладкими улыбочками, прилизанными хохолками и мелочнымъ исполненіемъ всѣхъ пустыхъ формальностей. Прямая откровенность, благородная пылкость и независимость въ характерѣ, хотя и невыходящая изъ предѣловъ повиновенія, считалась зломъ, которое содержатель пансіона старался всѣми мѣрами искоренить. Такъ какъ содержатель былъ самъ человѣкъ темненькій, ничтожный, мелочной, то боялся всякаго проявленія даровитости, энергіи, какъ боится летучая мышь солнечнаго свѣта.

Образованіе воспитанниковъ находилось въ жалкомъ состояніи. Судя по высокопарнымъ программамъ, можно было заключить, что здѣсь дается основательное образованіе для поступленія въ высшія учебныя заведенія, но на дѣлѣ выходило иначе. Воспитанникамъ напичкивали въ голову многое множество наукъ съ такими замысловатыми названіями, что произнося ихъ, можно было языкъ переломать: а въ сущности не выучивали ни одной основательно. Воспитанникъ, вышедшій изъ пансіона, звонилъ, какъ колоколъ, обо всемъ: и объ ассирійскихъ древностяхъ и о гидродинамикѣ, о скотоводствѣ въ Россіи и о буддійской вѣрѣ, о чемъ угодно. Однимъ словомъ, насъ учили не для того, чтобъ мы что нибудь знали, а для того, что мы *казались* людьми знающими, чтобъ умѣли *блеснуть* своимъ многостороннимъ образованіемъ и были бы въ состояніи поддержать разговоръ... Какая жалкая цѣль шестилѣтнихъ трудовъ: умѣть поддержать разговоръ въ обществѣ!.. Слава Всевышнему, что мы начинаемъ немножко прозрѣвать: всѣ эти фразеры, верхогляды, недоучки надоѣли намъ, какъ горькая рѣдька. Лучше, если

человѣкъ знаетъ хоть одно дѣло—хоть столярное ремесло, да знаетъ его основательно! Но прежде было не такъ: прежде блестящая внѣшность залѣпляла глаза русскому человѣку, и онъ кидался на нее, очертя голову, какъ бабочка на свѣчку.

Кто что ни толкуй, а слава пансіона росла не по днямъ, а по часамъ: цѣлыя сотни родителей спѣшили, наперерывъ, отдавать своихъ сыновъ въ пансіонъ Реме-Шкинскаго, и онъ, не измѣняя принятой методы, продолжалъ уродовать юныя головы втеченіи многихъ лѣтъ, составилъ себѣ отличное состояніе и даже нашелъ многихъ подражателей.

Не буду утомлять читателя описаніемъ моей школьной жизни, скажу только, что я провелъ въ пансіонѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Другихъ моихъ товарищей разбирали во время праздниковъ родные, знакомые, а я всегда оставался въ стѣнахъ заведенія. Проживши шесть лѣтъ въ Петербургѣ, я, по выходѣ изъ пансіона, не зналъ даже гдѣ Адмиралтейство, Зимній дворецъ, Невскій проспектъ, потому что далѣе Петербургской стороны не дѣлалъ ни шагу. Ежегодно, перваго января, дядя являлся въ заведеніе, вносилъ за меня деньги, ежегодно говорилъ мнѣ: «учись хорошенько, веди себя скромно» и не показывался до слѣдующаго перваго января. Я сначала писалъ письма къ родителямъ, увѣдомлялъ ихъ о своемъ здоровьѣ, освѣдомлялся объ ихнемъ,—но, не получая отвѣта, пересталъ писать. Кончивъ курсъ наукъ и получивши удовлетворительный аттестатъ, въ которомъ высчитывалось до 16 наукъ, мною проходимыхъ, я хотѣлъ было поступить въ университетъ, но такъ какъ не имѣлъ средствъ жить въ Петербургѣ, то долженъ былъ поступить въ юнкера.

До поступленія въ полкъ, я жилъ у дяди мѣсяца два,

написалъ письмо къ родителямъ, въ которомъ слезно умолялъ ихъ о высылкѣ мнѣ денегъ. Мать выслала мнѣ 25 р., написала и предупредила, что больше не вышлетъ мнѣ ни копѣйки. О томъ, какъ я жилъ у дяди, читатель можетъ самъ догадаться. Жилъ онъ en grand: съ утра до поздней ночи домъ былъ биткомъ набитъ гостями, которыхъ, впрочемъ, онъ не кормилъ такъ безалаберно, какъ хлѣбосольные москвичи—мои родители. Такъ какъ у дяди бывали *четверги*, то появлялись въ его гостиной какіе-то вертлявые франтики въ лаковыхъ сапожкахъ, которые за честь быть принятыми въ домъ дяди, обязаны были отплясывать безъ устали на его балахъ съ 10 вечера до 4 утра. Являлись на поклонъ и солидные мужи—весьма годные для виста. Я вздумалъ было, разъ, затесаться въ гостиную при гостяхъ, но тетушка смѣрила меня такимъ взглядомъ, что отбила у меня охоту соваться туда съ своимъ носомъ.

Однимъ словомъ, я игралъ въ домѣ такую ничтожную роль, что даже лакей средней руки смотрѣлъ на меня съ презрѣніемъ, а дядинъ камердинеръ не хотѣлъ отвѣчать, когда я его о чемъ нибудь спрашивалъ. Наконецъ, я былъ опредѣленъ въ N—ый пѣхотный полкъ юнкеромъ. Облекшись въ сѣрую шинель, чуть ли не въ полпуда вѣсомъ, отправился я въ гостиную, прощаться съ высокомѣрной тетушкой. Желчь кипѣла во мнѣ, и я нарочно выбралъ для прощанія такое время, когда къ ней наѣхалъ весь бомондъ.—Прощайте, тетушка! закричалъ я на всю гостиную, и прильнулъ къ тетушкиной ручкѣ. Всѣ присутствующіе многозначительно переглянулись, а тетушка—алая, какъ георгина, готова была растерзать меня въ эту минуту, еслибъ позволяло приличіе. Полный злой радости, отправился я въ кабинетъ дяди, который, съ глубокомысліемъ Архимеда, просматривалъ адресъ-календарь...

— Ну, прощай! сказалъ дядя и напечатлѣлъ на губахъ моихъ ледяной поцѣлуй.

Черезъ полчаса пара *неблагопристойныхъ* обывательскихъ гнѣдковъ вывезла меня за заставу. Прощай, пышная столица!..

—

ГЛАВА II

Казарменная жизнь. Прежніе и нынѣшніе солдаты. Молодая полковница и старый полковникъ. Приготовленія къ балу. Неожиданная протекція. Мое производство и экипировка. Мои выходки тщеславія. Письма о присылкѣ денегъ. Прощальный обѣдъ полковнику. Новый полковникъ и его свойства. Занятія уставомъ. Сборища гг. офицеровъ. Полковые остряки и проказники. Душа общества. Холкинъ. Его похожденія. Вечера. Непріятная исторія. Фантастическій сонъ. Отставка. Философическія размышленія по выходѣ въ отставку. Расчетъ съ казначеемъ. Неудачи. Машинальное путешествіе въ трактиръ. Русскіе трактирщики. Намѣреніе улетучиться изъ квартиры, не расплатившись. Извѣстное средство для прогнанія горести. Слабость писателей. Мечты въ нетрезвомъ состояніи. Путешествіе къ губернатору и встрѣча съ историческимъ человѣкомъ. Я являюсь къ предсѣдателю палаты. Истинный аристократъ—графъ. Неожиданный однокашникъ. Путешествіе къ величественному дядюшкѣ. Сопровожденія покойниковъ Столичныя кладбища. Господа, ловко обдѣлывающіе свои дѣла. Мадамъ, ищущая учителя. Я компрометирую дядюшку. Опредѣленіе въ полицію. Приношенія на алтарь Ѳемиды. Менторъ мой, хожалый. Нарушеніе гармоніи полицейскаго управленія. Неудачи по службѣ. Мертвое тѣло. Вторичное изгнаніе въ отставку. Отчаяніе. Ужасные замыслы. Разные способы покушеній на самоубійство. Рѣшительное намѣреніе кинуться въ Неву. Избавитель.

Какой-то острякъ сравнилъ жизнь юнкера съ жизнью почтовой лошади, но это сравненіе было вѣрно лѣтъ двадцать назадъ, а не теперь. Полкъ, въ который я поступилъ, былъ расположенъ въ казармахъ ***-ой крѣпости. Послѣ казеннаго благовонія пансіона и ароматныхъ куреній въ домѣ дяди, трудно было привыкнуть къ казарменной атмосферѣ, состоящей, какъ извѣстно, изъ четырехъ элемен-

товъ: изъ запаху прокислыхъ щей, махорки, сапожнаго товару и еще чего-то. Самый видъ казармъ располагалъ къ меланхоліи: полуторасаженныя окна, съ глубокими амбразурами: тускло пропускали свѣтъ сквозь нѣмытыя стекла. Комнаты, или правильнѣй, сараи обставлены были кругомъ стѣнъ скамьями и нарами, на которыхъ сидѣли, лежали, курили солдатики въ разныхъ живописныхъ неглижé.

У окна человѣкъ пять, шесть, разложивши сапожные инструменты: клещи, молотокъ, шилья, разливали вокругъ себя благоуханія вару и сапожнаго товару.

Въ амбразурѣ другаго окна помѣщались *любители просвѣщенія* и перечитывали въ сороковой разъ о прелестной магометанкѣ Селимѣ и о неустрашимомъ офицерѣ Побѣдоносцевѣ (Битва съ Кабардинцами, Зряхова). Посреди казармы красовалась ружейная пирамида, унизанная ровнымъ частоколомъ солдатскихъ ружей.

Свѣжо преданьице, а вѣрится съ трудомъ!.. Взгляните на нынѣшняго солдата: видъ совсѣмъ не тотъ: онъ не сидитъ, сложивши руки, да задравши ноги, а чѣмъ нибудь да занимается: кто фехтуетъ, кто продѣлываетъ умноженіе, заданное ему *въ классахъ*, кто читаетъ ужъ не Битву съ Кабардинцами, а дѣльный солдатскій журналъ; а кто занимается и нужнымъ сапожнымъ ремесломъ. Нѣтъ этой сонливости, этой неповоротливости, а каждый солдатикъ смотритъ козыремъ: въ глазахъ сіяетъ веселость и смышленость. Но возвратимся къ старымъ временамъ. Пробили на ученье. Солдаты выстраиваются. Передъ фельдфебельскимъ честолюбіемъ смиряются всѣ мелкія честолюбица ефрейторовъ, десяточныхъ и капральныхъ. И нашъ братъ юнкеръ—офицеръ по духу, *десяточный ундеръ* по плоти, тоже безмолствуетъ передъ фельдфебелемъ. Не буду опи-

сывать всѣхъ *фазисовъ* моей военно-походной жизни, о которой поговорю въ отдѣльномъ сочиненіи, скажу только, какимъ образомъ я попалъ подъ *протекцію* полковницы. Эта дама держала своего сожителя въ такой же строгой дисциплинѣ, въ какой онъ держалъ полкъ. Она была въ *три съ половиною раза* моложе мужа, такъ что говорили: ей 20 лѣтъ *серебромъ* , а ему 70 лѣтъ. *ассигнаціями*... Полковница, послѣ своего дальняго родственника—гусарскаго штабсъ – ротмистра, больше всего любила танцы. Она хотя и была дочь бѣдныхъ и мелкочиновныхъ родителей, но, по выходѣ замужъ, ей съ чего-то вообразилось, что она *аристократическая дама*... Хотя она видѣла Петербургъ только на русскихъ иллюстраціяхъ, но постоянно толковала объ немъ и часто говаривала мужу при гостяхъ: Cher ami! перейди служить въ нашъ милый Петербургъ; здѣсь скука невыносимая!..

Хотя полковникъ былъ «къ занятьямъ склоненъ разнымъ: ученьямъ и смотрамъ,..» но, въ угоду ей задавалъ балы и вечеринки; впрочемъ, полковникъ въ этомъ дѣлѣ былъ совершенно чистъ и уважаемъ всѣми. Полковница была тоже невиновата, она была очень добрая и сострадательная дама, поклонница сочиненій Гоголя, ненавистница разныхъ *Держиморд*ъ, ворующихъ серебряныя ложечки въ ботфорты; *Сквозниковъ-Дмухановскихъ*, готовыхъ даже на приносимую Богу свѣчу собирать воскъ съ купцовъ... Право, если случались прежде *грѣшки* въ разныхъ темныхъ захолустьяхъ среднихъ и низшихъ инстанцій, то большая часть изъ нихъ совершалась по невѣдѣнію, по отсутсвію здраваго взгляда на вещи, недозволявшему отличить бѣлое отъ чернаго. Нынѣ, при водвореніи правильнаго просвѣщенія во всѣхъ слояхъ общества, при *разумной* свободѣ, данной юмористическимъ писателямъ, выра-

*

батывается свѣтлый взглядъ на вещи и исчезаютъ тѣ оригиналы, которыхъ Гоголь каралъ перомъ своимъ. Однако, нашей полковницѣ надоѣли маленькія вечеринки, ей хотѣлось устроить балъ, о которомъ заговорилъ бы весь городъ, даже, если можно, вся губернія; ей хотѣлось придумать что нибудь доселѣ невиданное, поражающее... И придумали. Полковникъ, окрыленный своею супругою, выказалъ въ приготовленіяхъ къ балу такой геній изобрѣтательности, какого никто въ немъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ. Такъ какъ его квартира не могла вмѣстить всего количества приглашенныхъ гостей, то онъ выпросилъ у городничаго залу, гдѣ отплясывало уѣздное дворянство во время ярмарки, и гдѣ прежде галопировали жандармскія лошади, потому что тутъ былъ когда-то манежъ. Такъ какъ этотъ балъ былъ бы обременителенъ для казны полковницкой, то онъ предложилъ складчину съ каждаго оберъ-офицера по 5 рублей и съ каждаго штабъ— по восьми. Всѣ свѣчи, которыя слѣдовали гг. офицерамъ, пользующимся казеннымъ освѣщеніемъ, были забраны у подрядчика за два мѣсяца впередъ. У всѣхъ имѣющихся на лицо штабъ и оберъ—были отобраны деньщики, наряжены во фраки, взятые на прокатъ у чиновниковъ низшихъ присутственныхъ мѣстъ. Зала была искусно драпирована солдатскимъ сукномъ, изъ солдатскихъ же тесаковъ и наштычниковъ были устроены въ простѣнкахъ военные орнаменты, по угламъ, какъ побѣдные трофеи, возвышались пирамиды ружей, увѣнчанныя, вмѣсто римскихъ шлемовъ, солдатскими касками.—На двухъ концахъ залы было поставлено два оркестра музыки: одинъ полковой, а другой изъ тѣхъ вольнопрактикующихся артистовъ, которые за двѣ рюмки водки готовы терзать уши танцующихъ отъ девяти [illegible]ера до трехъ утра. Относительно угощенія, не по-

скупились: всѣ тѣ окаменѣлые леденцы, похожіе вкусомъ на костяжку, всѣ тѣ конфекты, розовыя, помадныя, похожія вкусомъ на мыло, которыми такъ богаты лавки уѣздныхъ городовъ, были закуплены оптомъ. Мороженное, шеколадное и сливочное, отдающее чесночкомъ, весьма способствующее простудамъ разгоряченныхъ танцами дамъ, подавалось въ изобиліи. Все то, что подается въ буфетахъ и дальнихъ комнаткахъ для *приданія куражу* танцующимъ кавалерамъ, не было забыто. Оставалось только навербовать танцоровъ. Изъ наличнаго числа офицеровъ (кромѣ жившихъ при штабѣ) только четвертая доля умѣла кое-какъ *отковылять* вальсъ; познанія же остальныхъ простирались не далѣе французской кадрили. Въ эту критическую минуту вспомнили и обо мнѣ. Солдатъ пришелъ ко мнѣ съ приказаніемъ явиться къ полковнику.—Являюсь.—Вы танцуете? спрашиваетъ меня полковница.—Танцую, *ваше высокоблагородіе,* отвѣчаю я полковницѣ, совершенно позабывши, что только превосходительнымъ и сіятельнымъ дамамъ говорятъ: ваше превосходительство, или сіятельство, а высокоблагородныхъ и благородныхъ называютъ, просто *сударынями.* Надобно замѣтить, что Павелъ Ермолаичъ ни на одну науку не обращалъ такого вниманія, какъ на танцы и на французскій языкъ, и всегда говорилъ, что человѣкъ, хорошо танцующій и говорящій по французски *далеко пойдетъ*... Начались танцы. Старшіе чины поразобрали всѣхъ *бутончиковъ*, т. е. хорошенькихъ дѣвицъ, а нашему брату юнкеру достались тѣ степенныя, пожилыя дѣвы, которыхъ одинъ острякъ дурнаго тона называлъ бульдогами въ юбкахъ. Какъ ни старался полковникъ, чтобы всѣ офицеры приняли участіе въ танцахъ, но тщетно: одинъ отговаривался головною болью, другой тѣмъ, что у него недавно скончалась троюродная бабушка, а одинъ штабъ-

офицеръ, съ благородною откровенностью русскаго воина, прямо сознался, что умѣетъ танцовать только передъ баталіономъ, когда скомандаютъ *ти-химъ шагомъ!*

Когда я трудился въ потѣ лица, вращая вокругъ себя какую-то пятипудовую мадмуазель, полковница замѣтила меня и подозвала къ себѣ. Вы говорите по французски? спросила она. Я отвѣчалъ ей цѣлымъ каскадомъ французскихъ фразъ. Она выразила свое благоволеніе ласковымъ наклоненіемъ головы, и, съ этой минуты, участь моя рѣшилась. Искуство мѣсить ногами и лепетать пофранцузски такъ возвысило меня въ общемъ мнѣніи, что всѣ гг. офицеры наперерывъ спѣшили познакомиться со мной. Павелъ Ермолаичъ правъ! я не умѣлъ оцѣнить глубокаго познанія людей въ Павлѣ Ермолаичѣ. Во всѣхъ познакомившихся со мной офицерахъ я замѣтилъ неодолимое стремленіе сдѣлаться свѣтскими людьми. Иные секретно изучали у своихъ товарищей тайну французской кадрили; другіе въ тихомолку *выдалбливали* извѣстныя фразы *французскихъ разговоровъ:* здравствуйте, милостивый государь (ыня)! какъ ваше здоровье, м-ый государь (ыня)? Слава Богу! и т. п. Всякая фраза, сказанная не такъ, какъ она была нанечатана въ разговорахъ, сбивала этихъ господъ съ толку, и они не знали, что отвѣчать: *вуй* или *нонъ*... Года черезъ полтора, я, по настоянію полковницы, былъ представленъ къ производству въ прапорщики. Я написалъ къ родителямъ письмо, въ которомъ извѣщалъ ихъ о столь радостномъ для меня событіи. Послѣ нѣжныхъ изліяній сыновнихъ чувствъ, слѣдовала неизбѣжная фраза: *пришлите*, любезные родители, *денегъ!* Я еще былъ изъ скромниковъ: просилъ денегъ только въ необходимыхъ случаяхъ жизни, но есть такіе господа, которые пишутъ самыя раздирающія письма къ родителямъ, взводятъ на

себя всѣ несчастія для того, чтобъ сжалились надъ ними и прислали денегъ. Приведу, въ видѣ характеристики юнкерской и солдатской жизни два письма.

Одинъ здоровенный юнкеръ, проигравшись до рубашки, писалъ отцу слѣдующее:

«Милый папенька! Я умираю, харкаю кровью и печенкой... Лежу въ нетопленой комнатѣ на гнилой соломѣ, полунагой, въ рубищѣ. Хочу попросить пить, но голосъ замираетъ въ устахъ; хочу приподняться съ постели, но силы измѣняютъ мнѣ, и я падаю въ изнеможеніи... Пришлите, пришлите, дорогой папаша, денегъ, если не хотите, чтобъ сынъ вашъ былъ бездыханнымъ трупомъ! PS. Я задолжалъ аптекарю 50 р. 27½ к. серебромъ, да доктору за визиты 25 р. Обожающій и умирающій сынъ такой-то.»

Вотъ еще письмо солдата къ зажиточнымъ родителямъ въ деревню:

Дражающей моей матушкѣ Аринѣ Пахомовнѣ и дражающему моему родителю Симіёну Хведотычу и дражающему моему братцу Ермолаю Симіёнычу—низкій поклонъ! Я, дражающій мой батюшка и дражающая... и пр., нахожусь въ добромъ здравіи и во всякомъ преуспѣяніи *и возжделѣніи*... чего вамъ отъ всея души и чувствія моего желаю. Одно сокрушаетъ меня любезнѣйшей мой батюшка и..., что я сломалъ шомполъ и *мунциа* моя вся порастрескалась, и наштышникъ тоже у миня украли, и незнаю я, какъ ефтаму горю пособить и подметки надо тоже подкинуть, потому что у насъ горы высокія и овраги глубокія, а на горахъ снѣгъ, а за ефтими горами и свѣту конецъ, по этому пришлите мнѣ хоть пять рублевъ». За тѣмъ слѣдуетъ: «Соломонидѣ Севастьяновнѣ — низкій поклонъ, Вавилѣ Еремеичу низкій поклонъ... и т. д.

Я получилъ письмо отъ матери съ *пятью* черными печатями. Она увѣдомляла меня, что родитель мой скончался, что ея дѣла самыя затруднительныя, потому что на имѣніи осталось много долгу. При семъ посылалось мнѣ 50 рублей серебромъ. Какъ ни огорчала меня смерть родителя, все-таки, къ стыду моему, я больше думалъ не о немъ, а о томъ, какой сюртукъ я себѣ сдѣлаю, у кого закажу эполеты и пр. и пр.! Получивши деньги, я, прежде всего, купилъ халатъ, ермолку и пенковую трубку... Потомъ заказалъ сшить платье первому портному въ городѣ—жиду Ицкѣ, который шилъ на полковаго командира, адъютанта, казначея и на другихъ *армейскихъ львовъ*. Ицка, желая мнѣ угодить, сшилъ мнѣ платье съ такими перехватами, что я боялся наѣдаться досыта на званныхъ обѣдахъ Одна изъ пріятностей прапорщичьяго чина та, что солдаты снимаютъ шапки, по этому я любилъ прогуливаться по городу въ то время, когда они выходили изъ манежа цѣлыми сотнями и всѣ, до одного, отдавали мнѣ честь.—Я, разъ, выпросилъ даже позволеніе у полковницы прокатиться въ ея каретѣ. Можете представить себѣ мой восторгъ, когда всѣ офицеры увидѣли, что я ѣду въ каретѣ! Но обстоятельства вдругъ перемѣнились: полковникъ былъ произведенъ въ генералы и долженъ былъ отъ насъ уѣхать. Всѣ офицеры такъ его любили, что рѣшились сложиться и дать ему прощальный обѣдъ; обѣдъ былъ, какъ водится, на славу! Всѣ жители единогласно подтвердили, что такого обѣда не бывало со времени основанія города, а погребщики увѣряли, что въ мѣсяцъ не выпивалось никогда столько вина, сколько было выпито господами офицерами въ какіе нибудь два часа. Довольно того, что офицеры, двѣ недѣли спустя, разыскивали другъ у друга свои колоши и шинели. Съ отъѣздомъ полковника и жены его,

въ городѣ воцарилась скука и тишина. Новый полковой командиръ, принявши полкъ, созвалъ всѣхъ офицеровъ и сказалъ слѣдующее: прошу, господа, заняться дѣломъ, а не пустяками. Мы присягали служить, приносить пользу государству, обучать солдатъ, а не прыгать какъ *козлы*, на балахъ, на вечерахъ, да получать за это жалованье. Я не намѣренъ дѣлать изъ *своего долга пріятнаго препровожденія времени* и, потворствуя дармоѣдству, обманывать правительство и государя. Мнѣ нѣтъ дѣла, свѣтскій ли кто, или несвѣтскій, а главное, чтобъ былъ человѣкъ *дѣльный* и *полезный*. Дѣйствительно, все перемѣнилось: мѣсто полекъ, вальсовъ, кадрилей, заступили *тихій*, *скорый* и *бѣглый* шагъ. Я, отвыкши отъ фронта, часто ошибался, получалъ отъ полковника выговоры, былъ постоянно раздраженъ. Одинъ полковой острякъ совѣтывалъ мнѣ кунить собаку, чтобъ было на комъ вымѣщать свою досаду, когда меня распекутъ. Я поблагодарилъ его за совѣтъ и принялся за воинскій уставъ.

Съ новымъ полковымъ командиромъ и общество полка начало принимать другой характеръ. Всѣ тѣ господа, которые затверживали кадриль, чертя на аспидной доскѣ переходы дамъ и кавалеровъ въ разныхъ фигурахъ, равно и тѣ, которые учились танцовать, ставя за *дамъ* своихъ деньщиковъ,—принялись за воинскій уставъ. *Французскіе разговоры* и всѣ тѣ *карманные* словари, въ которыхъ пуда полтора вѣсу, были оставлены. Такъ какъ офицеры были въ сборѣ при штабѣ полка, то по вечерамъ сходились къ какому нибудь *душѣ общества*, кто поиграть въ волнующія душу игры — въ банкъ и штоссъ, кто выпить на чужой счетъ. Между офицерами были такіе остряки и проказники, которые что ни скажутъ, всѣ покатываются со смѣху. Анекдоты за анекдотами сыпятся, какъ изъ ро-

га изобилія; иные тутъ же на мѣстѣ сочиняются и разсказываются. Одинъ скажетъ хорошо, а другой—еще лучше; третій такую штуку отмочитъ, или такую пулю отольетъ, что заткнетъ за поясъ и перваго и втораго. Кто не слыхалъ изъ читателей такихъ исторій (разсказываемыхъ въ холостыхъ кружкахъ), героями которыхъ непремѣнно былъ или армейскій поручикъ, или драгунскій штабсъ-ротмистръ. Но душею всего общества былъ штабсъ-капитанъ Холкинъ. Если разсказать хоть третью долю его продѣлокъ, то составилась бы книга, толщиною съ «Мертвыя души». Конечно, въ этихъ продѣлкахъ не было ничего особенно предосудительнаго, но выказывалось только остроуміе изобрѣтателя. Разкажу только нѣкоторыя изъ нихъ. 1) Надо вамъ сказать, что Холкинъ умѣлъ превосходно поддѣлываться подъ чужіе голоса. Мы стояли въ лагерахъ, гдѣ, какъ извѣстно, каждый офицеръ живетъ въ отдѣльной палаткѣ. Въ нашемъ полку было два офицера, *Х.* и *У.*, постоянно враждующихъ между собою. Холкинъ, въ отсутствіи *Икса*, забрался въ его палатку и началъ оттуда говорить колкости *Игреку*, поддѣлываясь, конечно, подъ голосъ *Икса*. Раздраженный *Игрекъ* бросился въ палатку *Икса*, чтобъ наказать своего врага, но не засталъ тамъ никого, потому что Холкинъ успѣлъ скрыться. 2) Холкинъ, узнавши, что вечеромъ въ лагерѣ будетъ *тревога* (когда барабанщики начинаютъ бить тревогу—всѣ войска поспѣшно одѣваются въ полную походную амуницію и выбѣгаютъ, какъ можно скорѣе, на *переднюю линейку*, гдѣ и выстраиваются), сюртукъ одного очень *длиннаго* офицера тайкомъ перенесъ въ палатку *коротенькаго*, а сюртукъ *коротенькаго* — въ палатку *длиннаго* (оба офицера были равной толщины). Когда ударили тревогу, то оба офицера надѣли, въ торопяхъ, тѣ сюртуки, кото-

рые попались подъ руку. Можете себѣ представить хохотъ цѣлаго полка, когда увидѣли одного офицера въ сюртукѣ *до пятъ* и съ таліей ниже брюха, а другаго—въ такомъ сюртукѣ, талія котораго приходилась подъ мышками, а полы едва прикрывали брюхо?.. 3) Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ стоялъ полкъ, жилъ одинъ богатый помѣщикъ — панъ Вшеклупицкій—большой охотникъ трунить надъ гг. офицерами. Холкинъ, узнавши объ этомъ, познакомился съ паномъ, который, однажды, при немъ сталъ трунить надъ неловкостью товарищей Холкина и пригласилъ самого Холкина на балъ, желая потѣшиться надъ его неловкостью. Холкинъ беретъ мундиръ у товарища, который былъ гораздо выше и толще его, надѣваетъ подъ этотъ мундиръ свой собственный и является въ домъ пана, при многочисленномъ собраніи пышно разодѣтыхъ дамъ и кавалеровъ. Когда онъ вошелъ и раскланялся всѣмъ съ медвѣжьей ловкостью, то мужчины едва не фыркнули отъ смѣха, а дамы, закрывши рты платками, убѣжали въ дальнія комнаты, гдѣ хохотали чуть не до истерики. И было надъ чѣмъ: фалды мундира били по пяткамъ, а рукава болтались, потому что были на четверть длиннѣе рукъ. Помѣщикъ, просто, былъ въ восторгѣ, что отыскалъ такого шута, который, въ сущности, былъ вовсе не *шутъ*, а только *проказникъ*. Разумѣется помѣщикъ, а за нимъ и гости начали трунить самымъ обиднымъ образомъ надъ Холкинымъ (который прикидывался дурачкомъ) и, внимательно подмѣчавшимъ тѣхъ, которые болѣе другихъ надъ нимъ смѣялись. Начались танцы. Помѣщикъ и гости, ради потѣхи, почти силой заставили Холкина танцовать. Онъ, сначала, вглядывался въ манеры всѣхъ танцующихъ вообще, а потомъ тѣхъ изъ нихъ, которые надъ нимъ трунили. Вдругъ онъ началъ копировать танцующа-

го визави такъ натурально, такъ похоже, что всѣ сразу догадались, кого онъ передразниваетъ. Осмѣянный господинъ конфузился, терялся и исчезалъ въ дальнемъ концѣ залы, *убитый*, какъ говорится, *на повалъ*. Потомъ, Холкинъ сталъ поддѣлываться подъ манеры другаго танцующаго съ такою точностію, что всѣ чуть пальцами не указывали на осмѣяннаго. Такимъ образомъ Холкинъ перебралъ всѣхъ тѣхъ, которые надъ нимъ смѣялись. Тогда увидѣли всѣ ясно, что не они его, а онъ ихъ дурачитъ. Хозяинъ, догадавшись, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ замѣчательнымъ, просилъ его оставить шутки и танцовать такъ, какъ только онъ умѣетъ. Холкинъ исчезъ, и чрезъ четверть часа явился одѣтымъ въ стройный мундиръ, началъ танцовать, и танцовалъ такъ, что всѣ рты разинули отъ изумленія. Когда кончился балъ и общество сблизилось съ Холкинымъ, то онъ сказалъ хозяину въ видѣ наставленія: никогда не должно смѣяться надъ *цѣлымъ* обществомъ, и что для пустаго верхогляда кажется смѣшнымъ, то для *умнаго человѣка* можетъ показаться очень, очень грустнымъ...

Вотъ у этого-то Холкина и собиралось все полковое общество. А ужь гдѣ собирается такая одушевленная компанія, — тамъ недалеко и до *исторіи*. Однажды вышла между играющими исторія, такая *пріятная*, что лучше про нее и не разсказывать. Я хотя и не былъ въ числѣ *историческихъ* дѣятелей, все-таки былъ въ числѣ присутствующихъ, и никакъ не могъ ни уйти, ни принять *нейтралитетъ*. Однимъ словомъ, я былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ были европейскія державы при Наполеонѣ, когда для всей Европы былъ одинъ девизъ: «другъ Англіи—есть врагъ Наполеона, а другъ Наполеона—есть врагъ Англіи.»

Полный самыхъ тягостныхъ предчувствій, воротился я домой въ пять часовъ по полуночи. Ночь я провелъ очень скверно, снилась мнѣ всякая чепуха: подсвѣчники, щипцы, съ крыльями по бокамъ, летали по горницѣ; какая-то госпожа съ переломанной спиной, съ оторваннымъ ухомъ, наклонилась ко мнѣ и сказала: за что вы такъ искалечили меня, вѣдь я бубновая дама? Поутру явился ко мнѣ изъ канцеляріи вѣстовой съ лаконической запиской: «...прибыть въ 10 часовъ утра на квартиру г. командира полка для объясненія по дѣламъ службы». Съ сердечнымъ волненіемъ, которое, по живописному выраженію г. Щедрина, обнаруживалось «*трясеніемъ поджилковъ*», предсталъ я предъ лицо полковаго командира. Надо вамъ сказать, что онъ былъ человѣкъ добрый, справедливый, но вспыльчивый и строгій; одинадцати вершковъ росту, голосъ имѣлъ громоподобный и лицо красное, какое любятъ изображать живописцы у людей, освѣщенныхъ заходящимъ солнцемъ. Увидѣвъ меня, онъ исполнился справедливаго негодованія, и началъ меня закидывать фразами, въ родѣ слѣдующихъ: такъ, вы, сударь, такъ-то оправдываете довѣріе вашего начальства? такъ, вы, милостивый государь, такъ-то поддерживаете честь мундира, который носите?... Онъ говорилъ еще много такого, что говорится въ подобныхъ случаяхъ, и заключилъ свою рѣчь такъ: извольте, сударь, подавать въ отставку! Какъ громомъ пораженный, стоялъ я передъ нимъ, бормоча какія-то оправданія; но увы! онъ и слушать меня не хотѣлъ, повернулся и исчезъ изъ залы. Часа черезъ два, полковой писарь съ перомъ за ухомъ, подалъ мнѣ заранѣе написанное отъ моего имени прошеніе объ отставкѣ.—Не угодно ли подписать эту бумагу? сказалъ онъ съ иронической улыбкой.

И вотъ, я уволенъ въ отставку, и представляется мнѣ

обширное поприще дѣятельности: могу жить, какъ хочу, никому не давая отчета. Могу вступить въ подряды съ казной, заняться торговлей, купить имѣніе, сдѣлаться помѣщикомъ, устроить фабрики, заводы; однимъ словомъ, быть полнымъ независимымъ хозяиномъ. Но, въ томъ-то вся запятая и есть, что на это нужны деньги, деньги и деньги! Еслибъ онѣ были, я бъ никого не спрашивалъ, что мнѣ дѣлать. —А богатые родители, которыхъ вся жизнь протекала въ пріемѣ гостей, въ поѣздкахъ по гостямъ?— Въ томъ-то все и горе, что они, по своей добротѣ, поили, кормили и встрѣчнаго и поперечнаго, а дѣтей оставили безъ куска хлѣба. Изъ послѣдняго письма матери узналъ я, что имѣніе давно было заложено и перезаложено, а что теперь продано съ молоточка, и все-таки не хватаетъ вырученной суммы на уплату долговъ разнымъ погребщикамъ, трактирщикамъ, магазинщикамъ и другимъ *щикамъ*. Одно можно сказать въ оправданіе родителей, что они прожились *не по наклонности къ мотовству*, а по сердечной простотѣ, по добросердечію, совершенно позабывши, что нужно что нибудь и дѣтямъ оставить. И нынче богатые люди проживаются; но проживаются, какъ говорится, ни въ чужое брюхо, ни въ свое: никто изъ нихъ лишней копѣйки не истратилъ на другихъ; никто у нихъ кускомъ хлѣба не попользовался, а промотались они—на свою собственную особу, или на какую нибудь актрису, которая даже и спасибо за это не сказала, а просто, назвала дуракомъ.—Зачѣмъ вколачивали въ мою голову всякую ненужную дрянь? зачѣмъ, вмѣсто всей этой ученой околесицы, не научили меня какому нибрдь полезному ремеслу, напр. шить сапоги или готовить кушанье? Зачѣмъ, не выучивши ничему основательно, вселили въ меня какую-то глупую амбицію, натолковали

о какомъ-то высокомъ призваніи, познакомили съ прихотями роскоши и бросили на произволъ всѣхъ лишеній, безъ куска хлѣба? Лучше бы я былъ простымъ мужикомъ: я бы нанялся въ дворники, въ дровоколы и былъ бы сытъ. О, пансіонъ, пансіонъ!

Такъ роптalъ я, обвиняя въ своихъ несчастіяхъ всѣхъ, кромѣ самого себя.—Что бы съ нами не случилось, мы никакъ не хотимъ сознаться въ своихъ ошибкахъ, а сваливаемъ всю бѣду на другихъ, обвиняя и родителей и воспитателей и судьбу, которой будто бы угодно преслѣдовать насъ до конца жизни.

При расчетѣ, казначей, съ безстрастіемъ, свойственнымъ казначеямъ всего земнаго шара, вычелъ изъ жалованья долгъ три рубля въ пользу какого-то бѣднаго семейства, два рубля за лотерею, въ которой разыгрывали какого-то разбитаго на всѣ четыре — мерина, такъ что выигравшему доставалась только честь похоронить его, да продать шкуру за рубль. Однимъ словомъ, мнѣ приходилось всего получить семнадцать рублей одну и три четверти копѣйки серебромъ. *Семнадцать рублей одну и три четверти копѣйки серебромъ* на всю жизнь! На возвратномъ пути я встрѣтилъ многихъ офицеровъ, которые постоянно твердили что *другъ познается въ несчастіи* и которые отворачивались, при встрѣчѣ со мной. И вотъ я, чужой для всѣхъ, не имѣя ни родныхъ, ни друзей, остался одинъ, въ глуши, верстъ за тысячу отъ Петербурга. Хоть ложись поперегъ дороги и умирай! Сколько я ни перебиралъ плановъ, сколько ни создавалъ проектовъ, ни одинъ не приводилъ ни къ чему, кромѣ голодной смерти. Оставалось одно изъ двухъ: ѣхать или къ дядѣ, или къ матери. Къ ней ѣхать было незачѣмъ, потому что она сама осталась *безъ гроша;* оставалось ѣхать къ дядѣ.

Чтожъ, думалъ я, онъ богатъ, имѣетъ много связей, знакомство имѣетъ хорошее, слѣдовательно ему ничего не будетъ стоить *приткнуть* меня куда нибудь къ мѣсту. Но какъ перенестись за тысячу верстъ, на коврѣ-самолетѣ что-ли?.. Пѣшкомъ?—Но какъ же можно тащиться пѣшкомъ въ такую даль благородному человѣку, человѣку, которому вколачивали въ голову столько наукъ, твердили о его высокомъ назначеніи? Такъ я философствовалъ, сидя въ нетопленной каморкѣ, которую долженъ былъ нанимать, потому что казенной квартиры не давалось. Справедливо замѣчаніе, что если обрушатся на человѣка бѣды, то всѣ разомъ. Дрова вышли; чаю осталось на два раза, сахару— три кусочка; парадные сапоги лопнули; даже лучшіе панталоны измѣнили и начали лопаться у штрипокъ. Ко всему этому, хозяйкѣ задолжалъ восемь цѣлковыхъ. Оглушенный ударомъ, надо мной разразившимся, я еще не сознавалъ вполнѣ всего ужаса моего положенія, ничего не предпринималъ, потому-что все это было такъ для меня ново; такъ я былъ застигнутъ въ расплохъ. что не въ состояніи былъ ничего придумать При томъ мнѣ никогда не приходилось *сниссивать* себѣ пропитаніе самому, безъ чужаго пособія; не приходилось побывать въ *ежовыхъ лапахъ* бѣдности и нищеты. Я съ ранняго дѣтства воспитывался то у родителей, то въ пансіонѣ. Будучи юнкеромъ, я хоть и хлебалъ солдатскіе щи, но все же жилъ на всемъ готовомъ. Попавши подъ покровительство полковницы, я катался, какъ сыръ въ маслѣ; получивши чинъ прапорщика, я все же не умиралъ съ голоду.—Вмѣсто того, чтобъ сидѣть сложа ручки и смотрѣть, какъ таютъ послѣдніе 17 рублей, мнѣ надобно было дѣйствовать и дѣйствовать; но предчувствіе несчастія отнимало энергію и охоту за что нибудь взяться. На душу мою налегла какая-то тяжелая, свинцовая тоска, тоска

безъ слезъ, безъ порывовъ отчаянія, но убивающая въ человѣкѣ вѣру въ самого себя. Я ходилъ, какъ потерянный. Не дай Богъ врагу быть въ такомъ положеніи! Въ одну изъ такихъ горькихъ минутъ, пошелъ я бродить по городу и какъ-то машинально зашелъ въ трактиръ, выпилъ одну за одной *три* рюмки водки, съѣлъ порцію винегрету и двѣ—телятины. Спросилъ газету и началъ читать о войнѣ англичанъ съ индѣйцами и турокъ съ черногорцами, и до того заинтересовался первой войной, какъ будто на меня было возложено очистить Индію отъ инсургентовъ... Во многихъ есть слабость совать носъ, куда ихъ не просятъ, заботиться о томъ, что до нихъ не касается. Всѣ мы любимъ толковать, заботиться о благѣ цѣлой Европы и указывать съ кѣмъ нужно заключить миръ, кому объявить войну и съ какимъ государствомъ вступить въ союзъ. Я знавалъ такихъ господъ, которые пишутъ проекты объ обогащеніи всей Россіи, а не знаютъ, гдѣ достать *гривны*, чтобъ купить булку къ чаю... Такъ и я: думалъ о судьбахъ Великобританіи и Индіи, а позабылъ о томъ, что самому скоро придется идти по міру. Жалкіе обрывки образованія, которыми засорили мою голову, лишили меня того практическаго такта, которымъ владѣетъ всякій лавочникъ, всякій неграмотный мужикъ.—Что все стоитъ? спросилъ я у половаго.—За три рюмочки водочки—*тридцать* копѣечекъ, за винегредъ 45 копѣечекъ, да за двѣ порціи телятинки *рубь пятьдесятъ копѣечекъ*, итого: *2 рубли 25 копѣечекъ*. Я остолбенѣлъ отъ ужаса. Ужасно мнѣ хотѣлось обругать половаго, но онъ смотрѣлъ на меня съ такою плутоватою почтительностію, что ничего не оставалось дѣлать, какъ расплатиться.—Не люблю я бывать въ русскихъ трактирахъ: противны мнѣ эти половые, которые любятъ смотрѣть въ глаза, когда посѣти-

тель ѣстъ, даже считаютъ куски, оставшіеся на тарелкѣ, словно хотятъ проникнуть въ вашу душу, узнать сколько у васъ денегъ въ кошелькѣ. Противны мнѣ эти плуты и ихъ содержатели. Въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, кромѣ козлиной бороды; въ нихъ нѣтъ этой доброты и кротости нашего степнаго мужичка, а только одно плутовство, пронырство да ненасытная жажда прибытка. Такимъ образомъ цѣлыя тысячи содержателей харчевенъ, цѣловальниковъ и другихъ грабителей русскаго мужичка, разбогатѣвши, стремятся во всѣ города святой Руси, открываютъ тамъ трактиры, гостинницы съ *билярдомъ* и обсчитываютъ православный народъ, да всякую чиновничью дребедень; а отростивши себѣ пузо въ три обхвата, суются во вторую гильдію... Не ищите русскаго человѣка въ большихъ городахъ, на битыхъ трактахъ, а ищите его въ глуши, куда еще не успѣла проникнуть такъ называемая *цивилизація;* ищите русскаго мужичка въ его семьѣ, въ честномъ званіи хлѣбопашца, а не на фабрикахъ, не за прилавкомъ.—Жаль, что у насъ просвѣщеніе всегда начинается съ *хазоваго* конца: съ пунша, съ фраковъ, трубокъ да бильярдовъ. По прекрасному выраженію г. Ламакина (въ статьѣ: о распространеніи знаній въ Россіи) «мы заимствовали отъ Европы то, чего вовсе не нужно было заимствовать». Намъ прежде всего хочется *казаться* европейцами, а *не быть* ими на *самомъ дѣлѣ*. Однако я заговорился опять о благѣ русскаго человѣка и позабылъ о самомъ себѣ.—Изъ оставшихся 14 р. 76 к. надо было 8 рублей заплатить хозяйкѣ. Въ меня начала закрадываться грѣшная мысль—*улетучиться* какъ нибудь изъ квартиры, не заплативши. Чтожъ, подсказывалъ мнѣ услужливый разсудокъ, она надуваетъ проѣзжихъ, такъ отчего жъ не надуть и ее? Но у меня не хватило на столько практичности, чтобъ улиз-

нуть никѣмъ незамѣченнымъ, да и самая совѣсть заговорила какъ-то *не кстати*, такъ что я бросилъ этотъ планъ. Но хозяйка была тертый калачъ, обстрѣленный воробей: смекнула въ чемъ дѣло и взяла мой чемоданъ подъ залогъ. Я сталъ просить, чтобъ она дала мнѣ пообѣдать, но она сказала на-отрѣзъ, что пока не заплачу стараго долга, не дастъ *крохи хлѣба*. Сидя по цѣлымъ днямъ въ нетопленой квартирѣ, безъ чаю, безъ обѣда, я сталъ придумывать средство, какъ бы забыться и прогнать эту страшную тоску, это сверленіе подъ ложечкой, хорошо знакомое всѣмъ, которые бывали въ подобныхъ передѣлкахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, извѣстно, что придумываетъ русскій человѣкъ.... Даже не только русскій, но и англійскій и американскій человѣкъ. Всѣ мы любимъ тыкать пальцемъ въ русскаго человѣка потому только, что онъ у насъ подъ носомъ, а обо всѣхъ этихъ итальянцахъ, американцахъ и о другихъ *анцахъ* судимъ только по извѣстіямъ, напечатаннымъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ, или по описаніямъ богатыхъ *туристовъ*, которымъ всякій народъ кажется совершеннымъ, за исключеніемъ того, среди котораго онъ имѣетъ свои вотчины... Но намъ обычая не измѣнить, поэтому буду говорить только про свое. Точно, широка натура русскаго человѣка, ужъ коли радость обуяетъ его —слышитъ и *видитъ* весь крещеный міръ, что радуется русскій человѣкъ; а ужъ какъ прихватитъ его горе, да засосетъ въ груди *тотъ червякъ*, что все водки проситъ, отправляется онъ въ кабакъ и пьетъ до тѣхъ поръ, пока изъ него *дымокъ не пойдетъ*, или пока пить будетъ не на что.—Послалъ я дворника взять извѣстную всему православному народу *мѣру*, и выпилъ безъ подраздѣленій на рюмки... Черезъ четверть часа я пришелъ въ самое *умилительное* состояніе: мнѣ

представлялось, что я гонимъ за правду; что я невинный страдалецъ; что рано или поздно, міръ узнаетъ, кто я таковъ!.. Поѣду на Кавказъ,—думалъ я, дослужусь до *генерал-фельдмаршала;* пріѣду сюда въ городъ; полковникъ ко мнѣ явится и будетъ просить у меня прощенія, а я ему скажу: *теперь уже поздно, батюшка!..* теперь я вамъ покажу, какъ меня выгонять въ отставку!.. вонъ, вонъ отсюда! Я даже закричалъ вонъ! и сталъ размахивать руками такъ, какъ будто бы я дѣйствительно *выгонялъ* полковника. Хозяйка прибѣжала въ испугѣ, полагая что я спятилъ съ ума. Убаюкиваемый такими сладкими грезами, я заснулъ. Просыпаюсь, смотрю въ окно, и никакъ не могу рѣшить, утро ли теперь, или вечеръ? Короче, я проспалъ 14 часовъ. Мнѣ пришла счастливая мысль идти къ губернатору, пріѣхавшему тогда въ городъ, и просить у него мѣста. Губернаторъ былъ человѣкъ *свѣжій*, вновь поступившій на мѣсто, съ самымъ возвышеннѣйшимъ образомъ мыслей, человѣкъ безукоризнѣйшій и правдивѣйшій. Вступивъ въ должность, онъ нашелъ страшныя упущенія въ управленіи своего предмѣстника. Таковъ ужъ обычай; всякій, вновь вступающій въ должность, находитъ страшныя упущенія въ *управленіи своего предмѣстника*, хоть бы дѣло шло нетолько объ губерніи, но даже объ курятникѣ. Новый губернаторъ съ чего-то вообразилъ, что въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ берутъ напропалую взятки съ просителей, и поклялся до тѣхъ поръ не слагать оружія, пока не сотретъ съ *лица губерніи* всѣхъ, до послѣдняго, взяточниковъ. Это тоже непреложный у иныхъ обычай: каждый губернаторъ, вступая въ должность, старается прежде всего *искоренить взятки.* Съ этой благой цѣлію онъ собралъ всѣхъ чиновниковъ, долго и краснорѣчиво толковалъ имъ о долгѣ, о чести, потомъ разгоря-

чился, разбранилъ всѣхъ ихъ впухъ и впрахъ и совершенно безвинно, потому что чиновники брали взятки только въ карточной игрѣ, что не запрещается.

И такъ, наслышавшись много хорошаго объ новомъ градоначальникѣ, отправился я къ нему. У подъѣзда стояло много столоначальническихъ дрожекъ и предсѣдательскихъ колясокъ. Двое часовыхъ, словно выточенные изъ дерева, стояли, не моргнувъ глазомъ. Когда я вошелъ, пріемная была биткомъ набита венгерками, фраками, полуфраками и разными пальто-мѣшокъ. Все это были господа, чувствующіе свое достоинство. Передняя была тоже биткомъ набита чуйками, сибирками, армяками, зипунами, т. е. людьми вовсе не чувствующими своего достоинства.. Мнѣ, какъ офицеру, почтительно дали дорогу. Въ ожиданіи выхода начальника, смутно глядѣлъ я и на вычищенную задвижку двери, и на какую-то припухшую физіономію съ сизымъ носомъ; какъ вдругъ кто-то пребольно ударилъ меня сзади по плечу. Оборачиваюсь назадъ, и вижу того самаго господина, который завязалъ *непріятную* исторію былъ причиною изгнанія моего въ отставку. Первымъ моимъ желаніемъ было—вцѣпиться въ его пушистыя бакенбарды, но, удерживаемый чувствомъ приличія, я отворотился отъ него съ презрѣніемъ. Здравствуй, *кутила-мученикъ!* закричалъ онъ мнѣ. Каковы негодяи! за что они насъ съ тобой выгнали изъ службы? Нѣтъ, у насъ не любятъ людей честныхъ, *энергическихъ*, благородныхъ! Кто лебезитъ, лизать готовъ что угодно, тотъ возвышается, а благородныхъ людей гонятъ: намъ-дескать такихъ не нужно! продолжалъ онъ во всеуслышаніе. Онъ видимо почерпнулъ вдохновеніе изъ акцизно-откупнаго коммисіонерства и говорилъ такъ громко, что всѣ обратили на насъ вниманіе.

— Ну, не подлость ли? продолжалъ онъ, обратясь къ

сизому носу,—меня и его выгнали изъ полка! (тутъ онъ указалъ на меня пальцемъ). Я готовъ былъ провалиться отъ стыда, но ораторъ продолжалъ рѣчь, даже скрѣпилъ ее довольно сильнымъ словцомъ. Къ счастію, двери отворились, и вошелъ всѣми ожидаемый начальникъ. Онъ былъ въ должности всего двѣ недѣли, но такъ хорошо усвоилъ всѣ манеры своего сана, что казалось, будто бы онъ родился въ этой должности. Товарищъ мой ринулся прежде меня, растолкалъ всѣхъ и началъ: ваше превосходительство! взгляните на меня! сиръ, нагъ и убогъ, третій день не видалъ крохи во рту, скитаюсь безъ пристанища. Подалъ въ отставку, думалъ управлять деревней, а она—*бестія*, какъ на зло, сгорѣла. *Притките* меня куда нибудь къ мѣсту!» — Все это было сказано во все горло, съ сильными жестами, даже съ нѣкоторымъ благоуханіемъ изъ устъ... Губернаторъ долго его слушалъ, наконецъ, мягкимъ, размѣреннымъ голосомъ сказалъ: при всемъ желаніи, опредѣлить васъ къ мѣсту не могу: всѣ вакансіи заняты. Мнѣ нечего было дожидаться повторенія того же отвѣта, и я постарался ускользнуть незамѣтно отъ товарища. Попытался было я обратиться съ просьбою къ одному предсѣдателю палаты, но тотъ, растопыривши руки и пожавъ плечами, выразилъ всей своей фигурой сожалѣніе о томъ, что не можетъ дать мнѣ мѣста.

— Много кончившихъ курсъ студентовъ служатъ сверхъ штата, въ ожиданіи вакансіи, отвѣчалъ онъ. Съ сокрушеннымъ духомъ воротился я домой. Хозяйка, пронюхавши объ моей бѣдѣ, начала, наступя на горло, требовать, чтобы я съ нею расплатился.

— У меня стоялъ одинъ такой шерамыжникъ, все должалъ, должалъ, а потомъ, какъ вѣдьма, и исчезъ въ

трубу; даже чемоданъ оставилъ, да только пустой, а ужъ когда я его раскрыла, то увидѣла такое неприличіе, что и сказать нельзя... говорила хозяйка. Лавочникъ, который мнѣ вѣрилъ вдолгъ, не отпустилъ мнѣ даже золотника чаю, не смотря на то, что я увѣрялъ его честнымъ словомъ русскаго дворянина. Однимъ словомъ, нужда сжимала меня постепенно, какъ желѣзными клещами. Ни къ чему не оставалось больше прибѣгнуть, какъ къ молитвѣ. Долго и жарко я молился, и какой-то лучъ надежды и отраднаго успокоенія разлился по всему существу моему. У всѣхъ у насъ есть слабость: когда мы счастливы, веселы, здоровы и при деньгахъ, намъ въ голову лѣзутъ и картишки, и венеры медицейскія, и даже является желаніе нарѣзаться, какъ порядочный саложникъ, а чуть только постигнетъ насъ бѣда, или захвораемъ, мы тутъ рады всѣ образа уставить свѣчами, даемъ обѣщаніе и къ мощамъ сходить, и исправиться; но какъ только бѣда и болѣзнь пройдутъ — мы опять пошли писать по прежнему. Надо вамъ сказать, что въ городѣ проживалъ одинъ магнатъ, имѣвшій нѣсколько тысячъ душъ. Онъ служилъ прежде въ лейб – гусарахъ изъ чести, т. е. не бралъ жалованья, а отдавалъ его на канцелярію. Натурально, онъ въ одинъ день столько же проживалъ, сколько армейскій подпоручикъ въ годъ; я отправился къ нему. Швейцаръ смѣрилъ меня презрительно съ головы до ногъ и указалъ на парадную лѣстницу. Въ передней, которую я принялъ за пріемную, меня встрѣтилъ лакей, одѣтый въ отличный фракъ и съ часами. Я оробѣлъ и проговорилъ: ваше сіятельство!—Онъ сейчасъ выйдетъ, сказалъ онъ такимъ мягкимъ и пріятнымъ голосомъ, какого не услышишь изъ устъ многихъ господъ. Вошелъ статный мужчина лѣтъ 32, красавецъ въ полномъ смыслѣ слова.

Чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ? спросилъ онъ. Ваше сіятельство! началъ я, покраснѣвъ до ушей, — я хорошо понимаю, что не имѣю никакого права безпокоить *ваше сіятельство*, и только одна крайность заставила меня просить сколько нибудь денегъ у *вашего сіятельства*.— Сколько вамъ? спросилъ графъ.—Одолжите, *ваше сіятельство*, если можно, 25 рублей, и я почту первымъ долгомъ возвратить ихъ въ скорѣйшемъ времени *вашему сіятельству*. У тебя нѣтъ ли двадцати пяти рублей? спросилъ графъ у лакея.—Есть, да все пятидесяти рублевыя, ваше сіятельство, отвѣчалъ лакей, и вынулъ великолѣпной отдѣлки бумажникъ, туго набитый сѣренькими и радужными. Возьмите 50, сказалъ графъ. Я взялъ у лакея деньги, долго кланялся, обѣщаясь *вскорѣ* уплатить долгъ; но графъ не обратилъ даже вниманія на послѣднія слова: ему 50 цѣлковыхъ составляли тоже, что для меня мѣдный пятакъ. Онъ мнѣ поклонился очень вѣжливо, безъ малѣйшей спѣси, безъ иронiи, и ушелъ. Правду говоритъ пословица, что за Богомъ молитва не пропадаетъ: онъ услышалъ мою молитву. Замаскировавши свое благородіе нагольнымъ тулупомъ, отправился я въ Петербургъ, гдѣ, пользуясь обратными ямскими, а гдѣ на порожнякѣ до перваго кабака, въ которомъ подчивалъ мужичка родимымъ напиткомъ за то, что подвезъ меня. По пріѣздѣ нанялъ какую-то нору за 15 к. сер. въ сутки; питался печонкой, которой съѣдалъ на 5 коп. сер. въ сутки, а по праздникамъ предавался роскоши: хлѣбалъ щи въ харчевнѣ... Медлить было нечего, и я отправился къ дядѣ, который переселился въ Большую Милліонную. Кто обивалъ пороги богачей, тотъ можетъ судить, съ какимъ чувствомъ взялся я за ручку колокольчика. Кого вамъ нужно? спросилъ отворившій.—Петра Кузьмича Воздухова, отвѣчалъ я.—

ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

— Одолжите, ваше сіятельство, 25 рублей, и я почту первымъ до-
гомъ возвратить ихъ въ скорѣйшемъ времени вашему сіятельству.

— У тебя нѣтъ ли 25-ти рублей? спросилъ графъ у лакея.

— Есть, да все 50-ти рублевыя, ваше сіятельство.

— Разменяй 50, сказалъ графъ.

Уѣхамши, отвѣчалъ лакей и затворилъ двери такъ быстро, что едва не прихлопнулъ моего носа. Возвращаюсь, гляжу—летитъ мнѣ на встрѣчу какой-то подержаный франтъ съ распростертыми объятіями. Здравствуй, дружище! сказалъ франтъ и заключилъ меня въ свои объятія. Я остолбенѣлъ, потому что никакъ не могъ припомнить его лица.—Неужели не узнаешь *Иванова?* продолжалъ онъ, не выпуская меня изъ объятій. Еще мы съ тобой въ одной *школѣ* учились! — Я васъ не имѣю чести знать, отвѣчалъ я.

— Ну, Богъ съ тобой! отвѣчалъ онъ и скрылся. Возвращаюсь домой, хочу вынуть изъ боковаго кармана портмонэ—портмонэ нѣтъ! Тогда-то я догадался, что облобызавшій меня—былъ мошенникъ. *Ивановымъ* онъ назвался потому, что надѣялся попасть на какого-нибудь моего товарища, потому что *Ивановыхъ* бываетъ въ каждой школѣ штукъ по пяти, по десяти. Я знаю одно военно-учебное заведеніе, въ которомъ 22 Ивановыхъ, 14 Петровыхъ и 8 Соколовыхъ. Мошенникъ не назвалъ училища ни *пансіономъ*, ни *гимназіей*, а употребилъ названіе *школа*. Сюртукъ мой былъ растегнутъ и ему ничего не стоило вытащить портмонэ, а съ нимъ и послѣдніе пятнадцать цѣлковыхъ. Можете судить, какъ ужасно было мое положеніе, когда я остался безъ гроша денегъ? Среди многолюднаго города, наполненнаго такимъ множествомъ человѣколюбивыхъ обществъ, я, сдуру, боялся умереть голодною смертію, какъ въ какой нибудь Барабинской степи. Конечно, опасенія мои были напрасны, потому что въ Россіи никто еще съ голоду не умиралъ... Все горе было въ томъ, что я не умѣлъ ни за что приняться. По какому-то странному предразсудку, наше бѣдное дворянство считаетъ унизительнымъ заняться какимъ-нибудь по-

лезнымъ ремесломъ, словно честный, полезный трудъ можетъ быть для кого бы то ни было унизительнымъ. Ложный стыдъ былъ прежде повальной болѣзнію почти всего средняго круга, но теперь, благодаря мудрымъ мѣрамъ правительства и болѣе здравому взгляду на вещи, эта болѣзнь остается принадлежностью людей отсталыхъ, людей враждебно смотрящихъ на всѣ полезныя нововведенія. Но эти нетопыри, боящіеся всякаго свѣта, или повывелись, или такъ запрятались въ щели, что ихъ и не видно... Однако, не смотря на первую неудачную попытку, я отправился опять къ дядѣ. Меня впустили. Всего болѣе меня мучила та мысль, какъ я покажусь въ попошенномъ сюртукѣ, когда одежда есть первая рекомендація не только для офицера, но даже для лакея, который хочетъ нанятся въ порядочномъ домѣ? Не только пустые фразеры, любящіе на словахъ ратовать за права человѣчества, воспѣвающіе всю поэзію нищенскихъ лохмотьевъ, но даже люди самые добрые, самые умные на сей планетѣ, поддаются обаятельному вліянію внѣшности: любятъ судить о плодѣ по скорлупкѣ, и видя потертый бѣлесоватый сюртукъ, лоснящіеся рукава, оторванную съ мясомъ пуговицу, смѣло утверждаютъ: должно быть пьянюшка!

Они не хотятъ знать, сколькихъ лишеній стоило поддержать этого заштопаннаго инвалида, чтобъ онъ совсѣмъ не развалился. Человѣкъ, незнавшій никогда нужды, любящій даже на картинахъ видѣть прилизанность и приглаженность, съ презрѣніемъ отвернется отъ лохмотьевъ честнаго бѣднява, и если подастъ ему мѣдный грошъ, то назлословитъ на полтину, скажетъ про себя: до чего опустился человѣкъ, до чего палъ!... Вслѣдъ за этимъ мысленно сравнитъ свою чистоту душевную и безукоризненность, съ нечистотою своего порочнаго собрата, и ска-

жетъ, подобно фарисею: Господи! благодарю тебя за то, что я не такой грѣшникъ, какъ мытарь сей.—Пожалуйте! сказалъ лакей и ввелъ меня въ кабинетъ. Среди мраморныхъ нѣмецкихъ ученыхъ и алебастровыхъ французскихъ и другихъ философовъ, которыми уставленъ былъ кабинетъ, возсѣдалъ мой дядя за великолѣпнымъ бюро. Глобусы, ландкарты, библіотека въ шкафахъ, заставляли предполагать, что *глобусъ* дяди былъ до самой макушки набитъ всевозможными познаніями, но къ несчастію, въ этой гладкорасчесанной головѣ помѣщались только цифры ежегоднаго доходу, числа, въ которыя бываютъ именины графа такого-то, княгини такой-то, да двѣ-три городскихъ новости, и больше ничего. Я почтительно, поклонился этому,—«величественному болвану», какъ сказалъ нѣкій письтель,—но я такъ не скажу и назову его величественнымъ господиномъ.—Я пріѣхалъ, дяденька, просить васъ опредѣлить меня къ мѣсту.... несчастный случай...—Вѣдь ты служилъ? сказалъ дядя, не глядя на меня. — Мнѣ велѣли подать въ отставку, сказалъ я, и слезы градомъ покатились изъ глазъ моихъ. — Если велѣли тебѣ подать въ отставку, значитъ, ты такъ велъ себя, что тебя нельзя было оставить на службѣ, сказалъ дядя. Я разсказалъ ему, что былъ только впутанъ въ непріятную исторію, хотя самъ не сдѣлалъ ничего дурнаго и предосудительнаго. Положимъ, что ты говоришь правду, но все-таки ты виноватъ кругомъ тѣмъ, что связался съ негодяями.—По неопытности, дяденька; впередъ этого не будетъ. Бога ради опредѣлите меня къ мѣсту! при вашемъ обширномъ знакомствѣ это не составитъ труда.

— Какъ же я могу рекомендовать тебя, когда не знаю, какъ ты велъ себя въ полку? Вѣдь этимъ я могу компрометировать себя. — Вѣдь я *могу умереть съ голоду*,

добрый дядюшка...—Довольно того, что я тебя воспиталъ на свой счетъ (онъ лгалъ), опредѣлилъ въ полкъ. Не вѣкъ же мнѣ водить тебя на помочахъ; у меня есть *свои* дѣти (это тоже не доказано, были ли у него свои дѣти). Я не виноватъ, что твои родители проѣли все свое состояніе... Сказавши это, онъ ушелъ и *я* стоялъ, какъ обшпаренный кипяткомъ. Мое положеніе походило на положеніе того помѣщика, который ждалъ присылки оброку изъ деревни, а вмѣсто-того, получилъ письмо, въ которомъ извѣщали его, что деревня сгорѣла до тла. Я продолжалъ стоять, какъ окаменѣлый. Вольтеръ смотрѣлъ на меня изъ угла съ самой язвительной насмѣшкой... Тупо смотрѣлъ я на все окружающее; я не сознавалъ въ эти минуты всего ужаса моего положенія: въ душѣ была какая-то страшная тишина, какъ въ природѣ передъ грозой. Благодѣтельный законъ природы устроилъ такъ, что при множествѣ несчастій, столпившихся разомъ, человѣкъ словно цѣпенѣетъ; такъ что первый сокрушительный ударъ проходитъ, какъ бы вскользь: вторые и третьи хотя и повергаютъ человѣка въ невыразимое отчаяніе, но въ нихъ уже нѣтъ той силы, и они, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше слабѣютъ и слабѣютъ, какъ дрожащія струны, какъ звукъ ударяющаго колокола. Только одинъ неумолимый, все взвѣшивающій разсудокъ изъ прежняго раболѣпнаго слуги страстямъ превращается въ строгаго обвинителя и, какъ безотвязная тѣнь, преслѣдуетъ тебя своими вѣчными вопросами: зачѣмъ ты это сдѣлалъ? ничего этого бы не было, еслибъ ты велъ себя умно. Русская пословица въ трехъ – четырехъ словахъ чрезвычайно наглядно выразила это состояніе души: ка-бы зналъ, гдѣ упалъ, такъ соломки-бъ подостлалъ. Нить моихъ размышленій прервалъ вошедшій въ кабинетъ лакей. Онъ посмотрѣлъ на меня съ такою

дерзостью, къ какой только можетъ быть способенъ лакей богатаго господина, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣй убраться. Выйдя на улицу, я былъ оглушенъ громомъ экипажей. Мимо меня неслись щегольскія коляски, выполированныя, какъ зеркало; въ нихъ сидѣли разные величественные господа, важно развалясь. Какая-то пара чудныхъ вороныхъ коней везла старую, сморщенную, какъ сушеный грибъ, старуху. На козлахъ сидѣлъ кучеръ съ бычачьей шеей и толщины необычайной. Стоило же такимъ дивнымъ конямъ и такому чудовищному кучеру трудиться везти старую дребедень, которую пара дряхлыхъ мериновъ могла бы преспокойно сдать въ человѣческій архивъ—на кладбище. По тротуарнымъ плитамъ, гладкимъ, какъ полы провинціальныхъ гостиныхъ, ходили господа съ такими глубомысленными физіономіями, что, казалось, будто вся улица была биткомъ набита пальмерстонами, гумбольдтами и другими современными свѣтилами, но увы! въ головахъ большей части гуляющихъ было также чисто и гладко, какъ въ стеклянныхъ колпакахъ солнечныхъ лампъ. Каждый прогуливающійся господинъ поражалъ своею внѣшнею безукоризненностію, какъ поражаетъ путешественника, положимъ, Парижъ внѣшнею щеголеватостію своихъ домовъ, которые названы кѣмъ-то каменными гробами. Но загляните внутрь узенькихъ, темныхъ, никогда не просыхающихъ вонючихъ дворовъ, на эту кучу нагроможденныхъ одинъ на другой этажей, на эти комнатки, величиною съ канареечную клѣтку—притонъ нищенства и разврата, и тогда вы съ омерзѣніемъ отвратите лицо свое отъ великолѣпнаго города или таковаго же господина. Нить ѣдкихъ сарказмовъ пресѣкла похоронная процессія. Надъ сплотившеюся толпою возвышался парчевый балдахинъ, который, не смотря на

свою величавую наружность, производилъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. За нимъ тянулся длинный рядъ каретъ, колясокъ, пролетокъ, линѣекъ съ господами и госпожами, ведущими самую одушевленную бесѣду. Мимоидущіе снимали шапки и крестились. Пѣвчіе вытягивали въ ниточку серебристыми голосами: святый Бо-оо-же! На душѣ у меня столько накипѣло горечи, что при этой похоронной мелодіи слезы полились градомъ. Я плакалъ не о покойникѣ, котораго не зналъ, а о себѣ, конечно. Мнѣ хотѣлось послушать этого сладостнаго напѣва, который такъ гармонировалъ съ моимъ душевнымъ настроеніемъ, и я пристроился къ числу шедшихъ за гробомъ. Вы, вѣроятно, изъ *облагодѣтельствованныхъ* покойникомъ? спросилъ меня какой-то обложенный плерезомъ старичекъ, отъ котораго несло, какъ отъ табачной лавочки. Я кивнулъ головой въ знакъ согласія. Истинный былъ благодѣтель для насъ страждущихъ, отвѣчалъ старикъ, жаль только, что былъ страшный взяточникъ.., Я вамъ по секрету скажу, что онъ по міру пустилъ цѣлыя тысячи вдовицъ и сиротъ, сказалъ старичокъ на ухо, словно боялся, чтобы покойникъ не услыхалъ его словъ. Старичокъ, какъ я узналъ, служилъ подъ начальствомъ умершаго и, по привычкѣ, побаивался его даже и тогда, когда ужъ онъ ничего не видѣлъ, не слыхалъ, не могъ ни распечь, ни отдать подъ судъ... Миновавъ пустынныя линіи Васильевскаго острова, мы дотащились до Смоленкаго. Гробъ понесли по кладбищу на рукахъ, вѣтеръ выл, обрывая листья березъ плакучихъ и свободно разгуливалъ между памятниками. Издали доносилось завываніе послѣдняго *вѣчная память*: вѣроятно зарывали гробъ на другомъ концѣ кладбища. Я въ первый разъ былъ на Смоленскомъ, и меня поразило разнообразіе памятниковъ. Кладбища

большихъ городовъ сами походятъ на большіе города, населеніе которыхъ увеличивается ежедневно къ ущербу первыхъ. Тутъ тоже есть своя аристократія, спящая подъ бронзой и мраморомъ, и плебеи—подъ деревянными крестами... Люди умѣли перенести свое тщеславіе даже за предѣлы гроба... иные памятники очень походили на китайскія бесѣдки и даже на кафе-рестораны, которые устраиваются въ садахъ и паркахъ. Чего тутъ не было? и плачущія музы, и сѣтующія богини, и трубящая слава, которую запачкали мимолетающія вороны..... Многіе надгробные камни были испещрены всевозможными похвалами умершему, въ прозѣ и стихахъ, и даже послужными списками. Очень кому нужно было знать, что такой-то господинъ скончался въ чинѣ статскаго совѣтника и былъ примѣрный господинъ, чадолюбивый отецъ, любящій супругъ! Вотъ гробъ опустили на полотенцахъ, и онъ бултыхнулъ въ воду. Неутѣшная супруга, вышедшая потомъ черезъ шесть недѣль замужъ, металась, рвалась въ могилу и просила, чтобъ ее закопали вмѣстѣ съ мужемъ. Сбывши съ рукъ покойника, всѣ съ веселыми лицами помчались крупною рысью съ кладбища. Меня усадили съ какой-то старушонкой на *трепыхалу* извощика. Пріѣхали. Картина накрытыхъ столовъ раззадоривала аппетитъ приглашенныхъ. Кто познатнѣй, обѣдалъ въ залѣ; намъ накрыли въ передней. Со мной помѣстился за столомъ какой-то дьячокъ въ длинномъ, синемъ сюртукѣ, пономарь съ пучкомъ сзади, да полдюжины какихъ-то старухъ. Въ сторонѣ стояла кутья, красиво выложенная изюмомъ и три графина водки съ икрой и семгой на тарелкахъ. Вы какую употребляете? спросилъ меня какой-то развеселившійся шелоновый сюртукъ.—Все равно, отвѣчалъ я.—Нѣтъ, я такъ предпочитаю *очищенную*, и хлопнулъ четыре рюмки.

За обѣдомъ меня озарила свѣтлая мысль: я рѣшился, подобно *Горюну* Буткова, ежедневно сопровождать покойниковъ до ихъ послѣдняго жилища. Потерявши способность плакать, я началъ носить въ карманѣ луковицу, чтобъ, при случаѣ, прослезиться и быть приглашеннымъ на поминки. За покойниками дѣло не ставало: Петербургъ, какъ громадная машина, ежедневно поглощалъ многихъ дѣятелей, стремившихся въ него со всѣхъ концовъ Европы и Россіи, и извергаетъ тѣхъ изъ нихъ на Смоленское и Волково, которые пришли въ негодность. Много есть въ немъ господъ (въ малыхъ чинахъ, но съ большими капиталами), умѣющихъ, съ удивительною ловкостью, обдѣлывать свои дѣла; чинно, гладко, безукоризненно протекающихъ свое служебное поприще, людей, стяжавшихъ имя человѣка *рѣдкихъ правилъ* и трехъ-этажные дома, но подорвавшихъ свое здоровье всякими излишествами подъ самый корешокъ.

И вотъ, на 45 году своей достославной жизни, господа, ловко обдѣлывающіе свои дѣла, начинаютъ чувствовать или разслабленіе въ нервахъ, или боль въ позвоночномъ столбѣ, или трясеніе во всѣхъ членахъ, и начинаютъ къ нимъ ѣздить господа съ такими благоприличными манерами и бакенбардами, въ такихъ черныхъ атласистыхъ фракахъ, что, кажется, отъ прикосновенія къ нимъ, выздоровѣешь. Я вамъ дамъ легонькую микстурку, говоритъ пріятный господинъ,— и она васъ облегчитъ. Господинъ, ловко обдѣлывающій свои дѣла, никакъ не можетъ обдѣлать дѣло такъ, чтобъ быть здоровымъ, и готовъ уже отдать половину своего имущества, честными трудами пріобрѣтеннаго, лишь бы не умереть. Но смерть уже повѣяла своимъ крыломъ надъ благоприличнымъ господиномъ, и никакія клятвенныя обѣщанія исправиться

и вести себя лучше; никакія пожертвованія на храмы, на бѣдныхъ, поздно спохватившагося господина, не въ состояніи отдалить ее ни на одну секунду. Чувствуя близость расчета за свои дѣла, благоприличный больной созываетъ таковыхъ же господъ на консиліумъ, справедливо полагая, что столько искусныхъ врачей въ состояніи воскресить одного человѣка. Господа, прописывающіе легонькія микстурки, съѣзжаются, начинаютъ довольно благозвучно бесѣдовать на латинскомъ діалектѣ, и кончается все дѣло двадцати пяти рублевой признательностію, да мускусомъ, которымъ подчуютъ больнаго для легчайшаго переселенія въ мѣсто сельне, въ мѣсто злачне, въ мѣсто покойне... Такія желчныя мысли приходили мнѣ о тѣхъ господахъ, смерти которыхъ я самъ былъ обязанъ тѣмъ, что не умеръ голодною смертію. Человѣкъ—животное неблагодарное: любитъ пробовать свое остроуміе именно надъ тѣми, которые, по глупости или по добротѣ, его ласкаютъ, принимаютъ и кормятъ.—Страсть острить—эпидемія XIX вѣка; мы готовы пощадить добраго человѣка отъ злословія, отъ клеветы; но если, въ это время, намъ придетъ какая нибудь, хотя и подленькая, но острая мысль, мы готовы пожертвовать отцомъ роднымъ, только ради одобрительнаго хохота. Однако, мнѣ наскучила такая бродяжническая жизнь, да при томъ не всегда перепадали богатые покойники. Такая жизнь сильно растраивала пищевареніе: въ одинъ день наѣшься такъ, что животъ готовъ лопнуть, а въ другой— такъ его подведетъ, подымется такое урчаніе, что незнаешь куда дѣться. Но чѣмъ же жить? не стоять-же на перекресткѣ да не протягивать же руки за подаяніемъ съ вѣчной фразой на устахъ: «Милостивѣйшій государь! лишившись мѣста по проискамъ враговъ, я остаюсь безъ крова и безъ пищи. Не дайте умереть съ

голоду, хоть ради жены и семерыхъ малютокъ (хоть просящій и во снѣ не видалъ никакихъ малютокъ), пожалуйте что нибудь на пропитаніе.»—Но я не дошелъ до этого, и отправился къ какой-то госпожѣ, которая въ газетахъ изъявила желаніе имѣть учителя, основательно знающаго французскій языкъ. — Да вы природный французъ, или нѣтъ? спросила госпожа.—Мнѣ кажется, сударыня, для вашихъ дѣтей все равно, кто бы ни былъ учитель, лишь бы зналъ свое дѣло.—Нѣтъ, мнѣ непремѣнно нужно природнаго француза, отвѣчала она.—И мнѣ бы хотѣлось быть учителемъ въ домѣ *умной* хозяйки, а не у васъ, сказалъ я и ушелъ. Отправился я потомъ къ одному благодѣтельному лицу, искать мѣста въ полиціи. Благодѣтельное лицо былъ благоразумный старичокъ, съ масляными глазами, какіе бываютъ у кота, когда онъ, пригрѣвшись на солнышкѣ, смотритъ черезъ окно на чирикающихъ воробьевъ. Долго и пріятно говорилъ онъ, что все готовъ для меня сдѣлать, и непремѣнно сдѣлаетъ все, что можно; что употребитъ всѣ зависящія отъ него средства и постарается всѣми силами... Я развѣсилъ уши, и считалъ ужъ себя опредѣленнымъ къ мѣсту, какъ вдругъ старичокъ сказалъ: но... но, въ настоящее время ничего не могу для васъ сдѣлать! Однако, несмотря на такой печальный финалъ, я насѣлъ на старика и до того ему надоѣлъ своими визитами, что онъ рѣшился дать мнѣ мѣсто. Съ лицомъ, сіяющимъ отъ удовольствія, полетѣлъ я къ дядѣ, чтобъ порадовать его нѣжное сердце и попросить на экипировку. Встрѣтилъ я его на Невскомъ, важно прогуливающимся въ числѣ другихъ безукоризненныхъ господъ.

—Дядюшка, милый дядюшка! закричалъ я и ухватился за полу прекраснаго его пальто. Мнѣ кажется, онъ скорѣе согласился бы снести оскорбленіе глазъ на глазъ, въ ка-

бинетѣ, нежели позволить дурно одѣтому чековѣку назвать себя, въ присутствіи столькихъ джентльменовъ, дядюшкой. Многіе господа, проходя мимо, дарили насъ презрительными взглядами; дядя все это видѣлъ и страдалъ.— Приходи ко мнѣ завтра, только, Бога ради, пусти меня! сказалъ и перешелъ на другую сторону улицы. Къ несчастію, есть такіе выродки, которые, не краснѣя, сгибаются, жмутъ руки нужному негодяю, но постыдятся при людяхъ поклониться родному отцу, если онъ дурно одѣтъ.

Господи, когда выведется это дон-кихотство?... Не взирая на всѣ усилія правительства и высшихъ властей, не взирая на всѣ справедливые сарказмы фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя — дон-кихоты не переводятся, какъ блохи лѣтомъ; изъ этихъ словъ читатель ясно видитъ, что я порядкомъ окрысился на всѣхъ таковыхъ господъ вообще и на дядиньку въ особенности.

Прихожу на другой день къ дядѣ, швейцаръ загородилъ мнѣ дорогу. —Мнѣ самъ дядюшка приказалъ къ нему явиться, сказалъ я и отправился прямо въ кабинетъ.

Дядя, увидя меня, разразился упреками. На тебѣ 25 рублей!—Бога ради только не кланяйся мнѣ на улицѣ, и не подходи ко мнѣ. Обрадованный такою милостію, я далъ клятвенное обѣщаніе, не только не говорить съ нимъ, но даже, при встрѣчахъ, обходить его. Помни же! сказалъ онъ,—что ты меня не знаешь и я тебя не вѣдаю.

Кое-какъ я справилъ себѣ одежонку. Магазинщикъ офицерскихъ вещей, узнавши о перемѣнѣ власти въ кварталѣ, принесъ мнѣ, въ видѣ дара, новую каску и шпагу.

Какъ я ни отнѣкивался отъ подобныхъ приношеній на алтарь правосудія, магазинщикъ отвѣчалъ, что ужъ это такъ испоконъ-вѣку водилось; что, дескать, это не нами

*

началось, не нами и кончится... Хожалый унтеръ-офицеръ, видя мою застѣнчивость и неопытность, началъ обходиться со мною за панибрата и сильно упрекалъ меня за то, что напрасно шилъ платье на свои деньги. Не буду распространяться о прежнемъ житьѣ-бытьѣ мелкой полицейской власти, скажу только, что, слѣдуя новѣйшимъ идеямъ, я отвергалъ съ благороднымъ негодованіемъ и поросятъ и индѣекъ и головки сахарцу, и принялся за службу съ полнымъ усердіемъ. Но, не смотря на мою исправность, вслѣдствіе какихъ-то неизъяснимыхъ законовъ природы, частный приставъ безпрестанно мнѣ дѣлалъ выговоры: и то-то у васъ не такъ, и это-то не такъ; я пробовалъ отдѣлываться отъ него спасительнымъ молчаніемъ, но и молчаніе не спасло меня отъ выговоровъ. Хожалый, большой знатокъ человѣческой природы вообще, и природы частныхъ приставовъ въ особенности, совѣтывалъ мнѣ не нарушать *общей гармоніи полицейскаго управленія* и не отвергать *нѣжныхъ* изъявленій просительской привязанности...

— Э, говорю вамъ, не плошайте!—Хожалый, точно, не плошалъ, ибо имѣлъ свой домикъ на Охтѣ да тысчонокъ пятокъ чистагану. Надо было, по его теоріи, прикрывать кой-какіе грѣшки, т. е. видишь-невидишь. Однако, я турнулъ совѣтника. Узнавши объ притонѣ мошенниковъ въ моемъ кварталѣ, которые мирно воровали лѣтъ пятокъ, отдариваясь кой-кому, я накрылъ ихъ и донесъ по формѣ. Всѣ мелкія власти навострили уши, ожидая какого нибудь промаха съ моей стороны. Въ этой службѣ за промахами дѣло не станетъ. Въ моемъ кварталѣ нашли два будочника мертвое тѣло. *Добрые* люди совѣтывали мнѣ перетащить его до свѣту на другую сторону улицы, гдѣ была даже другая часть, но я не хотѣлъ взваливать сво-

ей бѣды на чужую голову. Частный пришелъ въ бѣшенство, узнавши, что я не послушался *добрыхъ* совѣтовъ, донесъ обо мнѣ, какъ объ неглижерѣ, а случившееся смертоубійство отнесли къ моему недосмотру и отказали отъ мѣста. Я опять остался какъ ракъ на мели. Родятся же такіе, несчастные какъ я! Я во всю жизнь цыпленка не обидѣлъ; съ кѣмъ ни служилъ, всѣ считали меня человѣкомъ благороднымъ, за чтожъ судьба такъ безжалостно преслѣдуетъ меня! Ропотъ закрался въ мою душу; мысли тѣснились въ головѣ, одна другой мрачнѣй... Въ одну недѣлю я исхудалъ страшно, потерялъ сонъ и аппетитъ; у меня даже стала побаливать грудь; пробовалъ я и молиться, но молитва не могла вознестись до Бога— уста произносили молитву, а со дна души подымался какой-то зловѣщій голосъ... Я ужъ началъ съ какимъ-то наслажденіемъ помышлять о смертоубійствѣ. Но прежде чѣмъ растанусь съ жизнію, думалъ я, отомщу моимъ притѣснителямъ. Первымъ, по моему мнѣнію, долженъ былъ потерпѣть частный приставъ. Мнѣ хотѣлось поджечь домъ его, но потомъ я вспомнилъ, что у него нѣтъ своего дома, а что онъ живетъ въ частномъ домѣ, вмѣстѣ съ пожарной командой; слѣдовательно, поджечь дома не было возможности. Потомъ я подумалъ, чѣмъ насолить дядѣ за его гордость? Отравить его? — это слишкомъ жестоко; вызвать на дуэль — не пойдетъ. Такія сумасбродныя мысли ясно показываютъ, что я былъ въ крайне-раздраженномъ состояніи. Но мало ли какой дряни приходитъ въ человѣческую голову; отъ мысли еще далеко до исполненія, притомъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской религіи, человѣкъ только въ первую минуту гнѣва готовъ на злодѣйскій поступокъ, а потомъ простывши, все готовъ забыть, простить... Но мысль о самоубій-

ствѣ не покидала меня: я пробовалъ зарѣзаться бритвой, но не достало духу; хотѣлъ уморить себя угаромъ: ставилъ сальные огарки на горячіе уголья, но хозяйка дома помѣшала и въ этомъ. Видя неуспѣхъ во всемъ, даже въ самоубійствѣ, отправился я на Троицкій мостъ часовъ въ 12 ночи. Погода была мерзѣйшая, проѣзжихъ по мосту было мало, пѣшеходовъ—ни души. Вѣтеръ гулялъ вдоль улицъ и переулковъ; фонари на мосту качались, скрипя на своихъ петляхъ. Внизу, глубоко, подъ мостомъ бушевала черная бездна Невы, сверкая искрами дальнихъ фонарей. Я перелѣзъ за перила, повисъ надъ бездной, раскачался, но удержался одной рукой за перильный брусъ. Я совсѣмъ свѣсился съ моста, все еще держась одной рукой, одна нога только опиралась на окраину моста... Но этотъ шумъ водяной бездны пугалъ меня... Вдругъ двѣ сильныя руки крѣпко ухватились за мою руку, рукавъ мой затрещалъ: два какихъ-то прохожихъ вытащили меня и поставили по сю сторону перилъ. Идите за мной! сказалъ одинъ изъ нихъ, и я послѣдовалъ за ними.

—

ГЛАВА III.

Стариковская жизнь Николая Петровича на Петербургской сторонѣ. Наши занятія. Русская кухня. Невинныя забавы. Радушные пріемы на станціяхъ. Въѣздъ въ Малороссію. Перемѣна природы. Картина малороссійской деревни Березовки. Лѣтній день въ Малороссіи и описаніе нашего образа жизни Какъ проводилъ зиму Николай Петровичъ. Размышленія о дальнемъ сѣверѣ. Мой отъѣздъ въ Петербургъ.

Конвоируемый спереди бариномъ, а сзади Афонькой, побрелъ я къ Петербургской сторонѣ, не зная кто и куда

меня ведетъ. Нева съ глухимъ шумомъ врывалась между флашкоутами моста, кипѣла и бурлила, словно сердилась, что отняли у нея—по всѣмъ правамъ принадлежащую ей—жертву.

—Кто вы такой? спросилъ меня избавитель.—Отставной, отвѣчалъ я.—Что вамъ за охота была отправиться въ Неву?—Я боялся умереть голодною смертію.—Въ Россіи голодною смертію не умираютъ, отвѣчалъ онъ.—Эй! извощикъ! закричалъ баринъ лежавшему на дрожкахъ подъ рогожей *ваньку*.—Занятъ, отвѣчалъ тотъ флегматически. Вдругъ задребежжали по мостовой колеса, и четверо извощиковъ пустили вскачь своихъ мохнатыхъ буцефаловъ прямо на насъ.—Вотъ, я бы свезъ! Куда прикажете? кричали со всѣхъ сторонъ извощики, загораживая намъ путь. Баринъ выбралъ пролетку; Афонька взмостился на козлы, и черезъ четверть часа мы доѣхали до Тучкова моста. Мы проѣхали мимо пансіона, огни въ домѣ были погашены, только въ знакомой мнѣ спальнѣ тускло свѣтились четыре окна. Скоро дрожки нырнули въ какой-то грязный перелуокъ, который былъ глухъ, мраченъ, какъ кавказскія ущелья; наконецъ мы подъѣхали къ низенькому, одноэтажному дому. Проснувшаяся дворняжка вякнула; ей отозвался какой-то барбосъ сиплымъ басомъ, какой бываетъ у пѣвческаго баса, простудившаго горло; имъ стали вторить сосѣднія дворняжки, и вскорѣ все собачье населеніе Петербургской стороны составило концертъ. Кто тамъ? отозвалась со двора чья-то бабья фистула на стукъ Афоньки.—Николай Петровичъ пріѣхалъ, отвѣчалъ тотъ. Въ домѣ замелькали огни, озаряя противустоящій домъ движущимися полосами свѣта. Калитка отворилась, дворовая собачонка удвоила усердіе и кубаремъ пустилась ко мнѣ, желая уязвить за икры, но была загнана старухой въ кануру. На

крыльцо вышелъ какой-то старичокъ съ фонаремъ, и мы вступили въ низенькіе, тепло натопленные покои. Полы вездѣ были вымыты и устланы чистыми половиками. — А вотъ намъ и гостя Богъ послалъ!—сказалъ старичокъ, торопливо снимая съ меня шинель. Гдѣ, батюшка, такъ запоздали? спросилъ старичокъ Николая Петровича.—Да засидѣлся, Трофимушка, у Ивана Егорыча, спасибо тебѣ, что догадался Афоньку прислать.— Да какъ же, батюшка! на дворѣ тма,-тмущая; сторона здѣсь глухая, оборони Богъ!... Не поставить ли самоварчикъ, отецъ мой? вѣдь вы, я думаю, прозябли.—Хорошо бы—самоварчикъ, Трофимушка; да вотъ что еще: дай ты намъ прежде по рюмочкѣ водочки, да соленаго чего нибудь, такъ оно, чайку-то въ охотку и попьется.—Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! И, засеменилъ нашъ старичокъ, желая поскорѣй удовлетворить просьбу любимаго барина. Пройдя двѣ-три комнаты, освѣщенныя горящими у образовъ лампадами, мы вступили въ уютную комнату, половину которой занимала жарко натопленная израсцовая печка съ лежанкой. Между печкой и окномъ помѣщался длинный и широкій диванъ, весь обкладенный ситцевыми подушками. Въ переднемъ углу, какъ жаръ горѣлъ иконостасъ, озаренный тремя лампадами.— Скиньте сюртукъ, да надѣвайте-ко мой халатъ! оно будетъ вамъ поспокойнѣе, сказалъ добрый Николай Петровичъ, и вынулъ изъ комода ватошный халатъ, такой мягкій и покойный, что, надѣвши его, я чувствовалъ себя какъ въ своей семьѣ.—Я словъ не нахожу, какъ васъ благодарить, сказалъ я, отъ избытка чувствъ, возбужденныхъ такимъ патріархальнымъ радушіемъ хозяина.—Да всякій бы сдѣлалъ тоже самое на моемъ мѣстѣ, отвѣчалъ онъ такимъ добродушнымъ и увѣреннымъ тономъ, что нельзя было подозрѣвать притворной скромности. Трофимъ внесъ на

ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

— Отвѣдайте—ка, батюшка, вотъ этой деревенской!
Я выпилъ, и пріятная теплота разлилась по моему тѣлу.

огромномъ подносѣ три графина водки и нѣсколько тарелокъ съ разными закусками.—Поставька ты намъ столикъ сюда поближе! сказалъ хозяинъ, одѣвшись въ халатъ, туфли и усаживаясь калачомъ на диванъ, на которомъ троимъ можно было спать свободно и вдоль и поперекъ. Трофимъ повиновался. Котъ Васька, весь бѣлый и толстый, почуявши съѣстное, прыгнулъ, мурлыча, на плечо Николая Петровича и началъ тереться около него.—Отвѣдайте-ка, батюшка, вотъ этой деревенской, сказалъ хозяинъ, наливая двѣ рюмки отличнѣйшей настойки. Я выпилъ и пріятная теплота разлилась по моему тѣлу.—Закуситека этими груздочками, сказалъ мнѣ хозяинъ, указывая на полную тарелку груздей, бѣлыхъ, какъ слоновая кость. Раззадоривши аппетитъ, я съѣлъ гриба три.—Да ѣшьте больше! у меня ихъ цѣлая кадочка насолена, говорилъ добродушный хозяинъ, подвигая ко мнѣ тарелку.—А вотъ, этихъ-то, вотъ этихъ-то!... сказалъ онъ, и пододвинулъ еще тарелку съ мелкими грибами. Да кушайте! я церемонныхъ не люблю.—Выпьемъ-ка вотъ этой! сказалъ онъ, наливая изъ другаго графина,—она отлично дѣйствуетъ на желудокъ. Послѣ мы съѣли по углу отличнѣйшей кулебяки.—Теперь чайку пропустить хорошо, продолжалъ хозяинъ, набивая трубку.—Не хотите-ли, я вамъ набью жукова?—привыкъ къ нему: запахъ отъ жукова пріятный такой-то. Мы усѣлись по угламъ дивана, утонули въ его подушкахъ и начали курить. Васька, наѣвшись кулебяки, сѣлъ на лежанку, прищурилъ глазки и запѣлъ свою нескончаемую пѣсню; наконецъ, упоенный нѣгой, опрокинулся на спину и началъ ловить лапками повѣшенное на отдушникѣ полотенце. Трофимъ убралъ закуску и внесъ самоваръ.

Самоваръ напѣвалъ что - то очень жалостное; наконецъ захлипалъ, запыхтѣлъ и пролилъ горячія слезы. Тро-

фимъ заварилъ чай, и по комнатѣ разлилось благоуханіе. Мы выпили чашекъ по десяти съ отличными густыми сливками, покуривая трубочку и дружески бесѣдуя. На дворѣ бушевалъ вѣтеръ, напѣвая, словно похоронную пѣсню; съ нимъ сливался протяжный вой собакъ и окликъ часовыхъ. Дождь мелкою дробью хлесталъ въ оконныя стекла. Какъ-то невыразимо отрадно было въ этакую погоду сидѣть въ теплой комнатѣ, за самоваромъ, подъ кровомъ радушнаго хозяина. Если бы не онъ, мнѣ бы пришлось теперь барахтаться въ темной безднѣ рѣки до тѣхъ поръ, пока бы она не увлекла меня въ глубину сорока саженей...

— Вы у меня погостите недѣльку-другую? спросилъ Николай Петровичъ. Я всталъ и крѣпко пожалъ ему руку. Мнѣ хотѣлось броситься къ нему на шею и разцѣловать его, но, сообразивъ, что это не всякому можетъ быть пріятно, удержался.—Трофимушка, постели-ка намъ постели! сказалъ онъ вошедшему старику.—Перейдемте въ гостинную!.... сказалъ онъ мнѣ, и мы вошли въ чистую комнату съ крашенными полами. Два мягкихъ дивана, обтянутыхъ красивой матеріей, дюжина креселъ, чрезвычайно удобныхъ не только для сидѣнья, но даже для спанья, составляли главное ея украшеніе. Лампа, стоящая на столѣ, разливала пріятный матовый свѣтъ на всѣ предметы. Въ главномъ углу висѣлъ въ дорогомъ окладѣ большой образъ Спасителя, озаренный лампадой. Надъ обоими диванами висѣли два большихъ зеркала въ совершенно гладкихъ рамахъ, съ четырьмя портретами по сторонамъ. Въ одномъ изъ нихъ я сразу узналъ Николая Петровича, на другомъ была изображена миловидная дама, лѣтъ двадцати пяти, въ черномъ бархатномъ платьѣ съ полуоткрытой шеей и съ розаномъ на груди. Это былъ портретъ его супруги, умершей отъ родовъ, какъ я узналъ послѣ. На остальныхъ былъ изображенъ старичокъ въ

напудренномъ парикѣ и дама въ токѣ съ страусовыми перьями. Стѣны были оклеены веселенькими обоями; на окнахъ стоялъ густо разросшійся гераніумъ. Подъ окномъ висѣла клѣтка съ дремавшей на жердочкѣ канарейкой. Одну эту комнату я не промѣнялъ бы на всѣ драпированные, уставленные мебелью и зеркалами, дядины сараи: здѣсь обитаютъ радушіе, спокойствіе совѣсти, тихія радости; тамъ—чопорность, зависть, пустое тщеславіе и скука. Въ такомъ идиллическомъ настроеніи находился я, пока Трофимъ не внесъ мнѣ простыни, подушекъ и мягкаго одѣяла.—Покойной ночи, батюшка! сказалъ хозяинъ и, помолясь передъ образомъ, удалился. Я погасилъ свѣчу, и комната озарилась кроткимъ сіяніемъ лампады. Ликъ Спасителя такъ свѣтло взиралъ, словно говорилъ: «Пріидите вси труждающіе и обремененніи и Азъ упокою вы!» Я долго не могъ заснуть отъ радостнаго волненія; слезы, отрадныя слезы, лились по моимъ щекамъ, и я сталъ молиться. Давно я не молился съ такой пламенной вѣрой, съ такимъ твердымъ упованіемъ. Часы пробили *три*, какимъ-то невыразимо-пріятнымъ боемъ; я легъ и черезъ полчаса заснулъ. Просыпаюсь—свѣтло. Часы показывали половину десятаго. Вошелъ Николай Петровичъ, поставилъ свѣчу къ образу, помолился, поклонился мнѣ и сказалъ: Богъ вамъ милости прислалъ! Я всталъ и нашелъ на стулѣ подлѣ дивана чистое бѣлье и пару платья, которое, при одинаковомъ ростѣ Николая Петровича съ моимъ, сидѣло на мнѣ довольно стройно. При дневномъ свѣтѣ, гостиная показалось мнѣ чистымъ раемъ. Солнце яркимъ столбомъ врывалось въ комнату; въ немъ, какъ міры вселенной, вращались, волновались сверкающія пылинки... Крѣпительный сонъ освѣжилъ меня; на душѣ моей было такъ свѣтло, такъ отрадно, что я не зналъ, какъ воз-

благодарить Творца за всѣ Его милости.—Гдѣ тутъ умыться? спросилъ я вошедшаго Трофима.—А вотъ, сюда, батюшка, пожалуйте! сказалъ онъ, и повелъ меня въ маленькую комнатку, гдѣ въ углу былъ ввернутъ вычищенный мѣдный рукомойникъ съ яркоблестящимъ тазомъ. Тутъ же висѣло на гвоздкѣ чистенькое полотенце, вышитое по краямъ. Въ углу помѣщалась постель Трофима, такая уютная и опрятная, что такъ вотъ и хотѣлось на ней поваляться. Когда я вошелъ въ спальню и поздоровался съ хозяиномъ, онъ ужъ сидѣлъ за столомъ, покрытымъ чистою скатертью. На огромномъ, старинномъ подносѣ, изображающемъ отдыхающее стадо, стояли саксонскія чашечки, такъ любимыя нашими предками. Въ это время вбѣжала полненькая, хорошенькая какъ херувимчикъ, дѣвочка, лѣтъ семи, съ кудрявой головой и большими голубыми глазами; за ней вошелъ такой-же толстый мальчуганъ лѣтъ шести, переваливаясь на обѣ стороны.—А вотъ мои дѣтки, Соничка и Петруша, сказалъ отецъ, цѣлуя ихъ поочередно. Въ чертахъ дѣвочки я нашелъ большое сходство съ матерью, какъ она изображена на портретѣ, а Петя былъ такой милый карапузикъ, что я не утерпѣлъ и расцѣловалъ его. Увлекшись дѣтьми, я и не замѣтилъ вошедшую старушку съ пріятными чертами лица, въ чепчикѣ и въ темнокоричневомъ капотѣ.—А вотъ ихъ нянюшка! сказалъ Николай Петровичъ,—она еще и меня няньчила. Старушка поклонилась мнѣ и стащила внизъ Петю, который уже сталъ карабкаться на плеча Николая Петровича.

Соничка, какъ дѣвочка, была застѣнчивѣй брата и, сдѣлавши мнѣ книксенъ, чинно усѣлась за столомъ. Петя же не утерпѣлъ: слѣзъ со стула и, вскарабкавшись ко мнѣ на колѣни, объявилъ, что папа подарилъ ему собачку, и указалъ на окно, на которомъ стоялъ пудель, опушенный

заячьимъ мѣхомъ и съ какимъ-то скрипомъ, устроеннымъ подъ дощечкой, на которой укрѣплена была игрушка. Въ это время подбѣжалъ къ Петѣ толстякъ Васька и началъ выдѣлывать съ нимъ курбеты. Петя взялъ его на руки и сталъ цѣловать, приговаривая: васька, васька!—Душечка, не цѣлуй кошки! волосъ на дыханіе садится, кошечій волосъ вреденъ, сказала старушка.—А вытвердила урокъ, Соничка? спросилъ отецъ. Она, не дожидаясь приказанія, начала: «Помилуй мя Боже! по велицѣй милости твоей». Что-то было невыразимо-трогательное, когда невинная, непорочная, какъ ангелъ, малютка произносила слова раскаянія. Когда же она дошла до «возложатъ на алтарь Твой тельцы», старикъ долго и съ жаромъ ее цѣловалъ.—Сиротки! сказалъ онъ мнѣ, гладя подошедшаго къ нему Петю по головѣ. При этомъ словѣ, на лицѣ Сонички мелькнуло какое-то облако грусти, а Петя, прислонясь къ отцу головкой, глядѣлъ по прежнему весело: онъ еще не понималъ глубокаго значенія этого слова.—А давно ли вы лишились супруги? спросилъ я своего избавителя. — Скоро семь лѣтъ будетъ, отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувши.—Вы здѣсь постоянно живете?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я пріѣхалъ сюда на время, чтобъ пріискать учителя для дѣтей.—У васъ есть имѣніе?—Двѣсти душъ въ .....ой губерніи.—Какого же учителя желаете вы нанять, иностранца или русскаго?—Мои дѣти русскія, слѣдовательно и учитель долженъ быть русскій, отвѣчалъ онъ.—Чему же вы хотите учить дѣтей?—Прежде всего закону Божію, русскому языку, а потомъ дальнѣйшимъ наукамъ: географіи, исторіи, математикѣ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы учитель умѣлъ говорить по французски и танцовать, чтобъ былъ въ состояніи научить дѣтей. Конечно, я не придаю особенной важности этимъ знаніямъ, но нынче непремѣнно это требует-

ся отъ каждой благородной дѣвушки, отъ каждаго юноши.— Такъ учителя вамъ искать нечего: онъ передъ вами, сказалъ я, поклонившись. Николай Петровичъ посмотрѣлъ на меня вопросительно и, въ видѣ экзамена, началъ говорить со мной по-французски, какъ настоящій парижанинъ. Я отстрѣливался отъ него самыми кудреватыми фразами. Послѣ взаимной бомбардировки, Николай. Петровичъ спросилъ гдѣ я кончилъ курсъ, чему учился? Я досталъ изъ сюртука, спрятаннаго Трофимомъ, аттестатъ, копію съ формулярнаго списка и подалъ Николаю Петровичу. Онъ прочелъ тотъ и другой съ полнымъ вниманіемъ и остался чрезвычайно доволенъ.—Скажите мнѣ откровенно, положа руку на сердце, что заставило васъ подать въ отставку? Я разсказалъ ему безъ утайки, какъ родному отцу, всю мою исторію, которую уже знаетъ читатель.—Я надѣюсь, что за тѣ *маленькія* услуги, которыя я оказалъ вамъ: вы оправдаете мое довѣріе.—Надобно быть ужъ совершеннымъ мерзавцемъ, чтобъ не оправдать довѣрія человѣка, который спасъ мнѣ жизнь и еще хочетъ спасти отъ голодной смерти.—Я васъ понимаю, отвѣчалъ мой избавитель и пожалъ мнѣ руку.— По моему мнѣнію, лучше довѣрить дѣтей человѣку, на признательность котораго я могу расчитывать, нежели какому нибудь пришлецу, который продаетъ свои познанія съ аукціона и преспокойно оставляетъ домъ, если въ другомъ дадутъ рублемъ больше, сказалъ Николай Петровичъ не безъ желчи.—Поручая мнѣ дѣтей вашихъ, вы, надѣюсь, не раскаетесь, потому что мой долгъ—хоть чѣмъ нибудь отплатить вамъ за спасеніе моей жизни.—Итакъ, по рукамъ! сказалъ онъ. Мы хлопнули по рукамъ.—Скажите откровенно, что вы возмете въ годъ, при моемъ столѣ, квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и проч.?—Я считаю за преступленіе торговаться съ вами, отвѣчалъ я; тутъ между

нами произошелъ великодушный споръ: онъ настаивалъ, чтобъ я назначилъ цѣну; я отказывался, и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ сказалъ: будьте увѣрены, что я васъ не обижу. Платье, всѣ вещи, вы отъ меня получите. Въ такой бесѣдѣ мы провели время за чаемъ. Изъ нея читатель ясно увидитъ, что Николай Петровичъ, при всей своей добротѣ и радушіи, былъ человѣкъ практическій и осторожный. Двѣ недѣли прошли въ приготовленіяхъ къ дорогѣ: въ закупкѣ книгъ для дѣтей, въ заготовленіи моего гардероба. Это время было одно изъ самыхъ счастливѣйшихъ въ моей жизни. Не хотите ли, читатель, узнать, какъ мы проводили это время?

По утру, вставши часовъ въ семь, отправлялись къ ранней обѣднѣ въ ближайшій приходъ. Потомъ, напившись чаю, я занимался уроками часовъ до десяти, при чемъ присутствовалъ и отецъ. Кончивши уроки, завтракали, т. е. выпивали по двѣ рюмки водки и закусывали какими нибудь затѣями доброй кухарки Арины: или горячими пирогами съ капустой, кашей, или грибами въ сметанѣ, или аладьями съ пылу. Позавтракавши, усаживались на диванъ и закуривали трубки. Послѣ отправлялись гулять по городу или закупать что нужно. Возвратясь домой, садились въ часъ за столъ. Несмотря на то, что Николай Петровичъ имѣлъ тысячъ сорокъ капиталу, онъ никогда не обѣдывалъ въ трактирахъ и предпочиталъ сготовленный Ариной обѣдъ всевозможнымъ гастрономическимъ затѣямъ Дюссо, Донона и Палкина. Столъ состоялъ изъ здоровыхъ русскихъ блюдъ, къ которымъ привыкъ нашъ желудокъ, т. е. изъ отличныхъ жирныхъ щей, которыя никакой поваръ не умѣлъ такъ изготовить, какъ Арина, изъ молочной лапши, изъ бараньихъ кишокъ, набитыхъ кашей, изъ жареныхъ утокъ, или изъ мозговъ. А всей этой мелкоты: тетерокъ,

рябчиковъ, Николай Петровичъ терпѣть не могъ, хотя и не обладалъ аппетитомъ Собакевича. Третье блюдо состояло изъ варениковъ, плавающихъ въ маслѣ, изъ поджаренной на сковородѣ каши со шкварками, изъ драчены или изъ блинчиковъ на молокѣ и т. п. Пообѣдавши, мы оба ложились соснуть часика полтора, для чего Николай Петровичъ нарочно выписывалъ Полицейскія Вѣдомости... Когда просыпались—на столѣ кипѣлъ самоваръ. Послѣ плотнаго обѣда и сна, какъ-то охотно пился чай, и мы выпивали чашекъ по десяти, покуривая и разговаривая. Къ вечеру собиралось человѣкъ пять, шесть, добрыхъ знакомыхъ съ своими дѣтьми. Соничка съ Петей прыгали, рѣзвились съ маленькими гостями, не зная, куда дѣваться отъ восторга. Послѣ двухъ трехъ-рюмокъ густой, ароматной наливки, гости оживлялись: завязывалась одушевленная бесѣда. Небыло въ ней ни желчныхъ выходокъ, ни ѣдкаго злословія, которое только раздражаетъ говорящихъ, а пользы никакой не приноситъ; напротивъ, бесѣда шла о семейныхъ дѣлахъ, о разныхъ измѣненіяхъ въ гражданскомъ быту, невыходящихъ изъ сферы ихъ чиновъ. Николай Петровичъ былъ остороженъ въ выборѣ знакомыхъ, и тѣхъ добродушныхъ взяточниковъ, которые прикрываются смиреніемъ и преданностію властямъ, онъ не жаловалъ. Дѣти играли въ жмурки, въ прятки. Николай Петровичъ пряталъ кого нибудь подъ халатомъ, или въ подушки дивана, или въ шкафъ, и самъ тѣшился отъ души, когда дѣти не могли найти спрятавшагося. Иногда затѣвалась игра въ мушку, или въ свои козыри, и гости простодушно ломали голову, чтобъ во время дать противнику хорошую свалку, или посадить его «на чердакъ» (въ мушкѣ). Подавалась иногда бутылочка бишофа или лиссабонскаго, а съ ними—грѣцкіе орѣхи, мятные пряники. Гости, наве-

селившись досыта, отправлялись въ девять часовъ домой. Затѣмъ слѣдовалъ ужинъ и сладкій девятичасовый сонъ. Конечно, все описанное мною житье-бытье не ново, даже очень старо, но въ томъ-то вся и сила, что мы очень отдалились отъ доброй нашей старины, оттого-то и скучаемъ. Эта простая, здоровая жизнь заставила меня даже пополнѣть. Раздраженная желчь, происходящая отъ безпрерывныхъ неудачъ, начала утихать, взглядъ мой на вещи сталъ измѣняться (что дѣлать!), я сталъ смотрѣть на слабости людей гораздо снисходительнѣй, однимъ словомъ, я достигъ той разумной середины, когда человѣкъ начинаетъ уживаться съ людьми, перестаетъ искать въ нихъ однѣхъ смѣшныхъ сторонъ, а находитъ много хорошихъ. Человѣкъ—эгоистъ: какъ только судьба начинаетъ его гладить по головкѣ—онъ перестаетъ ратовать за права человѣчества; какъ только судьба погладитъ его противъ шерстки—онъ кричитъ, что и то-то не такъ, и то-то не эдакъ, и готовъ перестроить весь міръ на новый образецъ, лишь бы ему было въ немъ поудобнѣе... Сюда не можетъ относиться то благородное негодованіе, какимъ кипятъ энергическія натуры, при видѣ злоупотребленій общественныхъ, при видѣ того зла, которое далеко пустило корни и незамѣтно подтачиваетъ благосостояніе того общества, среди котораго эти натуры родились....

— Сдѣлавши всѣ нужныя приготовленія, Николай Петровичъ началъ собираться въ дорогу, послалъ за почтовыми лошадьми и выѣхалъ въ свою деревню, оставивъ домъ на попеченіе Трофима.

Такъ какъ Николай Петровичъ частенько ѣздилъ въ Петербургъ, то имѣлъ на станціяхъ, на постоялыхъ дворахъ многое множество кумовьевъ, кумушекъ, крестниковъ и крестницъ. Зная его добрую душу, каждая бѣдная баба,

родившая ребенка, будь то жена ямщика, или смотрителя, смѣло просила въ кумовья Николая Петровича, зная, что онъ не откажетъ.

На первой же станціи выбѣжалъ къ нему на встрѣчу смотритель съ женой и обильнымъ запасомъ ребятишекъ. Здравствуйте, добрый куманѐкъ! Здравствуйте, благодѣтель нашъ Николай Петровичъ! кричали вылѣзавшему изъ возка Николаю Петровичу, дѣти, отецъ и жена, которая была ужъ десятый разъ въ интересномъ положеніи. Видно было, что встрѣчали его не съ тѣмъ поддѣльнымъ радушіемъ, съ какимъ встрѣчаетъ раболѣпный чиновникъ значительное лицо, а чисто отъ души. Когда онъ, поздоровавшись со всѣми, усѣлся на диванъ, то маленькія смотрительши и смотрители полѣзли къ нему на плечи и на колѣни и онъ нисколько за это не сердился, не смотря на грязныя ноги и рубашки крестниковъ и крестницъ. Живо появился на столѣ самоваръ, сливки, мягкіе крендели; а смотрительша металась, какъ угорѣлая, желая угодить дорогому гостю. Соничка и Петя подняли съ дѣтьми возню, и простая остановка на станціи для перемѣны лошадей превратилась въ какой-то семейный праздникъ. Однимъ словомъ, подъ животворнымъ вліяніемъ Николая Петровича, всѣмъ было какъ-то невыразимо весело. Задержки въ лошадяхъ рѣдко гдѣ случались, потому-что всякій съ охотой готовъ былъ услужить ласковому барину. Онъ какъ-то умѣлъ всякаго расположить въ свою пользу: кого потреплетъ по плечу, кого про семью распроситъ, кому добрый совѣтъ подастъ. Николай Петровичъ отлично зналъ русскаго человѣка, умѣлъ въ каждомъ затронуть его добрую струну, оттого и не видалъ во всю жизнь никакихъ ссоръ и непріятныхъ столкновеній. Онъ понималъ очень хорошо, что отъ души сказанное ласковое слово дѣйствуетъ на русскаго простолю-

дина лучше всякихъ щедрыхъ даяній на водку. Не даромъ говоритъ пословица: изъ-за русскаго спасибо, мужикъ семь лѣтъ работалъ.

—

Наконецъ, мы въѣхали въ благословенную ...ую губернію. Ямщикъ слѣзъ съ козелъ и побѣжалъ въ пограничную корчму *повидаться* съ какимъ-то *родственникомъ* и возвратился оттуда пьянъ. Короче, тутъ была вольная продажа водки. Характеръ природы началъ видимо измѣняться: вмѣсто безконечныхъ полей, съ какими-то скучными отлогостями, вмѣсто черныхъ бревенчатыхъ избъ, выстроенныхъ «въ порядокъ» (въ такой порядокъ, что если изба загорится на одномъ краю, то вся деревня выгораетъ), начали тянуться по сторонамъ дороги живописно разбросанныя хатки, чисто выбѣленныя, окруженныя садочками; картинные лѣсочки, става (озера). Послѣ Гоголя, было бы странно подчивать читателя описаніемъ Малороссіи, поэтому перейду къ тому времени, когда мы стали подъѣзжать къ деревнѣ Березовкѣ, принадлежащей титулярному совѣтнику Николаю Петровичу Добрякову.

Когда мы стали спускаться съ пригорка, то взорамъ нашимъ представился, какъ громадное зеркало, ставъ, усѣянный островами. Въ темноголубомъ его лонѣ дрожали бѣгущія по небу облака, и стоящее въ зенитѣ солнце отражалось милліонами ослѣпительныхъ искръ. Противуположный берегъ тянулся узкой полосой, и стоящая на немъ деревня Березовка казалась повисшею въ воздухѣ. Дорога круто повернула направо, огибая ставъ. Когда мы проѣхали еще версты три,—видъ перемѣнился: противуположный берегъ сталъ яснѣе обрисовываться. Въ зеркальныя воды глядѣли живописные лѣсочки орѣшника, въ темной глубинѣ которыхъ щелкали соловьи (былъ май). По окра-

*

инамъ горизонта виднѣлись тамъ и сямъ дубовыя рощицы, такія чистенькія, такія веселенькія, что такъ-вотъ и просились на картину. Изъ става поднимались обманчивые островки камыша, на которыхъ водились тысячами дикія утки. Въ свѣжихъ водахъ купались нырки, рыболовы, оглашая воздухъ кажимъ-то пріятнымъ краканіемъ. На темнозеленомъ фонѣ берега ярко сверкали чисто выбѣленныя хаты, окруженныя вишневыми садочками, въ которыхъ неумолкаемымъ хоромъ чиликали воробьи. Наконецъ, мы въѣхали на мягкую греблю, подъ зеленый сводъ густоразросшихся ветлъ. Солнце тихо начинало спускаться, всѣ предметы отбрасывали отъ себя тѣнь; отъ воды потянулъ вѣтерокъ и оживилъ насъ пріятной прохладой. Надъ сонной тинистой водой цѣлыми тучами вились комары; лягушки, услышавъ стукъ колесъ, попрыгали съ гребли въ воду и квакали, выставляя на поверхность воды свои головки... Далеко разносился вокругъ шумъ водяной мельницы, которая, стуча колесами, вся дрожала отъ низу до верху; изъ дверей ея выглядывалъ, какъ привидѣніе, обсыпанный мукою мельникъ.—Все это было такъ для меня ново, такъ поразило мое воображеніе, что я пришелъ въ восторгъ неописанный.

Поднявшись на гору, мы увидѣли чисто выбѣленный одно-этажный домикъ, кругомъ обставленный деревьями. Длинная аллея тополей вела къ его входу. Передъ домомъ разстилался бархатный лугъ, окруженный развѣсистыми ракитами, въ промежуткахъ которыхъ бѣлѣли разныя барскія строенія. Направо отъ дома, между разбросанными яблонями и грушами, стояли огромныя скирды хлѣба. Низенькій плетень, отдѣлявшій лугъ отъ панскаго *тока*, глушилъ бурьянъ и крапива. — Налѣво, спускаясь къ ставу, тянулся садъ, весь состоящій изъ крымскихъ яблонь, гру-

шевыхъ и сливяныхъ деревьевъ, вишень, черешень. Вдоль забора въ тѣни росли малина, крыжовникъ и пр. Далѣе къ ставу спускались ограды, багчи съ дынями, арбузами, и все это оканчивалось длиннымъ рядомъ развѣсистыхъ ветлъ, купающихъ свои вѣтви въ студеныхъ водахъ. — Когда замѣтили со двора подъѣзжающіе къ дому экипажи, нѣсколько мальчишекъ побѣжали къ дому во всю прыть, такъ что можно только было видѣть, какъ сверкали ихъ пятки. Какой-то хохолъ, съ люлькой въ зубахъ и въ кожухѣ, не смотря на жару, лѣниво отворилъ ворота, и мы въѣхали. Жучки, *босыя*, покоившіяся на сѣнѣ, кинулись съ лаемъ, но, почуявъ своихъ, замахали пушистыми хвостами. На крыльцо высыпала прислуга и принялась высаживать барина, дѣтей и выкладывать вещи.

Николай Петровичъ весело со всѣми перездоровался, и мы вошли въ свѣтленькія, низенькія горенки, на подобіе тѣхъ, въ какихъ жили Афанасій Ивановичъ съ Пульхерьей Ивановной. Мнѣ была отведена особенная горенка съ окномъ въ садъ. Мягкій диванъ, такое же кресло, сундучокъ съ вещами и письменный столъ — вотъ и все, что составляло украшеніе моей комнаты. Я открылъ окно, и изъ сада повѣяло благоуханіемъ сирени... Таковъ былъ мой маленькій міръ, который бы я не промѣнялъ ни на какія много-этажныя палаты туманнаго, дождливаго Петербурга.—Когда Николай Петровичъ поселился въ своемъ раю, гдѣ каждый камушекъ, по которому онъ ступалъ, былъ хорошо ему знакомъ, онъ сдѣлался такъ патріархально-простъ и кротокъ, что невольно разливалъ на всѣхъ окружающихъ счастіе и спокойствіе. Чтобъ дать понятіе о нашей жизни подъ благословеннымъ небомъ Малороссіи, русской Италіи, опишу какъ мы проводили время лѣтомъ и зимой. Чувствуя бодрость и веселость послѣ крѣпкаго сна,

встаешь, какъ встрепанный, часовъ въ семь утра. Солнце радостно играетъ въ окнѣ; деревья и трава, освѣженныя росой, издаютъ благоуханіе; птички весело щебечутъ: такъ и тянетъ идти гулять на берегъ озера (става, пожалуй). Надѣвши просторное пальто, шляпу съ полями, отправляешься на берегъ и садишься въ тѣни какой нибудь рощицы, сквозь которую лучи солнца пробиваются яркими полосами. Ляжешь навзничь на шелковую траву и беззаботно вперишь взоры въ безпредѣльныя небеса. Вотъ разносится по водѣ благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, —подходишь къ берегу, садишься въ лодку, переправляешься на ту сторону и идешь въ церковь. Ярко горятъ на фонѣ неба позлащенные кресты; вокругъ нея ростутъ столѣтніе дубы; подъ рѣшетчатой оградой, въ густой травѣ, тонутъ надгробные камни. Вступаешь въ храмъ и повергаешься предъ алтаремъ, довольно искусно росписаннымъ благочестивымъ иконописцемъ ближайшаго мѣстечка. Входятъ крестьяне въ бѣлыхъ свиткахъ; ставятъ подлѣ себя высокія свои шапки и начинаютъ преусердно класть земные поклоны. Является Николай Петровичъ въ степенномъ, длинномъ сюртукѣ съ палочкой и, раскланявшись на всѣ стороны, помѣщается въ уголку. По окончаніи обѣдни, вмѣстѣ возвращаемся домой, гдѣ уже ждетъ насъ самоваръ. Напившись чаю съ густыми сливками отъ любимой тирольской *буренушки*, каждый изъ насъ принимается за свое дѣло: Николай Петровичъ—бесѣдовать съ прикащикомъ, а я—заниматься уроками. Метода ученія была самая простая: кто прежде выучилъ урокъ, тотъ и ступай гулять; оттого дѣти учились въ охотку и, сѣвши заниматься, устремляли полное вниманіе на урокъ. Кромѣ Сонички и Пети, учились подъ моимъ надзоромъ три мальчика и двѣ дѣвочки, которыхъ Николай Петровичъ, послѣ смерти отца ихъ, бѣднаго помѣщика, принялъ на

свое попеченіе. По окончаніи уроковъ, всѣ гурьбой отправляемся осматривать полевыя работы: сѣнокосъ и жатву. Самъ Николай Петровичъ, взявши въ руки косу, преусердно работалъ, а дѣти прыгали, катались въ скошенномъ сѣнѣ или гонялись за стрекозами.

Отпустивши дѣтей домой, отправлялись на винокурню и, осмотрѣвши ее,—выпивали по чаркѣ пробной водки. Когда солнце поднималось высоко и начинало сильно припекать, возвращались домой. Надо замѣтить, что садочки, окружающіе домъ, не пропускали въ него лучей солнца, оттого въ комнатахъ было всегда прохладно.

Полежавши немного подъ навѣсомъ, устроеннымъ для того, чтобъ было гдѣ пить чай во время дождя, Николай Петровичъ приказывалъ разостлать коверъ подъ развѣсистымъ дубомъ, подъ которымъ еще отдыхалъ дѣдъ его, и приготовить завтракъ, состоящій изъ варениковъ, яичницы съ зеленью, грибовъ въ сметанѣ и т. п. Послѣ отправлялись въ темный *стодолъ* (сарай) поваляться на душистомъ сѣнѣ часокъ другой. За тѣмъ слѣдовало купанье подъ мельницей, для чего каждый разъ закладывались бѣговыя дрожки. Выкупавшись, садились въ лодку и катались по озеру. Иногда сопровождалъ насъ Тарасъ, старый рыбакъ, проживший счастливо и безмятежно всю свою жизнь. Онъ еще былъ рыбакомъ при отцѣ Николая Петровича, и зналъ ставъ, какъ свою собственную ладонь. Онъ разсказывалъ намъ, гдѣ водится лучшая рыба, гдѣ покойный баринъ приказывалъ себя высаживать на берегъ, гдѣ, какого числа, подъ какимъ деревомъ отдыхалъ. Мы подъѣзжали къ винокуренному заводу и Тарасу выносили положенную чарку водки. Надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ онъ выпивалъ ее и какъ умасливались его добрые глазки. Накатавшись до сыта по озеру, весело возвра-

щались домой. Николай Петровичъ, проголодавшись, приказывалъ скорѣй накрывать на столъ. Въ жаркіе дни главную роль играла ботвинья со льдомъ, холодецъ съ отличной рыбой, винегреты, студень, холодный поросенокъ подъ хрѣномъ, а, вмѣсто третьяго блюда, подавалась свѣжая клубника, малина со сливками и съ сахаромъ. Послѣ обѣда, хозяинъ и всѣ въ домѣ, по обычаю предковъ, заваливались часа на два спать. Не только баринъ и его прислуга, но даже всѣ жучки-бровки, забившись подъ сѣно, предавались сладкому отдохновенію. Во всей природѣ водворялась необыкновенная тишина, даже птицы, спрятавшись въ тѣнь вѣтвей, умолкали. Среди всеобщаго безмолвія стояло солнце въ зенитѣ и палило невыносимо. Когда жара начинала спадать, снова всюду проявлялась жизнь: коровы, лошади, люди — все это лѣзло въ воду; вдоль става разносился крикъ, хохотъ полоскающихся въ водѣ ребятишекъ; цѣлыя сотни обнаженныхъ всадниковъ разъѣзжало по водѣ на своихъ весело фыркающихъ сивкахъ и буланкахъ. Мы отправлялись тоже купаться, только ужъ не подъ мельницу, а въ купальню, устроенную на концѣ сада и огородовъ. Туда выносили самоваръ и готовили чай. Продрогнувши, мы выскакивали изъ воды и выпивали чашекъ по пяти съ ромомъ... Впрочемъ, Николай Петровичъ не предавался излишеству въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, а любилъ выпить такъ, чтобы быть немножко навеселѣ. Николай Петровичъ, немножко подкуражившись, приказывалъ осѣдлать *Огурчика* и *Мальчишку*, и мы скакали съ нимъ на перегонку по гладкому лугу. Къ вечеру собирались извѣстные гости: Петръ Поликарпычъ, помѣщикъ сосѣдней деревеньки Брыкаловки, отецъ Ермолай съ женой и съ двумя дочерьми и Филипъ Филипычъ, становой ближайшаго мѣстечка, человѣкъ очень добрый и

составляющій весьма пріятное исключеніе изъ тамошнихъ становыхъ приставовъ... Я разыгрывалъ роль свѣтскаго человѣка и увивался около поповскихъ дочекъ, а остальные потягивали наливочку. Подъ конецъ вечера устраивался концертъ: Филипъ Филипычъ игралъ на скрипкѣ, попадья пѣла за втораго баса, дочки ея подтягивали дискантомъ, я съ Николаемъ Петровичемъ сиплымъ теноромъ, а отецъ Ермолай—басомъ. Пѣли, конечно, только церковныя пѣсни. У насъ особенно хорошо выходило: «Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе!» Солнце только спускалось къ горизонту; въ воздухѣ разливалась пріятная прохлада; изъ деревни доносились пѣсни дивчатъ и парубковъ, возвратившихся съ полевыхъ работъ. По дорогѣ тянулись возы, нагруженные горами сѣна, взгромоздившіеся на нихъ мужички, лежа на животѣ, по временамъ флегматически понуждали воловъ своимъ *цобэ-цобе*. Наконецъ огненный шаръ торжественно уходилъ за дальній лѣсъ; въ потемнѣвшемъ небѣ взвизгивали стрижи, прятались одинъ за другимъ въ свои гнѣзда; гдѣ-то въ дальнемъ болотѣ раздавалось краканье дикой утки. Наконецъ темнѣло; гости расходились; цѣлые тучи жуковъ жужжали, какъ пули, разсѣкая во всѣхъ направленіяхъ воздухъ; на небо выступалъ цѣлый хороводъ звѣздъ, и со всѣхъ болотъ и озеръ поднималось громкое кваканіе милліоновъ лягушекъ... Конечно, вся эта картина лѣтняго дня ужъ очень не нова, но тѣмъ не менѣе она прекрасна. Послѣ проведеннаго такимъ образомъ дня, я открывалъ окно. Изъ тиходремлющаго сада вѣялъ теплый вѣтерокъ, и я переносился воображеніемъ за тысячу слишкомъ верстъ. Мнѣ представлялся громадный городъ, на который полгода сѣется мокрый снѣгъ, льетъ холодный дождь; пронзительный вѣтеръ охватываетъ завернувшихся въ шинели и салопы пѣше-

ходовъ; никакія калоши, никакіе надзоры за опрятностью не спасаютъ ихъ отъ мокроты и слякоти, отъ насморковъ, флюсовъ, грипповъ, чахотокъ и пр. и пр. Мнѣ грезятся роскошныя залы, тускло освѣщаемыя подслѣповатымъ дождливымъ небомъ, нѣжныя женскія личики съ припухшими щеками, подвязанныя платкомъ, разноцвѣтныя микстуры, пилюли въ красивыхъ коробочкахъ, вытянутыя зѣвотой лица, раскраснѣвшіеся носы отъ безпрестанныхъ сморканій. Мнѣ слышатся желчныя рѣчи, ѣдкіе сарказмы на весь міръ, горячія перебранки супруговъ по поводу непомѣрныхъ тратъ на предстоящій балъ; мнѣ представляются лукавыя лица съ козьими бородками, смиренно ожидающія въ передней, пока не проснется задолжавшійся имъ по уши господинъ; мнѣ даже видится самъ господинъ за великолѣпнымъ бюро, испытывающій самыя адскія муки, по поводу крайне запутанныхъ дѣлъ, по поводу неотступныхъ просьбъ супруги, купить ей новую бриліантовую брошку, вѣнскую коляску, и многое, многое грезилось мнѣ среди тишины благоухающей южной ночи...

Когда замерзалъ ставъ и поля покрывались серебристой пеленой, весело было жить подъ радушнымъ кровомъ Николая Петровича. Проснешься часовъ въ восемь, комната освѣщается матовымъ свѣтомъ блистающихъ снѣговъ; въ печкѣ весело трещатъ дрова, разливая по всей комнатѣ пріятную теплоту. Выходишь изъ спальни, на столѣ кипитъ самоваръ, наполняя комнату теплымъ паромъ. Николай Петровичъ, успѣвшій уже обойти все хозяйство, покормитъ изъ собственныхъ рукъ любимаго жеребенка—*Игрунчика*, цесарку—*Матрешку*, весело со всѣми здоровался и садился разливать чай. По окончаніи чая и уроковъ, дѣтей отпускали съ нянькой покататься на салазкахъ. Отъ самаго дома шла отлогая гора прямо къ ставу, такъ что сани

раскатывались чуть ли не на полверсты; Николай Петровичъ любилъ самъ кататься и на горахъ и на конькахъ.

Надѣвши легонькіе мерлушечьи тулупчики и плотно подпоясавшись, гонялись мы съ нимъ на перегонки вдоль става, разрѣзая гладкій, какъ паркетъ, ледъ коньками. Въ какія нибудь четверть часа поспѣвали къ Петру Поликарпычу въ его Брыкаловку, отстоящую отъ Березовки въ четырехъ верстахъ. Тамъ закусивши чѣмъ Богъ послалъ, весело возвращались обратно и, порядкомъ прозябнувши, приказывали поставить самоваръ. Послѣ, усѣвшись въ халатахъ, съ трубками, на мягкомъ диванѣ, почитывали какую нибудь книжку. Николай Петровичъ очень любилъ сочиненія Загоскина, Лажечникова, повѣсти Бѣлкина (Пушкина); предпочиталъ ихъ веселый, добрый комизмъ ѣдкому юмору Гоголя; изъ всѣхъ его произведеній любилъ только «Вечера на хуторѣ» да «Миргородъ». Пообѣдавши, соснувши часокъ-другой, приказывали закладывать въ санки парочку кругленькихъ, деревенскихъ лошадокъ. Николай Петровичъ правилъ, я садился съ дѣтьми на главное мѣсто, и, въ какіе нибудь полчаса, пріѣзжали въ мѣстечко *Шлемы* къ доброму Филину Филипычу, у котораго была всегда отличная наливка, добрая хозяйка и пара смазливыхъ дочекъ. Тутъ затѣвались фанты, жмурки, игра въ снѣжки, катанье съ деревянныхъ горъ и прочее и прочее. Отъ этой раздольной жизни я страшно пополнѣлъ. Такъ я провелъ шесть лѣтъ. Неправда ли, что хороша жизнь? А между прочимъ, Николай Петровичъ проживалъ въ годъ не болѣе двухъ тысячъ серебромъ, т. е. весь доходъ съ дома на Петербургской сторонѣ, да проценты съ капитала, который при умномъ управленіи Березовкой, росъ ежегодно. Что касается до капитала, то онъ лежалъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ нетронутымъ. Когда Петѣ

минуло десять лѣтъ, отецъ отдалъ его въ одинъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ. Николай Петровичъ поручилъ мнѣ отвезть сына въ Петербургъ, и я отправился.

ГЛАВА IV.

Исканіе дядюшки. Ласковый пріемъ. Грустныя извѣстія. Я остаюсь жить въ Петербургѣ. Полученіе наслѣдства. Отъѣздъ въ благословенную Малороссію въ д. Малиновку.

Пріѣхавши въ столицу, я рѣшился провѣдать дядю. Являюсь въ его квартиру на Мильонную, мнѣ говорятъ, что онъ переѣхалъ на Литейную въ такой-то домъ. Прихожу туда, мнѣ сказали, что не знаютъ, куда онъ переѣхалъ, а что не угодно ли мнѣ справиться въ полиціи. Справляюсь и узнаю, что дядюшка поселился на Выборгской сторонѣ въ собственномъ домѣ. Спрашиваю будочника, гдѣ живетъ статскій совѣтникъ Воздуховъ, и онъ указалъ мнѣ на сѣренькій одно-этажный домикъ. Эге! подумалъ я, видно дядюшка попромотался. Дядя сдѣлался совершеннымъ старикомъ, страдалъ подагрой и по цѣлымъ днямъ не вставалъ съ постели. Увидѣвъ меня, онъ очень обрадовался, обнялъ меня и долго, долго прижималъ къ сердцу, проливая слезы. Изъ его словъ узналъ я, что дѣти его померли отъ скарлатины, а жена (т. е. моя тетка), ѣздивши куда-то на балъ, простудилась и ужъ третій мѣсяцъ какъ похоронена на Смоленскомъ. Видя убитаго горестію старика, я забылъ, конечно, всѣ обиды, какія терпѣлъ отъ него и отъ тетушки.—Не слыхали чего объ моей матушкѣ? спросилъ я дядю. —Умерла въ богадѣльнѣ, отвѣчалъ онъ. Долго я не могъ оправиться отъ этого печальнаго извѣстія: плакалъ какъ ребенокъ; наконецъ спросилъ: что слышно о братѣ?—Совратился совершенно съ пути: выгнанъ изъ полка въ отставку, и теперь живетъ гдѣ-то изъ милости. Посылалъ, посылалъ ему денегъ,

да потомъ, какъ увидѣлъ, что проку изъ этого нѣтъ, махнулъ рукой!—Ну, какъ ты теперь живешь? спросилъ дядя изнеможеннымъ голосомъ. Я разсказалъ ему.

Просидѣвши съ нимъ до вечера, я хотѣлъ было отправиться домой, но онъ упросилъ меня остаться ночевать. Такимъ образомъ я прожилъ у него четверо сутокъ. На четвертые сутки, когда я сидѣлъ у его постели, поднося то питье, то микстуру, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью: Я чувствую, что во многомъ виноватъ передъ тобой, и желаю поправить свою ошибку. Я старъ, хворъ, не сегодня, такъ завтра умру; родныхъ у меня ни души, поэтому желалъ бы тебѣ передать все мое состояніе. Оставайся жить у меня!—Мнѣ живо представилась скучная однообразная жизнь съ хворымъ, капризнымъ старикомъ, въ сыромъ, дождливомъ и туманномъ Петербургѣ; я мысленно сравнилъ ее съ привольною жизнію въ Березовкѣ, подъ благословеннымъ небомъ Малороссіи и сталъ представлять дядѣ благовидные предлоги къ отъѣзду.—Согласенъ въ томъ, продолжалъ дядя, что не весела будетъ твоя жизнь у такого капризнаго старика, какъ я; но потерпи года два, три, а можетъ быть и меньше, и ты сдѣлаешься наслѣдникомъ пятидесяти тысячъ капитала. — Я нѣсколько обидѣлся за такое невыгодное обо мнѣ мнѣніе, но дядя продолжалъ: Конечно, Николай Петровичъ ласкаетъ, любитъ тебя, но умри онъ—и ты опять останешься не причемъ.—Размысливши здраво, я рѣшился остаться жить у дяди, написалъ письмо Николаю Петровичу, въ которомъ благодарилъ его за все; извинялся въ томъ, что не могу у него остаться жить.—Дядя, проскрипѣвши полгода, скончался, и я сдѣлался обладателемъ *пятидесяти тысячъ капитала*, продалъ за пять тысячъ домъ и, купивши въ Малороссіи деревеньку Малиновку, навсегда поселился въ ней.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

Бездольный. (Быль.) . . . . . 3.
Синхридъ Синхридовичъ. (Разказъ въ двухъ очеркахъ) . . . . . 39.
Четыре главы изъ моей жизни. Юмористическій расказъ. . . . . 80.

Изданія В. Е. Генкеля, въ С. Петербургѣ.

	Р.	К.
Бальзакъ. Свадебный договоръ. 2 ч.	—	30
Бокъ. Будьте здоровы Попул.-медиц. бесѣды	1.	50.
Брамбеусъ. Вся женская жизнь	—	15.
Братья, будемъ любить другъ друга и трудиться на пользу и славу родной земли. Гравюра	1.	—
Бремеръ. Домашній очагъ 5 ч.	—	60.
Булгаринъ. Побѣда отъ обѣда	—	15.
Бульи. Терпѣніе и трудъ и др.	—	10.
Бутковскій. Деревня,	—	10.
— Половина жизни 2 ч.	—	20.
— Сосѣдка 2 ч.	—	20.
— Четыре любви и др.	—	25.
Бутковъ. Степная идиллія 2 ч.	—	20.
Вальрей. Леонія и др.	—	25.
Васильки. Мал. разсказы для дѣтей. Съ карт., въ перепл.	—	60.
Веронъ. Пять сотъ тысячъ годоваго дохода. 3 ч.	—	30.
Вечера доктора Юстиніани 2 ч.	—	20.
Галерея воспитанниковъ Спб. учебн. заведеній.	—	50.
Ганъ-Ганъ. Клелія Конти 3 ч.	—	30.
Гвоздики. Мал. разсказы для дѣтей. Съ карт., въ перепл.	—	60.
Гельмъ Монографія родильныхъ болѣзней	—	30.
Горскій. Сатирическіе очерки и разсказы. Съ карт.	1.	50.
Губеръ. Сочиненія. 3 тома	2.	—
Данилевскій Изюмскія вечерницы и др.	—	15.
Домъ на утесѣ и др 2 ч.	—	20.
Дюма. А. Кавалеръ де мезонъ ружъ. 5 ч	—	75.
Емельяновъ. Курсъ рисованія орнаментовъ	1.	—
Жадовская Повѣсти	—	25.
Живописный сборникъ замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искуствъ, промышленности и общежитія. 1857 и 1858.	5.	—
Замокъ Эвонъ Англ. романъ 5 ч.	—	60.
Зандъ. Ж. Безутѣшная. 2 ч.	—	30.
Жюльенъ. Рисунки головокъ. 24 листа въ больш. форм	4.	50.
Записки Амишки. Разсказъ для дѣтей. Съ карт.	—	25.
Звѣринецъ. Въ 16 картинахъ съ текстомъ. Въ перепл.	4.	—
Зотовъ. Вл. Коломенская роза 3 ч.	—	40.
Зять. Повѣсть съ франц.	—	10.
Ирвингъ. Графъ фанъ Горнъ, и др.	—	15.
Каменскій. Фультонъ 2 ч.	—	20.
Клуге Опытъ изложенія животн. магнетизма.	—	50.
де Кокъ. II. Бѣдовая женщина, 7 ч	1.	—
Колбасинъ. Въ деревнѣ и въ Петербургѣ, 2 ч.	—	20.
Кольмингъ. Фонарщикъ. 4 ч.	—	50.
Корсини. Счастіе христіанской жизни	—	50.
Кроль. Деревянный домикъ. 2 ч.	—	20.
Кукольникъ. Генералъ Поручикъ Паткуль	—	15.
Курреръ-Бель. Дженни Эйръ 3 ч.	—	60.
Ландыши. Маленькіе разсказы для дѣтей. Съ карт. въ перепл.	—	60.
Левкои. Мал. разсказы для дѣтей. Съ карт., въ перепл.	—	60.
Львовъ Свѣтъ не безъ добрыхъ людей	—	50.
Любовь Эротич. стихотвор. русскихъ поэтовъ	—	50.
Людовикъ, или злость и раскаяніе, съ карт. въ перепл.	—	50.
Марченко Мыльные пузыри 3 ч.	—	50.

Маша Повѣсть соч. А. Д. . . . . — 10.
Михайловъ. Русское гражданск. судопроизводство . . . . . — 75.
Моллеръ. Автобіографія и др. . . . . — 10
— Старьевщикъ и др. . . . . — 10.
— Настя . . . . . — 10.
Москва и ея окрестности. 108 видовъ на 12 листахъ. . . . 1. 50.
де Мюссе. Сынъ Тиціана и др . . . . . — 25.
Надежда В. Ольга . . . . . — 10.
— Семейство Аштонъ, и др. . . . . — 10.
Нарѣжный. Невѣста подъ замкомъ и др. . . . . — 10
Невиль. Горная желѣзная дорога и др. . . . . — 10.
— Мелодіи Капитана Вольфрама. . . . . — 10.
— Эксцентрическія разсказы . . . . . — 10.
Никаноръ. Избранныя слова и рѣчи. 3 т. . . . . 3. —
Обманщикъ. маленькій. и др. нравоуч. разсказы Съ карт. . . — 50.
Оллендорфъ, Руководство къ изуч. англ. языка 2 ч. и ключь 1. 80.
Описаніе Спб. Каѳ. собора во имя св. Исаакія Далматскаго. — 25.
Осада крѣпости. Игра съ 53 кост. фигур. и объяснен. . . . 2. 50.
Памятникъ тысячелѣтія Россіи, откр. въ Новѣгородѣ. . . . . — 15.
Панаевъ. Обручальное кольцо и др . . . . . — 15.
Панаевъ. И. Барыня и др . . . . . — 15.
Песковскій. Обстоятельства и др. . . . . — 25.
Полезное чтеніе для дѣтей. Съ карт, въ перепл. . . . . — 50.
Порошинъ. Дворане благотворители . . . . . — 25.
Приключенія американца на сушѣ и на морѣ 2 ч. . . . . — 20.
Разсказы дѣтямъ, объ ихъ отцахъ и братьяхъ, съ карт. въ перепл. — 50.
Рафаэль Сикстинская мадонна. Гравюра . . . . . 1. —
Роте-фонъ-Реда. Прописи по америк. методѣ. 6 тетр. . . 1. —
С. Цетербургъ и его окрестности. 108 видовъ и планъ . . . 2. —
Семейство г. Вольгельма и другіе разсказы, съ карт. . . . — 50.
Сен-Жерменъ. Благодаря булавкѣ . . . . . — 25.
Скрибъ. Сцены . . . . . — 10.
Снимки съ Иконъ Бож. Мат. Коневской., Бож. мат. Корсунской и Владимірск., Свят. Николая, Препод. Сергія Радонежск., Препод. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ 5 листовъ . . . . . 3. —
Солдаты. Книжка для маленьк. дѣтей съ картинк. . . . . — 30.
Современники. Сборн. литерат. статей русск. писателей 4 тома 2. —
Сѣверное Сіяніе, русскій худож альбомъ, издаваем Вас. Генкелемъ. т. I. и II. 1862 и 1863. въ англ перепл. по . . . 8. —
— 1863 въ 12 выпускахъ . . . . . 6. —
Сюрвиль. Поль Фридри и др. . . . . — 10.
Танъ Фея и др. . . . . — 10.
— Отъ станціи до станціи. . . . . — 10.
Топферъ. Наслѣдство и др . . . . . — 10.
Туръ. Евг. Капризъ . . . . . — 15.
Фанъ Димъ. Александрина 2 ч. . . . . — 20.
Фіалки. Маленьк. разск. для дѣтей. Съ карт. въ пер. . . . . — 60.
Филимоновъ. Русская дѣвушка 2 ч. . . . . — 20.
Фуллертонъ. Двѣ сестры 4 ч. . . . . — 50.
Хмыровъ. Марина Мнишекъ . . . . . — 25.
Цинкке. Ночь на новый годъ и др . . . . . — 15.
— Намурскій красавецъ . . . . . — 15.
Шварцъ-Куртманъ. Руков. къ воспитанію . . . . . 1. —
Шпилевскій. Сѣдая маска и др. . . . . — 10.
Эпизоды морской жизни 2. ч. . . . . — 20.
Ярцова. Мальчикъ и дѣвочка. Съ карт. въ перепл. . . . . — 25.

IAL BOOKBINDING CO.
53
295T 005 A I W 6111

PG3337
G64
S3
1864
v. 1/2

3 6105 001 342 315

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305